

Архимандрит
Григорий (Зумис)

Люди
Церкви,
которых
я знал

Книга игумена афонского монастыря Дохиар архимандрита Григория (Зумиса) написана в традиции патерика. Старец рассказывает о подвижниках — «людях Церкви» — монахах и мирянах, с которыми ему довелось встречаться в детстве, юности, а также за долгие годы своего монашества. Воспоминания известного афонского духовника написаны живым, образным языком, в них много глубоких размышлений о духовной жизни, о путях спасения. Книга несомненно будет интересна и важна для читателей, взывающих Господа.

Художник Дмитрий Аргирис.

Архимандрит Григорий (Зумис) ЛЮДИ ЦЕРКВИ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ

*Тем, кто с жёлтых берегов Архипелага
послал меня в горы Этолии и Эвритании,
на Святую Гору
и в предгорья Вертиска,
с признательностью посвящаю.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не привык выезжать из своего монастыря, так как для меня моя келья — лучшее место отдыха. Впрочем, обязанности иногда вынуждают меня это делать. В один из таких редких выездов я оказался в одной многочисленной монашеской общине. После того как братия гостеприимно встретила меня, мы сели в их небольшом архондарике¹ и стали разговаривать о наших странствиях по необъятному морю монашеской жизни. Мы говорили о морской болезни, штормах, штилях и разных берегах. Я прославил Бога за то, что молодые монахи больше

¹ Архондариком в греческих монастырях называется гостиница (здесь и далее примечания переводчика).

пожилых принимали участие в этом разговоре, в котором совсем не было пустословия: мы говорили о трудностях, связанных с внутренним человеком, диаволом и миром, всячески избегая осуждения. Предметом разговора были наши собственные успехи и неудачи. Один молодой монах упомянул о современном патерике ² одной из зарубежных Православных Церквей, на что другой, из старших в этом братстве, с большим волнением заметил: «Если бы мы обошли наши греческие земли и получше разузнали о собственных мамах и бабушках, папах и дедушках, то и сами смогли бы написать много томов о чудесных событиях и замечательных людях. Такой патерик весьма помог бы миру, особенно если читать его с духом ученичества и смирением».

Этот монах стал для меня вечерним воином, пронзившим копьём моё истстрадавшееся сердце³. К

² Патериками в церковной литературе называются сборники житий и поучений подвижников, как правило, какой-то определённой местности, например, Афонский патерик, Печерский патерик и т. п.

³ «Вечерний воин» — римский солдат, который вечером Великой Пятницы пронзил копьём сердце уже умершего Спасителя (Ин. 19:34).

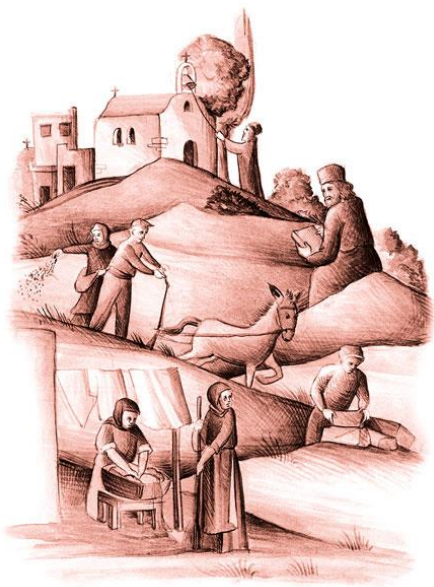
счастью, я с детства любил учиться у людей, знающих не понаслышке о страданиях и угнетениях, а также у тех, кто посвятил свою жизнь служению нашей Святой Церкви. Я слушал, смотрел и всё записывал в своём сердце несмываемыми чернилами; всё это было смешано со слезами и кровью, и потому в моей маленькой головке оставалось священным сокровищем. Я никогда не спрашивал, правда ли то, что я слышал, так как сами рассказчики всякий раз добавляли: «Всё это так и было, сынок».

Я славлю Господа и Его Пресвятую Матерь за то, что моя монашеская жизнь, которую я всегда разделял со своей братией, была полна испытаний. Мы всему учились на собственном опыте, и поэтому как руководитель я не чувствую за собой вины. Нам приходилось жить и на берегу моря, и на равнине, и в горах, а теперь и в предгорьях Афона. Впрочем, свет очей моих уже угасает⁴, и мне хочется записать свои воспоминания. Простите меня, если эта книга окажется утомительной, но если она принесёт вам хоть какую-то пользу, то помолитесь обо мне.

⁴ Ср. Пс. 37:10.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ПОДВИЖНИКОВ

Эвтерпия из Смирны, кандиловжигательница

Эвтерпия была женщиной среднего роста, закалённая работой и трудностями жизни беженцев⁵. Смерть дважды обжигала её: сначала она очень рано потеряла мужа, а позднее и своего единственного ребёнка. Все звали её Эвтерпией-кандиловжигательницей (слова «пономарь» и «церковница» в наших местах не были известны). Такое прозвище она получила от своего основного занятия — возжигания в церкви лампад, хотя на ней лежали и все остальные храмовые обязанности: от чтения и пения на клиросе и уборки до омывания костей покойников при их перенесении из могилы в костницу⁶.

⁵ После того как в 1922 г. греческое население Смирны (современный Измир в Турции) было почти полностью уничтожено турками, уцелевшие беженцы поселились на ближайших островах Архипелага, в том числе и на родине автора — острове Прос, входящем в состав Киклад (группа островов в южной части Эгейского моря).

⁶ В Греции и в монастырях, и в миру по истечении трёх лет после погребения кости почившего принято выкапывать из могилы и, обмыв их, складывать в особом помещении — костнице.

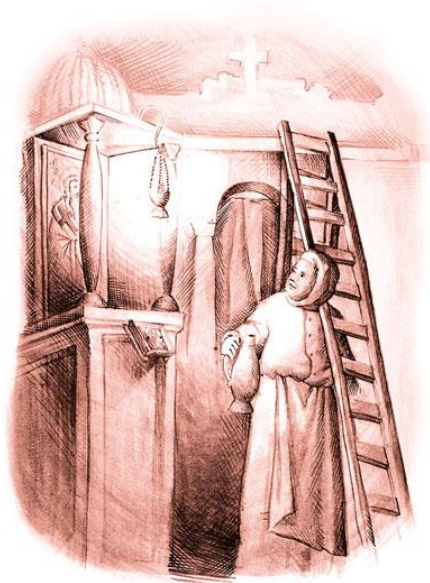
С этой работой Христовой я был хорошо знаком. Она сыграла важную роль в церковном воспитании моей детской души и была для меня удивительной по многим причинам: у неё была мужественная душа, она не знала, что такое страх, робость и лень. Практически всё своё время она проводила в церковной ризнице, которая примыкала к кладбищу; там её можно было найти в течение всего дня, а зачастую и ночью.

У неё был «сплетник», как у нас на острове называют ткацкий станок, на котором она ткала ткань из шерсти и ковровые дорожки, продажа которых давала ей средства к жизни. Кроме того, она делала церковные свечи, а обрезки виноградной лозы пережигала на уголь, который толкла в бронзовой ступке, чтобы сделать угольный порошок для каждения. Она зажигала неугасимые лампы, в полдень двенадцать раз ударяла в колокол и всегда была готова помочь каждому, кто заходил в храм и искал совета или доброго слова.

На все службы она приходила первой. Читала и пела она так правильно и красиво, будто специально этому училась. То, как она пела песнопения литургии преждеосвященных Даров «Да исправится молитва моя» и «Ныне Силы небесные», навсегда осталось в моём сердце. Она

пела и прислуживала спокойно, не суетясь, как будто была Ангелом. Антидор она разрезала с таким благоговением, словно сама была священником и совершала проскомидию.

В какую бы часовню ни отправлялся наш священник служить литургию, она всегда его сопровождала. Это была прекрасная картина: священник на одном ослике, а Эвтерпия на другом на фоне утренней зари едут по тропинке к какой-нибудь из бесчисленных церквушек острова. К Эвтерпии отец Константин относился как к маме, и считал её лучшей помощницей за скромность и хороший характер. Такой сотрудник для священника — большая редкость. Всегда немногословная, она никогда не опускалась до обычной женской болтовни и пустословия. Она никогда не поддавалась злоречию, что часто случается со многими храмовыми служителями. Эвтерпия была очень тактична и часто поддерживала священника в трудные минуты: «Батюшка, Бог всё знает и Сам за нас заступится».

Во время каждого перенесения костей умерших она сама их омывала. Во время омовения черепа казалось, будто она с ним разговаривает. Её отношение к почившим было таким непосредственным, что казалось, будто смерть их не разлучила. Мы боялись ходить мимо кладбища, а для неё оно было, как сад, в котором она отдыхала.

Наедине она ежедневно читала по три кафизмы из Псалтири, как это делают в

монастырях⁷. Я рассказал об этом своим монахам, но им это показалось чем-то чрезмерным. Как-то раз во время нашей поездки на мой родной остров мы проходили мимо её дома. Ей тогда было уже больше ста лет. Было утро.

— Ты до сих пор исполняешь своё правило? — спросил я её.

И она показала мне кафизму дня, которую она в то время читала.

Она очень любила детей и не была такой странной старухой, которой мешают детские крики и игры. Когда от наших игр и забав на церковном дворе становилось слишком шумно, то она, словно была нашей бабушкой, умела очень быстро нас успокоить. Я думаю, что она была учительницей благочестия как для детей, так и для взрослых.

Никогда не забуду огромную стремянку, которую она на своих плечах переносила по храму, чтобы поправить или зажечь многочисленные лампы (в то время там ещё не было электрического освещения).

⁷ По церковному уставу, во время богослужения каждый день прочитываются три кафизмы (кафизма — одна из 20-ти примерно равных частей, на которые разделена Псалтирь): две на утрени и одна на вечерне. В Греции этот устав соблюдается только в монастырях.

Не думаю, что Бог даст нашему селу ещё одну такую служительницу из-за того, что мы должным образом не ценили её как Его дар.

Да покоится она вечно в Церкви первенцев!⁸

Дядя Янис Папзоглу, грамматик⁹

Он, как и Эвтерпия, был родом из славной Смирны, этого прекрасного города на берегу Эгейского моря, крепости эллинизма в годы мрачного рабства¹⁰. Дядя Янис был высокого роста и довольно красивым, несмотря на почтенный возраст и перенесённые лишения и трудности. Довольно рано он потерял все зубы, а бедность не позволяла ему вставить искусственные. В нём сохранялись многие черты его славного происхождения: он был учтив, дружелюбен,

⁸ Ср. Евр. 12:23.

⁹ Грамматиком в то время греки называли человека, получившего хоть какое-то образование, умевшего читать и писать. Часто этим словом называли учителей начальных классов.

¹⁰ Имеются в виду долгие века турецкого владычества в Малой Азии после падения Константинополя в 1453 г.

жизнерадостен и вежлив, как и подобает образованному человеку из Смирны. Он учился в Евангельской школе Смирны¹¹, немного знал музыку, но лучше всего разбирался в богослужебном уставе. Он не был рукоположен в священный сан, так как имел к этому какое-то каноническое препятствие. Он считал, что соблюдение церковных канонов является необходимым условием спасения. «Каноны для Церкви — как позвоночник для тела», — часто говорил он мне.

В течение многих лет он был незаметным уставщиком в нашем храме. Своими знаниями устава он оказывал большую помощь отцу Константину в правильном совершении сложных праздничных служб: чина воздвижения Креста, великого водосвятия, Похвал Великой Субботы, пасхальной всенощной и крестных ходов. Я могу похвастаться тем, что в нашем маленьком селе благодаря дяде Янису службы совершались, как в кафедральном соборе Смирны.

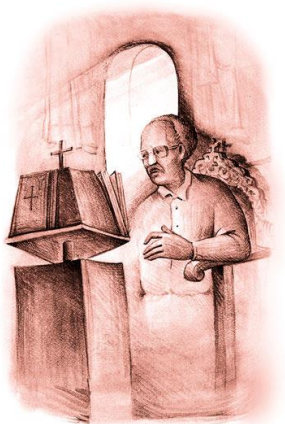
Дядя Янис думал даже о том, чтобы цвет священнических облачений соответствовал содержанию праздника. Но, конечно, у нашего

¹¹ Знаменитая школа, в которой было также богословское отделение. Некогда в ней учился преп. Никодим Святогорец.

бедного батюшки не всегда были облачения нужного цвета.

Пока уставщиком у нас был дядя Янис, богослужения всегда проходили традиционно и праздники были торжественны, так как он избегал европейских влияний, которых на нашем острове было много. И всё это в то время, когда не издавались ни Диптихи ¹², ни ежегодные богослужебные указания. Он читал Псалтирь без ошибок и, хоть и не обладал мелодичным голосом, пел правильно, и это в ту эпоху, когда безграмотность была обычной для всех островных общин. И если на соседнем острове певчий пел: «Ангильский сабор удивися, зря Цибе...», — то у нас и пение, и чтение благодаря дяде Янису было правильным.

¹² В Диптихах, которые теперь издаются в Греции, содержатся сведения о епископате всех Православных Церквей, а также приводятся уставные указания по совершению богослужения.

Никогда не забуду о том благоговении, которое распространялось на всех присутствующих в храме, когда он читал Шестопсалмие. Он весь, и сердцем, и душой, отдавался чтению этих святых псалмов и делал это с сокрушением. Наедине он, подобно Эвтерпии, читал по три кафизмы ежедневно, как это принято в монастырях.

Многие задавали мне вопрос: «Отчего же эти люди не стали монахами?» Думаю, оттого, что они полностью посвятили себя приходскому служению и богослужебная жизнь прихода наполняла смыслом и их собственную жизнь. Они считали, что Сам Бог определил их к этому служению, что Он их поставил поддерживать горящими лампады в храме и неумолкающую Псалтирь в ежедневном

богослужении. Приход был для них всем. Если бы они его лишились, то, наверное, не смогли бы жить. Так как они пережили закрытие и разрушение церквей в их потерянной родине, то эту горечь они старались преодолеть постоянным служением на приходе. Они не были людьми с начальным или средним образованием, которое было у нас совершенно неизвестно, но людьми, получившими образование благодаря постоянному участию в богослужении и чтению житий святых. Проповеди в то время были редкостью, но о поклонении Святой Троице постоянно проповедовала Псалтирь, мрак из сердец прогонял свет неугасимых лампад, а каждение наполняло благоуханием сердца, осквернённые зловонием греха.

Мы до сих пор признательны этим многострадальным людям, которые своим пением и чтением давали нашим сердцам ощущение праздника на каждое Рождество и Пасху.

Ксанфа с Проса, учительница благочестия

— Бабушка, куда это ты так нарядилась?

— Я иду, дитя моё, к госпоже Ксанфе, чтобы послушать слово Божие. Душа без слова Божия становится как иссохшая земля, на которой не растёт трава, и как мёртвое море, в котором нет

рыбы.

С трудом шагая, постукивая палочкой, спускалась она по каменной лестнице и потихоньку шла к дому Ксанфы.

Госпожа Ксанфа была настолько болезненной, что её никто никогда не видел идущей по дороге, кроме тех случаев, когда она шла в церковь. Целыми днями читала она церковные книги и журналы. Эта женщина полностью соответствовала словам Давида: «Буду вникать в Закон Твой и днём, и ночью»¹³. Рядом с ней мог жить только тот, кто желал слушать слово Божие. Она никогда не говорила о своих собственных делах, но лишь о том, что прочла. Когда бы ты ни пришёл, она всегда говорила тебе что-нибудь новое. Она не была старухой, болтовня которой утомляет, которая постоянно говорит об одном и том же. Советы её были рассудительны, и ты слышал от неё именно то, чего искал, словно у неё было высшее образование. Не удивительно, что соседи называли её святой, и не с иронией, как они это делали по отношению к другим, а в буквальном смысле.

¹³ Ср. Пс. 1:2.

Она скончалась, глядя на икону Жениха Христа и говоря: «Чертог Твой вижду...»¹⁴, — а в конце добавила: «Господи, прими дух мой», — после чего закрыла глаза, чтобы открыть их снова в немеркнущем свете Царства Божия. Все окружавшие её сетовали: «Потеряли мы нашу учительницу, нашу утешительницу».

Да будет вечной память о ней!

¹⁴ Песнопение утрени первых четырёх дней Страстной Седмицы. Его перевод на русский язык: «Я вижу, что Твой брачный чертог уже украшен, Спаситель мой, но нет у меня одежды, чтобы войти в него. Просвети одеяние души моей, Податель света, и спаси меня».

Лени из Египта

Ленио родилась и выросла в Александрии, знаменитом египетском городе, в семье греков, но на нашем острове к имени обычно добавляют место происхождения, чтобы не путать людей с одинаковыми именами (например, Янис Сельский, который родился на этом же острове, но в селе Аэтокефалос). Посещение храмов греческой Александрии дало ей настоящее христианское воспитание, у неё была прекрасная душа и деликатное обхождение. Она была красива, как арабские девушки Египта, и аристократична, как служанка фараона.

Ей посчастливилось встретить дядю Антония, который был самым добрым из жителей нашего острова. Он работал в одной александрийской пекарне. Как-то раз, пойдя за хлебом, Ленио познакомилась с этим уроженцем Пароса. Она быстро привязалась к нему, но ей трудно было примириться с необходимостью оставить ради него свой большой город и провести всю свою жизнь на каком-то Паросе — бесплодном острове в Эгейском море. Чтобы завлечь её туда, Антоний рассказывал ей о садах и померанцевых деревьях, которые будто бы росли в его имении, доставшемся ему от отца по наследству. В конце концов она согласилась выйти замуж за Антония и переехать с ним на Парос. Так

Ленио покинула свой прекрасный родной город, чтобы никогда уже туда не вернуться. Остров оказался вовсе не таким чудесным, как она ожидала. Когда дядя Антоний привёз её в местность Ставрос, где находился его дом и хозяйство, то Ленио стала искать сады и парки, о которых он ей рассказывал.

— Где же, муженёк, твои лимонные и апельсиновые деревья?! Да здесь одни кусты да колючки! Где сады?! Здесь нет даже воды для питья!

Впрочем, несмотря на трудности, бедность и нищету, она была верной женой Антонию и любящей матерью детям, которых дал им Бог. Её глубокая вера давала ей силы плыть по морю жизни без уныния и ропота. Она всегда славилла Бога и ежедневно молилась Честному Кресту ¹⁵, храм

¹⁵ Необходимо уточнить, что все молитвенные обращения к Честному Кресту, распространённые в православном богослужении, являются риторическим приёмом опосредованного обращения ко Христу, Который был на нём распят. Само древо Креста, конечно же, не является личностью и, восхваляя его, мы на самом деле восхваляем Христа. Такой приём, не свойственный славянским культурам, был очень распространён в античное время, его мы находим и в Священном Писании. Например, женщина, пожелавшая прославить Христа, назвала счастливой утробу, которая Его выносила, и грудь, которой Он питался (Лк.

которого находился чуть ли не у неё во дворе.

Двое человек, которые часто бывали в тех местах, видели, как каждый полдень Ленио выбегала из своего дома с кацеёй¹⁶ в руке и кадила воздух с такой скоростью, что казалось, будто она летала. Дойдя до какого-то развалившегося строения, она останавливалась, делала поклон и возвращалась обратно. Дедушка Дамаскин, часто видевший это, однажды набрался смелости и спросил у неё:

— Зачем ты кадишь набегу и кланяешься этим

11:27).

¹⁶ Кацея — кадильница с ручкой, а не на цепочках. У христиан Греции весьма распространён обычай самим ежедневно кадить в своих домах.

развалинам?

— А ты что, действительно не видишь, чему я кажу и чему кланяюсь?

— Нет, дорогая госпожа Ленио, ничего не вижу; вижу только то, что ты кажешься сумасшедшей.

— Дорогой мой Дамаскин, я кажу святому Георгию. Каждый полдень он приходит ко мне домой, я кладу в кацею ладан и провожаю его до того места, где ты меня видишь, и там он исчезает. Может быть, ты знаешь, что это было за строение?

— Старые люди говорили, Ленио, что это была церковь святого Георгия. Думаю, твоё видение истинно. Хотел бы и я его увидеть, но мои грехи не дают мне видеть чудеса Божии.

Тётя Мина, занимавшаяся монахами больше, чем собственной скотиной

Когда пишешь о своих близких, то перо становится тяжелее лопаты и лома, потому что от любви к ним сердце начинает биться чаще. Но было бы несправедливым не написать о тёте Мине, о той, которая столько сделала для нашего братства, которая все свои силы отдала монастырю и свою любимую дочь Анну посвятила служению монахам.

Якобина Малатста родилась в 1890-х годах в селе Нуса на Паросе от Михаила Фрнко и его жены

Стаматы, которая была родом с Крита. Отец капитана Михаила, которого звали Франциск и от которого тот научился благочестию, был родом из Эноса, города на берегу Геллеспонта неподалёку от Константинополя, этого великого оплота Православия, а Гаруфальй, его мать, происходила из известного малоазийского города Айвали, хотя и родилась на Паросе. Михаил хорошо знал порядок праздников и особенно дни, в которые нельзя было работать, а также даты постов и сплошных седмиц. Кончина его совпала с датой, в которую святые мученики Севастийские спасли его детей и корабль от верной гибели.

Бабушка Стамата, которую современники называли святой Стаматой, выросла в селе Камрэс на Паросе, напротив монастыря Лонговарда, и была воспитана словами и примером преподобных старцев. Воспринятое ею она сохранила до самой смерти. Утром в день её смерти дочь спросила у неё:

— Хочешь, мама, я принесу тебе молока?

А та спрашивает в ответ:

— Доченька, а какой сегодня день?

Та отвечает:

— Пятница.

А бабушка ей:

— Да ещё и Успенский пост. Знаешь, доченька, такого греха я во всю свою жизнь не

совершала. Свари-ка лучше кофе.

В четыре часа пополудни она отошла ко Господу, так ни разу и не нарушив поста.

Госпожа Якобина, имя которой в произношении соседей превратилось в Мину, была воспитана благочестивыми родителями и, что было естественным, следовала своим святым семейным традициям. Также и муж её, Манолис Малатестас, происходил из религиозной семьи: его братья до самой своей смерти служили монастырю Лонговарда¹⁷ в его имении на острове Сирос. Таким образом, госпожа Мина была «нагружена» святыми преданиями и от родителей, и от своего мужа.

Она жила жизнью Церкви, и поэтому её домашняя церковь всегда была живой. Когда я с ней познакомился, ей было около шестидесяти лет; по утрам она читала утреню, а по вечерам повечерие, и более сорока лет молилась по чёткам. Она читала Акафист¹⁸, любила петь молебные

¹⁷ Древний монастырь на острове Парос. О нём речь будет идти дальше.

¹⁸ До последнего времени греки употребляли лишь один Акафист — Богородице (с припевом «Радуйся, Невесто невестная»), по образцу которого написаны все другие акафисты. Многие читают его ежедневно и часто знают

каноны Богородице и святым, делая это с таким вниманием, как будто ей предстояло дать об этом отчёт Самому Богу. Она при каждой возможности ходила в церковь и жила по-монашески. На Паросе духовником у неё был отец Филофей Зервакос¹⁹, а в Афинах — покойный отец Иероним, живший на Вознесенском подворье монастыря Симонопетра. Как и весь род Франко, она предпочитала старый стиль, но без крайностей²⁰. Например, когда она была с нами в новостильных монастырях Миртии и Пруса, то без всякого страха за своё спасение жила со всеми по новому стилю.

Она неохотно выходила из своего дома и не

наизусть.

¹⁹ Старец Филофей Зервакос (1884–1980 гг.) — один из самых почитаемых в Греции современных старцев. Много лет жил в монастыре Лонговарда на Паросе, где и скончался. Недавно был причислен к лику святых.

²⁰ В начале XX в. большинство Поместных Церквей, в том числе и Константинопольская с Элладской, перешли на новый стиль (пасхалия при этом осталась прежней). У греков это вызвало церковный раскол, который не уврачёван до сих пор. Крайние старостильники утверждают, что новостильные Церкви, как отступившие от святоотеческого предания, лишены благодати, и потому таинства их недействительны.

приближалась к чужим дверям, что для женщины было подвигом. Она, как и её мать, казалась монахиней. Она очень любила монашескую жизнь и удивлялась ей, но по моей невнимательности так и не была пострижена в монашество, которого так желала. Она была хорошей послушницей с беспредельной преданностью. Ей ничего не было нужно, кроме моего позволения служить нам. Из её уст не было слышно «хочу», и, что ещё важнее, у неё не было обычной женской философии: «Я слышала, мне сказали, я видела, я себе представила и вот, рассказываю». Ей можно было довериться и поделиться своим горем. Она не вмешивалась в чужие дела и во всём оказывала послушание — основную обязанность монаха, добродетель, угодную Христу.

В те годы одна смиренная монахиня прислуживала сварливому и вспыльчивому пожилому монаху, который часто выгонял её из небольшого монастыря Живоносного Источника. В таких случаях она приходила к тётке, которая, ни одним словом не осуждая монаха, принимала её, помогала нести крест и, пока монах снова не звал её обратно в монастырь, наставляла евангельским словом: «Не говори ничего худого о старце, потому что он служит божественному жертвеннику и носит ключ от рая и для меня, и для тебя».

Три больших креста пришлось мне принять в

начале моего монашеского пути, тяжесть которых могла перевернуть всю мою жизнь и могла сказаться на моей братии. Тётя стояла возле нас, как нерушимая башня, помогая нам неуклонно следовать монашеским путём.

Первым серьёзным и до сих пор не окончившимся искушением стал сахарный диабет — проклятая болезнь, которая и сейчас не даёт жить не только мне, но и тем, кто меня окружает. Тётя стала для меня матерью и даже больше, чем мать. Когда моя мама умирала, то, словно предвидя мои будущие трудности, попросила тётю присматривать за мною. Тётя Мина ободряла меня не только нравственно, говоря вещи, в которые сама, может быть, и не верила (что диабетик может оказаться полезным для других людей), но и материально поддерживала меня, нищего монаха. Еду всегда готовила она. Как прилежная домохозяйка (каковой она и являлась), она всё готовила очень старательно, чтобы доставить мне удовольствие. Хозяйство её было таким большим, что она буквально заваливала стол различными яствами. Всё её служение было проникнуто бесконечной любовью и тактом, так что для всех она была одновременно и мамой, и достопочтенной хозяйкой. Она была очень жертвенным человеком. Живя у нас в Миртийском монастыре, она ожидала полудня, когда у нас было немного времени для

отдыха, и тайком выходила на поля собирать для меня травы²¹, чтобы я не бранил её за то, что она, вопреки запрету врачей, наклоняется.

Вторым искушением стало моё удаление со святого острова Патмос — места моего пострига и земли моих отцов. Суровость и грубость монахинь, моих сестёр во Христе, подвергли мою душу страшному испытанию: я испытал жестокое гонение от тех, кого считал образцом монашеской жизни. Где было остановиться мне, нищему и молодому монаху, вместе с моими братьями? Повсюду одно презрение. На острове я видел лишь спины отвернувшихся от нас людей и ни одного лица. За короткое время для всех я стал чужим, никто не хотел знаться со мною, кроме одного лишь дьявола, который продолжал вести против меня войну. Игумен Феодорит, якобы желая помочь нам остаться на острове, поднял о нас вопрос на духовном соборе монастыря. Глава собора поднялся со своего места с заявлением, что если тот ещё раз заговорит об этом, то он покинет собрание (впоследствии нелицеприятный Судия воздал ему за это). Так, отовсюду гонимые, пришли мы к тётке Мине. Свой дом она сделала нашим, чтобы мы не оказались на улице. Довольно долго мы жили и

²¹ В Греции некоторые виды трав употребляются в пищу.

переезжали на её средства. Она не дала нам впасть в отчаяние и другие смертоносные крайности.

Третьим искушением стало гонение, воздвигнутое на нас Феоклитом, митрополитом Этолоакарнании²². Прибежищем для нас снова стала тётя Мина. Она всегда была для нас утешением в гонениях, а её доброе слово — лекарством для души. Она никого не осуждала, не искала виноватых, советовала держаться святого терпения и прощения как величайших добродетелей, которыми отличались святые.

Она последовала за нами до Пруса и оставалась рядом даже в самые суровые зимы. Ради нас она в летние месяцы жертвовала своим любимым Паросом, чтобы помогать в приёме многочисленных паломников. Для многих монахов она была помощницей в подвигах. Она принимала у себя юношей и девушек, у которых были трудности с родителями из-за желания принять монашество. Никогда не была она праздной, руки её всегда были чем-то заняты, чтобы помочь пострадавшему от равнодушия монастырских властей.

Наконец, уже в монастыре, началось её последнее тяжкое испытание: болезнь, поразившая систему кровообращения, от которой она стала

²² Область в Центральной Греции.

постепенно угасать. Перед смертью она исповедалась за всю свою жизнь, причастилась и спустя несколько дней отошла в вечность.

Да будет она всегда блаженной в селениях святых!

Пандазис из Фессалии, настоящий врач

Я всегда стараюсь идти по следам своего старца, как невидимым, так и зримым. У него был свой врач — Пандазис Ванакарис, и он же стал врачом и для меня с моими многочисленными недугами, и для моих послушников. Он был первым человеком, который объяснил мне разницу между лечением и исцелением: «Исцеление подаёт один лишь Бог, а мы, врачи, с помощью Его же силы только лечим, и то не всегда правильно».

Он родился в 1900 году (и был ровесником моей мамы, потому я и помню год его рождения) на Фессалийской равнине и всегда гордился своим происхождением от земледельцев. В Волосе он окончил гимназию. Его духовником в юношеские годы был иерокирикс²³ Иосиф, о котором он потом

²³ Иерокирикс (священнопроповедник) — священник, обладающий даром красноречия, который получил от своего епископа послушание проповедовать на службах в различных приходах его епархии.

с благодарностью вспоминал: «Я многим обязан этому человеку: он помог мне пройти через молодые годы «невлажными стопами»²⁴».

Медицину он изучал в Афинском университете. Тогда он был членом единственной греческой духовной организации того времени — братства «Зои»²⁵. Он говорил: «Я закончил

²⁴ Цитата из ирмоса 1-й песни воскресного канона 4-го гласа: «Моря чермную пучину невлажными стопами древний пешешествовав Изриль...» («Через пучину Красного моря пройдя, не замочив ног, древний Израиль...»).

²⁵ В 1907 г. иеромонахом Евсевием Матфопулосом было основано братство богословов «Зои» («Жизнь»). Оно было организовано по монастырскому образцу и его члены были обязаны исполнять три монашеских обета: девства, послушания и нестяжания. Основной задачей братства было продолжение дела колливадов (монашеское движение на Афоне середины XVIII — начала XIX в. во главе с преподобными Никодимом Святогорцем и Афанасием Парийским): возрождение здоровой церковной жизни, особенно в том, что касается Причащения, и изучение Св. Писания. Почти с самого начала своего существования братство стало подвергаться различным нареканиям, зачастую несправедливым, в том числе и от священноначалия Элладской Церкви, но, несмотря ни на что, продолжало свою деятельность. Начиная с 1926 г. оно организует катехизические школы, в одной из которых учился и герой этого рассказа. Первым председателем братства был его

одновременно два университета: один — медицинский факультет, а другой — школу «Зои». Ни разу не пожалел я о своём вступлении туда, но, напротив, хваюсь этим, как ничем другим. Там я познакомился с людьми, выдающимися в отношении знаний и нравственности. Я общался с замечательными людьми, чьи сердца были полны решимости и любви ко Христу. Подвижники обычно жили в пустынях, но и в этом месте было много мудрых и разумных мужей. Польза, которую они принесли Церкви, гораздо больше допущенных ими ошибок. Их слова я помню совершенно точно и до сего дня пользуюсь ими как спасительными изречениями».

У него была потрясающая память, которая сохранялась вплоть до глубокой старости, и

основатель иеромонах Евсевий, а после его ухода с поста в 1929 г. им стал архимандрит Серафим Папакостас, после смерти которого некоторые члены братства в 1960 г. покинули его и организовали новое братство богословов «Сотир» («Спаситель»). Оба братства существуют и сейчас. Среди наиболее известных членов братства «Зои» можно назвать нынешнего председателя Албанской Церкви архиеп. Анастасия, профессоров Панайотиса Трембеласа и Христоса Яннараса (во время разделения 1960 г. покинул братство). За 100 лет своего существования оно оказало большое влияние как на церковный народ, так и на духовенство Элладской Церкви.

причину которой он видел в чистоте своей жизни. Действительно, нравственная чистота сохраняет ум чистым, как хрустальная чаша.

Человеком, о котором у него всегда сохранялись живые воспоминания, был отец Евсевий. Пандазис говорил о нём: «Его кротость была лекарством для души. Когда он служил литургию, то это было живым общением со святыми. В конце своей жизни он для молодых священников братства совершил одну «показательную» литургию, как мы сказали бы сегодня. Эта длинная литургия прошла на одном дыхании и с тех пор никогда не прекращается внутри меня. Слово его было мягким, а характер невозмутимым, о каких бы трагических событиях ему ни говорили. Когда он давал совет, казалось, что тобой распоряжается не отец Евсевий, а Сам Бог. Когда он ушёл с поста председателя братства и его место занял отец Серафим, то во время трапезы он сел на второе место и стал уговаривать отца Серафима произнести благословение над пищей. Отец Серафим отказывался, но старец настаивал: «Так нужно делать не ради почтительности или из благородства, но ради порядка, который мы должны соблюдать»».

Сильная личность отца Серафима и его организаторские способности оставили глубокий след в сердце Пандазиса, хотя он и пострадал от его

поспешного решения, о чём будет сказано ниже.

Несмотря на то что Пандазис жил среди знаменитых людей и общался с ними, он никогда не умничал. Дух ученичества оставался у него до самой смерти. Даже меня, тогда ещё юношу, он слушал с таким вниманием, что мне бывало стыдно. Однажды, когда мы обедали в его доме, он вспоминал о прошлом, и мы много и хорошо говорили о любви Божией, Который самыми различными способами старается спасти нас от греха. Я тогда сказал, что бывают грехи, которых человек не чувствует и потому не осознаёт. Это могут быть проявления жестокости, скрытого эгоизма, самоуверенности, похвальбы, приближающие нас к состоянию евангельского фарисея («я не такой, как другие») ²⁶. В таких случаях Бог попускает испытания, чтобы привести нас к осознанию этих грехов и принять нас, уже очищенных, в Своё Царство. Но Пандазис никак не мог этого принять:

«Каждый из нас видит свои страсти, — говорил он, — кроме тех случаев, когда мы сами от себя их скрываем».

В этом разногласии и закончился наш обед. Я пошёл к себе, а он в больницу, чтобы осмотреть

²⁶ Лк. 18:9-14.

больного. Выходя из палаты (а коридор был забит носилками, к тому же, в этой больнице не было широких коридоров) и пытаясь перескочить от перил к перилам, он нечаянно опрокинул цветочный горшок на голову медбрата, который перевозил коляску этажом ниже, и оставил его потерявшим сознание. Сгорая от стыда, он вышел наружу, сел на ступеньки больницы и горько заплакал. Он стал думать: «Сегодня в полдень я хвалился тем, что никогда не позволял себе делать или предлагать аборт. Хвалился тем, что стоял рядом с больным до конца. Вот и ответ на сегодняшний разговор. Ах, отче, как же ты был прав!» И тогда он сказал себе: «Нет, пойду и признаюсь в своей ошибке, в своей невнимательности».

— Я врач. Это я уронил горшок. Как парень? Он пришёл в себя?

— Да.

Он подошёл к нему.

— Сынок, прости меня. Это я нечаянно уронил горшок.

Потом он говорил мне: «Да, дорогой мой отец, этот горшок смирил меня. И я очень дорого заплатил за него и душевными страданиями, и деньгами».

Его специализация (он был гинекологом) для человека, посвятившего себя Богу, была опасной,

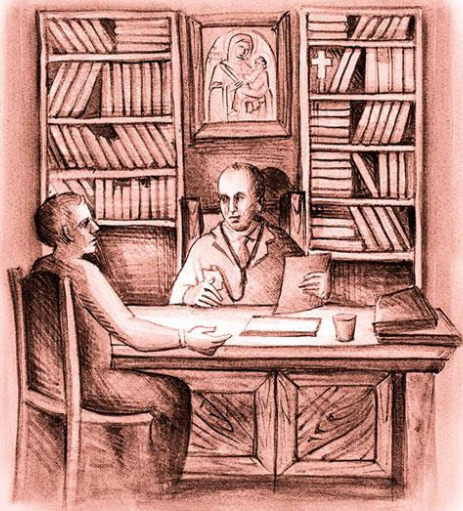
как хождение по канату. К несчастью, по одному недоразумению он был исключён из братства. Строгий отец Серафим не захотел ничего слушать и, не разобравшись, решил его изгнать. По прошествии года ошибка обнаружилась. Отец Серафим просил прощения, умолял его вернуться, но было слишком поздно.

Пандазис рассказывал: «Я оказался на улице без ничего. Открыл больницу на улице Веранзэру, но никто из больных не хотел иметь дела с проклятым врачом. Первое, о чём я подумал, было уйти в монастырь. Но я видел, что мне для этого не хватит сил. К тому же, я никого там не знал. Меня познакомили с одной девушкой, и в этом я увидел указание Божие к вступлению в брак. Благой Бог подарил нам трёх детей. Я приложил все усилия, чтобы дать им хорошее физическое и духовное воспитание, а прежде всего — Христа. Достиг ли я этого, Бог знает. Когда у нас с женой перестали рождаться дети, я позвал столяра, и он из нашей кровати сделал две. С тех пор мы спим отдельно. «Жена, — сказал я ей, — твоя утроба уже не может рождать детей. Пускай она теперь остаётся в покое, исполняя свою вторую функцию». Детям я говорил: «Любимые мои дети, блуд не является телесной необходимостью, это лишь похоть. А телесной необходимости Создатель дал выход в браке»».

Тут он остановился и, скрестив руки, смотрел

на небо...

В Афинах он стал известным семейным врачом. Больных в свою больницу он всегда принимал с радостью и приветствиями. Он спрашивал у них об их семьях, а потом говорил с ними о Боге, и слова его были прекрасны, потому что он говорил из собственного опыта. В книжном шкафу за его спиной святоотеческих книг было больше, чем книг по медицине. Если он не понимал чего-либо в прочитанном, то не стеснялся спрашивать. Он всегда говорил о вредном влиянии греха на человеческое тело.

Как медик он был исследователем. Он сидел рядом с больными, относясь к ним очень серьёзно и с любовью. Если он должен был сообщить им что-то неприятное, то делал это настолько тактично, что даже самая тяжёлая болезнь казалась игрушкой. «Господь нас посетил», — говорил он. Он ободрял больного и всегда заканчивал лечение словами: «Вот, ты выздоровел. Смотри, больше не гречи»²⁷. Свои рецепты он писал таким красивым почерком, что фармацевты в аптеках брали их в рамку. Он провожал больных до выхода, сам вызывал лифт, заводил их в него и сопровождал их, как будто они были его детьми. Любезность Пандазиса по отношению к больным в его больнице останется, наверное, непревзойдённой в истории медицины.

Однажды его позвали к одной старушке. Она была при смерти. Он прикоснулся к её холодным ногам.

— Мария, немного терпения, и ты отправишься на Небо.

Мария, монахиня из замужних, открыла свои глаза, в которых была радость, посмотрела на врача и тихо отошла...

Больных он любил и никогда не спешил

²⁷ Ин. 5:14.

уходить от них. Если у него были сомнения по поводу того, что он видел, то мог часами сидеть у кровати, пока не удостоверится в диагнозе. Возле меня он просидел как-то три часа.

Я спросил его, не назначал ли он, по своей специальности, кому-либо аборт.

— Никогда, никогда! При тяжёлых беременностях и я, и беременная после многих молитв находили выход, и при этом никогда не бывало каких-либо неудач.

Практикующим врачом он был до восьмидесяти, а может и до восьмидесяти пяти лет, всегда оставаясь бодрым и относясь к больным с любовью. Когда он хотел сказать больному о смерти, то рассказывал ему о том, что ожидает душу за гробом. Даже его манера говорить напоминала Божественную литургию. Он относился к больному как к родственнику, чтобы он с радостью принял переход от земли к небу.

Пандазис был среднего роста. Воздержанием в еде он сохранял своё тело свежим и полным бодрости, а его голос до самого конца был таким сильным, что от него, образно говоря, ужасался ад и отдавал мёртвых²⁸.

Когда он оставил занятия медициной, я сказал

²⁸ Ср. Мф. 27:50–52.

ему:

— Чем ты теперь займёшься?

— Теперь, когда у меня есть бензопила для усадьбы, ты спрашиваешь, чем я займусь?

Каждое воскресенье старичок Пандазис вместе с кардиологом Перидисом ходили в хоспис, где помогали служить литургию: Пандазис пономарил, а Перидис пел. Потом, неся перед собой свечу, он вместе со священником обходил палаты, чтобы посредством Святых Даров преподать умирающим Христа.

Любовь ко Христу была у Пандазиса глубокой и сильной, а память о его благоговении навсегда осталась в моём сердце. Я видел его проявления в самых разных обстоятельствах. Когда он подходил к причастию, то весь был как огонь, как пожар, весь горел желанием соединиться со Христом. Он так раскрывал свои уста, как будто хотел принять внутрь всё: и Христа, и лжицу, и святую Чашу, а заодно и руку священника! То, как он брал плат²⁹, оставляло в сердце глубокое чувство сознания им

²⁹ В практике некоторых Поместных Церквей священник, вынося Святые Дары, рукой, которой держит Чашу, держит также и край плата для отирания уст, а люди, подходя к причастию, сами берут его за другой край и, причастившись, отирают себе уста и осторожно передают его следующему причастнику.

своего недостойнства и греховности: «К Богу приближаюсь, Бога принимаю, Христос в моём сердце, да не опалюсь! Обожи меня, как Сам ведаешь, Господи».

Другой случай: когда в 1978 году мы готовились к празднованию Пасхи, то поселили его в келье епископа.

— Отче, а кого Вы обычно здесь селите?

— Епископа, когда он приезжает.

— Вы хотите, чтобы я лёг спать на постели епископа? Исключено! Я, не достойный неба и земли, пришёл в монастырь за благословением, а не за проклятием.

В конце концов мы заменили постель, чтобы уложить врача, изгладившего в себе всякий след рационализма, насаждаемого наукой в человеческом сердце.

В одну Великую Субботу мы получили настоящее удовольствие от того, как он читал Деяния апостолов. Он дал нам хороший урок того, как следует читать эту святую книгу. Его манера чтения поразила нас в самое сердце, так что мы отпраздновали Пасху ещё до её наступления. У нас было чувство, как перед чтением Евангелия: мы знаем, когда оно начнётся, но не знаем, когда закончится. Так и Божественная литургия: мы знаем, во сколько она начинается, но не знаем, во сколько закончится. Так бывает и со всем, что

касается нашего спасения. Даже само совершенство преподобный Иоанн Лествичник называет не имеющим конца³⁰. Мусульмане раньше не хотели печатать Коран в типографии, предпочитая переписывать его от руки (потому книгопечатание в Турцию и пришло так поздно). Так и я, с тех пор как услышал чтение врача, боюсь услышать чтение Евангелия устами человека с равнодушным сердцем и не умеющего читать.

С носящих рясу он никогда не брал денег, считая святотатством наживаться на тружениках благовестия.

— Даже когда приходит ко мне на осмотр какое-нибудь духовное лицо и я прикасаюсь к его телу, то считаю это для себя великим благословением. «Если только прикоснусь к одежде Его, спасусь»³¹.

Вот уже целое столетие он громко взывает к нам: «Христос есть жизнь и свет миру!» Раньше он говорил об этом в своей больнице, а теперь и из могилы.

³⁰ В греч. игра слов, образованных от одного корня: (бесконечное совершенство).

³¹ Мф. 9:21.

Ставрала из Атталы на острове Эвбея

Ставрала отличалась глубоким благоговением во всём, что касалось Церкви, а также терпением и трудолюбием. Отец её был святым человеком. За то, что его сын служил в армии, разбойники утопили его в Эгейском море, привязав к шее большой камень. Через несколько дней нашлось его тело, стоявшее в море подобно телу святого Космы Этолийского. У Ставрала было пятеро детей. Она никогда не садилась есть хлеб, если перед этим хорошенько не потрудилась. «Отец мой», «Феоктист мой» — так она ко всем обращалась. В её устах всегда было это любезное «мой»³², хотя её муж, человек суровый и ворчливый, нечасто бывал ей в радость.

Иногда она звонила нам по телефону.

— Чем занимаетесь, госпожа Ставрала?

— Стараюсь исполнять обязанности невестки, чтобы свёкор на меня не сердился и не было разлада в семье.

Иногда её брат хотел уязвить её, но она отвечала ему словами святых.

³² В новогреческом языке местоимение «мой» часто употребляется для выражения любви к тому, о ком (о чём) идёт речь, например: «Христе мой», «Богородица моя» и т. п.

— Вот, сестрица, выучился твой сын грамоте, но что из него вышло? Какой-то монашек. Хотя, может быть, он уже стал архиереем?

— Да, братец, мой сын оказался достоин монашества.

То, что её сын стал монахом, было для госпожи Ставрулы предметом гордости, и она постоянно этим хвалилась: «Мой сын — монах на Святой Горе!»

Однажды, когда мы были с ней одни, она призналась: «По ночам я часто просыпаюсь и спрашиваю себя: «Как живётся моим детям? Я-то сегодня вечером ела, а они как?»»

На протяжении многих лет она бесплатно готовила для монастыря блины и кашу, а Великим постом приносила ещё и сушёный инжир. И теперь мы, монахи, время от времени черпаем силы в воспоминаниях об этой скромной матери.

Она была рассудительной и в то же время застенчивой, как маленькая девочка. Как-то ночью она и её супруг пришли на подворье нашего монастыря в Фессалониках и предпочли всю ночь оставаться у ворот, лишь бы нас не побеспокоить.

Жизнь в селе, сопряжённая с тяжёлым трудом, освящает человека. Она часто давала нашему монастырю людей намного более приятных, чем те, кто воспитывался в квартирах и университетских аудиториях больших городов, и поэтому я от всего

сердца могу воскликнуть: «Радуйся, пустыня, радуйтесь, леса и горы, склоны и вершины, ибо прекрасны ваши воспитанники!»

Валашка³³ из селения Панайя в области Катара³⁴

Она была матерью восьми детей, у неё была красивая фигура, а лицо такое светлое и чистое, как горные источники её родины. Её муж был калекой, получившим увечья на проклятой войне³⁵. Она была вынуждена тяжело работать тяпкой и мотыгой, пахать на паре волов и жать серпом, чтобы прокормить свою многочисленную семью. Когда она состарилась и от перенесённых

³³ Валахи — народность, живущая на северо-западе Греции и говорящая на одном из диалектов румынского языка. Живущие в Греции валахи владеют также новогреческим языком.

³⁴ Область, расположенная в самых высоких местах горной цепи Пиндос, которая тянется через всю Грецию от Албании до Коринфского перешейка.

³⁵ Речь идёт о гражданской войне в Греции в середине 1940-х годов.

трудностей и страданий заболела болезнью Паркинсона, то часто читала мне такое двустишие:

Не могу я больше видеть
эту тяпку и мотыгу!

Она была матерью, которую дети любили необычайно. Я помню, как кричал её сын, когда болезнь свела её в могилу: «Мамочка, мамочка, открой глаза!»

Эта мать, никогда не учившаяся в школе, во

время моих посещений её села сначала спрашивала меня: «Отче, все твои чада в порядке? Дай-то Бог!»

А потом она спрашивала о своём любимом Афанасии, и при этом на её прекрасные глаза набегали слёзы.

— Как хорошо ты говоришь мне это, госпожа Вангель!³⁶

— Отче, сердце матери всегда болит за своих детей. Когда я ещё владела своими ногами, то оставляла в церкви яйцо взамен свечи, которую брала. А теперь, когда у меня есть копейка, чтобы оставить в храме, у меня отнялись ноги. Они уже не помогают мне ходить в церковь, а ведь это было моей единственной радостью.

— Но ведь ты валашка, как же ты понимала литургию и Евангелие?³⁷

— Бог просвещал.

Своим детям ей нечего было оставить в наследство, кроме молитвы и хорошего примера трудолюбия и усердия. И все они до сих пор

³⁶ Уменьшительное от Эвангла (распространённое на Балканах женское имя).

³⁷ В Греции богослужение совершается на древнегреческом языке, который малопонятен для простых греков, тем более для валахов.

сохраняют своё наследие неповреждённым.

В селе Панайя, расположенном на границе Фессалии и Эпира, люди были красивыми, жизнерадостными, рослыми и мужественными. Такой была и госпожа Вангельйо, воспоминание о которой услаждает теперь мою душу.

— Я, отче, предпочитаю сама терпеть страдания, лишь бы не страдал другой.

Анна из Патры

Анна была родом из Малой Азии. Всегда в чёрной одежде, не по своей воле несла она всю жизнь тяжкий крест беженки. С ранних лет она стала ученицей покойного отца Гервасия. Батюшка увидел в ней плодородную почву и посеял в её душе все добрые семена, какие у него были. Она овдовела в первые годы своего супружества, имела одного ребёнка и постоянно трудилась для того, чтобы его воспитать. Она старалась сдерживать свои материнские чувства, несмотря на то, что дитя было единственным, и старалась научить его более служить Христу, чем угождать людям.

К этой женщине было вполне применимо изречение: «ничего не имею, но всем владею»³⁸.

³⁸ Ср. 2 Кор. 6:10.

Сегодня она ходит просить милостыню по домам и семьям, да так, что перед нею отворяются двери самого жадного и скупого человека и он даёт ей всё, чего она ни попросит (не для себя, конечно, а для Божьих бедняков), а завтра она, как быстрый кораблик (таким было её прозвище), с расточительностью римской патрицианки раздавала собранную одежду, пищу, посуду, лекарства и обувь.

Анна раздавала всё, ибо надеялась на добродетель милосердия. С тех пор как она

услышала слова Златоуста: «Царство Небесное принадлежит милостивым», — она словно потеряла голову. Дороги Патры и окрестных селений часто видели её нагруженной всяким добром для бедняков. Наш монастырь Дохиар, который был очень бедным в первые годы после своего преобразования в киновию, часто получал посылки от Анны. Они напоминали мне, как старушки в моём селе судачили осенью о том, что принесли им их арендаторы: «Пришёл арендатор и принёс мне столько-то мешков пшеницы, столько-то кувшинов вина и масла, столько-то головок сыра».

Ежедневно она ходила на литургию в храм святого Луки. Посты и молитвы всегда сопровождали её, как цветы весну. Теперь, став монахиней в монастыре Богородицы Милующей в Пипице, она получает воздаяние за всё, что прежде дала нам.

Фотика

Фотика происходила из македонской области Серры. Она вышла замуж за Иоакима, человека праведного во всех отношениях, которому ряса подошла бы больше, чем галстук, который он надевал во все праздничные дни. Это он делал, чтобы соблюсти приличия, которым его научили родители. Эти добрые жители Малой Азии считали,

что одежда, надеваемая по праздникам, должна соответствовать величию дня. Так, когда они в своём доме принимали какого-нибудь гостя, то одевались в нарядную одежду, чтобы этим выразить ему особый почёт. Если они были недовольны гостем, то показывались ему в обычной одежде. Лишь в тех случаях, когда они считали пришедшего несерьёзным и бесчестным человеком, это правило не соблюдалось. От них часто можно было услышать: «Он сам себя не уважает, как он может рассчитывать на уважение от других?»

Здесь уместно будет вспомнить историю, произошедшую с подвижником Аммоном и епархом³⁹ Александрии. Дошёл до епарха слух о подвижнике и он выехал из города, чтобы посетить его. Но пустынный, избегая человеческой славы, совершенно не желал этой встречи. Он взял кусок хлеба, сел перед кельей и стал жевать его своим беззубым ртом. Вся его одежда была усыпана крошками. Увидев его, епарх спросил: «Это что, тот самый Аммон?» Такое зрелище его разочаровало. «Неужели ради того, чтобы увидеть этого беззубого старика, я проделал такой путь?» — и, оскорблённый, он уехал обратно.

³⁹ Епарх — представитель византийского императора в главном городе провинции.

Восточный человек, принимая гостя, делал это с открытым сердцем, он был полон радости и воссылал Господу благодарственные молитвы. Так он делал и встречая гостя, и провожая. Никогда в той стране нельзя было увидеть холодного приёма, обычного для современного западного человека, встречающего гостей с опущенными руками. Ничего нет холоднее этого. Когда ты видишь, как они входят в церковь с опущенными руками, то невольно начинаешь думать об их нищете, о том, что этим людям нечего дать Богу, кроме своей плоти и костей. Напротив, открытые объятия показывают безграничную любовь, с которой Господь принимает нас, раскинув руки на Кресте. Эта холодность нынешнего бесплодного времени достигла теперь и нашей страны и распространилась особенно среди тех, кто живёт «играючи» и кажется другим великими. Но вернёмся к благословенной Фотике.

Когда к ней пришла старость, она заболела неизлечимой болезнью. Её положили в больницу Феагенио, в палату на восемь коек. В противоположной маленькой палате лежал ныне почивший игумен одного из афонских монастырей. Всякий раз, когда открывалась дверь его палаты, оттуда исходило сильное благоухание. Благоговейная Фотика говорила: «Наверное, это келейник игумена покадил в палате, а благодаря

этому радуемся церковной благодати и мы, столько месяцев не ощущавшие благоухания в больнице». Время от времени этот монах навещал больных женщин в её палате, приветствовал их и желал скорейшего выздоровления. Как-то раз Фотика спросила его:

— Отче, сколько раз в день вы кадите, так что и до нас доносится благоухание ладана? Я, грешная, кажу дома трижды в день, но никогда ещё не было у меня такого хорошего ладана.

— Мы не кадим, госпожа. Благовония в больницах запрещены, потому что могут возникнуть проблемы, если у кого-то окажется аллергия на них. А откуда доносится благоухание, которое Вы ощущаете, Бог знает.

Впоследствии Фотика говорила своему мужу: «Поверь мне, дорогой мой Иоаким, для меня это благоухание всякий раз было таким утешением! Но игумен умер, и с тех пор у нас уже нет этого утешения от Бога. Иоаким, господин мой, никогда не теряй благоговения к людям, одетым в рясу. Всякий, кто носит её, облечён славой и честью от Господа нашего, облечён в свет Христов и благоухание Святого Духа. Я не знаю, кто был этот игумен и какой была его жизнь, но одно только знаю: даже от его невидимого присутствия до нас доносилось благоухание».

Наши эксоклисии

Не знаю, есть ли в какой-нибудь другой христианской стране столько эксоклисий, как в Греции. Эксоклисиями называются небольшие церковки, построенные вне городов и сёл. Для сельских жителей эти церковки были утешением и знаком их благоговейного отношения к Богу. В них были источники с целебной водой, были иконы, которые плакали, говорили, творили чудеса. Эти маленькие храмы были прибежищем для людей, утомлённых непосильным трудом, были их больницами, убежищем в страданиях и трудностях их горькой жизни. Обычно они возводились после какого-либо сна, видения или по обету. Их строили на свои деньги бедные труженики, чаще всего своими же руками. Архитектором было их глубокое благоговение, оттого они и получались такими красивыми и приятными для глаз. Каждый угол, каждая стена выкладывались с любовью, а люди, присматривавшие за этими церковками, зажигавшие в них лампы и украшавшие их в течение всего года, были прекрасными, благоговейными и приветливыми.

Старик Аргирис из села Айонэри, что возле городка Козаны, рассказывал, что в эксоклисии святого Афанасия есть источник святой воды, от которого совершается множество чудес. Так, один юноша, который ещё мальчиком вместе с матерью зажигал там лампы перед иконой святого Афанасия, отправился в Америку в поисках лучшей жизни. Там у него отнялись ноги, и врачи ничем не могли ему помочь. Как-то ночью видит он во сне архиерея с седой бородой.

— Сынок, ты узнаёшь меня? Я святой

Афанасий из Айонэри. Приезжай ко мне, я тебя вылечу.

И действительно, юноша вернулся в Грецию и попросил отслужить литургию в эксоклисии святого Афанасия, по окончании которой он оставил свои костыли у его иконы и с тех пор ходит без затруднений.

Тот же Аргирис рассказывал: «Однажды я отправился зажечь лампы святому. Когда я на своём ослике подъехал к двери и стал искать ключи, то понял, что забыл их. Дверь в церкви тяжёлая, деревянная, на кованых петлях. Что мне было делать? Пойти обратно в село и вернуться было нелегко. Пока я ходил подвесить кувшин с маслом на гвоздь в церковной стене, послышался грохот: дверь открылась сама! Когда я помолился и закончил другие дела, ради которых пришёл, дверь таким же образом сама собой закрылась, и я отправился домой с обновлённой верой, которая зажглась от лампы святого Афанасия и с тех пор никогда не угасает».

Во время этого посещения в храме святого Афанасия не было ни псаломщика, ни священника, ни проповедника, но то, что произошло, ободрило душу Аргириса, возрастило его веру и породило в нём глубокое благоговение.

В войне 40-го года он воевал на передовой и был награждён королём Павлом. На этой войне он

потерял ступню. Когда всё утихло, его стали уговаривать пройти медкомиссию для оформления пенсии, на что человек Божий ответил: «Если я буду получать за это деньги, то утрачу то, что приобрёл. На войне, детки, я видел Богородицу, был спасён от верной смерти, не утратил присутствия духа, не испугался. Вот мои награды».

Из того, что человек делает ради Бога, не пропадает ничего. Человеку приносит пользу не столько образование, сколько благочестие, не переходящее в ханжество. И лампада, и свеча, и ладан, и просфора, и артос становятся небесной манной, которая питает его душу. Да остаются они во всяком православном жилище! Аминь.

Люди, потрудившиеся для Церкви без образования и дипломов

Илия сапожник

Старец Амфилохий⁴⁰ всегда побуждал нас к миссионерским трудам: «Наши соседи-турки в большинстве своём — разлучённые с нами братья. Мы не должны оставлять их погибать в исламе. Пусть у нас будет и монашеская схима, и священство, но одновременно мы должны учиться и разным ремёслам: становиться каменщиками, плотниками, седельниками, портными, сапожниками, часовщиками

⁴⁰ Старец Амфилохий, в миру Афанасий Макрис (1889–1970), был духовным наставником автора этой книги. Он родился и стал монахом на острове Патмос, где впоследствии был поставлен игуменом монастыря св. Иоанна Богослова. Отец Амфилохий стал основателем нескольких ныне действующих монастырей, как на Патмосе, так и в других местах Греции. Как вспоминает еп. Каллист (Уэр), «отличительными чертами его характера были мягкость, юмор, тёплое расположение к людям и ощущение спокойной, почти торжественной радости. Его улыбка была полна любви, но совсем лишена сентиментальности. Жизнь во Христе, как он это понимал, была не тяжким игом, грузом, несомым с угрюмой покорностью, но личным общением с Богом, исполненным сердечного пыла. Он был против любого духовного принуждения и суровости».

— и отправляться в Малую Азию, как бы в поисках заработка. Занимаясь своим ремеслом, мы сможем беседовать с бедными клиентами о вере их отцов. Может быть, это покажется вам трудным и даже неисполнимым, но если мы не приложим к этому стараний, то этой возможностью воспользуются другие, желающие отвратить народ от веры. Поверьте, что в малом кроется великое, в то время как из великих начинаний часто ничего не выходит. Не забывайте, что небольшая чаша вина, которой Одиссей угостил Циклопа, привела того к слепоте».

Действительно, иеговистка, которая торгует яйцами на базаре, учит покупателей вере своей секты. Служащий гостиницы предлагает клиентам кофе и начинает беседовать с ними о вере баптистов. Впрочем, я и на собственном опыте убедился в том, что слова старца были правдой, а не утопией. Это произошло в Академии Платона⁴¹, недалеко от которой находилось наше студенческое общежитие. Каждое воскресенье и по праздникам господин Илия первым приходил в церковь, во время богослужения никогда не садился, а лицо его выражало душевное сокрушение. Увидев его, я подумал: «Кто это? Пономарь, ктитор или просто благоговейный человек?»

⁴¹ Район в Афинах.

В праздник перенесения мощей великомученика Георгия (3 ноября) отец Георгий, получивший образование и бывший выпускником Ризариона⁴², говорил проповедь. В одном месте он неосмотрительно сказал, что кровь святого Георгия очищает нас от грехов. Тут поднялся Илия: «Она не спасла и его самого. Кровь одного лишь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха»⁴³. Тогда я подумал: «Ничего себе! И это притом, что господин Илия — простой прихожанин, а не

⁴² Школа в Афинах, основанная в начале XIX в. купцами-меценатами Георгием и Манфосом Ризарисами.

⁴³ Ср. 1 Ин. 1:7.

церковнослужитель». Тогда я начал интересоваться им.

Оказалось, что он был сапожником и работал неподалёку. У него была маленькая лавочка, в которой он чинил старую обувь. В то время это было очень нужным занятием в бедных районах, у жителей которых не было возможности покупать себе новую обувь. Я смотрел на бедноту, которая постоянно заходила в лавочку Илии как в современный супермаркет. А поздним вечером вокруг стола, за которым Илия в своём белом фартуке сидел и чинил обувь, собиралось пять-шесть человек, которые слушали его чтение. «Так, — сказал я себе, — надо будет как-то вечером захватить туфли для починки и послушать их разговоры». Оказалось, что этот пожилой богослов читал Добротолюбие и изъяснял его своим благочестивым клиентам. На другой день, получив свою обувь, я поздравил сапожника с тем, что у него такие друзья.

— Так как духовенство не делится с нами своими сокровищами, то нам, мирянам, приходится похищать их своими нечистыми руками.

Я спросил у местных жителей:

— Кто для вас господин Илия?

Они мне ответили:

— Он для нас как духовник. Когда у нас бывают жизненные трудности, то мы идём к нему.

Я ничего не знаю о его конце, но он наверняка отпразднует Пасху в Царстве Небесном, ибо оно принадлежит именно таким людям, как сказал об этом Сам Господь.

Илия, мастер по изготовлению кроватей

В Албании около 1920 года был закон, который показался бы глупым для любого, кто услышал бы о нём в свободном мире, но для тех, кто его принял, он казался разумным. Этот закон гласил: «Любой, кто носит фуражку, может подняться на пассажирское судно и свободно покинуть страну»⁴⁴. Так, господин Илия как-то достал фуражку, надел её, взошёл на корабль и, свободный от албанских властей, доплыл до Пирея⁴⁵.

Господин Илия был трудолюбивым и хозяйственным человеком. Он не расточал свои скромные доходы, считая, что иметь собственное

⁴⁴ В то время в Албании фуражки носили преимущественно моряки; они для них были своеобразным паспортом, позволявшим свободный выезд из страны.

⁴⁵ Пригород Афин, ныне слившийся с городом. Главный порт Греции.

дело лучше, чем работать на кого-то.

Оказавшись в новом для себя городе, он прежде всего стал искать церковь, чтобы познакомиться там с духовником, у которого можно было бы взять благословение на своё будущее занятие. Спустя некоторое время он познакомился с отцом Игнатием Колиопулосом, который всегда готов был дать ему добрый совет.

Нигде не учившийся Илия умел читать. Его любимыми книгами были Новый Завет и «Предназначение человека» отца Евсевия Матфопулоса. Понимать Священное Писание ему помогали проповеди, которые он слышал от проповедников братства «Зои». Он был человеком разумным, всё хорошо понимал и, обладая прекрасной памятью, помнил их до глубокой старости и свободно пользовался ими, когда сам стал учить. У него было постоянное желание трудиться в винограднике Господнем. Он спешил к заблудшим, чтобы вернуть их на путь жизни и приучить их к исповеди, которую он считал началом всякого блага. Миссионерскими трудами служил он Господу и в Афинах, и в Музаки, и в Трикалах. По благословению митрополита Дионисия Илия много помогал его епархии. Митрополит весьма чтит этого мужа из-за метода, которым он пользовался в беседах с молодёжью. Его неприхотливое жилище ежедневно бывало

местом духовного отдыха для множества людей.

После того как митрополит Волоса Илия рассказал мне о нём, я во время своего первого посещения города Трикала прежде всего захотел познакомиться с ним. Действительно, я увидел, как множество сельской молодёжи входило и выходило от него. Держа в руках книгу «Предназначение человека», он с очками на носу читал и объяснял им слова отца Евсевия. Не думаю, что сам отец Евсевий знал свою книгу лучше, чем господин Илия. Обычно он выделял в ней некоторые места и объяснял их.

— Иное «исследовать», и иное «читать». Иное «иерей», и иное «священник». Нам необходимы иереи. Иное «проповедник», и иное «духовник»⁴⁶.

Своими духовными беседами он многих побудил принять священство. Когда он видел, что человек призван к священству, то уже не оставлял его: со всем усердием он старался наставить его и возжечь в нём огонь любви к святому алтарю. В своём возвышенном учении он показывал юноше, что священство не профессия, но величайший из даров, ниспосланных Богом человеку: служение

⁴⁶ В Греции говорить проповеди и исповедовать имеют право не все священники, но лишь те, которые поставлены на это епископом.

святым и спасительным Таинствам на всём протяжении жизни человека: от его рождения до смерти, и даже после смерти.

Устав братства «Зои» оказал на его жизнь большее влияние, чем на членов самого братства. О нём он узнал непосредственно от основателей братства и проникся им как правилом духовной жизни для человека, живущего среди мира и посвятившего себя Богу. Так, тело его всегда было чистым, хотя он не пользовался кремами и одеколонами, одежда — всегда простой и опрятной, волосы были расчёсаны на пробор, усы небольшие, лицо всегда чисто выбрито. Всё это было основами внешнего приличия и должно было соблюдаться непременно. (Одна приятная старушка, жившая в конце улицы Гиппократата по соседству с домом братства «Зои», рассказывала мне: «Я никогда не видала, чтобы кто-то из братства не был тщательно выбрит; казалось, что они бреются все ночи напролёт».) Его комната была скудно обставлена, но в ней всегда были порядок и чистота. Он придерживался и других принципов, намного более важных, чем только что упомянутые. Так, он никогда не путешествовал в воскресенье, чтобы не пропустить литургии, не пользовался фотоаппаратом и не любил фотографироваться. Он съедал всё, что было на тарелке, и не оставлял на столе кусков хлеба. В промежутках между

приёмами пищи он не перекусывал и никогда не ел на ходу. Ел он необычайно аккуратно и бесшумно. Молчание за столом было для него нерушимым законом. Он не встречался с женщинами на улицах и всегда следил за тем, куда смотрят его глаза, не позволяя им глядеть куда попало.

Позднее всё это было дурно перетолковано некоторыми «любителями свободы», но я считаю, что это было спасительно для людей, подвизавшихся в девстве посреди мегаполиса. Если, по слову преподобного Ефрема Сирина, «один лишь образ мирского человека вызывает у монаха смущение во время молитвы», то насколько справедливее это замечание по отношению к пристальному рассматриванию женщин.

Он никогда не прибегал ко лжи и никого не обсуждал. Для него было достаточно сказать: «Я знаком с этим человеком». Живя по таким духовным правилам, он никогда не подвергался нареканиям и никому не был в соблазн. Естественно, что вход в его комнату был закрыт для всех. Возможно, он вообще никогда не говорил о вере с женщинами. Часто он говорил: «Если ты не носишь епитрахили, то не учи женщин».

С Божией помощью сбылась его мечта: на улице Эола ему, наконец, удалось открыть собственный магазин. На первом этаже находилась мастерская, в которой изготавливались железные

кровати, а на втором — жилое помещение. Когда ему случалось ходить по улицам, то он видел множество нищих детей из провинции, которым приходилось работать в афинских кабаках и которые по ночам спали в подворотнях в обнимку с бутылкой. Он решил, что если заберёт детей из кабаков, даст им работу в своей мастерской, а в верхнем помещении устроит им небольшое общежитие, то это будет для них гораздо лучше. Благодаря такой «охоте» мы можем назвать его шпионом Божиим. Он взял на это благословение у своего духовника и создал первый в Греции приют. Успех этого небольшого приюта подвигнул братство «Зои», а позднее и организацию «Апостолики Диакониа»⁴⁷ устроить студенческие пансионы. Господин Илия открыл новый путь к тому, чтобы бедная молодёжь могла получать образование и оставаться невредимой среди трудностей жизни, особенно в тяжёлые годы лишений, когда туберкулёз косил людей, как серпом. Илия любил образование, хотя так и не получил его, и не хотел, чтобы дети оставались

⁴⁷ Полное название: «Апостолики Диакониа тис Эккlesiaс тис Элладос» (Апостольское служение Элладской Церкви) — организация при Священном Синоде Элладской Церкви, занимающаяся книгоиздательством и благотворительностью.

необразованными. Во время оккупации Греции немецкими войсками в 1941–1944 годах он одного юношу посадил в мешок с кукурузой, взвалил его на спину и переправил из Фессалийского городка Кардицы в Афины учиться богословию. Впоследствии этот юноша принял монашество с именем Севастиан и стал митрополитом в городе Коница.

Впрочем, и сам Илия был учителем благочестия, не в университете, конечно, но в повседневной жизни. Он, обладая подлинно церковным образом мысли, многих вдохновил на монашество и священство. Я уверен, что Бог вознаградит его за труды, потому что иерархия никогда его не награждала. Он всегда оставался бедным, скромным и незаметным. В свои последние годы он стал монахом в афонском монастыре Симонопетра, где его постриг игумен Эмилиан и, таким образом, он удостоился посвятить себя Христу, приняв монашеский постриг.

В этом человеке меня удивляли две вещи, которые я увидел, когда он был послушником в Миртийском монастыре в Этолоакарнании ⁴⁸ в первые годы моего игуменства. Первая — то, что он видел людей очень глубоко и мог найти подход к человеку, сбившемуся с пути спасения, а вторая — то, что он составлял верные суждения о лицах и

⁴⁸ Область в Центральной Греции.

предметах. Как-то я спросил его:

— Что возбудило в тебе такое глубокое благоговение к отцу Евсевию Матфопулосу?

— Первая причина этому в том, что он ни с кого не брал денег. Нигде нельзя найти расписки с его подписью в получении денег за его труды. Он жил на деньги, которыми ему помогал родной брат. Вторая причина — в его безропотном терпении, которое он выказал, когда его исключили из состава Священного Синода Элладской Церкви. Отец Евсей жил не в монастыре, но, тем не менее, был настоящим монахом: он достиг в своей жизни меры святых и в пище, и в сне, и в служении литургии, и в проповеди. Пусть он и не достиг совершенства в остальном, но это и не удивительно: одному человеку трудно быть совершенным во всём.

Единственным недостатком господина Илии была его раздражительность, но и благодаря ей он, я думаю, сподобится милости от Бога, так как он очень каялся в своих приступах гневливости, как рассказывал мне об этом отец Арсений Кумбуйяс, один из тех, кто жил в его приюте: «Как-то мы собирали кровати, и я где-то ошибся. Он так сильно на меня накричал, словно хотел убить меня криком. Я тоже разозлился, но, поднявшись наверх в комнату, очень быстро пришёл в себя: признал свою неправоту и решил вернуться к работе. Спускаясь по лестнице, я увидел, что он стоит

внизу на коленях и горько плачет. Я почувствовал себя таким негодяем, что до сих пор, спустя много лет, вспоминаю об этом с болью. Отче, если кто-то, ошибаясь, кается, то это и не ошибка. Покаяние — это такая губка, которая смывает с души все пятна».

Дай Бог, чтобы все мы, изображающие из себя знатоков духовной жизни, всегда пользовались этой губкой!

Феофилакт из Фессалоник, базарный торговец

Всем людям нравится добродетельность, одарённость и выдающиеся способности; даже у бандитов есть какие-то высшие идеалы. Но есть люди, которые годами борются, но не удостоиваются ни малейшей награды, даже гвоздички в петлице пиджака (речь идёт, конечно, не о тех цветах, которые со временем увядают). Можно услышать, как они втайне стенают: «Доколе, Господи, Ты оставляешь меня без Своей благодати? Доколе в душе моей сухость и бесплодие? Доколе мне томиться голодом и жаждой? Посмотри на меня, бесплодного, и помилуй меня!» Действительно, велико страдание такой души: человек ежедневно засеивает её семенами Священного Писания, творений святых отцов и житий святых, а вырастают одни лишь

сорняки. Однажды один монах, умирая, попросил, чтобы на его погребении было много цветов. «При жизни моей я был лишён цветов добродетели, — говорил он, — дайте же мне в смерти порадоваться хотя бы чувственными цветам». Тогда я подумал, каким лживым и смешным становится украшение мёртвых лепестками роз, если в их жизни не было невидимых цветов — добродетелей.

Но встречаются люди, которые, подобно Давиду, умоляют Бога остановить поток Своей благодати, которого они не в состоянии выдержать. Это люди, одарённые Им с самого рождения. Быть может, это те, кто имеет по десяти талантов и благодаря помощи благодати Божией и собственному усердию очень быстро приносит обильный плод добродетелей. Одним из таких людей был Феофилакт Моливдадис.

Он происходил из Малой Азии, ныне утраченной родины многих греков, и жил с матерью и сёстрами. Поистине сплочённая семья, где все друг друга любили, а дети относились к своей матери с глубочайшим почтением. Библейский матриархат⁴⁹. Их объединяла живая

⁴⁹ Имеется в виду описанное в книге Бытия первоначальное матриархальное устройство семьи: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей» (Быт. 2:24). Примечательно, что не жена уходит от родителей

вера и следование традициям. Святое Евангелие и творения отцов были в их доме повсюду: на столе, на тумбочке, в кармане пиджака. Всё это освещало их путь. Кого бы из семьи Моливдадисов ты ни встретил, в их словах всегда звучали отголоски евангельского учения.

Феофилакт был среднего роста и худой, как тростник, очищенный от листьев; его сухое смуглое лицо выдавало в нём человека воздержной аскетичной жизни. Запах жареного мяса на базаре целый день беспокоил его нос, но не желудок. Его большие глаза смотрели на тебя смиренно, как будто ты был его господином, а он — твоим рабом. Он был очень умным и смекалистым, был исполнен усердия и готовности услужить. Никогда не видал я его уставшим или ленивым: он всегда был бодр; у него было духовное устройство афонских монахов, которые на любое повеление старца отвечают: «Как тебе угодно, отче».

Но самым важным в нём была великая рассудительность и глубокое молчание. Он принимал заказы от всякой келлии, от любого монастыря. Некоторые заказчики бывали ему в тягость, но он никого не осуждал. Феофилакт — могила. Когда ему, чтобы никто не соблазнился,

нужно было скрыть чьи-то заказы, то он их тщательно упаковывал, а на вопрос «Что здесь?» отвечал: «Да ты знаешь, не помню». Это Феофилакт-то не помнил, у которого в уме был весь каталог товаров!

Он со своей ручной тележкой незаметно пробирался среди сварливых, придиричливых, похотливых, неверующих, лживых людей. В этой тележке он перевозил заказы для Святой Горы. Всех окружающих Феофилакт считал своими добрыми друзьями и братьями. Его кроткий умоляющий голос облегчал невыносимость базарной атмосферы и укрощал зверей торговли. Вот чудо из чудес: овца среди волков, не просто стоящая, но пасущая их и трудящаяся для Святой Горы! Прекрасен был его торг с людьми, которых торговля сделала своими рабами: он исключительно непредвзято определял качество и цену товаров. Ангел среди бесов торговли! Пока его уста говорили, опущенными вниз глазами он изучал товар. И ради чего всё это? — Ради покоя отцов, которым его труды позволяли не покидать Святой Горы. Свою маленькую лавочку он называл представительством какого-то поставщика риса, но риса я в ней никогда не видал, в ней были одни лишь заказы святогорских монахов. Я не знаю, насколько мы были внимательны к нему тогда и хорошо ли помним о нём теперь, но ради нас он

часто сражался с бурями, и не в океанах, а в местах куда более опасных: посреди бушующей пучины мира.

На вопросы «А зачем это нужно монахам?», «А что монахи с этим будут делать?» он отвечал: «Давай-ка, брат, сменим тему».

А как обходительно он делал заказы по телефону!

«Ты привезёшь это, золотой мой? Будь здоров, дорогой мой!»

Свежесть его речи всякий раз смягчала иссушённую душу какого-нибудь торговца, который всё время жил посреди лжи и холодного

соперничества. Его честность для некоторых людей становилась невыносимой, но сам он никогда ни от кого не отгораживался, и двери его для всех были открыты.

— Давайте и работу нашу делать, и о Христе проповедовать. Сейчас Его бремя для многих невыносимо, но в другой раз оно может стать для них и необходимым, и лёгким.

Он никогда ни о ком не говорил плохо, и поэтому не стесняясь мог смотреть в глаза каждому. Его внешность выказывала в нём не хитрого дипломата, но человека умного и мыслящего, знающего своё дело. Я никогда не думал, что при его душевной стойкости и телесной крепости кто-то пришёл бы ему на смену. Он обливался потом, когда перевозил различные вещи, но душа у него была неутомима, и он всегда был готов сразу же приступить к новой перевозке. Много раз мы разделяли с ним трапезу в нашей гостинице, и при этом он был настолько застенчивым, что я удивлялся, как такой врождённый аристократизм остался неповреждённым на рынке. Я думал про себя: «Как много дворцов стало лишь кратковременными эпизодами в этой жизни, и как много лачуг — славой общества!»

После того как Феофилакт удалился от жестокостей торговой жизни и от своего любимого

служения Святой Горе, он был пострижен в монашество отцом Симеоном Крайопулосом в обители Панорама⁵⁰. Прожил он после этого недолго, почил в Господе и был погребён на Святой Горе. Всякий раз, приходя к его останкам, я говорю себе: «И из торговли выходят великие святые». Его образ мыслей и поведение многому меня научили. Да упокоится он со всеми святыми!

Я жил среди монахов с детских лет. От Феофилакта я научился приветливости, а также умению завязывать деловые отношения с торговцами и с улыбкой заключать с ними сделки. От сетей мира Феофилакта сохранила глубокая вера, участие в Таинствах и нестяжательность. Если бы он брал с монахов деньги за свои труды, то стал бы очень богатым, но он был беднее последнего нищего. Он является для нас прекрасным примером того, как можно одновременно зарабатывать и служить. Работа имеет земное воздаяние, а служение — небесное, да ещё и во сто крат большее, если совершается нашими собственными трудами. И Феофилакт наверняка получил там награду верного и разумного раба⁵¹. Аминь.

⁵⁰ Монастырь в окрестностях Фессалоник.

⁵¹ Лк. 12:42–44.

Бог награждает Своих незаметных служителей

Незаметное служение — надёжный путь в Царство Небесное. Тому, кто делает добро втайне, Бог покажет это в день Своего беспристрастного Суда. Незаметное служение, пожертвование, проявление любви к другому имеет великую награду, а иначе и быть не может, ибо она обещана Самим Господом.

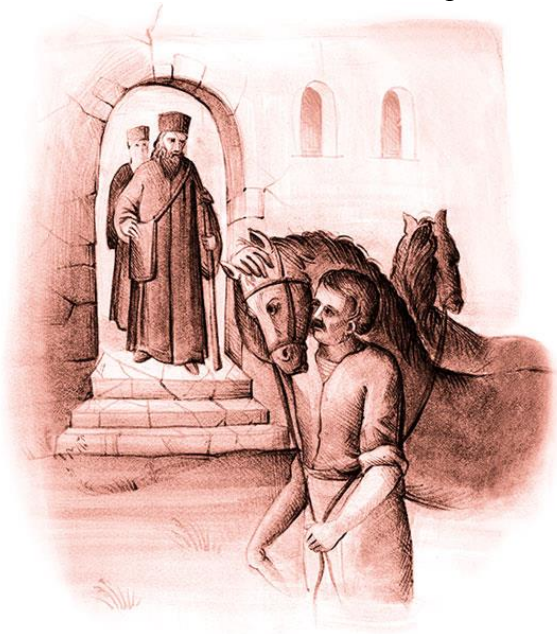
За свою жизнь я видел две таких блаженных души. В годы своего служения они были незаметными мирянами, ничтожными в глазах мира из-за того, что они делали. У других они вызывали насмешки, а не удивление. Одним таким человеком был дядя Николай в обители Лонговарда на Паросе, а другим — Димитрула в Скале — портовом городке на Патмосе.

Дядя Николай из обители Лонговарда на Паросе

Дядя Николай очень рано, ещё мальчиком, ушёл в монастырь и стал безвозмездно помогать отцам. Отслужив в армии, он снова вернулся в своё прежнее прибежище — монастырь Богородицы, где

взялся за самое скромное служение: ему была поручена забота о вьючных животных и подготовка их для отцов, которые отправлялись с различными поручениями. Когда он повзрослел, то по секрету рассказал мне о своих скорбях: «Ах, дорогой мой, я боюсь, что не найдётся никого, кто стал бы заботиться о животных для наших батюшек. Ведь они будут брать в руки грязные и пропитанные мочой животных уздечки, а после этого будут служить в алтаре. Вас ждут тяжёлые времена. Наверное, только образованные монахи смогут их выдержать, да и то — если ими овладеет безразличие. Из их сердец совершенно исчезнет любовь, уважение к другим и, прежде всего, дух жертвенности. Они захотят, чтобы руки у них были нежными, как у девочек, а одежда чистой и немятой. Они будут ходить нарядными и в праздники и в будни. Они будут избегать любой работы, которая может запачкать их руки, зато все, что оскверняет душу, они будут собирать, как стога пшеницы на гумно. Даже издали ты сможешь ощущать исходящее от них благоухание. «Вот идёт, — скажешь ты, — ухоженный человек». Но на его лице не будет отблеска света Христова, оно будет неприятным и отталкивающим. Увидев его, ты скажешь: «Лучше бы я встретил зверя, а не этого человека!» Потому что и звери, если их не запугивать и не обращаться с ними жестоко,

способны к благодарности, насколько им это доступно. Здесь, где я сижу, мне видны и слышны игры птиц на эвкалипте и, видя их, я радуюсь. Даже у отвратительных мышей есть свои игры».

Долгое время он продолжал наблюдать игры животных на природе, и при этом лицо его так сияло, как будто он и сам с ними скакал.

У дяди Николая было одно пристрастие: курение.

«К сожалению, — говорил он мне, — у меня остаётся эта страсть, чтобы по моей собственной

вине пренебрегали мною и Бог, и люди. «Оставь его, — говорит искунитель, — он мой, потому что дымит»».

Я спросил, не курил ли он когда-нибудь внутри монастыря.

— Никогда, сынок. Я всегда выхожу наружу и иду до самого конца стены, потому что Богородица, изображённая над воротами, часто меня утешала. Табачный дым не должен быть рядом с сокровищами нашей веры.

Старец Филофей часто предлагал ему постричься в монахи, на что тот отвечал: «Нет, сигаретам не по пути с жизнью, посвящённой Богу. Руки монаха всегда должны быть заняты чётками и крестным знаменем. Я сам Вам скажу, когда буду готов одеться в монашеские одежды».

Спустя много лет, когда дни его жизни подходили к концу, он получил от Бога в награду знание о дне своей кончины. Он позвал игумена к себе в комнату и сказал: «Отче, через сорок дней я умру. Постриги меня, чтобы и в будущей жизни я был с вами неразлучен, потому что от прежних отцов я слышал, что в вечной жизни у монахов будет одно место, а у мирян другое».

В состоянии глубокого сокрушения принял он постриг. В его предсказание никто не верил, но спустя сорок дней он и вправду умер, чтобы получить награду за свои труды. Во время его

погребения ощущалось неизреченное благоухание. Люди, опускавшие его тело в могилу, говорили: «Если вы нам не верите, то понюхайте наши руки».

Старец повелел, чтобы все, повернувшись к востоку, преклонили колени. После окончания молитв могилу зарыли. У всех была уверенность в том, что Господь причислил его к лику всех преподобных отцов.

Его молитвы да удержат нас в смирении и в святом незаметном служении. Аминь.

Димитрула — «священная киновия»

Женщина, ходящая у причалов и по морскому берегу, была у нас редким зрелищем. Но Димитрула ходила у причалов не потому, что была портовой женщиной: она была целомудреннее девушек, которые никогда не выходят из дому. Все рыбаки над ней смеялись, но она никогда не сердилась на них и не препиралась с ними. К грязному и непростому миру рыбаков с их богохульствами и пошлыми разговорами она относилась с улыбкой сожаления: «Он просто устал: всю ночь работал, а сколько выручит за свой улов, ещё неизвестно. Ничего, завтра он будет со мной вежливее». Она никого не осуждала, но была довольна тем, что достигала своей цели. «Завтра мне опять придётся иметь с ними дело, зачем же мне с ними ругаться?»

По утрам и вечерам Димитрула была на берегу и была первой, кто приветствовал рыбаков, возвращавшихся из моря. На рассвете, когда ещё холодно, их никто не ждал: ни жена, ни дети, одна лишь Димитрула. Она не была одной из островитянок, которые спешили выбрать рыбу для продажи в своей лавке; она служила монастырю Благовещения, который со времён итальянской оккупации острова назывался «священной киновией», потому что слово «монастырь» казалось захватчикам смешным.

Эта смиренная Димитрула в своих шлёпанцах (ах, эти шлёпанцы! сколько дорог они исходили ради любви Христовой!) и халате, которые она носила и в праздники, и в будни, зимой и летом покупала рыбу для монастыря. Какая это была прекрасная картина: Димитрула с набережной и рыбак из своей лодки торгуются о рыбе для монастыря. Это были тяжёлые годы, когда и у монастыря нечасто бывали деньги для покупок, и у рыбака улов. С трудом наполнялся и таз рыбака, и корзина Димитрулы. Часто я находился неподалёку и удивлялся весёлому нраву этой неграмотной женщины, а также её неуступчивости упрямому рыбаку. Рыбаки обычно прячут под свёрнутой сетью лучшую рыбу для своей семьи, а сверху кладут рыбу похуже для других. Добрая Димитрула с большим трудом докапывалась до рыбы,

выбранной рыбаком из всего улова и спрятанной внизу. В своей корзине она несла в монастырь всегда самую свежую и хорошую рыбу. Её считали слабоумной, но она знала жизнь и умела ею распорядиться.

Наряду с этим служением она была наёмной домохозяйкой у госпожи Анастасии. Редко можно увидеть такую привязанность между хозяйкой и прислугой. Их отношения были лучше, чем у матери и дочери. В этом доме всегда царили мир, благородство и скромность. Заглянув в окно, можно было увидеть, что внутри всё было, как в монастыре. Дом госпожи Анастасии примыкал к

двору храма святого Иоанна, богослужение в котором совершалось ежедневно утром и вечером. Наверное, и оттуда она получала благодать, ведь псалмопение, чтение, каждение, звон колоколов — всё это доносилось и до их дома.

Димитрула служила монастырю до глубокой старости. Еле-еле отказалась она от этого служения, как иной — от доходной работы. Придя в монастырь, она получила от добрых сестёр награду за долгие труды своего прекрасного служения.

Она мечтала стать монахиней с именем Анастасия, чтобы почтить этим свою почившую хозяйку. К сожалению, прежде чем исполнилась её мечта, с ней случилось то, что часто бывает со стариками: она упала и получила серьёзную травму. В больницу она легла с большой печалью от того, что лишилась монашеского пострига. Накануне Благовещения и в самый день праздника она наяву видела икону Благовещения и старца Амфилохия, который утешал её: «Ты не умрёшь, но вернёшься в монастырь и станешь монахиней». Оба раза это видение длилось около получаса. И действительно, совершилось всё, чего она желала: она стала монахиней с именем Анастасия и скончалась в глубокой старости.

Димитрула, благодаря своему искреннему служению и постоянному понуждению себя, хотя никто её к этому не обязывал (а рыбу она носила в

монастырь в корзине на своих плечах и в жару, и в холод), удостоилась благодати от Бога и хорошего конца жизни.

Такие люди незаменимы. Она была единственной в своём роде!

Слышанное мною о святом Савве с острова Калимнос

В конце сентября 1956 года я был на острове Лерос. Сидя на лавочке у причала монастыря святой Марины, я ждал корабля, который должен был доставить меня на Патмос. Начало смеркаться, и холодный порывистый ветер стал сильно дуть мне в лицо, будто желая надавать пощёчин. Один слонявшийся без дела старичок подошёл ко мне и ласково предложил мне зайти в ближайшую кофейню, потому что «это гнилое корыто — «Додеканес» — появится ещё не скоро, а твоё лицо, как я вижу, уже посинело от холода». Мне тогда было четырнадцать лет, и я ещё никогда не осмеливался заходить в кофейни, так как дым от сигарет и вольные разговоры были для меня очень неприятны. К тому же живущему во мне злодею хотелось слушать бесстыдные речи, чтобы этим открыть дверь искусителю.

Но на этот раз я плохо себя чувствовал. Я уже

начал дрожать от холода и волей-неволей потянулся к теплу кофейни. Моряки и рыбаки пили, курили и играли в преферанс. Один из них, с обветренным на море лицом, спросил меня:

— Куда ты едешь, сынок?

— На Патмос, — ответил я.

— Мне кажется, что корабля ты будешь дожидаться всю ночь.

Тут в кофейню зашёл священник с небольшой компанией. Из доносившегося до меня разговора я узнал, что фамилия его была Трикилис⁵², и она ему очень подходила. Его произношение выдавало в нём уроженца острова Калимнос. Одна полная женщина, услышав о том, что он из Калимноса, вышла из-за прилавка и громко спросила его:

— Отче, можно задать тебе вопрос?

— Конечно, — ответил священник ещё громче.

— На Калимносе в монастыре Всех святых был когда-то один иеромонах по имени Савва. Он ещё жив?

— Сдох грязный монах, — отвечал священник с отвращением. — Вышли из него кишки: их разъела длинная рубашка из козьей шерсти, которую он носил на голом теле.

⁵² Пузатый.

— Знаешь, отче, то, как ты о нём говоришь, мне совсем не нравится. Я много лет прожила в Америке. Прежде чем уехать туда, я исповедовалась у отца Саввы и с тех пор соблюдала его слова, как зеницу ока. Благодаря его советам я стала матерью и смогла удержать свою семью на пути Божиим. А ты сейчас при мне называешь его грязным монахом, который не почил сном праведника, а сдох как собака?! А ну-ка, расскажи мне подробнее об этом монахе. У меня сердце болит, когда я слышу о нём такие вещи.

— Госпожа, этот иеромонах не брал с людей денег за требы и этим лишал других священников дохода. У нас есть нужды, мы не можем жить, питаюсь монашескими ячменными лепешками и волчьими бобами, которые горше горчицы.

Женщина опустила голову и с полными слёз глазами вышла, ничего не ответив. В то время даже островитяне уважали священников и молчали, когда были ими недовольны.

Из всего, что я там услышал, в моём сердце остались слова: «грязный монах», «лишал священников дохода», «власяница разъела его внутренности», «сдох, и мы теперь от него избавились». Я сразу вспомнил, что Василий Великий тоже носил на голом теле одежду из козьей шерсти, стало быть, это святой подвиг, а не что-то предосудительное.

На богословском факультете я никому не стал рассказывать о том, что услышал на «семинаре» в кофейне. Действительно, я всегда боялся разговоров о священниках (не считая достойных своего сана иереев). Мои однокурсники Каликандзарос и Йорданис, уроженцы Калимноса, вернувшись с праздничных каникул, принесли мне прекрасную новость: «Во время перезахоронения отца Саввы все увидели, что тело его сохранилось нетленным и источало благоухание». Я тотчас вспомнил характеристики, данные ему священником, печаль бывшей эмигрантки и её слова: «У преподобного Саввы были слова вечной жизни».

К сожалению, именно такими мир видит святых: невымытыми, вонючими, плохо одетыми, с дыханием, смердящим от поста. В Афинах один отец говорил своему сыну, который обратился ко Христу и стал писать иконы, по большей части, преподобных:

— Тьфу! Что ты всё время рисуешь тех, у кого изо рта шла вонь?

Позднее я познакомился с госпожой Анной Зерву⁵³. Эта амма⁵⁴ рассказала мне о жизни этого

⁵³ Рассказ о ней см. на стр. 313.

⁵⁴ В ранних сборниках историй о жизни монахов

преподобного. Он жил вместе со святым Нектарием Эгинским. Находясь рядом со святым, он всегда был застенчив, как маленькая девочка: никогда не поднимал головы и говорил едва слышно. Святой Нектарий оставил его своим преемником в духовном окормлении монахинь. Рассказывают о таком случае с отцом Саввой: когда он спустился в склеп, чтобы переменить епитрахиль на мощах святого Нектария, тот сам поднял голову. Его мягкий характер мешал ему исповедовать женщин, потому что, «хотя они и стали монахинями, но не перестали быть женщинами», как говаривал старец Амфилохий. Часто преподобный со скорбью искал выхода из той или иной сложной ситуации в монастыре.

Госпожа Анна в то время жила в Афинах и была известна как человек духовный. Многие приходили к ней, чтобы услышать полезный совет. Даже известный Серафим Папакостас ⁵⁵ был постоянным посетителем дома госпожи Анны. Её сын, педиатр, говорил:

преподобные отцы назывались по-сирийски аввами, а матери — аммами.

⁵⁵ Архим. Серафим Папакостас — второй после архим. Евсевия Матфопулоса председатель братства «Зоии».

— Мама, к тебе приходит больше людей, чем ко мне, хоть я и врач.

Во время одного из посещений отец Савва попросил у неё помощи в переезде на другое место. Она вместе со своим супругом Герасимом Зерво предложила ему поселиться в келье⁵⁶ Всех святых на Калимносе. Так он оставил утопающий в зелени остров Эгину и поселился на все годы между Первой и Второй мировыми войнами на безжизненной горе, где находилась келья Всех святых. Там он возделывал скудную землю кельи, трудился своими руками над завершением построек исихастирия⁵⁷ и писал иконы в технике, которую в то время использовали на Святой Горе. В монастыре Благовещения на Патмосе есть икона Антония Великого его письма, через которую много раз совершались чудесные знамения во время тяжёлых для обители обстоятельств.

⁵⁶ В Греции кельей называется не только комната, в которой живёт монах, но и небольшой скит, в котором живёт один или два-три отшельника.

⁵⁷ Исихастирий — небольшой монастырь со строгим уставом.

*Надпись на иконе: «Святой Савва
Калимнийский»*

Отец Савва был великим постником, он также очень любил богослужение: он служил и исповедовал ежедневно. Он хорошо чувствовал волю Божию и настроение людей, был неутомимым делателем таинственного вертограда Божия — Церкви. И даже когда жители острова в знак протеста в спорах об автокефалии Элладской Церкви на три года закрыли храмы, отец Савва каждую ночь тайно служил литургию, чтобы люди могли причащаться. После его смерти я спросил

старца Амфилохия, считает ли он его святым, на что тот ответил:

— Он достоин называться святым хотя бы за то, что в те тяжелые годы служил литургию и причащал людей (а старец Амфилохий Божественную литургию почитал выше любого другого дела на земле).

Его скромность, смирение в походке и за столом были, как у преподобных. После своей кончины он оставил жителям Калимноса память о своей святой жизни, а монахам — чувство духовного сиротства. Его украшала добродетель святой простоты во всём, что бы он ни делал. Он всю жизнь оставался незлобивым ребёнком, который так и не повзрослел.

Его похоронили в закрытом гробе на склоне горы, уходившем вниз прямо от алтаря; при этом вышло так, что головою он касался стены каменной цистерны для сбора дождевой воды, находившейся под главным храмом монастыря (Калимнос — остров каменистый и безводный, поэтому дождевая вода была нужна для удовлетворения многочисленных нужд исихастирия).

Преподобный Савва трижды являлся епископу острова Исидору и просил его перенести его мощи, так как ему очень мешала влажность цистерны. Епископ отвечал ему:

— Я тебя не знаю. Я мало что о тебе слышал и

не имею ясного представления о твоей личности.

— Если ты мне не веришь, то спроси госпожу Анну Зерву, она расскажет тебе обо мне.

Епископ решил открыть мощи. Прежде чем подняться на вершину Всех Святых, он разузнал обо всём у госпожи Анны, которая удостоверила его в святости жизни отца Саввы. На открытие мощей они пошли вместе: епископ потребовал, чтобы на нём присутствовала и госпожа Анна. Раскопав могилу, они начали расчищать от земли гроб. Как только они достигли ног, то увидели, что они остались нетленными, таким же оказалось и всё тело за исключением головы, которая была повреждена водой из цистерны. Под тело продели ткань, подняли его и положили в подходящую раку. С тех пор он почитается как святой покровитель и неустанный заступник Калимносa и прочих островов юго-восточной части Эгейского моря.

Обо всём этом рассказала мне госпожа Анна одной холодной ночью в январе 1969 года, и я записал это так, как услышал. О том же свидетельствует и монах Савва, который был постриженником преподобного.

Спустя несколько лет после обретения мощей я пришёл поклониться этому святому мужу. Я увидел над его ракой сотни лампад и

приношений ⁵⁸ . Всё это было знаками благодарности за его чудеса, в особенности за исцеления от рака, этой ужасной болезни, как рассказала мне игуменья исихастирия.

По его святым молитвам, Господи, помилуй нас!

Богоявление

Все жители Греции, сохраняющие связь с нашей Святой Церковью, знают об отце Димитрии Гангастафисе. Более того, некоторые боголюбивые люди после его смерти постарались издать большую книгу с его жизнеописанием. Мне посчастливилось лично познакомиться с этим праведным священником. По совету старца Филофея я посетил его в его селении. Вместе с моим братом во Христе мы провели с отцом Димитрием три часа и увидели в нём человека благоговейного, боящегося Бога, с истинной

⁵⁸ В знак признательности святому за исцеление или спасение в каком-либо бедствии у греков принято заказывать у ювелира или покупать готовыми серебряные или золотые изображения различных частей тела или всего человека, которые привешиваются к иконе или над ракой с мощами. Приношениями часто бывают также различные драгоценности и ставшие ненужными после исцеления костыли.

ревностью о Нём, которая никогда не угасала, несмотря на то, что он был семейным человеком.

Где бы он ни жил, жизнь его была какой-то сверхъестественной: он находился под непосредственной защитой Архангелов.

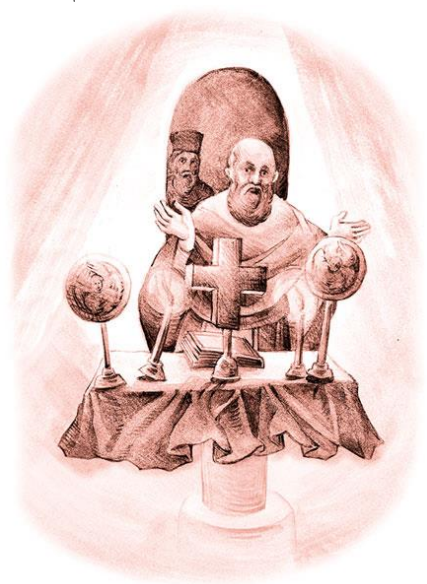
— В годы партизанской войны, — рассказывал он своим хриплым голосом, — со мной случилось много чудесных вещей. Много раз, братья, попадал я в засады и на минные поля, но от всего этого избавил меня Господь.

Все покушения на его жизнь нашими «добрыми земляками» были хорошо спланированы и организованы, но Господь хранил Свой избранный сосуд, так как хотел, как выяснилось впоследствии, использовать его для служения таинству спасения рода человеческого.

Уста батюшки не умолкали, повествуя о чудесах святых Архангелов. Понемногу он довёл нас до храма Бесплотных Сил, в котором ежедневно служил, и рассказал нам о чуде, свидетелем которого был в последнее время: «Во время литургии святая Трапеза благоухает. Христиане приносят мне вату, я кладу её под верхний покров и к концу литургии она начинает источать сильное благоухание, хотя рядом не было ни пятна от святого мира ⁵⁹, ни от какого-либо другого

⁵⁹ Благовонное масло, употребляющееся в таинстве

ароматного вещества».

Я действительно ощутил это благоухание. Подняв покров со святой Трапезы, я увидел под ним лишь высеченную из камня доску без какого бы то ни было признака вещественного мира, ощущалось благоухание одного лишь мира невидимого. Это было не что иное, как утешение от Духа Святого доброму отцу Димитрию.

Он рассказал мне и о другом утешении от

Миропомазания.

Бога, о котором говорил и старец Филофей.

«Как-то раз я служил, — восхищённо говорил он, — на вершине самой высокой горы острова Парос во время праздника Всех святых. На клиросе пел старец Филофей, в храме было много народа. Как только началась Херувимская песнь, святая Трапеза стала двигаться вперёд-назад. Страх и трепет охватили мою душу. Я подумал: «Это ведь вершина горы. Кто знает, может быть, здесь кратер вулкана. С другой стороны, удивительно, что она движется постоянно, как живой человек, который устал, еле держится на ногах и шатается из стороны в сторону. Если бы это было землетрясение, то оно бы уже прекратилось». Испугавшись, я позвал старца Филофея. «Посмотри на святую Трапезу. Из-за моего недостойнства она колеблется, как лист на дереве. Я перепуган и не могу продолжать службу». «Не бойся, продолжай Божественную литургию, — сказал он мне настолько спокойно, как будто перед нами было что-то обычное. — Сам Бог явил нам Себя, отец Димитрий. Радуйся и ликуй! Христос, восседающий с Отцом на небесах, здесь пребывает вместе с нами». Чтобы выразить это благоговейнее, он встал со своего стула, хотя был очень слаб, и трижды перекрестился, поя: «Бог — Господь, и явился нам; благословен Грядый во имя Господне!» А нас охватил страх и трепет, и мы никому ничего не сказали, так как испугались этому

поистине божественному богоявлению и откровению».

Когда отец Димитрий хотел что-то выделить и подчеркнуть, то он обычно это пел. Так и тогда, когда наш визит к нему подошёл к концу и настало время уходить, он попрощался с нами по-евангельски: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы и возвратися в дом Свой»⁶⁰.

Наши резервы

Бывает так, что епископы Церкви не вполне соответствуют нашим ожиданиям. Иногда они утрачивают не какую-то безделицу, а то, о чём сказал Господь: «Вы — свет миру»⁶¹. Стёкла их светильников тускнеют, и они перестают светить миру. В нашем жизненном странствии много безлунных ночей и невидимых рифов. Что же бывает, если корабль на них наткнётся? Капитан с командой наверняка пойдут на дно. Но Бог, любящий наше спасение как ничто другое, не допускает нам остаться игрушкой волн. Несмотря

⁶⁰ Лк. 1:56. На богослужении у греков Евангелие не читается, а поётся.

⁶¹ Мф. 5:14.

на все церковные соблазны и недостатки у нас есть хорошие священники — наша опора и утешение, и благодаря им ещё не весь наш народ погиб. Борющиеся за своё спасение христиане плывут к хорошим священникам. Так, в 50-е и 60-е годы в Церкви горело несколько хороших очагов. Быть может, из их труб и не шёл дым, который бы привлекал других, но в очагах этих всегда горел огонь.

Отец Иоанн

Отец Иоанн, служивший в Афинах в храме Богородицы Ромви ⁶², был прекрасным духовником. Когда он исповедовал, особенно после служения Божественной литургии, его слова бывали росой для сожжённых сердец согрешивших людей. Они говорили друг другу: «Исповедуйся отцу Иоанну, лучше всего после литургии, и найдёшь покой».

Даже один известный святогорский монах, созерцатель и духовный писатель, признавал за отцом Иоанном дар духовничества.

⁶² Храм был построен во время турецкого владычества и назван по фамилии ктитора — Ромвис, или Румбис.

Отец Илия

Отец Илия, служивший при больнице «Благовещение»⁶³, был желанным прибежищем для отчаявшихся. Ежедневно с 16 до 22 часов он с большим терпением подавал обильное врачевание попавшимся в руки невидимых разбойников, прижигал и умягчал их израненные души. Как бы он ни уставал, он никогда не отказывался выслушать человека. Всегда сидя в епитрахили на «электрическом стуле», как он любил говорить, он очень внимательно выслушивал кающегося. Он давал понять, что будет ждать его в исповедальне⁶⁴. Чего только ни слышал этот «киоск», расположенный в углу храма Благовещения! Чтобы облегчить исповедь для приходящих, он написал небольшую книжку под названием «Почему ты Ему не открываешь?», на обложке которой был изображён Господь, стучащий в двери без замка. В утренние часы он ежедневно посещал больных в их палатах. Он

⁶³ Так называется центральная городская больница в Афинах.

⁶⁴ В Греции исповедь совершается не в храме, а в особой комнате при храме — исповедальне.

утешал, исповедовал и помогал всем, о ком некому было позаботиться. Его часто можно было увидеть с документами в руках, с которыми он ходил из одной конторы в другую, чтобы оформить инвалидность для таких людей, среди которых бывали святогорские отшельники из скитов и келий. Он уговаривал больных поисповедоваться, не становясь при этом надоедливым и нежеланным. Он прекрасно знал искусство из искусств — пастырство душ. Но по отношению к тем, кто продолжал совершать один и тот же грех, он становился суровым, особенно к посвящённым в священный сан.

Позднее вопреки своей воле он стал епископом, и с тех пор погас очаг в больнице «Благовещение». Многие скучали по его литургиям, по его простым и образным проповедям, а особенно по благодатным исповедям. Тогда я и услышал, как один христианин говорил: «Мы остались без наших резервов».

Как епископ он оказался неугоден своим собратьям, и они, не терпя настоящего монаха в своей среде, отправили его на покой.

Драгоценными камнями в его митре были простота, вежливость, приветливость, любовь к богослужению и, самое дорогое, отеческое отношение к пастве. Он никого не оставлял в пасти волка и чуть ли не свистом призывал человека, чтобы спасти его от опасности. Его называли жестоким и резким из-за того, что он ни в чём не поступался своими принципами. Отец Илия среди архиереев останется известным своей скромностью, а также бедностью одежды и облачений. Его облачения были пошиты из самых дешёвых тканей, какие только продаются в церковных магазинах.

Были у него и другие украшения, о которых я не могу не упомянуть: милостыня, которую он предпочитал всему другому. Он часто выплачивал долги должников, чтобы те не потеряли своих квартир. Также вместе с отцом Евсевием⁶⁵ он содержал пансион для студентов, которым негде было жить. Ещё одно украшение: дух ученичества, который он не утратил до глубокой старости. Чтобы монастырь в его епархии жил по правилам православного монашества, а не по его собственному уставу, он всегда, как маленький ребёнок, спрашивал совета у других.

После вынужденного ухода на покой он не остался без дела, но вернулся в исповедальню и с большими трудами основал женский монастырь. В него он собрал своих духовных дочерей, которые до сего дня непритворно и бесхитростно свидетельствуют о Христе. Они не допустили у себя нововведений, но остались верны преданиям отца Илии, которые тот воспринял неповреждёнными от старца Амфилохия.

После долгой болезни он почил в этом монастыре. Издана книга, посвящённая его памяти.

⁶⁵ Речь идёт об отце Евсевии Матфопулосе, первом председателе братства «Зои».

Отец Евсевий

Отец Евсевий, служивший священником при больнице «Иппократион», был, как и отец Илия, монахом святой Калавритской лавры⁶⁶. Много лет он был светильником для ходящих во тьме, который никогда не коптил и не ослаблял своего света. К приходящим к нему на исповедь он относился по-братски и с любовью. На его лице всегда была искренняя широкая улыбка, при виде которой можно было сказать: «Наконец-то в моей жизни настал счастливый день!» Обычно он исповедовал поздним вечером, но рядом с ним казалось, будто сияет яркий солнечный день. Он давал советы, не повышая голоса, говоря шёпотом, как мать больному ребёнку: «Потерпи, и мы это преодолеем. Не бойся, у нас есть, есть Первосвященник, Который может понести наши немощи».

⁶⁶ Знаменитый монастырь на Пелопоннесе, в котором в 1821 г. началось восстание против турок.

Литургию он совершал с великим смирением, и его увещание о частом Причащении к собравшимся в храме святого Луки было таким: «Святую Чашу должны опустошать вы, а не священник после отпуска». Это говорил он после литургии с благоговением и как бы стесняясь. Я говорю об этом потому, что мне приходилось видеть много священников, которые обращаются со святой Чашей так, будто она пустая: они поднимают и опускают её, как кружку в пивной. В конце 50-х годов один католический священник в храме святого Антония увидел, как православный

обращается с Чашей, и сказал старцу Амфилохию: «Мы и с обычным стаканом обращаемся аккуратнее, чем этот клирик обращался сегодня со святой Чашей».

Перед началом службы отец Евсевий всегда коленопреклонно молился перед святым жертвенником.

После того как закончилось его служение в больнице, он восстановил монастырь святого Иоанна Богослова в Эгии на Пелопоннесе. Он ежедневно служил и исповедовал с удивительной любовью вплоть до своей праведной кончины. И до сего дня община монахинь поддерживает горящим светильник, зажжённый старцем Евсевием.

Отец Георгий

Господь в Своей прощальной беседе с апостолами просит, чтобы мы пребывали в Его любви⁶⁷. Некоторым людям наш благой Бог не даёт иногда повзрослеть, он оставляет их детьми, чтобы они оставались в Его любви. Они в буквальном смысле от утробы матери возлюблены Христом. Одним таким клириком, постоянно находившимся под покровом Божиим, был отец

⁶⁷ Ин. 15:10.

Георгий, служивший священником при больнице «Святой Савва». Лицо его сияло невинностью, а глаза лучились, как у ребёнка, только что проснувшегося в своей колыбели. Его вопросы часто были даже наивнее, чем у маленьких детей, как будто он только что появился на свет и ещё ничего не знает о том, что происходит в мире. Во время исповеди ему человек понимал, что значит снисхождение, и говорил себе: «Боже, к какому младенцу я пришёл на исповедь!» А когда его сердце от этого смягчалось, то он отдавался невинности старца: «Что мне теперь скрывать? Я нашёл друга, с которым можно поговорить, так неужели я буду перед ним умничать?» Отец Георгий как бы ослаблял узду, чтобы человек не начал сопротивляться, и после этого снимал тяжесть с его души, а под конец натягивал её, чтобы он снова не впал в грех. После этого человек, уже привязанный к нему, как в старину лодку привязывали к кораблю, продолжал своё путешествие по невидимому морю. Господь довольно рано взял его к Себе, «чтобы злоба не изменила разума его»⁶⁸. Впрочем, к тому времени он уже достиг своей цели: созерцать лицо Бога Иаковлева.

⁶⁸ Прем. Сол. 4:11.

Шумный отец Анастасий

Отец Анастасий служил священником при Народной больнице и был полной противоположностью вышеупомянутым отцам. Он был богатырского телосложения. Ему как-то не шло уменьшительное обращение «батюшка». Он был огромным и очень сильным, земля дрожала от его шагов. Отец десяти, а может, и более, детей, он легко удерживал их в узде. Служивший юнгой на кораблях во времена святого Нектария, он хорошо помнил портовый жаргон и пользовался им, словно острым серпом, когда необходимость или обстоятельства побуждали его к этому. Его назначили священником в храм Святой Троицы на улице Кифисии. Став свидетелем неблагоговения и нечестия своего собрата-священника, он попросил, чтобы его назначили служить при больнице одного, без помощников. Ему сказали:

— В больнице нет денежных треб, у тебя много детей, а зарплата маленькая. Ты будешь голодать.

— А вы что, хотите, чтобы я зарезал нечестивых священников, как Илия?⁶⁹

⁶⁹ 3 Цар. 18:40.

Персонал больницы был неверующим от первого до последнего человека. Их война с отцом Анастасием не прекращалась.

— К счастью, Бог дал мне силушку, и они меня боялись, а иначе они вышибли бы меня оттуда, — говорил он с улыбкой. — Мне приходилось поступать очень осторожно, чтобы меня совсем не уволили.

И он продолжал рассказывать:

— Искушением для меня стал насущный хлеб. Наступила осень 48-го года. За целую неделю никто не купил ни одной свечи, ни одной бутылки масла

для лампад. Масло закончилось, и лампада у иконы святых бессребреников погасла. Вечером в субботу я допоздна оставался в исповедальне. Снаружи холодный северный ветер шумел листьями, но не было слышно человеческих шагов. В таких случаях я обычно смотрел в окно. Мимо никто не проходил. Я сказал сам себе: «Как я пойду домой? Как посмотрю в лицо жене? За целую неделю никакой выручки, и мне нечего ей принести». Я приклонил колени и обнял ноги изображённого на распятии Христа, не зная, что Ему сказать. Прошёл час, и мне пришло время уходить. Когда я стал поворачивать ключ в двери, из темноты меня позвала какая-то женщина:

— Отец Анастасий, отец Анастасий, подожди, не закрывай! У меня умерла мама, и я хочу оставить тебе три тысячи драхм на сорок литургий.

Я вернулся, стал на колени перед распятием и стал благодарить так, как никогда не благодарил ни свою жену, ни детей. Я пошёл и купил всё, что нужно: стол был завален едой. Выгружая пакет за пакетом, я говорил жене: «Вот, моя глупая зануда, всё, о чём ты плакала».

Так несчастливая неделя обернулась милостью Божией к его дому.

Перед этим распятием, у которого он постоянно молился, приклонял колени и всякий приходивший на исповедь. Во время исповеди отцу

Анастасию кающемся было не до шуток. Исповедь у него была настоящей хирургической операцией без наркоза. Утаить от него что-то было невыносимо. На память само собой приходило и недавнее, и давно уже забытое.

Как-то во время жаркого августа я сказал ему:

— Я больше не могу. Мой организм не выносит этой жары.

Он схватил меня за руку, сильно сдавил её и показал мне на вены. Со слезами он спросил меня:

— Что там течёт внутри, сынок?

— Кровь, — ответил я.

— Неправильно. Грех, сынок! Приходи завтра утром причащаться. Ради тебя я буду служить.

У этих духовников был благодатный дар исповеди: они умели угашать горящую печь греха и не давали разжигаться утихшим страстям.

Иеромонах Тимофей

В самом бедном районе Афин на улице Менандра, что возле городского рынка, есть храм святого Афанасия — подворье монастыря Богородицы Хрисолеонтиссы на острове Эгина. В те годы там служил иеромонах Тимофей. Глядя на него, можно было подумать, что когда Бог раздавал простоту, то ему она досталась вся. Для торговцев рынка, которые целый день ходили по прогнившим

доскам, он был надёжной опорой. Ежедневно он служил вечерню, а утром — утреню и литургию. Певчими были простые люди, которые рады были попеть уже потому, что петь не умели. Юноши, которые им помогали, впоследствии стали монахами. На одной литургии преждеосвященных Даров, на которую я как-то зашёл, среди тихого света лампад можно было услышать лишь тихий голос пророка: «Приготовьтесь, христиане, ибо идёт Царь славы!»

Многие утомлённые работой люди полюбили богослужения в этой церковке. На афинском базаре отец Тимофей был таким человеком, от одного лишь взгляда на которого грешникам становилось стыдно, а благоговейным людям радостно. Лицо его было лицом Ангела. Раскладной стульчик отца Тимофея больше подходил для необразованных и бедняков. После недельных трудов на огромном рынке торговцы подходили под простенькую епитрахиль отца Тимофея. Сколько раз субботними вечерами я видел в церковке святого Афанасия лежащие на полу покупки и их исповедающихся хозяев! Очаг отца Тимофея согревал постом, бдением, молитвой, а не академическим богословием и самоуверенным «по моему мнению». Потому-то из его короткого дымохода и поднимался дымок, неразличимый для большинства людей.

Благодаря его трудам и помощи других христиан в Афинах была построена известная богадельня. Перенеся операцию на сердце, он прослужил ещё несколько лет, после чего переселился в обитель, уготованную Господом на небесах любящим Его.

Отец Афанасий Хамакиотис

В те дни ещё один авва свидетельствовал о Христовых Страстях и Воскресении: отец Афанасий Хамакиотис, служивший в храме Богородицы Нэрандзиотиссы в аттическом селении Маруси. Целых полвека удерживал он в благочестии многих жителей Афин, особенно высших чиновников государства. Отец Афанасий был подобен старому дереву, омываемому водами благодати и постоянно приносившему плоды святоотеческого богословия.

Эти отцы не были ни прозорливцами, ни чудотворцами. Они спустились на палестру⁷⁰, боролись с грехом среди простых людей и оставили после себя памятник победы над бесовским коварством. Они жили по преданию прежних священников: не стригли волос, не

⁷⁰ Площадка для борьбы, борцовский ринг.

умащались ароматами, вели себя скромно и жили бедно. В отношении того, что совершается в Церкви, от них никогда нельзя было услышать таких слов: «я полагаю», «у меня есть мнение», «а это я сделал бы так». Они были хорошими подражателями отца Николая Планаса ⁷¹ : ни отрезали, ни пришивали, но всё продолжали делать так, как приняли от своих предшественников.

С отцом Афанасием я познакомился в маленьком монастыре Успения в аттическом

⁷¹ Св. Николай Планас (1932) служил приходским священником в Афинах и был очень любим народом за благоговение, милосердие, нестяжательность и простоту.

селении Бала. Он тогда сказал мне:

— Посиди со мной, я хочу исповедоваться тебе в своём грехе и рассказать о том, что меня печалит. Грех мой в том, что я, сам никогда не подвизавшийся в послушании, требую его от других. Так, когда я говорю кому-то о монашеском послушании, мне становится стыдно, потому что сам я не знаю этого подвига, и это ранит моё сердце. Теперь, когда я читаю книги отцов-подвижников и думаю о награде за послушание, то понимаю, чего я лишился, и это меня очень печалит. Только теперь, состарившись, я, как маленький ребёнок, начал что-то понимать, и вижу, как много я потерял в начале моего монашества. Поэтому я постоянно повторяю себе: «Молчи, старик!» А совершенно несчастным сделало меня толкование святых отцов на Послание к Филиппийцам: Христос спас нас не тем, что учил, творил чудеса, был распят и воскрес, а тем, что был послушен до смерти⁷². Где у меня это великое делание? Где опыт отсечения своей воли?

Сейчас он почивает у стены соборного храма основанной им обители. И как те, кто был с ним знаком, так и те, кто лишь слышал о нём, приходят поклониться его могиле и чтут его память; есть

⁷² Флп. 2:8.

также посвящённая ему книга.

* * *

Вот имена священников, с которыми я разделял трапезу и беседовал как на обычные, так и на серьёзные темы. В то время и в других городах и сёлах сияли горящие светильники Церкви, согревавшие своим теплом приходивших к ним людей. Такими были отцы Гервасий Параскевопулос в Патре, Венедикт Петракис в Агринионе, предавший свою душу в руки Божии, когда услышал, что великое братство «Зои» раскололось по причине человеческих немощей (его старое сердце не вынесло скорби и остановилось. Он отошёл в печали оттого, что не были услышаны его слова: «Разве мы не вкушали от одной трапезы? Зачем же нам распадаться вопреки повелению слова Божия?»). Такими были Феолог и Поликарп в Трикалах, Иоиль Яннакопулос в Каламате и многие другие, которые в XX веке удерживали мир своим примером и учением от стремительного нашествия сексуальной революции, нигилизма и проклятого экуменизма. Среди народа Божия они получили имя «наши надёжные резервы».

Севастиан, епископ Коницы, высокая башня современного эллинизма, епископ Креста

Став епископом, отец Севастиан занялся не возведением великолепного епископского дома, который приводил бы всех в восхищение, с диванами и глубокими креслами, с ваннами и картинами. Он занялся служением нашему порабощённому народу. Все свои деньги до последней драхмы он истратил на помощь несчастному населению Северного Эпира⁷³, к которому были прикованы его речь, его взгляд, всё его существо. О нём он говорил, на него смотрел, о нём были все его помыслы и днём, и ночью. Чем больше ему говорили: «Да забудьте Вы об этом потерянном Северном Эпире!», тем больше разгоралось его сердце, чтобы осветить его жителям путь к свободе. Один мой друг епископ говорил:

— Сколько денег тратит благословенный Севастиан на это дело, которое все считают мёртвым?

⁷³ Территория с греческим населением на юге Албании. Была под властью Греции в 1940-41 годах, но после нападения Германии на Грецию отошла к Албании.

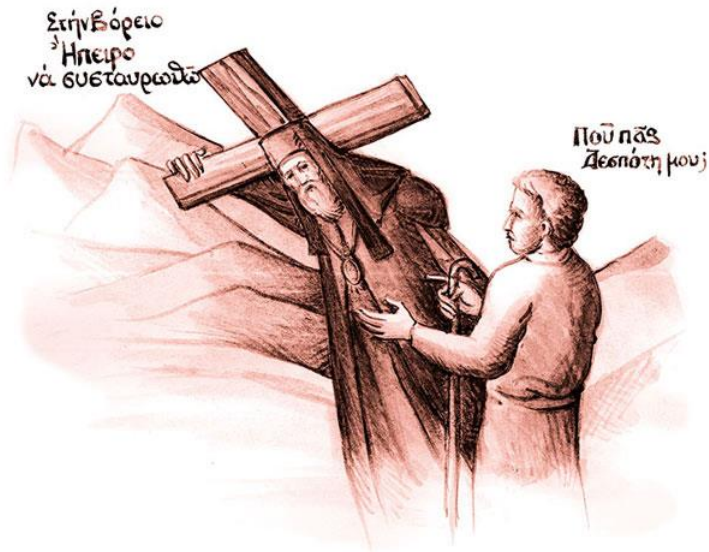
Когда я ему сказал, то он ответил:

— Отец игумен, Христос на мёртвых являет Свою силу, а мы сами хотим показать миру воскресение из мёртвых. В этом месте никто не умер, но все живут и ожидают воскресения. Пускай обнажатся кости Северного Эпира, всё равно на них появится плоть и жилы⁷⁴, и вскоре они запоют: «Христос воскрес, и Северный Эпир воскрес!»

С Севастианом я познакомился, когда был игуменом монастыря в Прусе. Он просил у нас частицу мощей святого Иоанна Коницкого, тело которого почивает в этой обители. Его приезд и знакомство с ним остаются для меня одним из самых приятных воспоминаний. Если бы я познакомился с ним раньше, то, возможно, я не отправился бы на Патмос, но последовал бы за ним в высокие горы Эпира. Вид у епископа Севастиана Коницкого был сияющий. Его взгляд вызывал в моей душе такие чувства, как будто я увидел перед собой Христа, Который нашёл меня и дал покой. И это не было обычной симпатией, потому что встречался я с ним очень редко. Для меня владыка Севастиан остаётся величайшим музыкантом, игравшим на струнах моего сердца. Он был беден и не имел ничего лишнего, был благоговейным,

⁷⁴ Ср. Иез. 37:1-14.

искренним, тихим, кротким, аскетичным, смиренным, смелым, дерзновенным, горящим, неутомимым тружеником на Божией ниве — Церкви.

— Куда идёшь, Владыка?

— В Северный Эпир, чтобы распяться вместе с ним.

Трижды приезжал он в наш нищий Дохиар, несколько раз мы вместе праздновали Успение Богородицы в монастыре Моливдоскепаста, разделяли трапезу на балконе студенческого

пансиона, принадлежащего его митрополии, беседовали в тени кипарисов, посаженных основателями обители, при этом каждый радовался присутствию другого; я также посетил его в больнице незадолго до его смерти, а во время его погребения в своём надгробном слове всем рассказал о его великих делах. Вот это слово:

«Честнейшие святые епископы Церкви, честное пресвитерство, правители этого города и весь народ Божий! Уже третий день все радиостанции, как церковные, так и светские, говорят о случившемся, и уста всех тихо шепчут: «Почил владыка Коницы Севастиан». Добрые люди с плачем в сердце говорят: «Жаль, что не дожил он до того, чтобы увидеть свои мечты сбывшимися». А другие им отвечают: «Это удел всех великих людей. Разве дожил Ригас Фереос⁷⁵ до освобождения Греции? Разве вошёл Моисей в землю обетованную?» А какой-нибудь монах скажет: «В любом случае, семя упало в землю. Кто знает, что Бог из него вырастит?»

Недремлющее око Северного Эпира, которое

⁷⁵ Один из вдохновителей греческого восстания против турок, начавшегося в 1821 г. и приведшего к освобождению части современной Греции от турецкого владычества. Был убит турками в 1798 г.

с мольбой взирало на Бога и людей, ныне смежило веки, чтобы открыть их в более светлом, более сияющем, немеркнущем свете Царства Небесного. Уста нового Иеремии уже не оплакивают и не говорят миру о страданиях и тирании в несчастном Северном Эпире, но просят пред Богом-миротворцем о его мире и избавлении. Заступник этой пограничной области погребается ныне посреди зимы, и всеблагий и праведный Бог награждает Своего труженика, делая этот день весенним и светлым, как та пасхальная радость, которую испытывал всякий, кто общался с ним. Много страниц можно исписать, говоря не о том, каким он должен был быть, но о том, какой действительно легендарной, героической и святой была личность почившего старца Севастиана.

Впрочем, как монах Святой Горы, я лучше расскажу о том, чему сам был свидетелем. Владыка Севастиан был человеком, одарённым от Бога, с прекрасной душой и благородной внешностью. И, благодарение Богу, десять полученных талантов он обратил в сто. Он жил бедно, скромно и смиренно.

Епископский сан не сделал его надменным, поэтому я всегда чувствовал, что он представляет в мире нас, монахов. Его присутствие пробуждало лучшие чувства и успокаивало не только нас, монахов и клириков, но и мирян. В нём можно было увидеть характерные черты святых: нестяжательность и смирение, которые являются самым надёжным путём в Царство Небесное.

Далее, кроме дара учительства, который перестал быть редкостью в наше время благодаря всеобщей грамотности, у него был редкий дар отеческого отношения к пастве. Очевидно, что до того, как стать отцом, он был послушным сыном. С отеческой любовью он действовал в этой непростой области, забытой многими влиятельными лицами, собирая избранных сотрудников и подлинных героев для работы в таинственном винограднике Божиим; и они оставались с ним без ропота, сомнений, в хорошем духовном состоянии, принося плоды духовной жизни. Даже не успев близко познакомиться с ним, каждый ощущал исходившее от него сердечное тепло. Вместе с ним было легко как гулять по морскому берегу, так и подниматься на крутую Голгофу. Он был благороден, и его благородство само собой переходило к другому. Он не подавлял других ни саном, ни дарованиями, но старался вести себя так, чтобы и самый слабый почувствовал себя сильным.

Он был рождён для того, чтобы пострадать за народ, вверенный ему Церковью. С момента своего рождения и до самой смерти он взирал на символы страдания, а когда страдал, то радовался и становился человеком иной, удивительной жизни.

Никто не уходил от него, не ощутив мира в своей душе и сильного желания поскорее увидеться с ним ещё. А уходя от него, все мы благодарили Господа, сохранившего в Своей Церкви такой прозрачный родник.

Сильный руководитель, особенно в великих делах, он иногда бывал жёстким, непреклонным, неуступчивым. У владыки Севастиана было редкое сочетание качеств: одновременно он был и начальником, и любящим отцом, кротким и нежным. Но больше обо всём этом нам могут рассказать его сотрудники и те, кто знал его близко.

Для нас, низших клириков и монахов, особенно для молодых, имеющих нужду в примере для подражания, чтобы идти и не падать, плыть и не тонуть, смерть владыки Севастиана — большая потеря. Известно, что есть люди, под влияние которых мы, клирики и монахи, подпадаем вольно или невольно. Когда подвизающийся клирик слышит, что какой-нибудь епископ живёт аскетично, по-апостольски, и мужественно

сражается с мироправителем века сего⁷⁶, то это придаёт ему смелость и силу в его собственной борьбе. Если сам Иоанн Златоуст скорбел о своём времени и говорил: «Где ныне слёзы Ефрема Сирина? Где ныне великие подвижники и учителя Церкви?», — то разве мы не можем сказать: «Где Амфилохии и Филофеи? Где Порфирии и Иаковы? Где Паисии и Севастианы, к которым люди бежали, подобно мучимым жаждой оленям, чей один только светлый облик прекращал страдания и возливал бальзам на их души?» Как нам не рыдать и не оплакивать наше духовное лишение и сиротство, особенно в такое время, когда «Закон изнемог и упразднилось Евангелие»⁷⁷?

У тебя, Коница, много ещё будет владык, но никого, подобного Севастиану. Есть люди, равные пророкам и мученикам, которых Бог посылает нам раз в триста лет, и не потому, что Он жаден, но потому, что их трудно найти. Моли Бога, народ Его,

⁷⁶ Ср. со словами ап. Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12).

⁷⁷ Выражение из Великого покаянного канона св. Андрея Критского.

чтобы Он просветил наших иерархов послать в это царственное место делателя трудолюбивого и старательного не для того, чтобы пользоваться этим местом для себя, но для того, чтобы привести его в порядок и собрать вас, его жителей, в церковную ограду; чтобы он болел душой как за всех вас, так и за каждого в отдельности.

Радуйся, старец Севастиан, покоящийся ныне на лоне святых патриархов! Радуйся, пастырь добрый, вместе со святыми пастырями Церкви! Радуйся, смиренный и нестяжательный монах, вместе со всем ликом преподобных, от века просиявших! Радуйся, прекрасный служитель литургии, повторявший до своего последнего часа: «Как мне хотелось бы служить литургию! Мне её очень не хватает» (и действительно, по учению Евангелия, божественное Причащение есть не что иное как жажда Бога). Радуйся, учитель и убедительный проповедник воздержания и истины! Радуйся, распятая любовь и добровольный свидетель Христов! Радуйся, глава и вождь нового эллинизма! Мы благодарим тебя за всё, что ты для нас сделал, за твой прекрасный пример, за мир и любовь, которые ты оставил нам, уйдя из этого мира. Последний раз я спросил тебя в больнице в Яннине:

— Ты хочешь жить?

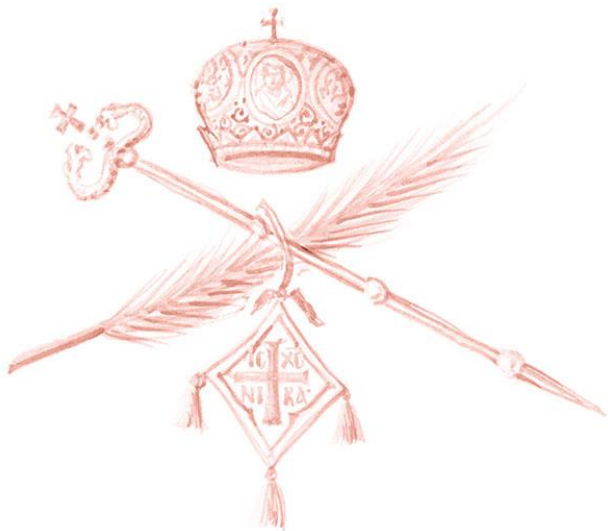
И ты ответил:

— Ради вас и моих сотрудников, которых очень люблю, хочу, но для себя предпочитаю небо.

Также мы благодарим тебя за последний урок, который ты нам преподавал: умирая, ты просил прощения так, как будто был величайшим грешником.

— Зачем вы за мной ухаживаете, детки? — говорил ты. — Я недостойн этого и грешен больше всех людей.

Это кончина преподобных, которые, умирая, сознавали своё недостойнство. Да будет такой и наша кончина. Аминь».

Завещание

Один смиренный священник, прослуживший пятьдесят восемь лет в селе Като Потамья в области Аграфа⁷⁸, оставил в сердцах своих односельчан добрый пример и мудрые слова. Хотя у него и были строгие принципы (он твердо придерживался учения Церкви и в вере, и в нравственности), но был любим своею паствою за то, что жил согласно своему учению. Он собственными руками выполнял не только все работы, необходимые для поддержания храма, но трудился и на общинных работах, которые в то время назывались «личной деятельностью сельских жителей», помогая в них своими руками, работая киркой и лопатой вместе с одетым в лохмотья вспотевшим рабочим и не считая это чем-то унижительным. (А ведь сегодня даже на Святой Горе многие полагают, что очень унижительно трудиться над реставрацией собственного монастыря, возя тачку и работая мастерком; мозолистые руки считаются особенностью людей недоразвитых!) Он был образцом для односельчан во всех сторонах сельского быта. Он был настоящим священником, седобородым, у которого всегда ярко горел

⁷⁸ Область в горах Центральной Греции.

светильник веры. Почему мы должны читать о кюре из Арса⁷⁹, а не о священнике из Като Потамья? Он был образцом священника Бога Вышнего и служителем таинства спасения людей. До глубокой старости, даже находясь при смерти, он прилагал все усилия к тому, чтобы его паства не осталась без богослужения. Он очень переживал о том, что его храм и односельчане останутся без певчего и священника. Об этом запустении он в буквальном смысле пел, чтобы рассудок его не мучился.

Он также был хорошим примером женатого священника. Они с женой уважали друг друга, ибо любили Христа, и каждому из них открывались достоинства другого, лучшие качества и жертвенность. (Мне приходилось слышать, как сельские жители говорили своим жёнам: «Чем ты занималась целый день?», — и от этого моему сердцу становилось больно.) Матушке открывалось терпение и трудолюбие батюшки, а ему — смелость и твёрдость матушки в трудностях жизни. Их семья жила как настоящий древний общежительный

⁷⁹ Католический святой кюре Жан из деревни Арс во Франции — приходской священник, отличавшийся глубокой верой и простотой. Скончался в 1859 г. и канонизирован папой Пием XI в 1925 г. В Католической Церкви он считается покровителем всех приходских священников. В середине XX века о нём много писали, в том числе и в Греции.

монастырь. Никто не имел ничего своего, но всё было общим. Несмотря на суровую сельскую жизнь, они никогда не ругались между собой. (Как-то раз я был в доме одного пожилого священника в Эпире, и когда он назвал свою жену дурой, то я чуть было не утратил к нему уважения.) Хоть им часто приходилось несладко, их объединяла любовь ко Христу и чувство долга.

У него было пятеро детей. Двоих он от всего сердца отдал Христу: один из его сыновей стал священником, а одна из дочерей ушла в монастырь. Другой из сыновей огорчал его своим пристрастием к спиртному, но своё огорчение он выражал без слов, лишь молитвенно воздевая руки к Тому, Кто может избавить от смерти.

Для своего маленького села он был также примером ведения домашнего хозяйства — дела, которое сегодня исчезло даже из самых отдалённых селений нашей страны: петухи не кричат, куры не кудахчут, ягнята не блеют, сады не возделываются. (Румыны такой сад называют коровой: когда захочешь, ты можешь «выдоить» из него всё, что пожелаешь.) В сёлах теперь всё в запустении: от сада до полей и горных пастбищ, а у бабушки всё хозяйство процветало. Его семья всё делала вместе: вместе за плугом и с серпом, вместе на подрезке веток и на сборе винограда, вместе в овчарне и дома, вместе в церкви и на молитве. Казалось, что в

то время, когда в церкви читалась молитва, они становились одним телом с одной душой, небеса открывались, и молитва их достигала цели. Земная жизнь не баловала их своими благами, но своими добродетелями они сами делали её прекрасной. Епитрахиль у священников не для того, чтобы жить в достатке, но для служения Божественной литургии. Потому-то Церковь и возложила её нам на шею, а не на руки: их она оставила свободными, чтобы мы трудились, зарабатывая ими себе на жизнь. Как говорил апостол Павел, «нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои»⁸⁰.

Старый батюшка вместе со своей семейной киноией и паствой переживал о будущем Церкви и Греции. Он плакал, видя как люди отовсюду постепенно, но методично изгоняют Христа, да так сильно, как не гнал бы Его и сатана. Поэтому он посылал письма и к властям, и к архиепископу в Афины, призывая к действиям, которые остановили бы это зло. И хотя его письма не отличаются изысканностью стиля, но они с великим дерзновением говорят об истине, о горькой действительности нашего времени, за которую не в последнюю очередь ответственные люди, облечённые властью.

⁸⁰ Деян. 20:34.

Τελευταίους μου υποθήκες
Αγαπημένα μου παιδιά
Να έχετε όπως σάβερη
Να έχετε αληθινή αγάπη
Να κάνετε το καλό του άλλου και πάντα
Να μην αντιδράτε.

Η υιοθετημένη ρίζα ερεών
Το δάκρυ μου όχι κλάμα και πόνο
Δεν δίνει στεφάνια και δουράδια
Τα δάκρυά μου και αληθινά σόβανα
Το κέρας μου η Καμή διαθήκη
'Η υποσία μου σεμνή εδωχθήκη
Ο τάφος μου αθέριτος με βιαρό και κρημνά
Ενώ γράμματα στον τάφο μου
«Τον τάφο σου κρημνί και έσ' όλη σου κρημνί φημι»
Εσκήδεις όπως αεροσφαιρίως
Δεν χρειάζεται φρονιμότητα
Σε όρους ένα αόρο κρημνί.

Στον τάφο της μάνας σου γράφω

« Η αγάπη σου φημι

πρεσβύτερα Βασιλινή.

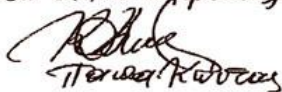
Όταν παθήμε και οι δύο ταφος μόνος

ΣΑΡΑΝΤΑΛΕΙΤΟΥΡΟ

Να έχετε την ελπίαν του Θεού

και τις αγάπες εμείς μου

Και η αγάπη σου οτιδω κρημνί

Πέτρος Κάββας

Отсветом его святой жизни является завещание, которое он оставил своим детям, и которое мы приводим в подлиннике:

Мои последние заветы:

Любимые мои дети,
имейте твёрдую веру.
Имейте полноту любви.
Творите добро везде и всегда.

Не враждуйте.

Терпение — корень добродетелей.

После моей смерти не плачьте и не рыдайте.

Я не хочу венков и цветов.

Оденьте меня в мои белые облачения и
святогорский саван.

Вложите мне в руки Новый Завет.

Пусть мои похороны будут простыми,
скромными.

Могила — без украшений, с крестом и оградкой.

На могиле надпись:

«Я всех прощаю и у всех прошу прощения».

Вместо надгробного слова просто попрощайтесь.

Поминок и застолья не нужно.

Для всех простое угощение.

На могиле вашей мамы пусть будет написано:

«Бесстрашная в жизни

матушка Василики».

Когда мы оба умрём, закажите о нас

СОРОК ЛИТУРГИЙ.

Да будет с вами благословение Божие

и мои горячие молитвы.

До встречи в горнем Иерусалиме.

Отец Константин.

УРОКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Люди, научившие меня святой жизни

С детских лет я слышал слова преподобного Иоанна Лествичника: «Монашество есть постоянное понуждение себя». И моя покойная бабушка Захаро часто повторяла мне поговорку:

— «Рабочий день начинается с ночи». Ты допустишь ошибку, если отложишь сегодняшнюю

работу на завтра.

Я начал удивляться добродетели самопонуждения и полюбил её прежде, чем узнал на деле. И до сих пор я желаю её стяжать как подходящую моему характеру как ни что другое.

Как-то я спросил у старца Амфилохия:

— Чем монах отличается от мирянина?

На это он мне ответил:

— Монах отличается постоянным понуждением себя.

После этого он целый вечер рассказывал мне о монахах, подвизавшихся в самопонуждении.

Самопонуждение принесло мне столько пользы, что у меня появилась мысль посвятить эту главу нескольким людям, монахам и мирянам, старавшимся понуждать себя, о которых я слышал или которых знал лично.

На Рождество 59-го года я приехал в своё село, чтобы провести праздник с родными. Как-то вечером я вышел на прогулку в поле, но не потому, что я склонен упиваться прелестями природы, а для того, чтобы посмотреть на землю своего острова в эту пору (на родине я не был уже четыре года). Я вышел, чтобы посмотреть на возделанные поля, разукрашенные в разные цвета, на ростки посевов, едва-едва показавшиеся из земли, на ухоженные виноградники с обрезанными ветвями, без листьев, с обнажёнными толстыми стволами, которые, будто

змеи, клубками лежали на земле. Я вышел, чтобы ощутить запах влажной земли, чтобы посмотреть, как плывут по небу белые облака, предвещающие людям скорый дождь.

В одном месте посреди виноградных лоз я увидел удивительную картину: девяностолетнего старика, который сидел на скамеечке и окапывал тяпкой виноградную лозу. Он передвигался от одного корня к другому, сидя на скамеечке. Всякий

раз, поднимая тяпку, он громко говорил: «Помоги мне, Матерь Божия!» Я подошёл к нему. Старик уже вспотел и задыхался от усталости.

— Как дела, дядя?

Он поднялся и любезно поздоровался со мной. Старость и утомление не помешали ему выказать благородство. Я знал его с детства: это был один из бывших наёмных рабочих моего отца.

— Да вот, ухаживаю за виноградником; теперь только этим я и могу зарабатывать.

Всё это происходило до того, как появились так называемые крестьянские пенсии. Этому дедушке на одном из островов в Эгейском море приходилось зарабатывать себе на жизнь. У него оставалось чувство собственного достоинства: он не хотел оказаться в таком положении, когда ради милостыни ему пришлось бы стучаться в двери чужих людей. Я закончил свою прогулку, взял у него тяпку и, хотя не был обучен этому делу, успел до ночи окопать много лоз.

Бог не забыл о нём и не оставил без помощи: один благоговейный иностранец взял его в свой дом в Афинах и вместе со своей доброй женой досматривал его, после того, как тот переписал на него свой небольшой участок земли с бедной лачугой.

Ещё в детстве я убедился в том, что женщины иногда бывают сильнее мужчин. У одной бедной

девушки было сильное желание основать монастырь на земле, которая досталась ей от родителей. По ночам в своей хижине, мало чем отличавшейся от стойла, она ткала из хлопка простые ткани, из которых крестьяне шили себе штаны и рубахи. А днём со своим осликом и аршином она ходила по сёлам и продавала ткани, чтобы собрать деньги на постройку монастыря. В те благословенные годы слова «сбор пожертвований» были неизвестны в наших местах. Тому, кто хотел жить благочестиво, нужно было много работать. Ползая на коленях, он должен был выкапывать лук и есть его с сухим хлебом и горькими маслинами под тенью только что возведённой стены храма, пить плохое вино из фляжки, чтобы разжевать кусок сухого хлеба. Его рукам приходилось много трудиться, чтобы построить церкви и колокольни, которые теперь украшают острова Эгейского моря.

Одной морозной рождественской ночью мы с отцом встретили эту девушку за селом; она с двумя осликами ждала одного человека, который пообещал ей привезти цемент. Она вся дрожала от холода. Растрогавшись, мой отец сказал ей: «Иди, дорогая моя, в свой монастырь. Нечего тебе стоять здесь ночью, да ещё в такую погоду».

Она построила свой монастырь, жила в нём со своей сестрой и ныне покоится в стране живых.

Когда я был наместником в монастыре

Лонговарда, то однажды отправился в один дом, принадлежавший монастырю, в котором одиноко жил старый монах, смотревший за монастырской скотиной. Подойдя, я увидел дедушку Гавриила, которому тогда было уже девяносто два года; он таскал еду для поросят. Одной рукой он опирался на палку, а в другой нёс жестянку с едой: разведённую в воде муку с отрубями. Передвигался он еле-еле.

— Что ты здесь делаешь, отец Гавриил? Если ты упадешь, то свиньи съедят и тебя.

— Отец, ты ведь знаешь, что наш монастырь крестьянский. В этом году ячмень совсем не уродил. Если у нас не будет какой-нибудь скотины на продажу, то на что мы будем жить?

Отец Дамиан, легендарный эконо́м монастыря, водой, оставшейся от мытья ног, до девяноста лет мыл лестницу, ведущую к кельям. И мыл он её не шваброй, а тряпкой, на коленях переползая со ступеньки на ступеньку.

Бабушка Лукия, монахиня из Будрума в Малой Азии, до глубокой старости копалась в огороде. Каждый год она мне говорила: «Это в последний раз», — пока ей не исполнилось сто лет.

Да и моя бабушка, которая тоже была человеком, всегда понуждавшим себя, говорила мне:

— Ты никогда не увидишь дня, в который

закончил бы все свои дела. Ты должен много часов отнимать у ночного сна, если хочешь чувствовать удовлетворение от того, что хоть что-то делаешь.

Самопонуждение — характерная черта святых и всех вообще выдающихся людей. Те, кто понуждает себя в материальном, обычно понуждают себя и в духовном.

— Матушка Лукия, целыми днями ты работаешь в огороде. Ты когда-нибудь оставляла свое монашеское правило?

— Ты шутишь, Манолис? Как бы я тогда могла причащаться?

— Отец Иосиф, с тех пор как ты стал монахом, не оставлял ли ты своего правила, ведь ты с утра до ночи копаешься в земле и обрезаешь деревья?

— Нет, не помню за собой такого греха.

— Отец Гавриил, ты успеваешь исполнять своё правило? Ты ведь целый день возишься в огородах и ухаживаешь за скотиной, чтобы у монастыря были молоко и яйца.

— Да, отец. И правило своё я исполняю, и все службы вычитываю⁸¹.

⁸¹ В греческих монастырях монахи, по тем или иным причинам не имеющие возможности посещать богослужения, сами читают службы суточного круга, к которым относятся полунощница, утренняя, часы (1-й, 3-й, 6-й и 9-й), вечерня и

Я видел многодетных матерей, которые ещё до рассвета возвращались с реки с посиневшими от ледяной воды ногами, неся на плече корзину с выстиранной одеждой. Стирать они всегда ходили ночью как для экономии времени, чтобы успеть вернуться домой до пробуждения детей, так и для того, чтобы соседи не увидели, в каких лохмотьях они ходят дома. Одежда на выход всегда была хорошей, но домашняя была такой убогой, что мы сегодня и представить себе этого не можем. Но и у бедной матери было чувство собственного достоинства, из-за которого она хотела скрыть свою бедность. Вот старинное благородство! Вот каково наследие предков: наши матери, несмотря на четыре столетия рабства, сохранили стремление блистать на улице подобно императрицам Византии.

Опять и опять самопонуждение.

— Мама, когда мы уже будем сидеть на красивых скамейках и спокойно любоваться морем и прекрасными островами вдаль, а вблизи — лугами, виноградниками и горами нашего острова? Мы живём в таком чудесном месте, а наслаждаться им не можем. Целый день мы ходим с поникшими от работы головами и видим лишь носки своих

туфель. Мама, наш дом стоит на таком прекрасном месте! Отсюда с высоты у нас весь мир, как на ладони, докуда видит глаз, но постоянная работа не даёт нам сказать подобно Давиду: «Всё соделал Ты премудро!»⁸² В сентябре у нас сбор винограда и заготовка дров на зиму. В октябре мы будем чистить стойла от навоза, чтобы и поля были удобрены, и у животных зимой жильё было чистым. С первыми дождями мы будем ходить по полям за плугом, а в ноябре — посевная, которая продлится до февраля. В марте уход за виноградниками. В апреле роды у животных, выкармливание новорождённых и варение сыра. В мае жатва, которая продлится до праздника святых апостолов. В июле мучительная молотьба: постоянная беготня с девяти утра до четырёх или пяти вечера. В августе сбор бобовых: гороха, чечевицы и бобов. А отдыхать мы будем 36 августа, если только у этого месяца наберётся столько дней...

— Сынок, не ропщи: Богу это не угодно. Помолись Ему, чтобы мы были здоровы и могли работать. Бог любит трудящегося человека и благословляет его обеими Своими руками.

⁸² Пс. 103:24.

Зарплата

В предместье Афин жил один бессердечный богач. Однажды, когда его оливы принесли богатый урожай, он решил нанять работниц для сбора маслин. Он нанял женщин разного возраста (в то время сбор маслин считался женской работой), и они целый день без передышки работали, стоя под деревьями. От страха перед хозяином они даже предпочитали ходить под себя и пачкаться, чем отпрашиваться у него на одну минуту. Одна шутница говорила:

— Мария, отчего это маслины мокрые? Что случилось?

— И не спрашивай.

Даже когда во время короткого перерыва они ели хлеб, хозяин нервно ходил рядом и подгонял их, чтобы они быстрее возвращались к работе. Но как могла быстрее жевать старуха, потерявшая зубы от возраста и невзгод? Старая говорила молодой:

— Мария, прошу, не торопись, чтобы и мы, беззубые, успели проглотить свой кусок. Считай, что этим ты подашь нам милостыню.

В один дождливый день всё время, пока шёл дождь, хозяин был взвинчен и ворчал из-под своих густых усов:

— Сегодня мы ничего не успеем сделать. Платы своей они не получают.

И вдруг одна из работниц куда-то пропала. Хозяин стал её искать, как сбившаяся со следа охотничья собака; он постоянно ворчал:

— Где же она? Ни там, ни здесь её не видно.

Но вот он увидел, как она выходит из дупла старой толстой оливы. Самая старая из работниц стала ей шептать:

— Мария, где ты была? Сейчас эта собака тебя сожрёт. Он уже целый час сердится и ищет тебя.

И тотчас они услышали грубый голос:

— Где ты была, дура, столько времени?

— Хозяин, мне очень нужно было отлучиться.

— Я тебе не верю! Ты где-то спала! Всё, ты уволена.

— Нет, позвольте мне остаться. Я буду работать быстрее, чтобы возместить Ваш убыток.

Заинтересовавшись, хозяин подошёл к дуплу старой оливы и увидел там плачущего новорождённого младенца, завёрнутого в нижнее бельё измученной работницы. Смягчилось сердце зверя, что-то дрогнуло в его чёрствой душе.

— Возьми своего ребёнка и ступай домой.

— А как же мой заработок, хозяин?

— Ты его получишь сполна.

Мать, как ты, измученная тяжёлой работой, смогла родить сама?

Мать, как положила ты своё дитя на мокрую землю?

Мать, как ты смогла вернуться к работе сразу после родов?

Радуйся же, мать, исполненная самопонижения и трудов!

Радуйся, мать безропотная!

Радуйся, мать, у которой не случилось выкидыша от лишений, которая не посмела прервать беременности, но родила в дупле дерева, где постелью тебе были лишь камни да колючки. С новорождённым тебя поздравили птицы, а искупала ты своего малыша в каплях осеннего дождя.

Живи же, мать, чтобы быть утешением для бедняков и учителем для богатых!

Отцовское проклятие

Когда в Румынии начали выращивать хлопок, то это многим крестьянам дало возможность заработка. Деньги, вырученные от его продажи, сельская община отдавала на хранение священнику, который держал их в своём доме. У священника была касса, и он, получая деньги от сборщиков, писал расписку. Жене этого священника такое занятие мужа было не по душе, она даже называла хлопок «дьявольским растением», от которого когда-нибудь случится пожар в их доме. И действительно, как-то раз к ним залезли воры, украли все деньги и оставили священника в весьма щекотливом положении.

— Вот видишь, батюшка, я ведь тебе говорила, что это дьявольское растение! А ты мне твердил: «Молчи, молчи, зато у людей есть хлеб». Так пускай теперь эти люди и спасают тебя от воров!

Если безобидный хлопок был для неё дьявольским растением, то как нам назвать табак, который с таким старанием выращивается в нашей стране? Мне неизвестно, насколько широко он применяется в медицине и сколько жизней было

спасено благодаря ему, но я знаю, сколько тысяч ежедневно умирают от курения. Один немецкий врач, посетивший наш монастырь, говорил:

— Если бы существовал способ очистки кровеносных сосудов, то люди жили бы по триста лет. А мы сами закупориваем их своими дурными привычками и нездоровым образом жизни. Ведь это страшно, это просто преступление. Я бы даже назвал это самоубийством.

А в нашей стране это зелье выращивается с таким усердием, как будто оно панацея от всех болезней. Но люди сами себя мучают долгими месяцами, ухаживая за табачными плантациями, а потом ещё и пересаживая табак на другое, хорошо взрыхлённое поле. Эта пересадка требует рук, и в это время обычно вся семья выходит в поле.

В то время в наш монастырь привели одну из жертв посадки табака. Это была девушка шестнадцати лет, с которой были мама и старший брат. Язык у неё свисал изо рта и опускался ниже подбородка, и она им постоянно облизывалась. Отвратительное и омерзительное зрелище. Я никогда раньше не видел такого большого языка. Даже у коровы, когда она облизывает телёнка, язык не бывает таким длинным.

— Что случилось? Как вы дошли до такой беды?

— Батюшка, мы сажали проклятый табак. Эта

девочка, которая тоже сажала его, чем-то не угодила отцу. Утром они с отцом поругались. В один момент он послал её к чёрту, и тотчас, как будто тот подслушивал, случилось то, что Вы видите. В это же время на дворе поднялся сильный ветер и унёс всё, что мы посадили. Мы пошли к врачу, а он нам сказал: «Вам надо к священнику», — и послал нас к Вам.

После этого была исповедь всей семьи. На другой день пришёл и несчастный отец, от горя почерневший, как моя ряса.

— Батюшка, я этого не хотел!

— Ну да. Поди-ка теперь исправь.

Мы начали читать положенные Церковью молитвы об изгнании беса. Через три месяца язык у девушки перестал увеличиваться, но она всё ещё не могла говорить. Табак с дьяволом повстречались на поле и надругались над единственной дочерью несчастных родителей. Потом мы оставили это место, и я не знаю, чем всё закончилось.

«Если это послала Богородица, то Она пошлёт ещё раз»

Когда необразованная и простая женщина учится в Церкви, то она становится мудрее мудрецов. Не умея читать, она знает Евангелие и может замечательно пересказывать жития святых. Она знает, когда будни, а когда праздник, когда постный день, а когда нет. О муках и страданиях нашего народа во время его порабощения турками она говорит так, что слова её прожигают сердца слушающих.

— В этот день, детки, турки захватили

Константинополь. Кровь по улицам текла рекой.

Она тактична и трудности жизни преодолевает святыми добродетелями. Никакое злключение не доведёт её до отчаяния, и никакая радость не лишит трезвого рассудка. Прежде всего, у неё есть то, что было и у святых: врождённое благородство и чистота жизни. Короче говоря, церковная женщина как бы продолжает жить в давно потерянной нами Византии, хотя и носит дырявые туфли и изношенное платье.

Напротив, женщина, далёкая от Церкви, особенно когда она богата и живёт в достатке, постепенно доходит до плачевного образа жизни: если в её счастливой жизни что-то пойдёт не так, то она, совсем ещё недавно ходившая с гордо поднятой головой, очень быстро скатывается до позора.

Церковная женщина никогда не бывает верующей только во время скорби, в делах веры она остаётся постоянной. Так и многодетная Мария Скараманга осталась непоколебимой, когда её любовь к Богородице проверялась найденным зайцем.

Было начало августа 1942 года. Голод был таким, что супруги делили на двоих по одной маслине и одной луковице в день. Впрочем, в тех домах, где боялись Бога, Успенский пост всё-таки соблюдался. Однажды Мария раздобыла немного

муки. Она повелела детям, чтобы те растопили небольшую печь. В доме она стала месить тесто, а дети пошли в дровяной сарай и стали понемногу вытаскивать из угла дрова для растопки печи. Вдруг они обнаружили зайца, который спрятался между поленьями. Дети забили его лопатами и, радостные, побежали к матери.

— Мама, сегодня у нас будет заяц! Сама Богородица послала его нам!

— О чём это вы, дети? Неужели вы думаете, что я буду осквернять кастрюли, готовя в них мясо? Ведь теперь мы постимся для Богородицы. Если это от Неё, то Она нам опять пошлёт мясо на разговение. Унесите-ка его отсюда.

— Мама, мы же умираем от голода, у нас нет никакой еды, а ты не хочешь принять этого подарка от Богородицы?!

— Вот что, детки, давайте-ка сначала подарим Богородице пост, а Она воздаст нам за это Своей обильной благодатью. Если Ей не угодно, чтобы мы жили, то мы всё равно умрём, сколько бы мы ни ели.

Зайца взял сосед, приготовил его и, запивая сладким вином, устроил себе праздник...

Подходил к концу пост, во время которого они питались теми немногими овощами, что давала им иссохшая земля. Наступил канун Успения. Люди пошли в виноградники, чтобы найти там хотя

бы немного упавших на землю после сбора сморщенных виноградных ягод, которыми они смогли бы как-то поддержать свои силы.

— Димитра, ты нашла ягоды?

— Нашла, мама. Вот только осы высосали из них весь сок, и они стали совсем сухими.

— Видишь, детка, что из-за наших грехов даже бессловесная природа страдает и мучается.

Мария снова раздобыла немного муки.

— Дети, завтра Успение. Давайте растопим печь, чтобы испечь немного хлеба, который один только и нужен для жизни. А на другие дни у нас пока нет ни крошки.

Дети с радостью побежали в дровяной сарай, разожгли в печи огонь и стали бросать туда сухие ветки. Огонь разгорелся, и языки пламени начали жадно лизать печь. В углу сарая дрова стали заканчиваться. И вот, они снова на том же месте нашли большого кролика, который укрывался там от голодных людей, а может, и от соседа-гурмана, мечтающего отпраздновать Успение с тушёной крольчатинной, приправленной уксусом и сладким вином.

— Детки, — громко сказала Мария, — вот теперь это точно дар Богородицы, а предыдущий заяц был от диавола. Это было попущено Богом, чтобы испытать нашу верность Богородице, защитнице и помощнице нашего острова. Теперь я охотно приготовлю этого кролика, чтобы порадовать вас и чтобы вы от всей души пропели: «Во успении мира не оставила еси, Богородице» (слова из тропаря Успению Богородицы).

Святое упрямство медсестры

В 70-е годы мне пришлось лечиться в больнице «Благовещение». В этом месте страданий и боли тогда еще работали женщины, которых люди улиц называли ханжами, а народ Божий — женщинами, посвятившими себя Господу и служению страждущим. Эти праведницы были столпами веры, любви и самопожертвования посреди мира медицины, пропитанного духом рационализма. Ни одна из них не поколебалась в вере, ежедневно слыша безбожную похвальбу безрассудных людей. Они предали себя благодати Божией и были в послушании у духовника. Благодаря им слабый пол засиял в мире подобно яркой звезде, а больницы работали, как монастыри, так как в них был порядок, дисциплина и добрые нравы. У нынешних медсестёр есть знания благодаря медицинским институтам, в которых они должны учиться, но где их научат добрым нравам?

В этих благословенных сестричествах ковались добрые и серьёзные характеры. В них воспитывался дух самопожертвования, милосердия и доброты. Ни одна из сестёр даже не думала о том, когда закончится её рабочее время, о том, что ей уже пора идти мыться и стирать свои вещи. Блаженной памяти врач Диамандопулос как-то раз, уйдя на работу, вернулся домой спустя пятнадцать

дней и, выслушав приличные такому случаю речи своей жены, ответил: «Как я мог раньше уйти из больницы, если сестрички зачастую задерживаются там больше месяца?»

Эти ученицы Христовы ежедневно распинали себя ради служения душе и телу больного.

За каждым организованным обществом стоят люди, проводящие ночи без сна, которым некогда даже умыться, смертельно уставшие. К сожалению, в наше время самопожертвование перестало считаться добродетелью. Трудягу, который везёт тачку, работает веслом или ловит рыбу в течение целого дня, мир считает недоразвитым. И вот, люди, облечённые властью и не боящиеся Бога, запретили этим мироносицам Христовым трудиться в каком бы то ни было медицинском учреждении, и с тех пор больницы оказались в руках людей, которые и в Бога не веруют, и человека не уважают. Министр здравоохранения, издавший такой указ, позднее признавался: «По правде говоря, без «ханжей» наши больницы стали работать хуже».

Эти посвятившие себя Богу женщины, как бульдозеры, подталкивали людей ко Христу и к жизни по Евангелию. Исповедь и Причастие помогали больным радоваться и надеяться на лучшее.

В больнице «Благовещение» я стал свидетелем сцены любви и терпения сестрички и строптивости одного больного, который перенёс операцию на желудке. Когда после операции прошло несколько дней и ему уже было пора понемногу принимать пищу, он не хотел ничего есть, а также не желал видеть свою несчастную жену. Он всё время курил и кричал: «Мне надоело жить!»

Одна сестричка, как будто ничего не

происходило, принесла ему йогурт.

— Я не хочу.

— Вы должны это съесть.

— А ну, дай-ка его сюда.

Он схватил чашку с йогуртом и выплеснул его прямо в лицо медсестры. Вся её одежда оказалась залита. Через час он снова видит её с йогуртом.

— Вы должны это съесть.

На этот раз омовение сестрички йогуртом сопровождалось руганью и проклятиями. Жена больного, забившись в угол, прошептала:

— Оставь его, дочка!

Спустя немного времени опять появилась чашка йогурта на тарелке в руках той же медсестры.

— Ты меня совсем замучила! Ладно, давай его сюда.

Святое терпение смягчило каменное сердце. В сердце больного заговорил Бог. Спустя немного дней он исповедовался, причастился, снова почувствовал вкус к жизни и обнял свою жену. Домой он уходил с таким признанием: «Терпение этих сестричек спасает и жизни, и души».

Загадочная плита

На моём родном острове во времена турецкого владычества христианам было удобнее

молиться в маленьких церковках как потому, что тогда и священников было много и они не пустовали, так и потому, что туда удобнее было ходить во время сумерек, во избежание опасностей тяжёлого времени. После освобождения от турок, когда и священников стало меньше, и многие из жителей острова разъехались, много таких маленьких храмов было разрушено, чтобы из их камней построить большие, преимущественно по образцу кафедрального собора в Афинах, построенного баварскими архитекторами.

Как-то раз в одном из этих разрушенных храмов оказался восемнадцатилетний юноша, которого все называли богатырём за его огромную силу. Богатырь Илья увидел там лежащую на столбе каменную плиту, высеченную из белого мрамора. Он подумал: «Дай-ка я подниму её, посмотрю, сколько у меня силы». Но, ухватившись рукой за плиту, он не смог даже сдвинуть её. Он стал напрягаться, как будто эта плита решила испытать его силу, попробовал ещё и ещё раз. Он покрылся холодным потом, как будто кто-то его предупреждал: «Не трогай меня!» От неудачи он пришёл в ярость и выбежал оттуда, а ночью увидел во сне почтенного мужа, который повелел ему: «Сперва исполни десять заповедей, а потом уже приходи и сдвигай меня».

На другой день он пошёл к игумену монастыря Лонговарда и по секрету рассказал ему и о своих попытках, и о ночном видении. Старец объяснил ему, что тот имел дело со святой Трапезой разрушенного храма. Спустя какое-то время Илия снова зашёл в напугавшее его место и увидел, что плита лежит внизу, а у столба сверху пропала небольшая подставка под плиту. Он перекрестился, поцеловал столб и ушёл. Богатырь уехал в счастливую Америку и вскоре там умер, оставив нам эту историю о загадочной плите.

Брошенная плита

Один крестьянин пахал плугом своё поле, как вдруг лемех плуга зацепился за какой-то камень. Он стал стегать волов, чтобы они двинулись вперед, но те упёрлись ногами и не хотели двигаться ни вперёд, ни назад. Тогда крестьянин разъярился и начал нещадно бить животных. Волы наконец рванулись вперёд и вытащили из земли четырёхугольную мраморную плиту. Вечером он рассказал жене о случившемся и предложил ей перенести плиту в дом, чтобы она стала у них обеденным столом.

— Не надо! Эта плита, наверное, из храма, и если ты принесёшь её домой, то мы погибли!

— А по-твоему лучше, — отвечал ей дядя Янис, — чтобы мы оставили её валяться в поле?

Уже наутро следующего дня он собрал соседей, чтобы те помогли ему перенести плиту и сделать из неё стол. Они сказали ему:

— Это, должно быть, плита от святой Трапезы. Оставь-ка её лучше там, где нашёл.

Но он их не послушал и устроил-таки из неё обеденный стол. Он также решил, что две выемки на краю плиты будут хорошими пепельницами для курящих. А через три года члены его семьи стали умирать один за другим. Крестьянин пришёл в

отчаяние: «За что мой дом постигло такое испытание?» Одной ночью ему приснился муж, который угрожал ему: «Если ты не вынесешь меня из своего дома под солнце и дождь, то никто из твоей семьи не останется в живых!»

Жена сказала ему: «Соседи предупреждали тебя, да и я как чувствовала, что добром это не кончится, но ты не захотел меня послушать».

До сих пор эта плита лежит за полем и напоминает всем о наказании за нечестие.

Просфора матери

Прежние почтенные художники нашего острова очень любили изображать на своих полотнах сцены сельской жизни, работу крестьян и рыбаков. Вот одна из таких прекрасных сцен: люди разного возраста идут в церковь, проходя к ней мимо высокой колокольни; это были люди, которым нравилось пахать землю плугом, а ещё больше — ловить рыбу. Красивой также была картина, на которой мать несла испечённую ею просфору, завернутую в белое (обязательно белое) полотенце⁸³. Ни летняя жара, ни зимние штормы

83 У жителей Балкан до сих пор сохранился древнехристианский обычай приносить в церковь просфоры, вино, свечи, оливковое масло и ладан, изготовленные ими

не могли помешать ей принести прекрасно испечённую просфору в её любимые двory Господни⁸⁴.

Прекрасную картину, подобную этой, я уже

собственноручно. Просфоры там пекутся большие, размером с тарелку.

⁸⁴ Ср. «Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, стремясь во двory Господни» (Пс. 83:2–3).

несколько лет с удовольствием наблюдаю в подворье нашего монастыря. В определённое время я подхожу к окну и смотрю, как мама приносит жертву за своего ребёнка. Один раз, увидев, как она идёт к нам сквозь сильную метель, я решил совершить литургию на её просфоре. Как только я начал вынимать из неё частицы, то ощутил благоухание, да такое сильное, что мне захотелось тут же её съесть. Сказав сам себе: «Стоп, ведь я должен служить. Что это за внезапный голод?», — я отошёл от жертвенника, чтобы удержаться. Не думаю, что это было искушение, скорее, просто сильное желание. Как бы то ни было, такое благоухание от хлеба я ощутил впервые. Я сам раздробил эту просфору на антидор и положил два кусочка на дискос. По окончании литургии я попробовал их, но вкус и запах были обычными. Я осторожно спросил у женщины:

— Как ты печёшь просфоры? Ты что-то добавляешь в тесто кроме муки?

— Отче, там только мука и больше ничего.

Я по секрету поведал ей о том, что со мной произошло. Тогда она раскрыла предо мной свою душу и рассказала, как начала печь просфоры.

— Я никогда раньше не пекла просфор, да и не умела. Спустя три года после смерти моего ребёнка он явился мне во сне и сказал: «Мама, здесь все дети получают хлеб от своих матерей,

один я никогда не получаю». С тех пор я начала приносить в жертву просфоры. Ничто не мешает мне приносить их в монастырь по воскресеньям. С тех пор я нашла покой, и, сколько буду жить, буду приносить их Богу за моего ребёнка.

Действительно, как много матерей могут пережить это таинство утешения!

Единственно подлинная дружба

Одна девушка выросла сиротой и, повзрослев, стала мечтать о дружной семье и радостях материнства. Впрочем, скоро она во всём этом разочаровалась. Всё, о чём она мечтала, оказалось лишь иллюзиями, навеянными апрельским воздухом островов, напоенным ароматами цветущих деревьев. Мечты пришли и ушли, всё оказалось сном. Ни муж, ни дети не оправдали надежд, которые она вынашивала с детства, вглядываясь в предстоящую долгую жизнь. Уставшая, она вернулась туда, откуда некогда ушла: к своей детской любви ко Христу, Богородице и святым. Она снова, как когда-то, стала молиться им три раза в день, но уже не о том, чтобы они дали ей мужа и детей, а о том, чтобы они сами стали её друзьями. Выйдя на узкую улочку, она начинала молиться вслух. Впрочем, она знала, что её никто не видит и не слышит. Повсюду было

пустынно, как при первобытном хаосе. Она призывала поимённо всех святых, которым были посвящены бесчисленные церковки острова, как те, что видны, так и те, что прятались в лощинах и на холмах, и мысленно заходила в каждую из них. Потом она стала путешествовать таким же образом и к другим святыням, которые были далеко за пределами её острова: она воскуряла фимиам Архангелу Михаилу на острове Сими⁸⁵, Иоанну Богослову на Патмосе, святителю Николаю на Симосе⁸⁶, иконам Богородицы в Амурйяни, на Тиносе, в Наксосе, в Катаполи⁸⁷. Всем им она молилась трижды в день, ища их дружбы. Эту дружбу она и в самом деле приобрела, ибо провела много лет в совершенном одиночестве, не повредившись от этого умом. Оканчивая молитву, она обычно восклицала: «Благодарю вас за то, что снова пришли ко мне из такой дали! Я неграмотна, не могу петь вам песнопений и читать ваших книг.

⁸⁵ Один из островов архипелага Додеканес в Эгейском море.

⁸⁶ Остров в Кикладском архипелаге.

⁸⁷ Острова в Кикладском архипелаге, на которых находятся известные чудотворные иконы Богородицы.

Только ладан могу я принести вам в жертву».

«Мама, скажи так, чтобы услышала каждая девушка: дружба на века может быть только со Христом, и только ею могут сохраняться семьи, которые теперь так легко и быстро распадаются».

Кончина её была мученической: тело её разрывалось от болезни, как у великомученика Иакова Персянина. Когда приходившие навестить её увещали: «Не ропщи на Бога, чтобы не погубить душу», — мужественная женщина отвечала: «У

меня и в мыслях не было роптать». За неделю до смерти она собрала своих близких и сказала им: «На этой неделе я отойду». И действительно, пророчество, сказанное в понедельник, исполнилось в воскресное утро. Умирая, она увещала своих детей: «Не любите мирской славы больше славы Божией».

Любящий молитву человек всегда хорошо ощущает происходящее как в этом мире, так и в мире невидимом.

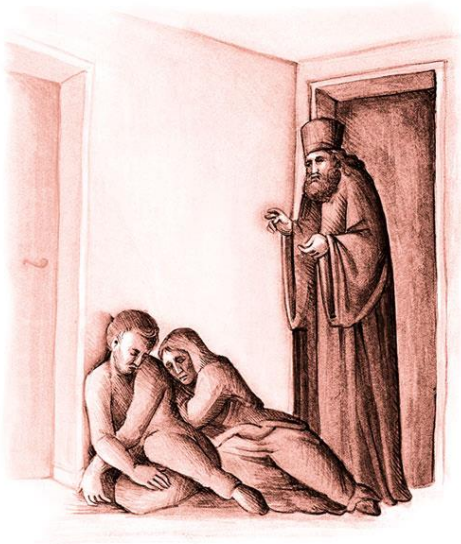
Скромность, выходящая из своих границ, становится жертвой

Одна благословенная супружеская пара, пожилая и смиренная, родом с острова Парос, породившего многих святых, решила поехать на Святую Гору. Предполагалось, что мать будет оставаться у въезда на её территорию, а её пожилой супруг отправится в монастырь, где подвизался их любимый сын. Осуществлению этого прекрасного плана мешало одно обстоятельство: дедушку тошнило во время езды на автомобиле. Впрочем, любовь к сыну помогла им решиться на поездку в Северную Грецию. Они позвонили в монастырское подворье в Фессалониках, чтобы их ждали поздним вечером. Игумен, питавший к ним уважение и любивший их как людей будущего века, провёл

почти всю ночь без сна, ожидая услышать шаги за дверью или звук дверного звонка. Ночь прошла, и он подумал: «Наверное, они и на этот раз отложили поездку». А утром, открыв двери, он собственными глазами увидел, что скромность, выходящая из своих границ, лишает человека всех его прав и приносит его в жертву: старики, чтобы никого не беспокоить, улеглись на холодном мраморном полу и уснули.

«Мама, какая у них красота души, непостижимая уму современного человека, постоянно думающего только о своих правах!»

На протяжении многих лет они посылали в монастырь от своих трудов сыр, крупу, блины. А в дверь кельи своего сына, которого они с такой любовью и трудом воспитали для монастыря, не решались постучать, потому что ценили покой ближнего больше всякой жертвы и всесожжения.

Остановись, современный человек, и посмотри, какая высота скромности была у героев нашего рассказа! Задумайся о своей жизни, прежде чем земля не покроет тебя и не будет на ней никого, кто был бы тебе благодарен, ибо ты не оставил после себя доброго примера.

Довольство малым

Апостол Павел пишет о довольстве малым просто и лаконично: «Имея пропитание и одежду,

будем довольны тем»⁸⁸. И Господь говорит нам о безумии того, кто задумал разрушить свои старые житницы, чтобы построить большие, так как поля его принесли богатый урожай. Довольство малым — характерная черта монашеской жизни от её начала и до сего дня. Надеюсь, что две следующих афонских истории порадуют читателя тем, что это важное делание не совсем ещё исчезло у монахов.

Старик-пустынник, держа в руках стеклянный сосуд для масла с отломанным носиком, пришел в каливу⁸⁹ монаха одного из скитов.

— Авва, дай мне немного масла для овощей. Прошёл месяц с тех пор, как оно закончилось, а зелень без масла стала беспокоить мой желудок.

Пустынник дрожал от холода. Дырявая одежда не могла защитить его иссохшее тело от сильного ветра, который так часто дует в зимние месяцы. Скитский монах только что получил на почте шерстяной свитер. Он вынес его пустыннику.

— Вот, возьми: он новый, вязанный из овечьей шерсти. Надень-ка его, а то замёрзнешь.

Тот надел его, взял бутылку с маслом и ушёл довольный. Но вот, через несколько минут он возвращается, держа в руке свитер.

— Авва, мне он не понадобится. Отдай его лучше кому-нибудь, кому он нужнее.

Около двадцати дней спустя старец-пустынник перешёл в место вечного покоя, где ему действительно уже не нужны свитера.

Один швейцарец, путешествуя по Афону, оказался у каливы, которая немногим отличалась от

⁸⁹ Каливой на Афоне называется одиноко стоящая монашеская келья, как правило, относящаяся к какому-либо скиту.

«бычьей каливы» (так на Святой Горе называют хлев для быков). Он тихонько постучал в дверь, и слабый голос изнутри пригласил его зайти. Войдя, он увидел старца, сидевшего на деревянной кровати и перебиравшего чётки. Гость окинул взглядом нищую обстановку каливы и, наконец, стал рассматривать старца, одетого в одежду из грубой шерсти. Плохое знание языка помешало поговорить с ним, но и без слов было ясно, что старец жил в нищете и презрении от людей. Он не играл с божественными вещами, чтобы показаться кому-то важным, и потому оставался никому не известным. Гость достал из кошелька пятьдесят долларов, чтобы дать их старцу.

— Нет, я не возьму. Не так давно один человек дал мне двадцать долларов, их мне хватит надолго.

Пришла зима, и иностранец вспомнил каливу пустытника. По почте он отправил ему сто долларов на дрова и еду. Старец, получив их, тотчас отправил обратно, так как кто-то ему уже прислал денег. Иностранец снова их выслал, чтобы он раздал их нищей братии. Старец вновь вернул их с просьбой: «Вот сам их и раздай. Будет нехорошо, если я за твой счёт буду казаться милостивым».

Летом швейцарец принял православие и крестился, научившись у старца тому, что

«блаженнее давать, нежели принимать»⁹⁰ и «Не бери без нужды ни обола»⁹¹.

Этот рассказ подобен прозрачной воде в горном источнике, один вид и журчание которой освежают человека.

Противоположные взгляды у людей одной профессии

Бог после Бога. Если бы это сказал богослов, то мы бы ожидали услышать вслед за этим имя Богородицы, ибо таково учение Православной Церкви: Богородица занимает второе место после Святой Троицы. Именно Она идёт после Святой Троицы, а не апостол Павел, «первый после Евы», как учат протестанты и что, к сожалению, безнаказанно раздаётся даже с амвонов в православных храмах.

Впрочем, сейчас мы находимся не в храме, а среди медиков, в частности, в операционной большой больницы. Больной — несчастный монах, с детства имевший слабое здоровье. Привязанный

⁹⁰ Деян. 20:35.

⁹¹ Обол — самая мелкая греческая монета в античности.

за руки и за ноги к операционному столу, он наблюдает за приготовлениями к операции (общего наркоза тогда ещё не было). Над ним стоят два профессора. Старший — с одной стороны, чтобы по-дружески поддерживать его. С другой стороны — младший, которому предстояло оперировать. Он поднял свои руки к больному, как бы удостоверяя этим, что тот находится в надёжных руках, — чтобы он не боялся операции без наркоза. После такого молодецкого жеста он взял бур и обратился к профессору старой школы:

— Господин профессор, этот бур — бог после Бога! Благодаря ему у нас не прольётся ни капли крови.

От этих слов тревога у больного и у старого профессора только усилилась. Монаху захотелось вскочить, но его ноги были крепко привязаны. Молодой профессор, хотя и был певчим в церкви, начал операцию без крестного знамения и молитвы. «Божественный» бур начал своё дело. Хирургическое вмешательство «без капли крови» вызвало обильное кровотечение и боль, как у роженицы.

— Воск, Мария! Мария, воск!

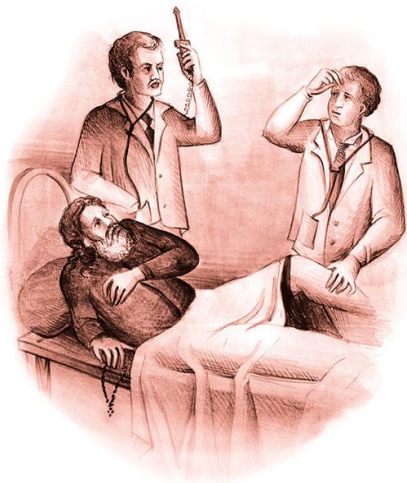
Медсестра запротестовала:

— Вы должны были нас предупредить. Где я теперь возьму воск?

Молодой профессор покраснел от стыда. Он

утратил всякую самоуверенность и, нервничая, принялся исправлять последствия своей похвальбы. Бедняге монаху вспомнилось признание отцу Иакову Цаликису кардиохирурга, который его оперировал: «Отец Иаков, во время Вашей операции я случайно сделал скальпелем разрез не в том месте, но другой хирург исправил мою ошибку и благодаря ему операция прошла успешно».

Укрепившись мыслью, что Бог направит бур отоларинголога туда, куда нужно, монах постарался стойко перенести болезненную операцию. А история с этим монахом закончилась вот чем.

Один врач из России, приехавший паломником в Грецию, во время очередных испытаний для больного монаха посетил его

монастырь. Перед этим монах ушиб ногу, которая стала чернее его рясы. От монаха, сопровождавшего паломника, он услышал, что тот, хотя и слепой, но очень хороший врач и христианин: в своей московской больнице он ежедневно занимается больными с полвосьмого утра до одиннадцати вечера и позже. Больной сказал:

— Ладно, позовите его. Хотя что может сделать слепой врач?

Придя, врач положил его ноги на своё бедро, перекрестился, помолился на своём языке и, молясь, начал гладить ногу настолько мягко, как будто вовсе её не касался, даже по верх носков. Он, никого ни о чём не спрашивая, обнаружил, что ноги больны, определил участки с плохим кровообращением, диабетическую невропатию и ушиб на ноге. Он преклонил колени и продолжил молитву, не переставая гладить. Монах, переполненный радости, спросил:

— Чем это он сейчас занимается, лечением или вычиткой?

Закончил врач словами: «Молитвами святых отец наших...». На другой день не было ни болей, ни почернения.

Этот врач и молодой профессор принадлежат к противоположным мирам, которые никогда не пересекаются.

Мать чувствует, что кроется в тайниках души её ребёнка

Шёл Рождественский пост 1962 года. Игумен монастыря сказал одному из иеромонахов:

— Твоя мать выразила желание стать монахиней. Как ты думаешь, может, постричь её сейчас, во время поста?

Итак, его мать стала монахиней. Надев рясу, она сразу помолодела и стала красивей.

В своё время она, пропитанная духом марксизма, была категорически против выбора своего сына. Как-то раз она открыла моряцкий сундук и сказала сыну:

— Дай-ка сюда свои руки. Опустим их в сундук.

Вдруг она резко захлопнула крышку и, удерживая её, стала безжалостно избивать своего сына, чтобы тот и думать не смел о монастыре. Но ни побои, ни другие наказания не охладили в нём стремления к монашеству. В конце концов, получилось так, что не сын пошёл за матерью, но мать стала на путь сына, и игумен постриг её с именем Феоктиста в честь преподобной, мощи которой покоятся на её острове.

В приёмном зале монастыря, как принято в таких случаях, было предложено угощение в честь

новопостриженной. В то время, пока все желали ей доброй кончины, игумен спросил, довольна ли она тем, что её сын стал иеромонахом. И вдруг эта старушка как-то очень дерзко крикнула: «Нет!»

Воцарилась мёртвая тишина, положение получилось очень неудобное. Все сидели с раскрытыми ртами, никто не издавал ни звука. Каждый думал: «Если ты этим недовольна, то зачем тебе было принимать монашество?» Так как на лицах у всех был написан немой вопрос «Почему?», то она закончила: «Я была бы рада, если бы он остался таким, как есть, до конца».

Минуло совсем немного лет, и все увидели, насколько точным оказалось предсказание неграмотной матери. Её сын не только не остался таким, каким был тогда, но даже стал нападать на христианскую веру, как второй Казандзакис⁹². Не знаю, насколько хорошей была кончина матери, но её урок о том, что мать лучше всех знает своего ребёнка, я усвоил. С тех пор я всякий раз прибегаю к нему, когда кто-нибудь приходит, чтобы остаться

⁹² Никос Казандзакис (1883–1957) — известный греческий писатель XX в., который в некоторых своих произведениях позволял себе кощунственно писать о Христе и Церкви. Его самое нашумевшее произведение — скандально известный по одноимённой экранизации роман «Последнее искушение Христа».

в моём монастыре и посвятить свою жизнь служению Богу.

О том, как ухоженные руки священников могут губить души людей

Одним холодным вечером в монастыре Иоанна Богослова на Патмосе наш старец, человек учёный и большой любитель аскетической литературы, из одной старинной книги читал мне разные истории о подвигах отцов. Много историй я тогда услышал, а та, что особенно запомнилась, была о Василии Великом. Когда он подвизался в Понтийском имении своих родителей, то, кроме всего прочего, трудолюбиво и старательно возделывал землю. Этот участок, который годами никто не обрабатывал, стал совсем диким. Прежде всего, ему нужно было вырубить колючие кусты и бесплодные деревья, а потом уже заниматься почвой, и эти благословенные труды так изранили его руки, что он, стоя в церкви, прятал их под

фелонью.

Едва став монахом, я старался избегать всякой ухоженности рук и ног, которых я не обувал. Не знакомый с тяжёлыми работами — переноской камней и обрезкой ветвей, — я очень быстро утратил всякую ухоженность, которая у меня была благодаря перу и карандашу. Однажды я случайно ударил себя по руке ломом, боль была нестерпимой. «У всех святых были израненные руки, поэтому и я должен быть безжалостным к себе», — постоянно повторял я самому себе.

Прошли годы, и Бог поставил меня духовником⁹³. В монастыре, где я служил, на исповедь приходили сотни людей. Среди них была и одна женщина, которую люди за блудную жизнь называли потаскухой. В числе исповеданных ею грехов был и тот, что связан с целованием рук.

— Я стремилась, отче, целовать руки клириков, особенно безбрачных, чтобы получать удовольствие от их ухоженности. Наслаждение от

⁹³ В Греции далеко не все священники имеют право принимать исповедь. Самых опытных из них епископ поставляет в духовники и поручает им духовное окормление приходов в том или ином округе своей епархии. В монастырях духовником для братии и паломников всегда является сам игумен, который в случае необходимости берёт себе в помощники одного-двух иеромонахов.

этого, подобно электрическому току, проходило у меня по всему телу. Лобзание становилось настоящим поцелуем, который я повторяла и дважды, и трижды, чтобы прикосновение к ухоженной руке доставило мне ещё больше наслаждения.

Тогда я вспомнил Василия Великого и мысленно поблагодарил своего старца, внушившего мне мысль о суровой аскезе. Я никогда не пользовался перчатками и любую работу делаю голыми руками. Этому учу я и своих монахов, которые сопровождают меня на пути молитвы и послушаний вот уже сорок лет.

Плач по тыкве

Я знаю о двух людях, которые плакали по тыкве — растению, которое почти не требовало ухода, особенно в старые времена, когда атмосфера ещё не утратила своей благоприятности и земля — плодородия, а болезней было не так много и большинство из них переносилось легче. Все болезни и у людей, и у растений лечили окуриванием серой; были даже люди, которые занимались только этим и назывались «сероокуривателями». Если случалось, что зачахнут две-три тыквы, то это не было большой потерей для огородника. Тем не менее, я дважды слышал, как об

этом растении рыдали и сокрушались.

У крестьян тыква за быстрый рост и созревание считается «нахальным» растением. Едва вечером завяжется плод, как наутро его уже можно срывать. Поэтому и человеку, который хотел показать себя, говорили такую поговорку: «Когда это ты успел стать тыквой? Когда это у тебя успела вытянуться шея?»

История о том, как пророк Иона проповедовал покаяние в городе Ниневии, хорошо известна, прекрасна и правдива, так как и Сам Господь в Своём учении приводил из неё один эпизод для подтверждения Своего Воскресения: «Как Иона провёл три дня и три ночи в утробе чудовищной рыбы и был извергнут ею невредимым, так и Сын Человеческий проведёт три дня во чреве земли и будет воскрешён Своей собственной силой»⁹⁴. В конце концов Ионе пришлось-таки проповедовать в грешном городе, который спасся благодаря своему покаянию. Спасение города огорчило пророка, потому что из-за покаяния ниневитян его угрозы могли показаться пустой болтовнёй о возможной опасности. Желая утолить печаль своего сердца, рассерженный пророк пошёл в пустыню, чтобы

⁹⁴ Ср. Мф. 12:40. Далее следует весьма вольное изложение автором двух последних глав книги пророка Ионы.

отдать себя дневному жару и ночному холоду. Но благой Бог, чтобы вразумить капризного пророка, воспользовался нахальной тыквой. Утром её росток показался из земли и вскоре превратился в тенистое деревце, но к ночи червь подточил его, оно завяло и Иона, наслаждавшийся прохладой под пышными листьями, стал оплакивать его с плачем и рыданием.

— Мне не нужны были от тебя плоды и цветы в пищу, только твоя тень, а ты предала меня солнцу. Как хорошо мне было в твоей тени, даже Бог не нашёл бы меня, а ты поддалась червю и предала меня. Даже кит не укрывал меня лучше, чем ты. Что я сделал тебе, тыква моя, что ты предала меня в руки врагов моих? Но ты сама пришла ко мне и сама оставила меня. Кто послал тебя и кто забрал? Из-за этого я остался сжигаемый солнцем в раскалённой пустыне. Прежде чем услышать от меня хотя бы одно «спасибо», ты сказала мне «будь здоров». Какое тут будет здоровье с дневной жарой и ночным морозом? Кто сглазил тебя, наглое растение, что из тебя ушла жизнь, ведь ни один человек не проходил здесь? Может, это мои глаза тебя сглазили из-за того, что ты так быстро выросла и дала мне приятную тень? Даже Аврааму, другу Божию, не было такого счастья: ему приходилось самому разбивать шатры в пустыне. Может, ты пришла и ушла по воле Бога?

А я-то гордился тем, что ты сама меня полюбила.

Услышал Бог плач Ионы по тыкве и возгласил: «Иона, Иона, ты так плачешь и причитаешь, потеряв какую-то тыкву. А как плакать пришлось бы Мне, если бы Я потерял так много людей?»

А вот другой плач по тыкве, произнесённый не пророком, не проповедником, не царём, а одной несчастной матерью.

На одном острове жила чистая девушка, бывшая гордостью и опорой своей матери до глубокой старости. Но нужда сделала её женой одного негодяя, который не пропускал ни одной юбки. То было время, когда как раз начиналась мрачная эпоха туризма, сулившего деньги и женщин, и все взрослые одурели и потеряли остатки разума от чар Афродиты. Острова вновь стали служить этому олицетворению всякого бесстыдства. Семьи распались подобно капле масла в чашке воды колдуна или ведьмы (считалось, что если капля, упав в воду, распадётся, то порча удастся). Так и мать с бабушкой остались одни с четырьмя детьми, после того как получили свыше сорока ударов палкой каждая. (Муж был мастаком драться палкой: десять ударов считал за один.) Они с головой окунулись в заботы, связанные с воспитанием малышей, которых нужно было кормить и одевать. К тому же их мать из-за

простительного честолюбия не хотела, чтобы было заметно, что её дети чего-то лишены. Выстиранные ею вещи становились белее снега и овечьей шерсти благодаря ветру купающегося в солнце острова. У неё не было стиральных порошков и отбеливателей (пустой кошелёк не позволял таких расходов), но был старинный щёлок. Эти две женщины трудились не как пчёлы, работающие у всех на виду, но как скрытые под землёй муравьи, чтобы не позорить отца детей, который шатался по значным местам острова в поисках удовольствий.

Наступило лето (как говорила моя мама, «лето Бог дал бедным, а зиму богатым»), но на сей раз это благословенное время года оказалось приятным, как и суровая зима, для одних богатых. Прогнозы синоптиков предвещали бедной матери голод и трудности, подобные тем, что были в сороковом году⁹⁵. Среди прочих овощей она посадила много картошки, но та созревает довольно поздно. На краю огорода она посадила и тыкву того сорта, который даёт плоды огромных размеров. Тыква как бы обещала несчастной матери: «Заботься обо мне, и я буду кормилицей и утешением тебе и твоим деткам». Так и вышло. Был конец марта, когда показался первый росток. Она выросла очень быстро и такой большой, что её ветви заняли на огороде чуть ли не десять соток. (Конечно, не ровно столько, это было бы явным преувеличением, но что-то около того.)

— Как ненасытный человек с жадностью смотрит на все блага мира, желая сделать их своими, так и я смотрела на эту тыкву с утра до вечера, — говорила бедная мать. — Каждое утро растение покрывалось цветами. Я их собирала, прятала в свой маленький холодильник, и четыре

⁹⁵ В 1940 году многие области Греции пострадали от сильной засухи.

раза в неделю они выручали меня. С моей мамой мы готовили полную кастрюлю тыквенных голубцов. Мне как матери было особенно приятно, когда к нам на побывку приезжал старший сын, в то лето призванный в армию, и я давала ему то, чего не готовят в армейской полевой кухне: рис, завёрнутый в цветы тыквы. Даже мои соседки, которым тоже было трудно, собирали с неё цветы в пищу. Так целое лето нас кормила и утешала благословенная тыква. Наконец пришёл прохладный сентябрь. Температура упала, и завяло моё любимое растение, побуждавшее меня к постоянному благодарению Бога. С печалью собрала я засохшие ветви, как будто это были кости человека, выкопала яму возле корня и закопала их. Из дома я принесла ладан и стала кадить, как над могилой матери. Посидев там долгое время и наплакавшись, я вернулась домой. «Тыковка моя, ты ушла в землю, что же я теперь буду делать?» И тотчас подумала: «На Бога надо надеяться, а не на тыкву». И всё-таки мне было без неё очень тяжело.

Хотя и закончился великий голод послевоенных лет (в которые мы спрашивали у бабушки: «Что мы будем сегодня есть?», а она отвечала: «Хлеб с пальцем». А вместо карамельки она нам предлагала: «Когда откусите кусочек хлеба, то не глотайте его сразу, а покрутите во рту. Это будет вам карамелькой»), но и годы спустя жизнь оставалась трудной.

— Я знаю, — говорила мать, — что если бы кто увидел, как я оплакиваю тыкву, то счёл бы меня сумасшедшей, но страшно терпеть нужду, когда в доме маленькие дети. Моё сердце закипало, как масло на сковородке, когда они просили у меня хлеба, а я говорила: «У нас его нет». Сердце моё истрадалось от боли, но, слава Богу, я до сих пор

жива.

Так тыква оказалась учителем и для Ионы, и для этой матери: Иону она научила любить людей, а мать — надеяться на Бога.

На весах пустыня и мир. Чья чаша перевесит?

В Афинах жила супружеская пара: Фиппас и Йота. Они ели и пили со стола современного мира, всегда смотрели на этот стол и никогда не поднимали глаз к высоте небес. Они следовали девизу: «Если ты наслаждаешься земными благами, то этого довольно». Они считали, что мысли о будущей вечной жизни — утешение лишь для тех, кто лишён удовольствий в этом мире. Они подобны хлебу, который долгими зимними ночами снится голодному, закутавшемуся в грубое шерстяное одеяло: холод заставляет его мечтать о том, в чём он терпит нужду.

Счастье супругов стало ещё полнее с рождением прелестной девочки, и они решили дать ей всё.

Острова Эгейского моря предлагаются богатым грекам как исключительное место для отдыха в летние месяцы. Для современного равнодушного человека на любом из этих островков существуют только пляжи и центры

развлечений. Дороги в церковь он не замечает, колокольный звон перед утреней и вечерней для него помеха, священник в чёрной засаленной рясе — пятно на туристическом имидже острова; лучше бы вовсе не было этого средневекового страшилища.

Лето — время не только туризма, но и жатвы. Жнец собирает в житницу пшеницу с горных склонов и радуется плодам своих трудов. Но мы не должны забывать, что есть и другой жнец, невидимый и неожиданный. Он вторгается со своим серпом в нашу жизнь и пожинает не только пожилых, но и молодых. Этот серп оборвал жизнь и единственной дочери наших героев, причём при таких странных обстоятельствах, что даже многие годы спустя случившееся продолжало их тревожить. Между супругами стали обычными пререкания и поиски виноватого; они стали суеверными и начали постепенно отдаляться друг от друга. Они попробовали было приблизиться к Церкви, но их попытки воцерковиться были какими-то неправильными. В конце концов, у жены появилось отвращение к мужу. Она опять захотела иметь ребёнка, но только не от него. Она подала на развод и выгнала его, отправив жить к его старой матери. Впрочем, оставшись одна, она всё-таки продолжала пользоваться материальной поддержкой брошенного мужа. Один игумен

просил её не толкать своего доброго супруга к третьему браку (у Фиппаса это был второй брак), потому что древние говорили: «Первый брак — радость, второй — снисхождение, а третий — горе».

Но она, привыкшая к исполнению всех своих желаний, осталась непреклонной. Духовник попытался найти хоть какой-нибудь выход и посоветовал ей:

— Не думай только о себе, подумай также о муже. Будьте одной семьёй, хотя бы и условно.

— Не выйдет. Я сошлась с одним человеком, между прочим, набожным, который мне понравился. Теперь я от него беременна.

— Ты выйдешь за него?

— Нет. Я хотела ребёнка — я его получила, а супружеской жизни с меня хватит.

Когда об этом услышал Фиппас, то не рассердился: он продолжал её любить, и его забота о ней не уменьшилась, хоть она и сбилась с пути.

— Мне жалко её, отче. Я должен ей помогать, ведь ей не на что жить.

Прошло пять месяцев с тех пор, как женщина призналась в своей незаконной беременности духовнику, с которым с тех пор больше не общалась. Наконец, она попросила его помолиться. Тот отказался: «Молитва предполагает послушание».

Тогда она воспользовалась посредничеством своего брошенного мужа, но огорчённый игумен отказался и на этот раз.

Наконец, в один вечер молчание было нарушено. Убитый горем супруг объявил духовнику о том, что их брак расторгнут судом, но его печалит не столько это, сколько состояние его бывшей жены: её положили в больницу, и опасность угрожает не только её жизни, но и жизни ещё не родившегося ребёнка. Он плакал от горя и боялся за жизнь матери и ребёнка, а ведь он был ему чужим. Он совсем не чувствовал себя оскорблённым: честь и мужское достоинство были забыты перед угрозой смерти. Он плакал и просил об усиленной молитве, но старец его как будто не слышал: в это время он судил самого себя, взвешивал и нашёл никчёмным. Перевесила чаша весов, на которой был разведённый муж. И старец, державший до сих пор эти весы, бросил их на землю, пристыжённый и посрамлённый. Уста пустыни едва не произнесли: «Она получила по заслугам. Это хороший пример праведного суда Божия», — но их заградили рыдания и слёзы мира незлобия и духовного превосходства. Здесь будет уместно вспомнить сестру Евгению⁹⁶, которая

⁹⁶ Монахиня в монастыре Живоносного Источника на Патмосе. Рассказ о ней см. на стр. 258.

говорила: «Братья, давайте сначала приобретём добродетели мирян, а потом уже займёмся стяжанием монашеских добродетелей».

Наставница любви

Есть места, где нет человеческого жилья, но Сам Бог смотрит за природой, где живут в своих норах лесные звери, где крестьянин пробирается по тропам, сидя на осле или муле и тихо мурлыча под нос песню о своих тревогах; места, где можно было наслаждаться тенистой листвой деревьев и щебетаньем птиц. И когда в таких местах

прокладываются автомобильные дороги, то плачет и рыдает человек, любящий свою мать — землю. Нашим отцам было жалко даже пыль, по которой они ходили, а мы безжалостно выравниваем бульдозерами те места, в которых, подобно стогам, Бог насыпал землю и образовал холмы и горы. Когда я вижу на Святой Горе проложенные для нашего удобства широкие дороги, то у меня возникает ощущение, будто мы изувечили хребет старца Афона. Это бывает при каждом прокладывании новой дороги: сначала мы намечаем её просекой, при этом срубаются даже самые старые деревья. В старину деревья валили топором, а при таком способе вырубки больно было и дереву, и дровосеку. Топор поднимался и опускался с большим сочувствием. А сегодня жестокая бензопила как будто ведёт химическую войну с лесным царством: ты видишь, как высокие дубы подкашиваются, словно тростинки, а шум машин не даёт нам услышать стоны природы.

Во время одного такого прокладывания дороги у нас на пути оказался старый платан. Игумен сказал:

— Ребята, а нельзя ли его обогнуть? Посмотрите: хоть он и старый, но всё ещё цветущий.

— Никак нельзя, — сказали лесорубы.

Просьбу игумена не уважили, сочтя её проявлением сентиментальности. Бензопила начала пилить огромный ствол платана. Когда она дошла до середины, то из дерева послышался крик боли какого-то небольшого животного. Вскоре, подобно трупку, платан с грохотом повалился на землю, и тут всем явилась сцена любви к детям и самопожертвования до смерти маленького лесного

зверька. Он устроил себе норку в дупле только что спиленного дерева. Несмотря на шум злодейской машины, он не убежал, спасая свою жизнь, но уселся над своими детёнышами подобно орлу, чтобы защищать и охранять их, совершенно беззащитных перед зубьями пилы. Несчастливая мать оказалась смертельно раненой в живот и вместо прощального поцелуя окропила детей своей кровью.

Самопожертвование маленького животного всех нас глубоко тронуло, но наши попытки помочь ему ни к чему не привели. Эта мать была лесной мышью.

Отец, проклявший самого себя

Среди островов Эгейского моря есть один, на котором и сегодня сохраняется православная вера и христианский образ жизни, несмотря на то, что живут там люди разных национальностей, а островная община состоит из православных и католиков. Впрочем, они отличаются друг от друга только двумя словами в Символе веры⁹⁷, в

⁹⁷ Имеются в виду слова, добавленные на Западе к Символу веры: «И в Духа Святаго... от Отца и Сына исходящего».

остальном же, как и у прочих жителей этих островов, у них есть что-то от греков, а что-то от итальянцев⁹⁸. Среди этого пёстрого народа был один отец, получивший духовное воспитание у монахов монастыря Лонговарда, как прежних, так и нынешних. (Монахи, приходя в дом его родителей по делам монастыря, волей-неволей всевали в его душу семена благочестия.) Этот отец был певчим в приходском храме Воскресения Христова, и, слава Богу, сегодня это место занимает его сын.

Этот сын, закончив юридический факультет, начал адвокатскую практику. В первое Рождество за время своей практики он решил развлечься с друзьями. Развлечения отняли у них всю ночь, и поэтому рождественскую литургию они проспали. Его отец, вернувшись из церкви, нашёл своего образованного сына лежащим на полу без чувств и предавшимся тяжёлому сну беспутного человека. У этого благословенного отца вырвался стон: «Как я понял, сынок, ты предпочёл церкви дом погибели.

⁹⁸ Многие греческие острова долгое время, порой по несколько веков, были под властью итальянцев, особенно венецианцев. В частности, на Паросе, родине автора, ещё в первой половине XX в. были распространены такие типично западные имена, как Франциск, Леонард, Якобина. Например, известного старца Иосифа Исихаста, также родом с Пароса, в миру звали Франциском.

Я очень сожалею, что оказался плохим отцом и учителем. Молю Бога, чтобы через год меня не было в живых, чтобы мне ещё раз не увидеть чего-либо подобного».

И действительно, в тот же год он умер, хотя у него не было никаких серьёзных болезней: Бог взял его с земли, чтобы сын его начал жить для неба. Его отец, хотя и был певчим, ходил на исповедь в монастырь Лонговарда. (Отец Игнатий Колиопулос после сорока лет духовничества в одном из центральных храмов Афин признавался: «У меня на исповеди бывали люди всех профессий, за исключением певчих».)

Вечная память Иоанну и Ариадне, которые, прокляв себя, поменяли эту жизнь на вечную, чтобы их образованный сын вернулся на путь истины и света.

Как было бы прекрасно, если бы и ныне были такие отцы, которые, как живые будильники, пробуждали бы своих детей хотя бы для еженедельного посещения церкви!

Мыло монаха и мыло пастуха

Когда в нашем монастыре во время капитального ремонта одного старого корпуса монахам пришлось перебираться в другой, то я, бедный игумен, спросил одного из них:

— Сынок, ты всё вынес из кельи? Все вещи взял? Сейчас будут сносить стены; рабочие с кувалдами и тѣслами уже ждут в монастырских воротах. Пойдѣм, посмотрим вместе, может быть, кто-то из братии оставил там что-нибудь, что может ещё пригодиться.

И в самом деле, в каждой келье нашлось что-то, что не должно было пропасть. В келье этого монаха в старом шкафу нашлись вешалки для одежды и кусок мыла.

— Почему ты его оставил?

— Оно лежит здесь уже шесть лет, на что оно годится?

Когда я наклонился, чтобы поднять его, то вспомнил о том, какое мыло было у одного пастуха.

Однажды один монах нашего монастыря, расположенного на мысе острова, решил, что пора зарезать строптивую козу, от которой больше не было никакого проку. Мы попросили помочь нам в этом пастуха Яниса, которого местные жители прозвали чѣртом за то, что тот по вечерам и по утрам громко кричал на горных хребтах острова, собирая в стадо разбежавшихся животных. Когда он зарезал несчастную козу, то позвал меня, чтобы отдать её. Я предложил ему денег, но он вежливо отказался.

— Я ведь тоже живу рядом с вами в пустыне. Между нами только в том и разница, что вы живете

на берегу, а я — в горах этого безводного места.

Я отвёл его к крану с водой, чтобы он вымыл руки, запачканные кровью. Я принёс ему и мыло, но он его не взял.

— Мыло, Манолис? Это слишком большая роскошь для бедного пастуха.

Он наклонился, взял немного песка и стал тереть им руки, чтобы очистить их от крови. Мне стало стыдно за себя, и я умолк.

Я не призываю к тому, чтобы нынешние монахи пользовались мылом этого пастуха, но, по

крайней мере, мы должны покупать мыло самое простое и дешёвое, без добавок, выдуманных современной цивилизацией, которые придают волосам блеск, а лицу — нежность и свежесть, как у еврейских девушек⁹⁹.

«Не огорчай человека в скудости его»¹⁰⁰

На островах Архипелага нет ни зелени, ни лесов, ни рощ; животный мир там также беден. Есть немного птиц, да и те перелётные, которым

⁹⁹ Ср. Ис. 3:16–23: «И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, — оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их; в тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звёздочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опяхала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет верёвка, и вместо завитых волос — плешь, и вместо широкой епанчи — узкое вретисце, вместо красоты — клеймо».

¹⁰⁰ Сир. 4:2.

ненасытность всеядных хищников не даёт особо радоваться своему путешествию. Когда я был ребёнком, то плакал, видя красавца удода, висящего на поясе охотника. Всякий раз, когда мой отец совершал эту ошибку, я неделю с ним не разговаривал. «Несчастливые птицы. Острова для вас теперь могила, а не место отдыха¹⁰¹. Вы здесь теряете свои жизни, а люди — свои души». Впрочем, красоту созданной Богом пёстрой природы благочестивые и любящие подвижничество люди дополнили церквями, часовнями и монастырями, а также высеченными в каменных горах пещерами отшельников. Их неизвестные строители так гармонично вписали их в окружающую природу, что они кажутся нерукотворными.

Одна из таких красивых построек находится на вершине горы одного острова в Эгейском море. Место, где оно возведено, просто великолепно: если бы там оказался какой-нибудь любитель природы, то после этого он перестал бы убивать время перед телевизором. Это строение от фундамента до кровли было возведено двумя сёстрами на собственные деньги, своими трудами и потом на участке, который достался им по

¹⁰¹ В оригинале игра слов: (могилы) — (дачи).

наследству. (Я собственными глазами видел, как они его строили, и потому свидетельствую об этом совершенно искренне). К этим двум сёстрам пришла и третья, уже бывшая к этому времени рясофорной монахиней. Быть может, она была несколько слабоумной, но сердце у неё было переполнено верой и любовью. Потом к ним пришла и четвёртая девушка, желавшая принять постриг, но у неё никак не получалось ужиться с монахиней.

Как-то раз они поругались, да ещё и на Пасху. Девушка-мирянка стала намекать на то, что монахиня не сохранила девичьей чести. (Это было ещё в то время, когда ею дорожили и сравнивали с драгоценным камнем неизмеримой стоимости.) У монахини закипела кровь, и она в порыве гнева ответила: «Как ты могла так плюнуть мне в душу?! Чтоб ты сгорела и истаяла, как пасхальная свеча!»

После этого монахиня ушла из монастыря и поселилась на небольшой ферме с огородами, где много лет работала, выбиваясь из сил, чтобы заплатить за аренду земли и иметь средства к жизни. Она никогда не давала повода к соблазну или сплетням среди мирян, хотя и работала среди них. Она была вежливой даже с маленькими детьми, никто не слышал её голоса и не видел лица, которое скрывал чёрный платок, завязанный вокруг шеи.

А у девушки, которая собиралась стать монахиней, был на том острове магазинчик, доставшийся ей от родителей. Одним воскресным утром соседский мальчик попросил у неё спирта для своего больного отца. В то время действовал строгий приказ полиции, запрещающий открывать магазины до окончания Божественной литургии. Девушка, нарушив этот приказ, открыла магазин и зашла в него вместе с мальчиком. Она зажгла свечу и дала ему, чтобы тот осветил ей, пока она будет искать. Мальчик нечаянно поднёс свечу к бочке с бензином, та вспыхнула, начался пожар, и несчастная девушка сгорела, как пасхальная свеча. И даже когда её похоронили, то из её гроба сочился жир, вонявший горелым мясом.

Поэтому справедливо сказано: «Не огорчай праведника».

«Если они умолкнут, то камни возопиют»¹⁰²

Люди, жившие в прежние времена, относились к соблюдению церковных преданий с большей точностью и вниманием, чем к полученному от родителей наследству с домами и

¹⁰² Лк. 19:40.

полями. Они смогли бы прожить без домов и имений, но без благочестивых обычаев их горькая жизнь стала бы беспросветной. Так, Великая Пятница для этих смиренных островитян была великой не оттого, что день был длинным, а потому, что они с глубоким сочувствием относились к тому, что свершилось в этот день. Утром они, умывшись, отправлялись без лишних разговоров в самый большой храм острова, посвящённый Богородице, посередине которого с ночи стояло большое распятие. Они делали три земных поклона перед распятым Христом и, поцеловав Его, также с земными поклонами целовали икону Богородицы, на которой висело чёрное покрывало, скрывавшее лик Младенца Христа, чтобы на иконе была видна одна Его скорбящая Мать. Этот обычай пришёл на остров с Запада, был подхвачен народом и употреблялся во всех случаях, когда посреди храма ставилось большое распятие. И, конечно, весь народ ожидал этого как важного события.

По возвращении из церкви только немощные пили кофе, да и то без сахара. Все остальные ждали часа снятия со Креста, после трёх пополудни, чтобы принять «жемчужину» Великого Четверга — антидор литургии этого великого дня, в который Христос научил святых апостолов совершению Евхаристии. Эта святая «жемчужина» была

настолько вкусной, что мы, тогда ещё дети, надеялись, что, может, после всех что-то останется на тарелке, чтобы нам взять оттуда ещё раз. В домашних очагах огня не разводили, и из труб не шёл дым. Пища была исключительно растительной: листья салата, луковички и редиска; всё это огородники продавали у церковных дверей. И эта трапеза была единственной в этот день как для детей, так и для взрослых. Есть предание, что благословенные Богом дети, предопределённые Им к великим свершениям, отказывались в постные дни от материнского молока и вместо него им давали пить настой ромашки; такие случаи нередко встречаются в житиях преподобных отцов. Это считалось предзнаменованием хорошего будущего.

Ещё в этот день нельзя было забивать гвозди, как и целовать кого бы то ни было в Великий Четверг: в этот день даже мать не целовала своего ребёнка. Первое было из-за гвоздей, которыми был распят Христос, а второе — из-за предательского поцелуя Иуды.

Помню, как в одну Великую Пятницу в нашем селе умер христианин. Простец плотник оказался в большом затруднении: как сделать гроб без гвоздей? И он, чтобы не брать гвозди в свои благословенные руки, сделал его связанным шипами.

Никто ничего не делал по хозяйству, лишь

поили и кормили животных. Никто не одевался в яркую одежду. Никто не пел песен и не смеялся. «Тот, кто в этот день смеётся, издевается над Христом подобно иудеям». Единственной песней в этот день был плач Богородицы¹⁰³, который был слышен в церквях до наступления сумерек. Его обычно поручали петь матерям, недавно потерявшим ребёнка, чтобы их исполнение производило более сильное впечатление.

Впрочем, со временем, по мере обмирщения Церкви и проникновения в умы людей рационализма, всё это оказалось забытым и, как ненужное, исчезло. Теперь Великая Пятница ничем не отличается от других дней года. Многие, уступая уговорам бабушки или мамы, не едят в этот день с маслом, но не ради поста, а потому, что такая диета полезна для кожи лица: она делает её суше и белее. И, к сожалению, почти совсем не осталось людей, которые вернули бы нам прежние обычаи и освежили бы нашу память. Повсюду отступление и разврат...

В том самом селе, где прежде сохранялись описанные выше обычаи, совсем недавно Бог попустил случиться одному поучительному

¹⁰³ Особый канон, описывающий плач Богородицы над умершим Христом.

событию. В Великую Пятницу один молодой человек на небольшом катере отправился к безводному скалистому островку, чтобы набрать там морских ежей и мидий для приготовления традиционных закусок Великой Субботы. Подплыв к нему, он неожиданно упал в море. От усталости он был не в силах плыть, хотя плавать умел, и оказался в ужасном положении. Катер от него уплыл и, никем не управляемый, отчалил от сухого острова, находившегося в небольшом заливе, обогнул маленький мыс и сел на мель у пристани. Зеваки, увидев прибитый волнами к набережной никем не управляемый катер, от удивления лишились речи. От друзей они узнали, что хозяин катера утром отправился за мидиями на Гальяцо (так называется этот остров). Прибыв туда, они нашли его почти мёртвым. В больнице благодаря долгим стараниям врачей он пришёл в себя.

Этот катер сам нашёл дорогу к пристани; почему же мы не ищем её, но ежедневно тонем в удовольствиях этой жизни?

Одна женщина по имени Катина в тот же день увидела, что хозяин таверны пытается сделать из нейлона наружный павильон для посетителей, хотя Пасха в этом году обещала быть холодной.

— Послушай, благословенный, ты что, в такой день собираешься забивать гвозди?

— Ну... нет, конечно. Я с утра не брал в руки

ни гвоздя, ни шурупа.

Он прекратил работу, но, конечно, не из уважения к этому святому и великому дню, а из-за суеверия, боясь, как бы не случилось с ним чего плохого.

Кто поможет блудному сыну снять запачканную одежду и облечься в прежнюю? ¹⁰⁴ Один поисками деликатесов, а другой постройкой павильона решили пренебречь преданием благочестивой жизни. Найдется ли теперь человек, который смог бы сделать хотя бы один стежок в старом ковре, что всё больше и больше приходит в негодность?

Окровавленный хлеб

(дохиарская история)

Есть одна нигде не записанная история, которая передавалась от поколения к поколению и дошла до нашего времени. Чтобы она не забылась, я излагаю её на бумаге в том виде, в каком услышал её от прежних отцов монастыря Дохиар.

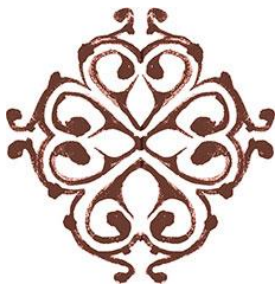
К северу от нашего монастыря, недалеко от

¹⁰⁴ Лк. 15:22.

берега над морем есть пещера, достаточно просторная, чтобы в ней мог жить отшельник. Её, подобно любящей уединение горлице, избрал себе для места подвига один монах. И действительно, он, как настоящая цапля, целую неделю не сходил с этого места, пребывая в богомыслии и молитве. Каждую субботу он приходил в монастырь, чтобы помолиться на воскресном бдении и литургии, а в воскресенье вечером возвращался в свою пещеру, предварительно положив в свой мешок немного хлеба и другой пищи на следующую неделю.

Однажды он увидел, что из мешка, который он нёс на плече, капает кровь. Он снял его и положил на землю; прибрежная галька окрасилась кровью. Он начал осматривать мешок. Первым, что он достал, оказался хлеб. Он осмотрел его и увидел, что это из него снизу сочится кровь. Монах был в большом недоумении: «Что это: знамение, или какое-то бесовское действие?» И тогда он услышал голос, сказавший ему: «Это кровь твоих братьев, которую ты пьёшь каждый день. Они трудятся, в то время как ты пребываешь в праздности и ничего не делаешь». Пустынный тотчас понял своё заблуждение. Вернувшись, он попросил себе рукоделие и уже после пошёл в пещеру.

Старец Патмоса Амфилохий говорил: «С праздными монахами я не знаюсь, и даже общаться с ними не желаю».

РАССКАЗЫ О МУЧЕНИКАХ

Боль вынуждает убийцу признаться

Пасху 1966 года я встречал в селении Мегалохори, которое находится в области Трикала ¹⁰⁵, в семье Димитрия Ювриса. Мне представилась возможность лучше узнать жителей Фессалии и особенно их пасхальные обычаи. Среди них я почувствовал себя иностранцем, несмотря на то, что мой близкий друг Василий постоянно был рядом. У фессалийцев пасхальное богослужение короткое, зато после него бывает много мелко нарубленного жареного мяса, много вина, игра на кларнете, местные танцы и песни. Вечером пасхального дня на некоторых площадях, после того как симпатичные поросята прекращали собирать там подножный корм, освобождалось место для танцевальной площадки. Всё это я видел впервые. Я удивлялся всеобщей охоте к такому шумному празднованию, на котором были все, не исключая старушек и маленьких девочек. Я неторопливо размышлял: «Эти люди пострадали от турецкого владычества больше нас, жителей островов. Так у них выходит наружу накопившиеся за века рабства усталость от летней жары и зимней

¹⁰⁵ Область, расположенная в Фессалийской долине в Центральной Греции.

слякоти, во время которых они поневоле работали». Моё юношеское воображение не могло остановиться в тот пасхальный вечер: оно унеслось во времена турецкого владычества, когда люди высчитывали оставшиеся до этого праздника дни и с нетерпением ожидали его, чтобы он хоть что-то изменил в их несчастной жизни.

Вечером, когда мы сидели под керосиновой лампой, дядя Димитрий спросил о моих впечатлениях. Я тут же начал рассказывать ему о том, как встречают Пасху на островах, совершенно не думая о том, что такое сравнение может его утомить.

— У нас, господин Димитрий, пасхальное богослужение длинное, и весь день не умолкает колокольный звон. Дети бросают свои качели и целый день раскачиваются на верёвках колоколов. Мясо на Пасху у нас не жарят, а запекают с овощами в горшочке. Баранки с четырьмя красными яйцами, которые бабушки украшают рисунками, символизируют четыре стороны света, омытые кровью Христовой. А радостное пасхальное приветствие «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» слышится целый день, перекрывая любой шум и гомон.

Дядя Димитрий, вначале слушавший внимательно, не выказывал каких-либо эмоций, пока громкий храп не выдал его усталости. Так мне

пришлось прервать свой вдохновенный рассказ.

В любом случае, я благодарен Богу за то, что познакомился с этими людьми в то время, когда ещё не было телевидения и нам было интересно пообщаться друг с другом. Не было ещё ночных клубов и ресторанов, в которых теперь пропадает молодёжь. Мы все радовались присутствию человека, и никто не шептал другому: «А где такой-то или такая-то?» Все без исключения мы праздновали Воскресение Христово как наше собственное.

Ещё всегда радовало глаз присутствие стройной фессалийки, с покрытой головой, в длинном платье, края которого касались земли, с шёлковым платком вместо передника, всегда мокрым от густой росы.

На другой день, в Светлый Понедельник, к нам приехали три тётушки Василия, чтобы поздравить с праздником своего замечательного племянника, а заодно и его гостя, как говорится в пословице: «Вместе с цветком воду пьёт и горшок». Бабушка Констандо и бабушка Кирацо, покачивая головами, любезно поздравили нас; было видно, что они очень рады нас видеть. Смех и шутки Констандо были неподражаемы. Плохо понимая местный диалект, я хорошо чувствовал движения её сердца. Мне было так хорошо с ними, что впоследствии я часто скучал по их компании. Какие

это были чудесные люди среди весенних полевых цветов Фессалийской долины!

Одной из этих мироносиц, пришедших к своему племяннику Василию, была и тётя Ариадна. Она мало смеялась и постоянно потихоньку вздыхала. На её лице были видны боль и скорбь.

— Бабушка Констандо, что на душе у этой старушки и отчего она сидит такая грустная? Спроси у неё — разве весна ещё не прошла и не наступило лето?

— У неё, Манолис, исстрадавшееся сердце.

Я подошёл к ней и сел рядом.

— Отчего ты, тётушка, сидишь такая грустная? Какая скорбь гложет твоё сердце, ведь ты живёшь рядом с такими весёлыми людьми?

— И они не всегда веселы; бывает, что и они плачут от горя. Со своей скорбью я живу уже много лет, и если у тебя достанет храбрости слушать о муках, то я тебе расскажу.

— Для того, тётушка, я и приехал сюда: не только для того, чтобы вместе с вами повеселиться, но и для того, чтобы узнать о том, что вас печалит.

Тётя Ариадна начала свой рассказ:

— У всех нас возле дома есть огород, на котором мы выращиваем разные овощи. Каждую субботу мы отправляемся в город, чтобы продать на базаре немного лука, моркови, сельдерея и всего остального, что у нас растёт, а на вырученные

деньги купить нужное для дома. В одну субботу было очень холодно, меня пробивала такая дрожь, что я не могла ничего взять в руки. Закончив торговлю, я сказала, что зайду в ресторанчик взять порцию жаркого, чтобы согреться. Денег на это мне уже было не жалко. Официант ресторана сказал мне: «Садись, бабушка, за стол, чтобы твои крошки не падали на пол». — «Сынок, я ведь бедная и не умею вести себя за столом. Я умею есть только по-простому, без вилки и ножа». Наконец мне принесли дымящееся жаркое. Не успела я поднести ложку ко рту, как за столик напротив меня сел какой-то неприятный и грубый человек. Хотя я совершенно не знала, кто он такой, кое-что в его одежде показалось мне знакомым. Дрожащей рукой я положила ложку на тарелку и стала за ним наблюдать. Я встала и начала осматривать его со всех сторон. Так я дошла до двери и вернулась обратно. Я забыла и о холоде, и о горячей еде. От этой встречи сердце моё закипело. У меня, сынок, был брат священник, его звали Хризостом Папахристу. Он был хорошим священником, и я так говорю не потому, что он был моим братом, это признавали все. Он активно выступал против коммунистов. Как-то раз, уйдя утром в церковь, он не вернулся вечером. Мы всюду спрашивали о нём, но никто ничего не видел и не слышал. Может быть, его поранил зверь, и он где-то лежит и зовёт

на помощь? Я ходила по полям, лесным чащам, холмам и звала: «Хризостом! Отец Хризостом!» Никто мне не отвечал. Впрочем, у меня оставалась слабая надежда на то, что он ещё жив: может, его увезли оккупанты, как они это делали со многими патриотами. Я постоянно говорила себе: «Кто посмел бы убить такого святого человека?» Но в тот час, когда я увидела этого чужого человека, одетого в знакомую одежду, то начала терять надежду на то, что брат мой жив. Я села напротив его. Официант закричал: «Эй, бабуля, это не твой столик!» Я притворилась глухой. Набравшись смелости, я сказала: «Послушай, незнакомец, эту одежду, которую ты носишь, пошила я. Я внимательно её осмотрела и узнаю свою руку. Если ты, ничего не скрывая, скажешь мне, где её взял, то я, клянусь Христом, не выдам тебя. Но если ты не скажешь, то я сейчас же начну кричать». — «Я расскажу тебе всю правду, только не выдавай меня: я всего лишь исполнял приказ. Вот, послушай. Туда, где мы были, привели одного человека, судя по всему, священника. Впрочем, на нём не было ни камилавки, ни рясы. Его руки были связаны за спиной, и он испытал такое, чего и не расскажешь. Над ним смеялись и били ногами, перекатывая, как мяч, с одного места на другое. Его били по голове, по лицу и в живот чем только можно. Я не мог больше выносить такого зрелища и сказал, что

прикончу его. Мне и ещё четверым поручили его убить. Мы перетащили его к краю ямы с грязной водой, раздели и привязали к четырём кольям. Мне приказали содрать с него кожу живьём. Когда я дошёл до бёдер, его крики и стоны стали невыносимы. Я больше не мог их слушать, ударил его топором по голове и сбросил в грязную воду». — «Это был мой брат — отец Хризостом», — только и успела я ему сказать, и очнулась уже в городской больнице. Вот почему я всегда печальная, ношу чёрное и не собираюсь его снимать.

— Тётя Ариадна, может, это был не человек, а дьявол, который хотел тебя смутить?

— Ты говоришь это, сынок, чтобы меня утешить. Нет, это был человек, одержимый дьяволом.

— Тогда, если всё это правда, то твой брат — мученик, настоящий святой. А чтобы все это знали, пусть об этом скажет Церковь.

По его святым молитвам помилуй меня, Господи!

Красные косяки часовни

В начале 70-х мы жили в Миртийском монастыре, который находится в Этолоакарнании¹⁰⁶, в округе Трихонида. В этом прекрасном месте мы были совершенно чужими: ни у кого из нас не было здесь ни родни, ни знакомых. С помощью Божией мы усердно подвизались здесь в добродетели странничества¹⁰⁷, и хотя и были молоды, но у нас не было сил для более суровых

¹⁰⁶ Область в Центральной Греции.

¹⁰⁷ Странничество () — одна из основных монашеских добродетелей, которая заключается в том, что монах не имеет привязанности к тому или иному месту, нигде не чувствует себя как дома, но лишь гостем, так как «наше жительство — на небесах» (Флп. 3:20).

подвигов. Для своего утешения я постоянно напевал стихиру Великой Субботы: «Даждь ми Сего Страннаго»¹⁰⁸. Странничество — добродетель, тяжёлая для исполнения, но она привязывает человека к Богу: в различных трудностях ему больше не к кому прибегать, только к Нему, и Он становится для него другом навек, настоящим братом. Некоторые из местных жителей понимали, насколько чужими мы чувствовали себя среди них, и иногда по собственному почину возили нас на автомобиле по красивым местам своего края.

Во время одной из таких поездок мы оказались во двореке часовни святого Димитрия. Я сказал водителю: «Давайте здесь передохнём».

Сидя во двореке на скамейке, я с любопытством рассматривал косяки дверей, которые были необычного красного цвета. Я подошёл к ним поближе. Камень не бывает такого цвета, стало быть, они покрашены. Но что это была

¹⁰⁸ Стихира, которая поётся на утрени Великой Субботы после обнесения Плащаницы вокруг храма: «Приидите ублажим Иосифа приснопамятнаго, в нощи к Пилату пришедшаго и Живота всех испросившаго: «Даждь ми Сего Страннаго (т. е. Странника), Иже не имеет где главы поклонити. Даждь ми Сего Страннаго, Егоже ученик лукавый на смерть предаде»...»

за краска с таким оттенком? Между тем один местный пастух, увидев нас, подошёл, чтобы открыть часовню. Он своим орлиным глазом заметил, с каким вниманием я смотрел на её дверь. Согбённый старик выпрямился и испытующе посмотрел мне в лицо, как бы ожидая вопроса.

— Дедушка, — говорю я ему, — какой краской окрашены эти косяки?

— О, это целая история. Давай сядем, и я тебе расскажу, что тайком подсмотрел и чему стал свидетелем.

— А почему тайком?

— А зачем мне было им показываться? Со мной тогда случилось бы то же самое, а может, и что похуже. Они приняли бы меня за шпиона, и тогда я бы пропал... Как-то после полудня перед этим местом, где мы теперь беседуем, остановился отряд партизан. С собой они привели какого-то священника. То, как они его истязали, я не могу тебе передать: при одном воспоминании об этом меня начинает тошнить. Мне хотелось поджечь их, но я был слишком напуган. Самым ужасным было то, что его пытали женщины, которых мы считаем нежными созданиями. В конце концов, они его раздели, выставили на позор, привязали к дереву здесь, во дворе часовни святого Димитрия, и бесчеловечные мужчины вместе с ними тоже начали над ним издеваться. Одна тварь топором

отсекла ему гениталии и покрасила ими дверные косяки церкви. То, что ты видишь, сынок, вовсе не краска. Это кровь мученика, к тому же священника. Здесь, на пастбище, я прочёл все жития святых, но нигде не встретил такого мученичества. С тех пор эти косяки никто не стал ни белить, ни отмывать.

Свой рассказ старик закончил плачем и стонами.

— Почему ты плачешь?

— Я плачу не о мученике, но о людях, которые без Бога становятся хуже зверей. Но почему, скажи мне, Церковь не почитает этих мучеников как святых? Наши иерархи говорят: «Чтобы не разжигать ненависти». Её уже давно зажгли и раздули другие. А сегодня то, что могло бы освежить Церковь — нынешних мучеников и описание их страданий, — мы оставляем без внимания, зато усердно проглатываем анекдоты и всякие выдуманные истории. Горе и мне, и тебе, отец, кем бы ты ни был... Как-то я спустился в город и зашёл в одну церковь, чтобы приложиться к иконам. Какой-то молодой человек учил собравшихся вокруг него детей. Я спросил, что это, и мне ответили: «Воскресная школа». Я сел невдалеке, чтобы послушать, так как очень люблю слово Божие. Прислушался. Пересел ещё ближе и услышал шутки, песни и рассказы о том, чего никогда не было. По окончании занятия я поймал учителя и сказал ему: «Сынок, в нашей вере есть много живых примеров, зачем же ты рассказываешь детям эти, мягко говоря, сказки?» Я сел и рассказал ему эту историю, а он, дорогой мой отец, даже не взволновался, даже не прослезился! Он даже отвернулся от меня, потому что я был плохо одет и

необразован. Да... Как говорится, если мы забудем о прошлом, то будущее нас не порадует.

Старик хотел ещё много чего сказать, но день уже прошёл, наступила ночь, и нам пора было уезжать. Теперь, когда я пишу это, он наверняка уже умер. Да будет ему вечная память, так как он говорил правдиво.

Священник с разбитыми губами

Наступил прекрасный август, когда все христиане Центральной Греции готовятся к празднику иконы Богородицы Прусиотиссы и собираются посетить Её монастырь. Одним августовским вечером, когда тень от гор легла на мощёный каменными плитами монастырский двор, один ещё не очень пожилой священник среднего роста ходил по нему взад-вперёд поступью тяжёлой, но благородной. «Этот священник ходит так не от того, что он уставший, — подумал я, — он чем-то расстроен». Он подошёл ко мне, поздоровался, и я принял его сердечное приветствие, как Елизавета — приветствие Марии ¹⁰⁹. Поздравив меня с наступающим праздником, он попросился переночевать в

¹⁰⁹ Ср. Лк. 1:39–40.

гостинице.

— Отцы, поселите меня где угодно: хоть на чердаке под крышей, хоть в тёмном подвале, только не в келье, которая находится вон в том крыле и расположена прямо над рекой.

— Почему, отец? Это лучшая келья в монастыре. Многие хотели бы переночевать в ней: там слышно журчание воды, которое убаюкивает даже тех, кто страдает бессонницей, особенно весной, когда вода, падая в ущелье, соревнуется в громкости с соловьями.

— Это всё верно, отец, но, прошу Вас, сделайте то, о чём я Вас прошу. Послушайте мою историю. В 1944 году я был схвачен партизанами, и меня вместе с другими несчастными — полицейскими, священниками и учителями — держали в этом монастыре. Нашей ежедневной пищей была тыква, сваренная без масла и соли. Игумен, мой старый знакомый, пытался что-нибудь передать мне, но всякий раз, когда он это делал, ко мне в эту самую келью приходили партизаны и стволом ружья выбивали по одному зубу. Сколько раз приходил игумен, столько зубов у меня было выбито и столько ран наносили моим губам, которые до сих пор не могут зажить. Думаю, что эти раны станут причиной моей смерти.

Так впоследствии и вышло. На них образовалась раковая опухоль, и этот священномученик вскоре умер. А тогда я спросил, служит ли он ещё на своём приходе.

— Да, отец. Но, боюсь, после моей смерти все горные приходы будут закрыты. А сейчас мне приходится служить в них независимо от того, могу я или нет.

— Как ты служишь на Пасху?

— В одном селе я в полдень Великой Субботы начинаю служить пасхальную всенощную, и так по всем сёлам, а в последнем селе уже к вечеру дня Пасхи служу литургию. Не думаю, что мне

придётся ещё раз повторить такой круг. Теперь, когда я приблизился к старости, на моём теле, искалеченном пытками партизан, начинают сказываться все раны и ушибы.

Итак, священник с губами, разбитыми стволами ружей, очень быстро оставил этот мир, и в сёлах перестало петься и «Христос рождается», и «Христос воскрес». Его искалеченные уста прекратили возвещать благое слово Господне.

Да вознаградит Господь его терпение, и да вменится оно ему в мученический подвиг в день праведного воздаяния.

Стоит упомянуть и о том, как эти пленники бежали из монастыря. Когда «товарищи» услышали, что немецкий батальон двинулся из Карпениси, чтобы сжечь монастырь, в котором, по причине его удалённости и уединённости, скрывались партизаны, то они каждому из несчастных пленников дали по неподъёмному мешку и приказали бежать на восток от монастыря, в село Кастанья. Тропинка, которую они им показали, была очень крутой, по ней и ненагруженный человек едва смог бы подняться, а они несли на себе огромные мешки, вытканые из грубой козьей шерсти, которые до крови натирали им плечи. Когда они, в полуобморочном состоянии от тяжести, добрались наконец до села, то открыли мешки, чтобы посмотреть, что же они в них несли.

И что, вы думаете, там было? Пицца на дорогу? Нет, ржавые железяки и кирпичи, которые партизаны заставили их нести, чтобы сделать путь ещё тяжелее. И пострадавший священник говорил:

— Слава Богу, что мы об этом забыли и теперь живём, смеёмся и говорим: «Господи, не вмени им этого греха: они не знали, что делали».

Благоговейный дядя Костис

Эвбея — один из островов Эгейского моря, хотя он и соединён с материком узким мостом. Большая протяжённость этого острова (от Кикладских островов и почти до Северных Спорад), а также возвышающаяся посередине гора Дирфис, которую можно принять за мачту, делают его похожим на старинный корабль, рассекающий воды Эгейского моря: не чёрные, не белёсые, а лазурные из-за того, что Бог когда-то приклонил небеса к этому Архипелагу.

(У Афонского полуострова также высокая вершина, но только на самой его оконечности, и поэтому он больше похож на современные паромы, которые перевозят автомобили. Так и Афон везёт на себе духовные автомобили ¹¹⁰ — монастыри, —

¹¹⁰ Автором обыгрывается буквальный смысл слова «автомобиль»: самодвижущийся.

каждый из которых управляется самостоятельно: у каждого свой устав и начальство.)

На этом благословенном острове сохранялось множество церковных преданий, которые многим поколениям помогли оставаться в православной вере и образе жизни святых. До сих пор в его маленьких сёлах слышится запах чистого ладана и свечей. Там можно найти людей, как бы вышедших из прежних времён, которые совершают дома богослужения суточного круга, постятся, как монахи (а может, и строже), изучают жития святых и, что важнее всего, обращены с молитвой к Востоку, а не к Западу, в отличие от современных людей, которые больше радуются концу дня, так как в это время они заканчивают работу и встречаются с подобными себе в ночных клубах, этих средоточиях греха. Тяжкий труд и церковная жизнь превращают безграмотного человека в философа. Его речь становится весомой, прекрасной и животворной. Благодаря этим людям мир до сих пор находится в равновесии и на него не обрушивается праведный гнев Божий. Их жизнь — наше утешение: они подобны небесной радуге, показывающей, что благой Бог ещё будет терпеть нас, хотя грех и перешёл сегодня все границы¹¹¹.

¹¹¹ Ср. Быт. 9:12–17.

У подножья горы Дирфис, с её северной стороны, на обрывистых мысах острова находится несколько маленьких селений. В одном из них жил благоговейный дядя Костис. У него была семья, он разводил скот и возделывал скудную землю. Трудная жизнь земледельца и скотовода, сухой северный ветер, обветривший его лицо, пост и бдение сделали из него замечательного аскета. Кто знает, сколько раз он обращал к Эгейскому морю своё загорелое лицо и смотрел, как корабли плывут в бескрайнем бурном море, и молился, чтобы храбрые моряки поскорее добрались до пристани, в свои дома, к своим семьям... То, что я сейчас сказал, не преувеличение и не фантазия. Я много раз видел, как благочестивые люди с напряжённым лицом всматриваются в пенящиеся волны и молятся о моряках, особенно матери, дети которых вышли в море. Очень трогательно было слышать их вздохи, вырывавшиеся с каждой новой волной шторма: «Помоги им, Богородице, на суше и на море!»

Дядя Костис был человеком молитвы. Когда он собирался приступить к Святым Тайнам, то, как филин, на всю ночь уходил в лес для молитвы. На рассвете он приходил и одевался в свою лучшую одежду, в которой ходил в церковь и причащался. А другие люди в наши дни теряют ночи и, лишь

только стемнеет, прячутся по домам.

Старик был гостеприимен: его дом всегда был открыт для каждого. Даже имеющие дурную славу цыгане часто ели и ночевали у него. Он совершенно не боялся, что они могут у него что-нибудь украсть или сглазить его своими заклинаниями. Его совершенная любовь к Богу и ближнему прогоняла всякий страх¹¹². Соседи спрашивали у него:

— Как это ты не боишься цыган? Они ведь любят поживиться чужим добром, да и разговаривают на каком-то бесовском языке.

Он спокойно отвечал им:

— Если с нами Бог, то никто не сможет сделать нам никакого зла. Разве мы не говорим в молитвах, что «Иисус Христос побеждает и рассеивает всякое зло»?

Костис жил в тяжёлое время гражданской войны, когда брат убивал брата только за то, что тот не принадлежал к его партии и не разделял идеологии народной демократии. Несмотря на то что он крайне редко бывал в магазинах и никогда не вступал в разговоры, в которых разгораются страсти, его взял на заметку один односельчанин по той причине, что сын Костиса служил в армии. Как-то раз, когда Костис был один и пас свой скот, тот подстерёг его,

112 1 Ин. 4:18.

схватил и подверг бесчисленным истязаниям (как признавался мне на исповеди один человек, когда человек кого-то мучит и его никто не видит, то он становится бессердечным зверем, которого ничто не может унять: его не трогают ни стоны, ни крики, а сердце становится каменным). Под конец, связав его по рукам и ногам и привязав к шее большой камень, он сбросил его в море. Таким образом, море, всегда бывшее ему другом, приняло его мученическое тело, а голубое небо — чистую душу.

Море с почтением отнеслось к его телу: оно не позволило бездне поглотить его и не отдало в пищу рыбам. Оно принесло его к берегу, при этом тело не лежало, как обычно бывает, но стояло

прямо и было видно от пояса и выше, подобно мощам святого Космы Этолийского, которого утопили в реке. Его родные и односельчане восприняли это как чудо и на его погребении оказали ему почести, подобающие мученику.

А его истязатель и убийца, лишённый покоя от различных обстоятельств и укоров совести, бросился в море с того же обрыва и покончил с собой подобно Иуде.

«Все, взявшие меч, от меча и погибнут»¹¹³. В моём селе один парень убил человека из-за денег. Когда и ему кто-то вонзил в грудь нож и стал его проворачивать, чтобы было больнее, то он сказал своему убийце: «Не проворачивай его, чтобы и с тобой не случилось того же. Я тоже убил человека ножом, но не проворачивал его».

Так праведный Костис получил венец праведника и мученика. Да поминает он нас там, где находится ныне, и молится о том, чтобы не повторилась больше эта братоубийственная война, ибо, как говорил мне один её участник, «эта война была всего лишь разминкой. Будет и другая, окончательная, во время которой сбудутся наши мечты».

Бог да устроит так, чтобы это осталось мечтами, которые оказались бы поскорее забыты.

¹¹³ Мф. 26:52.

Мученичество неизвестного священника

Сейчас осень 2006 года. Опирающиеся на подпорки ореховые деревья усыпали монастырский двор своими золотыми листьями. Под напором ледящего северного ветра целые ветви, гордость этих прекрасных деревьев, ломаются и падают на землю. С каждым днём они становятся всё более голыми и не способными сопротивляться зимним ливням. Из монастырской беседки я смотрел на эту осеннюю картину и запечатлевал её в своём сердце. Вдруг послышались чьи-то шаги. Я отвлёкся от своих мыслей и увидел четырёх крепких стариков, поднимающихся по дороге к монастырю.

— Дедушки, — закричал я, — осторожно! Из-за листьев дорога стала скользкой.

— Не бойся, отец, для валаха это не проблема.

Вечером я пригласил их на небольшое угощение. Старики с удовольствием приняли приглашение, как будто ждали возможности

поговорить со мной. Они осторожно сели на диваны и, несмотря на свои годы, в продолжение всей беседы сидели прямо, не разваливаясь и не горбясь.

— Мы, отец, валахи из Мецово ¹¹⁴, приходимся друг другу родными и двоюродными братьями, и все потомственные пастухи. К сожалению, сегодня нам некому передать пастушеский посох и свирель. Города проглотили и наших овец, и наших детей. Некому больше продолжать образ жизни Авраама, Исаака и Иакова, которые также были пастухами.

— Да будут благословенны ваши ноги, ходившие по вершинам Пинда ¹¹⁵, и ваши глаза, видевшие солнце ближе, чем глаза любого горожанина, и ваши уста, пившие воду из горных источников и не знающие других напитков!

— Ты хорошо сказал, отец, и правильно назвал их благословенными, но наши глаза видели и такое, что разрывает сердце и от чего можно потерять рассудок.

— Когда же вы видели эти ужасы? Может,

¹¹⁴ Городок на северо-западе Греции, неподалёку от Яннины. О валахах см. примечание на стр. 42.

¹¹⁵ Самый высокий горный хребет в Греции.

вам они привиделись?

— Нет, отец, это было на самом деле. В годы гражданской войны, в 47-м, — взял слово самый старый и начал своё страшное повествование, — на склоне горы, где мы вместе с младшими братьями пасли овец, мы увидели привязанного к ели священника. Его ряса и камилавка валялись в стороне и были так затоптаны, как будто там был пожар, и их топтали, чтобы потушить его. Деревянные колья были вбиты в его глаза, уши, рот, гениталии и сердце. Всё тело стало тёмным, как печень. Недавно моему внуку подарили икону мученика Севастиана, на которой его тело изображено утыканным стрелами, и я вспомнил 47-й год и неизвестного священника в горах Пинда, поэтому я и рассказываю об этом так, будто и сейчас вижу его перед собой.

Он наклонил свою седую голову и, не пытаясь сдерживаться, заплакал: «Я плакал и тогда, когда увидел его, плачу и теперь, когда его вспоминаю. Кто была мать, которая его потеряла? Кто была жена, которая его искала? Кто были дети, смотревшие на дорогу с надеждой ещё раз его увидеть? Прошли годы, и наши сёла остались без священников и богослужения. Мы с трудом находили священника, который благословлял бы наших детей и овец, а теперь это стало ещё труднее. Некоторые говорят: «В наше время телевидение

приносит литургию прямо к нам на дом». Ну да, только не Христа. Если можешь, попробуй, причастись по телевизору».

Тем долгим вечером наша беседа превратилась в настоящее священнодействие... Уроженец островов и валахи натянули основу, на которой начала ткать прекрасные цветы любовь и взаимное уважение.

ИСПОВЕДИ

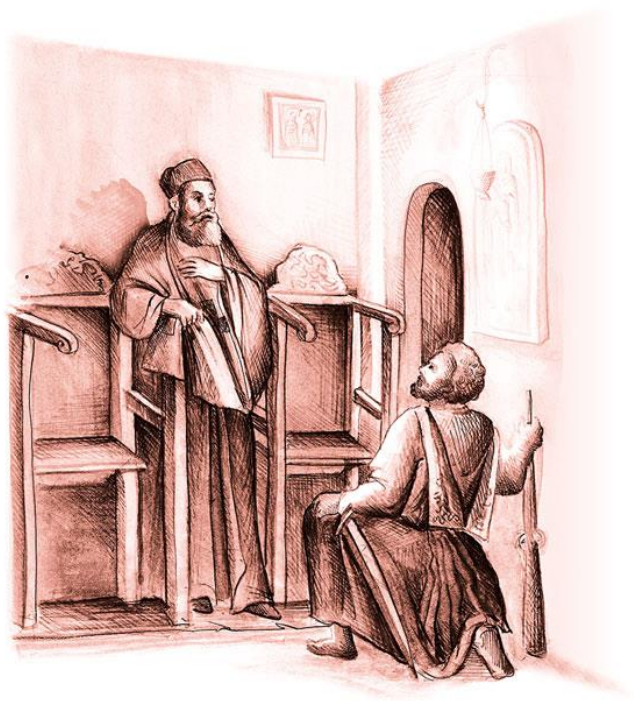
Исповедь Давелиса

(рассказ об отце Николае Планасе, который я услышал, когда учился на богословском факультете)

Однажды во время Великого поста 1966 года я слушал лекцию по нравственному богословию в первой аудитории богословского факультета. Лекцию читал Иоанн Кармирис, человек мудрый и образованный, с прекрасным для мужчины характером: строгим и мужественным. Среди преподавателей он был единственным, кто имел смелость заявлять о поспешности действий православных иерархов, направленных на объединение с католиками. Он говорил: «Пусть патриарх Афинагор не думает, будто объединение Церквей — это поцелуи и объятия. Всё, что не касается вопросов веры, — несерьёзно. Неужели в Церкви догматика стала ненужной? Отказаться от неё — всё равно, что вынуть у Церкви сердце и сделать её детей слепыми, чтобы они не знали, откуда пришли и куда идут».

Этот прекрасный преподаватель догматического и нравственного богословия иногда рассказывал нам истории, связанные с таинством исповеди. Среди прочего он говорил, что у всех

людей бывает необходимость открыть кому-то свою душу: «Испытывать обличения совести — одно из самых тяжёлых мучений. И даже самым отъявленным разбойникам и злодеям нужен человек, которому можно было бы довериться, они ищут какого-нибудь благоговейного священника, чтобы исповедаться ему».

И он рассказал нам о Давелисе¹¹⁶, атамане шайки разбойников, орудовавшей в Аттике, который, возможно, был последним атаманом в нашей стране: «Отец Николай Планас¹¹⁷ служил одновременно на двух-трёх приходах. Церковь пророка Елисея на склоне Ликавиттоса¹¹⁸ была его любимой. Кажется, из всех храмов в Афинах этот закрывался последним, и в нём оставались лишь святые, изображённые на иконостасе. Отец Николай любил до глубокой ночи общаться с ними посредством молитвы. Так, в один вечер, затеплив лампаду и ещё не успев выйти из северных дверей алтаря, он увидел, как маленькая дверь церкви открылась, затем быстро закрылась, и сам атаман Давелис, вооружённый до зубов, запер её на цепочки и засовы. Священник застыл на месте, его дыхание стало затруднённым, а ум пришёл в оцепенение. Помыслы говорили ему: «Может, этот несчастный думает, будто приходящие ко мне люди оставляют мне деньги, и он пришёл их забрать?»

¹¹⁶ Христос Давелис — знаменитый в Греции атаман, живший в конце XIX — начале XX века.

¹¹⁷ О нём см. в примечании на стр. 90.

¹¹⁸ Скалистый холм, возвышающийся в центре Афин.

Господи, конец мой близок; не дай моей душе оробеть». Тем временем разбойник снял с себя оружие, сложил его в одной из стасидий и тяжёлыми шагами стал приближаться к перепуганному священнику: «Отец Николай, я пришёл, чтобы ты меня исповедал и снял с меня мои грехи. Принеси епитрахиль». Этот преступник преклонил колени под епитрахиль и поведал о всех своих злодеяниях: убийствах, грабежах и насилиях. Преподобный выслушал разбойника, не упрекнув его за душевную чёрствость, и только сказал: «Всё это Бог тебе простит. Вот только не знаю, что тебе сделают власти, если поймают и будут судить по закону». И он прочёл над ним разрешительную молитву. Разбойник поцеловал епитрахиль, руку священника и святые иконы, взял своё оружие и ушёл в ночную темноту. А преподобный повернулся к иконе Христа, прося Его простить разбойника».

Исповедь горца

Для покаяния годится всякий час и всякое мгновение, но святые отцы убеждают христиан чаще приступать к исповеди и Божественному Причащению, особенно во время многодневных постов. В одной горной области Греции по соседству с монастырём было расположено

селение, дома которого были разбросаны по склонам горы подобно орлиным гнёздам. Его жителями были потомки людей, которых некогда притесняли турки и которые ради спасения своей жизни были вынуждены бежать в горы. Там, где удавалось найти хотя бы немного земли и воды, они устраивали своё хозяйство, не испытывая потребности в близком соседстве друг с другом. Так получилось, что они жили вдалеке один от другого, как будто были аскетами древности. Некоторые из них поселились в прекрасных, но необычайно опасных местах, напоминавших афонские Карули¹¹⁹, где постоянно дуют сильные ветры. А когда они разжигали очаги или печи, чтобы испечь хлеб, то их дымоходы напоминали чадающие трубы старых пароходов, работавших на угле. Посещение церкви, а тем более слушание бесед о вере, было для этих людей затруднительным по причине больших расстояний и сурового климата. Несчастный игумен горного монастыря постоянно старался приручить этих людей, которые были настолько же тяжёлыми в общении, насколько скалистыми были окружавшие их горы.

¹¹⁹ Район на южном склоне Святой Горы, обрывистый и почти недоступный, в котором живут одни лишь отшельники.

Однажды Рождественским постом он сказал приходскому священнику этого села: «Объяви в церкви, что я никого не стану причащать без исповеди¹²⁰».

У этих людей ещё сохранялась память об их корнях, и они послушались. Каждый вечер игумен клал епитрахиль в свою сумку и на пару с добрым батюшкой обходил тот или иной участок села, чтобы смогли исповедаться даже самые старые и больные. Дорога была трудной, так как снегу навалило больше шестидесяти сантиметров, поэтому священник, знавший все тропы, шёл впереди. Один из участков был особенно удалён и труднодоступен. Немощный игумен говорит священнику:

— У тебя на этом участке есть ещё кто-то? Я не смогу прийти сюда ещё раз: холод невыносимый.

— В верхней части участка живёт один старик, но это человек жестокий и грубый. Не думаю, что он захочет исповедаться.

— Ступай, дорогой мой батюшка, и скажи ему: «Через сорок дней ты перейдёшь в иной мир. К

¹²⁰ В практике Греческой Церкви причастие обычно отделено от исповеди, так как право исповедовать имеют лишь некоторые, самые опытные священники.

тебе идёт игумен, чтобы ты мог исповедаться».

Священник оказался в затруднении.

— Да ты что! Как я пойду и скажу такое этому невыносимому человеку?

— Пусть это тебя не заботит. Иди, а Бог что-нибудь скажет его душе. Он постоянно стучит в двери и большим грешникам, и во многих случаях они Ему открывают. Кто знает, может для него это как раз такой момент.

Добрый священник, опираясь на посох, стал подниматься по крутой тропинке в домик дяди Христа¹²¹. Он в точности передал ему слова игумена. У старика открылось дотоле запертое сердце, и для него наступило время благодати.

— Отлично! Пусть приходит твой игумен.

Обрадованный священник вернулся и с удивлением сказал:

— Железо уже раскалилось и готово к ковке. Пойдём быстрее, пока оно не остыло.

Этот батюшка был к тому же и кузнецом, владевшим искусством обработки железа. Его епископ говорил ему: «Обычно, отец, мы становимся священниками и потом уже кузнецами, а с тобой всё наоборот: сначала ты стал кузнецом, а

¹²¹ Распространённое греческое имя, образованное от прилагательного (полезный, добрый).

потом священником».

Впереди священник, а за ним игумен, подошли они к дому грубияна. Деревянная лестница, довольно крутая, вела к верхнему этажу дома. Нижний этаж, как повсюду в этих местах, был предназначен для животных и для хранения съестных припасов. Скрип ступенек под тяжёлыми шагами двух священников возвестил жильцам об их визите. Невестка сказала тугому на ухо старику:

— Папа, пришёл отец игумен.

Мы ещё не успели войти в сени, как старик закричал громким голосом:

— Я пёс, не достойный милости. Я был дикой собакой. Не может Бог поместить меня в Свою святую обитель. Я старая собака, у которой нет хозяина. Я заблудился на путях греха, которые сам избрал.

— Отчего, дедушка, в твоём крике столько отчаяния?

— Уже много лет я лежу в глубоком болоте и ищу руку, которая смогла бы вытащить меня. Дай мне свою руку и, насколько можешь, поддержи меня. Моя обросшая паутиной душа видит ночами страшные сны: собаки вытягивают меня из дома, мулы тащат меня, а потом какие-то чёрные твари гадят мне прямо в рот. Я просыпаюсь в такой горечи и страхе, что не знаю, на какую сторону мне повернуться, чтобы найти покой. Моя покойная

мать говорила мне, что надо спать на правом боку, но и в таком положении мне снятся эти ужасы.

— Исповедуй то, что тебя мучит, и многомилостивый Бог очистит твою душу от всякого грязного пятна.

— Отец, у меня на душе не просто пятна, она у меня вся почернела.

Этот интересный старик принёс покаяние с таким плачем, какого я никогда ещё не слышал в исповедальне. Я прочёл над ним разрешительную молитву. Старик издал такой громкий вздох, как будто опустил на землю тяжёлый груз.

— Теперь, дедушка, ты можешь причаститься.

— Я, отец, впусти Христа в своё сердце?! Мне уже девяносто и я не помню, когда в последний раз причащался. И теперь, когда мне уже конец, Христос войдёт в моё сердце?! Я не сгорю от этого?

— Не сгоришь. Христос сожжёт только твои грехи, а Сам останется в тебе как Царь.

— Да будет так по твоим молитвам, отец. Но у меня есть проблема: от многолетнего курения мои лёгкие закоптились и теперь я вынужден постоянно отхаркивать чёрную мокроту.

— А ты не сможешь удержаться хотя бы пару часов?

— Постараюсь.

Он причастился в тот же день за два часа до захода солнца, а через тридцать восемь дней этот

человек, промышлявший разбоем в горах и овчарнях, умер. Нам ещё нужны священнослужители, подобные этому игумену, который смог, хоть и с ошибкой в два дня, предсказать смерть дяди Христа.

Исповедь сотрудницы таможни

Пришла осень, и в горном монастыре стало холодно. Разве что в полуденные часы можно не замёрзнуть на его дворе. Он весь усыпан пожелтевшими листьями ореховых деревьев, и дядя Георгий не успевает их подметать: утром он их собрал, а вечером они уже снова лежат кучками во всех закоулках. Вместе с природой теряют весеннюю радость и наши сердца: становится грустно. Мы ведь тоже похожи на листья, увядающие и падающие на землю, чтобы снова стать ею.

В один из таких полдней какая-то девушка ходила по монастырскому двору подобно ореховому листу, носимому ветром из стороны в сторону. Вдруг её заинтересовала надпись «Исповедашня». Она стала смотреть, как люди заходят и выходят из неё: одни задумчивые, другие радостные. Она решила тоже занять очередь, чтобы спуститься к духовнику. Девушка была высокой и довольно красивой, но на лице её читалось

раздражение: оно было мрачным, как грозовое облако, которое вот-вот разразится ливнем и молниями. Зайдя, она села напротив духовника, но не как подсудимый, как всякий раз говорил о себе старец Филофей, когда исповедовался, но как строгий обвинитель. Казалось, будто во всех её грехах и разочарованиях был виноват священник. Вся её душа была изранена, а сердце изболелось, но невозмутимый духовник в ответ на все вопросы о тех или иных грехах слышал: «Это Ваш грех, а не мой». Во всём был виноват священник, и лишь она одна не чувствовала стыда за всё, что сделала. Наконец девушка встала и с отвращением, будто увидев перед собой что-то омерзительное, бросила: «Прощайте». Она ушла взволнованная, хотя духовник и старался своим спокойствием посеять мир в её душе. Но её эгоизм воздвиг такую стену между ними, что этот мир не смог к ней пробиться.

Перед Рождеством эта девушка написала игумену письмо с просьбой разрешить ей провести праздник в монастыре. Ещё не получив ответа, она вновь оказалась в обители Богородицы, но уже не с надменно поднятыми бровями, как в первый раз, а с лицом, по которому угадывалось страдающее сердце. Она уже не пускалась в споры, никого не осуждала и со всеми сердечно здоровалась. После окончания вечерни она вежливо спросила:

— Отче, можно мне исповедаться?

Первыми её словами были:

— Знаете, батюшка, почему я опять пришла?

— Не знаю, дочка.

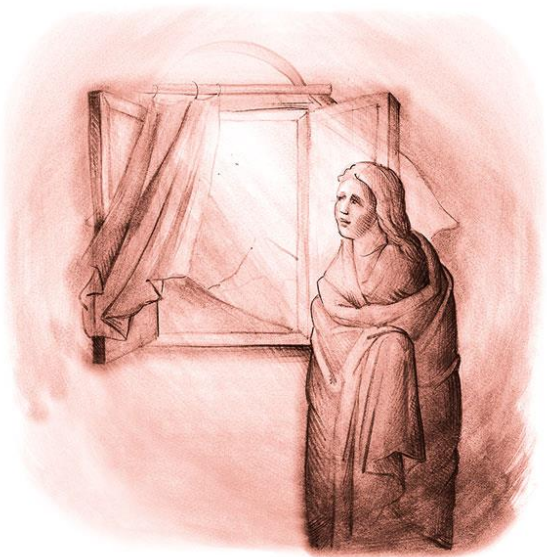
— На прошлой исповеди (да вменит мне её Бог в исповедь!) я вела себя как бушующее море, а Вы были подобны скале на берегу, которая испытывает на себе всю ярость волн, но остаётся неподвижной. Я говорила себе: «Что это за человек? Почему он остаётся спокойным? Он что, гора, которую Бог поставил посреди моря?» Чем дальше Вы оставались спокойны, тем больше это меня бесило. Я подумала: «Вот для меня подходящая возможность выместить свою злость, а заодно и развлечься». И ещё: «Или он не понимает, что я над ним издеваюсь, или Сам Бог послал его вразумить меня, сумасшедшую». Причина, по которой я вымещала свой гнев на Вас, священнике, хотя Вы ни в чём не были передо мной виноваты, была та, что другой священник вынул из-под меня последний камень, который не давал мне окончательно упасть. Велик или мал был этот камень, я не знаю, но с тех пор я опустилась на самое дно ада, и это едва не привело меня к самоубийству. Я думала: «Если жизнь лишь в удовольствиях, мимолётных связях и наслаждениях, то в ней нет никакого смысла». После этого я накупила лекарств и ядов и приехала в ваше горное селение, чтобы покончить здесь со

своей безрадостной и тревожной жизнью. Первую ночь в гостинице я провела без сна, мучаясь помыслами отчаяния. Утром я вышла на площадь и взглянула на людей, наслаждавшихся сходящей с высокой горы прохладой. Им, опалённым жаром мегаполисов, казалось, будто они очутились в раю. В один момент мой взгляд упал на такси и застыл в недоумении. Машины постоянно наполнялись людьми. Они уезжали и тут же возвращались. Постепенно площадь опустела, и я осталась практически одна. Я подошла к таксисту и спросила: «Куда едут все эти люди?» — «Ты разве не знаешь? В монастырь к чудотворной Румелийской иконе Богородицы. А ещё там хранится оружие командора Караискакиса¹²²». — «Ты не понял, оружие меня не интересует. Есть там люди, с которыми можно было бы поговорить о своих проблемах?» — «Есть, и даже образованные». — «Тогда вези меня туда». Отче, по дороге мне было страшно. Я никогда ещё не видела таких диких мест, никогда не проезжала по такому длинному ущелью. Таксист постоянно рассказывал мне о чудесах Богородицы («Вот здесь видны следы Богородицы, там — отпечаток ноги, там —

¹²² Георгий Караискис (1780–1827) — один из вождей греческого восстания против турок 1821 г.

постоялый двор, в котором спали нашедшие икону, а там — пещера, которая ведёт...»), но я его совсем не слушала: внутри у меня всё горело. Когда я прохаживалась по монастырскому двору, меня впечатлило спокойствие на лицах монахов. Мне вспомнилось старинное присловье: «Увидел человека — увидел Бога твоего». А ещё я вспомнила нашего учителя, который рассказывал нам о своём паломничестве к иконе Богородицы в Лионе: «На длинном пути, ведущем к святыне, ты встречаешь монахинь с чётками в руках: одна от другой довольно далеко. Их скромные фигуры и опущенные головы говорили о том, что когда ты дойдёшь до цели, то найдёшь там Бога, Который беседует с людьми. А если ты не почувствуешь этого, то в этом будет целиком твоя вина». Тогда я подумала: «Или я здесь вымещу на ком-то свой гнев, или покончу с собой». С таким помыслом и зашла я в исповедальню. Если помните, я дерзко спросила Вас: «Ты хочешь жить?» — И Вы мне ответили: «Конечно». — «Сколько лет?» — «Тысячу и ещё столько же». — «Ты радуешься жизни?» — «Ещё как: я целыми днями смеюсь». — «И у тебя не бывает тревог?» — «Нет, только испытания, которые Бог посылает мне, чтобы я стал лучше». А теперь, дорогой мой отец, я пришла, понимая всю свою ответственность за то, что сделала. Путь греха я выбрала сама.

Она начала с грехов плоти, с неправильного употребления всего, что Бог дал человеку на земле. Мой ум смутился, когда я увидел её слёзы и услышал сквозь рыдания о её падениях. К сожалению, человек вдали от Бога становится ненасытным ко всякому наслаждению и разврату и не знает границ в греховных удовольствиях. Затем последовали грехи, связанные с её профессией: ложь, махинации, хитрости — сплошной ад: нигде не было человеческих отношений, сострадания и любви. Всё это было убито корыстолюбием и самолюбием. Здесь невольно почувствуешь правоту слов, которые нам когда-то сказал один неверующий учитель: «Сочувствие — свойство недоразвитых людей». Она всё говорила и говорила... Как в одной сказке о драконе, мы поднимались на горы и спускались с них, пока не дошли до равнины, где она возблагодарила Бога и прославила Его за долготерпение, с которым Он относился к ней столько лет, и стала просить о милости и прощении за свою прошлую жизнь. Я подумал: «Разве мытарь в Евангелии сделал больше, чем она, простёршаяся у ног Иисуса?»

Монастырские часы пробили полночь, когда мы закончили исповедь. Снаружи снега намело по колено, мороз продирал до костей. Я сказал ей:

— Как же ты, дочка, провела прошлую ночь без отопления?

— Это правда, в моей гостинице не топят. Дома мне постоянно не хватает батарей, и хотя я включаю электронагреватели, тепла мне всё равно мало. Я из тех, кто не переносит холода.

Утром на богослужении она рассказала мне о чуде благодати Божией:

— Лишь только я вошла в келью, как открыла

окно (я чувствовала какой-то неприятный запах) и стала на колени, чтобы помолиться и поблагодарить Господа и Бога моего, Который дал мне силы повергнуть к Его ногам бремя моей несчастной души и Который не уничтожил меня, но возродил. От жгучего холода я во время молитвы дрожала так, как будто душа моя хотела из меня выйти. Спустя короткое время через раскрытое окно на меня сошёл луч света, который окутал и согрел меня всю. Я совсем перестала чувствовать холод. Короткая ночь прошла при свете Христовом. Мне трудно описать то, что я чувствовала. Наверное, если я скажу, то потеряю это, а если промолчу, то эта сладость останется со мною.

Сотрудница таможи поступила по совести: она оставила работу в таможене, чтобы пресечь поводы к греху. Раньше она была богатой, привыкшей жить на широкую ногу, а теперь обеднела и стала жить очень скромно. Чтобы заработать себе на жизнь, она по ночам одевалась в самую простую одежду и шла в больницы помогать медсёстрам. Целыми ночами она утешала больных, а когда они приходили в себя, читала им Евангелие и жития святых. Она дошла до крайней нищеты. Как-то раз она встретилась мне на улице и попросила пару драхм, чтобы купить хлеба, так как уже три дня ничего не ела. Она была опытным адвокатом, но ей не давали практики и быстро

увольняли из судов за то, что она, в согласии с евангельским учением, добивалась оправдания подсудимых: такой стиль работы судам был не выгоден. Ей претило быть адвокатом, который говорит своему клиенту: «Заплати мне, и тогда я буду убеждён в твоей невиновности».

Она и сейчас продолжает идти узким путём и верит, что если умрёт ради Христа, то будет жить вечно. У неё осталась одна забота: причастие Иисусу. Всюду и всегда — Христос Бог наш. Аминь.

«Кровь моих детей!»

Горный монастырь, как и много веков тому назад, и ныне обновляет Крещение в таинстве исповеди, этой купели очищения и освящения. Никто не поднимался в эти горы ради туризма, это

слово было даже неизвестным для проходящих в монастырь паломников. С другой стороны, этот монастырь никогда не был знаменит своими сокровищами и древностями, которые обычно привлекают туристов и любопытных путешественников. Единственным заметным сокровищем были слёзы и вздохи христиан, раздававшиеся сначала перед чудотворной иконой Богородицы, а потом под епитрахилью духовника. Кажется, что и жители равнин, у которых никогда не было недостатка в духовных отцах, предпочитают именно в глубоких горных ущельях прятать свои злые «сбережения», собранные в их душах дьяволом, миром и собственным эгоизмом. Народ говорит: «Неси своё зло в холмы и горы, туда, где нет людей, но видит один лишь Бог». Сбережениями я назвал грехи, так как сегодня люди, приобретая их, хвалятся ими, как будто они бесы. А наши рассказы — о слезах покаяния, благодаря которым можно найти Бога, вселяющегося в души кающихся, поэтому мы будем говорить только о них.

Тёмным августовским вечером одна женщина, приклонившая колени перед духовником, рыдала и с горечью повторяла: «Кровь моих детей!» Духовник, видя такой сильный плач, такие обильные слёзы, подумал: «Быть может, с её детьми случился какой-то несчастный случай, и она их

потеряла». Впрочем, он уважал её скорбь и в течение долгого времени не прерывал причитаний. К тому же, не каждый день встречаешь такую боль и столько слёз. Наконец он осторожно сказал ей:

— Скажи-ка мне, что с тобой случилось?

— Ах, батюшка, когда я стала девушкой, то стала делать аборт — грех, обычный для нашего времени. Моя связь была кровосмесительной и долгой. Как садовник день за днём срезает цветы тыквы, так и я, несчастная, головы. Не цветы тыквы, но цветы Божиего творения.

— Да, дочка, это большой грех. Старец Филофей говорил: «Если вы так хотите избавиться от ребёнка, то, когда родите его, крестите, а потом уже убивайте; так на вас будет меньше греха». Мы, христиане, наполнили иной мир некрещёными детьми. Велика наша вина. Эти дети будут собраны перед небесными вратами и будут отталкивать от них каждого убийцу, не давая им войти.

Когда женщина услышала от духовника такие слова, то её слёзы и стенания ещё более усилились. Запинаясь, она с трудом начала рассказывать:

— Когда я повзрослела, отче, то вышла замуж за одного хорошего человека. Я скрыла от него, в каком болоте греха находилась до брака. У нас родились дети, но внутри меня никогда не прекращался плач об убитых мною младенцах. Однажды, когда я была в доме и делала уборку, мои

дети в это время играли во дворе. Вдруг я услышала, что они начали драться. Я выглянула в окно и увидела, как один из них поднял мотыгу и разбил ею голову своему брату. Его мозг вылился на землю, во дворе моего дома. В тот час, хотя я и смотрела на этот кошмар, мои мысли были в другом месте. Я вспоминала об абортах, которых было не один и не два, но гораздо больше. Тогда я потеряла рассудок, а когда он ко мне вернулся, то я начала бродить по знакомым местам и оплакивать потерю, или, точнее, убийство моих детей. Самой себе я кажусь Иродом, злодеем, убийцей, и не нахожу покоя.

Она не села, чтобы выслушать разрешительную молитву, считая себя недостойной прощения. Она распахнула дверь и с рыданиями выбежала, не чувствуя никакого стыда перед смотревшими на неё паломниками. В монастырской гостинице она ночевать не стала. Один из монастырских работников сказал духовнику:

— Какая-то женщина сидит за воротами и не хочет заходить.

— Если там ей спокойнее, то не трогай её.

Когда рассвело, она ушла в долину к своей семье с горечью и вздохами.

Учительница, противившаяся воле Божией

Духовники поощряют своих чад к рождению детей как к одному из путей спасения. Из-за этого они часто кажутся выходцами из другой эпохи, не понимающими действительности. Поэтому современные люди, всё-таки желающие

исповедоваться и причащаться, избегают одного духовника и ищут другого, который не станет касаться больной темы контрацепции. Сегодня самые разные христиане то ли по причинам экономическим, то ли по причине занятости, из-за которой не могут заниматься воспитанием детей, то ли из-за каких-либо болезней часто не хотят иметь детей и этим сами лишают себя радости патриарха Иакова, у которого было двенадцать сыновей. Как будто в прежние времена муж и жена не трудились на суше и на море ради насущного хлеба! Закаты и рассветы заставляли женщину на кухне, когда она месила тесто, пекла хлеб, стирала (в те времена ни одна женщина не стирала днём), занималась рукоделием или наводила в доме порядок. На рассвете она выходила из дома, но не в магазины, а на поля или к рыбацким лодкам и сетям. Она разделяла с мужем все его труды. А если в доме не было дедушки и бабушки, то старшие дети помогали воспитывать младших, и между ними была крепкая братская любовь. Раньше часто можно было услышать: «Я воспитал своего младшего брата», «Я воспитала свою младшую сестру», «Я очень рано стала матерью для своих братьев». Это были прекрасные, ангельские слова, в отличие от ужасных слов современной матери: «Я избавилась от своего ребёнка», — или сына: «Я не хочу других братьев».

Так и одна учительница, не имея серьёзных причин избегать деторождения (у неё и зарплата была хорошая, и в доме было кому помочь), говорила, стуча ногой по полу: «Нет, я больше не хочу детей!»

А духовник, видя такую наглость педагога, говорил ей: «Ладно, давай поговорим об этом через год. Успокойся. Никто не заставляет тебя становиться матерью».

Год пронёсся, как вода в реке. Снова наступил август. В живописном монастыре ежедневно забрасываются Христовы сети, в которые попадают и водоросли, и плавающие по морю нефтяные пятна, и моллюски, и камни, и разная мелкая рыба. Вот и опять попался духовнику моллюск в твёрдой раковине. Она уже не говорит «нет», уже не бьёт ногой, а только плачет и всхлипывает. Но не потому, что била ногой, ропща на Самого Бога, а потому, что больше не сможет стать матерью.

«Успокойся, — говорит ей духовник. — Подождём ещё год, чтобы ты поняла, о чём стоит плакать. Не лей напрасно столько слёз».

Она ушла, не получив разрешительной молитвы. На третий год она, наконец, почувствовала свой грех, перестала бороться с духовником, научилась не бунтовать против Бога, научилась подчиняться воле Божией безропотно,

чего бы ей это ни стоило. Удары судьбы сделали её уравновешенной и привели к познанию божественной истины после трёх лет духовного руководства. Как жаль, что в гордые и надменные сердца покаяние просачивается по капле!

Последнее признание

Дядя Афанасий был хорошим человеком. Он со всеми здоровался дважды, как монахи монастыря Лонговарда, которые повторяли в своём приветствии слова «благословите, благословите», чтобы человек наверняка услышал во второй раз, если не расслышит в первый. Своих родственников он любил больше, чем собственных детей. Он был щедр ко всем, был человеком «с душой нараспашку», как говорят у нас на островах Архипелага. Его мать происходила из Эноса и Айвали. Она была очень религиозна. Местом её служения Богу был храм святого Димитрия, которого она называла своим соседом. По ночам, когда были потушены все свечи, святой стучал в её окно и никогда не лишал её этого знака своего присутствия. Этот стук, как она сама сообщала, всегда был тихим. К сожалению, она быстро умерла, не успев довести до конца воспитание своих детей, из-за чего её дети удержали в своих сердцах лишь небольшие искры благочестия. Она

не успела полить семена, посаженные ею в их мягких сердцах.

Афанасий работал портовым грузчиком. Он всегда был честным и почтительным, но работа в Пирейском порту ¹²³ постепенно внушила ему гордую мысль, что он знает если не всё, то, по крайней мере, больше других. Он называл порт школой добра и зла.

— Мои глаза видели, а уши слышали такое, о чём вы, образованные, никогда не прочтёте в книгах.

Какая-то связь с Церковью у него оставалась всегда. Он никогда не богохульствовал и не развратничал. Но после того, как священник, совершивший для него соборование и освящение дома, в чём-то сплутовал (как Афанасий сам рассказывал), сердце его остыло к Церкви. Впрочем, веры своих отцов он не оставил.

Прошло много лет, и он оказался прикован к постели острой лейкемией. Лечащий врач утверждал: «Стоит прекратить переливание крови, как праздник жизни для дяди Афанасия закончится». Как хороший родственник, я навещал его каждый вечер — малое воздаяние за его любовь

¹²³ Пирей — пригород Афин, в котором расположен один из главных средиземноморских портов.

ко мне. Как-то раз его дети задержали меня у входа в клинику и попросили меня уговорить его исповедаться.

— А почему вы сами этого не скажете?

— Манолис, ты ведь знаешь, какая у него немощь...

— Дядя, кровь останавливается и скоро твоя жизнь закончится.

— Я это знаю, сынок.

— Думаю, что тебе пора исповедаться и причаститься. Подумай, как ты предстанешь Господу в таком состоянии?

— Быстрее приведи ко мне духовника, я сделаю всё, что нужно.

Недалеко от больницы находится храм святого Спиридона, в котором тогда служил священником один молитвенник и удивительный учитель благочестия. Его проповеди всегда меня трогали: он умел донести свои слова до сердец слушателей. Его слово было свежим и благоуханным, как свежеиспечённый пшеничный хлеб, наполняющий весь дом своим ароматом. Оно вселяло в сердца покой, подобный первой росе, выпадающей на рассвете августовского дня. Ах, если бы он и теперь был жив! Мы слушали бы из его золотых уст евангельское учение. Но он рано оставил свой приход, став митрополитом на острове Хиос. Да пошлёт нам Христос больше таких

священников, каким был отец Хризостом Ялуридис!

— Вы сможете прийти исповедать моего дядю, который лежит в больнице?

— Идём прямо сейчас.

Когда на следующий вечер я пришёл к дяде, то оказалось, что он уже исповедался и причастился. Его жена, сутками не отходившая от него, сообщила мне новости хорошие и не очень: с утра он стал задумчивым, но ни с кем не общается.

Она сказала ему на ухо:

— Пришёл Манолис.

И тогда мой полумёртвый дядя приподнялся с подушки и, плача, стал говорить мне:

— Спасибо тебе, дорогой мой сынок! Последний раз я исповедовался в 1912 году. Тогда в Фессалониках мы исповедовались всем полком. Мы причастились и дошли пешком до Софии¹²⁴. С тех пор я погряз в житейской суете, к тому же один священник столкнул меня в бездну, хотя я и сам как будто искал кого-то, кто дал бы мне повод уйти из Церкви. С того времени я был как осёл, который ушёл с дороги, заблудился в лесу и бродит туда-сюда. Всеми причиной мой эгоизм, который появился у меня от общения с портовыми людьми,

¹²⁴ Имеется в виду столица Болгарии.

которые любили говорить: «Есть только мы, других нет». А теперь я облегчил себе душу. С моего сердца как будто сдвинули могильную плиту. Если я выживу, то буду жить по-новому, по Христу, истинной жизнью, сынок. Ещё раз спасибо тебе, дорогой племянник! Дай я тебя поцелую.

Через час мой дядя продолжил свою новую жизнь на небе. Не «внизу», как говорят в Афинах о Пирее, а наверху, в Горнем Иерусалиме.

«Ты сам захотел сюда прийти, или тебя привели?»

Была середина зимы. Холод был такой, что никто из нас не показывал носа на улицу. В этих горах ночь наступает быстро. Как будто могильной плитой накрывает нас туман и густая тьма. Даже лунный свет не мог нас утешить. Ни один человек не приходит в такое время к нам в ущелье, чтобы узнать, живы мы ещё или уже умерли. Но, несмотря на это, как-то раз после вечерни я увидел в монастырском дворе трёх человек: двое юношей сопровождали своего отца.

— Как вы оказались здесь в такую погоду?

— Мы, отец, приехали из Афин, зашли в здешнюю деревню и привели сюда нашего отца, чтобы он исповедался. У Вас найдётся для него время?

— Идём, дедушка, к Богородице, побеседуем. У тебя хорошие дети. Видно, что они тебя очень любят, если прошли такой путь, да ещё в такую погоду. Но ты сам захотел сюда прийти, или они тебя привели?

— Привели. Они в буквальном смысле несли и тащили меня в этот монастырь. Уже много лет моя жена и дети пилят меня, чтобы я исповедался. Хотя сам я не знаю за собой грехов.

— Сколько тебе лет?

— Семьдесят пять.

— И ты никогда не ошибался? Я вот согрешаю каждую минуту, а как тебе удалось избежать дьявольских сетей?

— Если ты называешь грехами еду, питьё, женщин, то это — природные вещи. Если это зло, то зачем Бог дал их? Если их создал дьявол, то что тогда делает Бог? Несчастья и болезни, землетрясения, стихийные бедствия и войны? С детства я слышу о том, что с нами случается: «Это гнев Божий». Что, Бог умеет только гневаться?

Я подумал: «Похоже, с этим стариком будет тяжело». Спрашиваю его:

— Кем ты работал?

— Не работал. Работаю. Я пастух.

— В гражданской войне ты совсем не участвовал?

— Да что ты, отец? Правду тебе говорю:

совсем не воевал. Хотя, как-то раз по дороге через лес, в котором я прятался, шли двое вооружённых мужчин в военной форме. Это были партизаны. Я их прибил и оставил лежать.

— А откуда ты знаешь, что это были партизаны?

— Об этом потом говорили: «На дороге нашли двух убитых партизан. Убийца не найден».

— Партизаны тебе когда-нибудь причиняли зло?

— Нет, никогда.

— За что же ты их убил?

— Как за что? Да ведь они были коммунистами.

Целый час я бился, пытаюсь убедить его в том, что это было преднамеренное убийство, тяжкий грех. К сожалению, мне не удалось пробудить в его душе хоть тень раскаяния. Он жил в собственном «раю».

Снаружи у церкви меня ждали его сыновья.

— Скажите, ребята, может быть, он не в себе?

— Да нет, он всегда был таким самоуверенным.

— Я ничего не смог с ним сделать. Может, другой духовник сможет. Доброй вам ночи. А за вашу жертвенность да наградит вас Господь!

Строгость к себе

Эвритании ¹²⁵ Сам Бог расставил горы, разбросал скалы и раздвинул ущелья. Как говорил мне один местный дедушка, «Бог как будто просеивал землю, поэтому хорошая почва попала на равнину, а у нас Он свалил ненужные отбросы». Впрочем, Он дал нам и утешение: необозримые еловые леса. Особенно возле селения Фурна всех поражает сильное благоухание елей. Их тёмная тенистая хвоя одновременно радует и уstraшает. Благоухание елей совершенно не похоже на неприятный запах цветущих весной каштанов.

В Эвритании есть большая область, которая называется Аграфа. Говорят, что турки никогда туда не заходили. Однако многие монахи не только смогли пройти туда, но и построили там прекрасные монастыри, такие как обитель Скалы, монастырь святой Параскевы, в котором подвизались Иоанн Этолийский, Гордий и многие другие, имена которых я не могу теперь вспомнить. Несмотря на труднодоступность и суровый климат, эти монастыри действовали, и посреди диких скал в них вырастали удивительные цветы. Кроме того, они способствовали тому, что в окрестных селениях

¹²⁵ Область в Центральной Греции.

появлялись удивительные люди, выроставшие в патриархальных семьях. Они жили в простых хижинах (здесь редко можно встретить хорошо построенный дом), но, несмотря на это, им удавалось воспитывать по двенадцати и четырнадцать детей, которые все были очень смышлёными, с блестящими способностями и верными Богу: настоящие элины и прекрасные люди, у которых было уважение и любовь к Церкви и родине. Их общество радовало сердце. Это были подлинные герои, которых не согнула тяжесть нищеты; трудности лишь увеличивали у них желание жить. У них не было притворства и лукавства. Приходя в монастырь, они не требовали себе одноместной комнаты с отдельным туалетом, не были привередливы к еде. Простой коврик во дворе монастыря был для них лучше кровати из слоновой кости, а кусок хлеба и немного оливок — царским обедом.

Эти люди, впрочем, как и все, кто жил в прежние времена, приходили в монастырь для исповеди. Богородица, принимавшая от них богатые дары в виде оливкового масла, воска и животных, принимала у них также и грехи. Они считали, что Богородица слушает их с большей любовью и легче прощает. «Богородица да простит нам грехи наши, отец игумен!» Однажды сюда пришёл один из этих славных людей, уже старик,

чтобы принести исповедь за всю жизнь, так как он был уверен в своей скорой смерти.

— Сколько у тебя детей, дедушка?

— Столько, сколько дал мне Бог: четырнадцать, с Божией помощью.

В тот момент я вспомнил одну бабушку из села Платанос в Навпактии ¹²⁶, у которой я спросил:

— Сколько у тебя детей, моя благородная госпожа?

Она ответила:

— Я лучше скажу, сколько у меня внуков, а детей ты уж сам сосчитай: тридцать восемь, с помощью Богородицы.

Я продолжил беседу со стариком:

— Что тяготит твою душу?

— Есть у меня тяжкий грех, который уже много лет не даёт мне покоя. Теперь вот у меня получилось прийти сюда, чтобы оставить его у ног Богородицы. Только Она может скрыть его от Командира.

— Что это за Командир?

— Это Христос, сынок. Ты прости, что я называю тебя сыном, но такие уж мои годы.

— Что же это за тяжкий грех?

¹²⁶ Область в Центральной Греции.

— Я, отец игумен, нарушил пост в одну из пятниц.

— Ты съел что-нибудь скромное?

— Нет, такого я никогда не делал. Я в пятницу переспал со своей женой. А ведь в этот день был распят Христос. Он — на страсть, а я — на сласть? Я не могу этого забыть. Много лет я молюсь, крича об этом в горах, по которым хожу, но чувство вины не покидает меня. О моём грехе узнали птицы, дикие звери, каждая ветка на деревьях в лесу. Теперь я хочу, чтобы о нём узнала Богородица и изгладила его из моей души.

Я застыл в изумлении и не мог ничего сказать, а потом подумал: «Мы, монахи, говорим о строгости к себе. О какой строгости мы говорим! Этот дедушка — вот самая строгая строгость, какую я видел в своей жизни!»

«Не спрашивай меня»

Духовники всегда испытывают затруднения во время исповеди. Люди не хотят раскрывать свою душу или от стыда, или по действию дьявола, или из-за лукавства. Их грязь, проступки и пороки приходится вынимать из их сердца чуть ли не багром. Приходится задавать наводящие вопросы, по которым исповедующиеся начинают судить о духовнике. А из-за этого у них зачастую возникает

превратное понимание его слов, от чего они сильно обижаются не только на молодых духовников, но и на убелённых сединами старцев. Как правило, исповедующиеся начинают с перечисления своих достоинств: «Я не клеветал, никого не убивал, не разрушал чужую семью. Ты лучше сам меня спрашивай, а я буду отвечать...»

Сколько трудов стоит раскрыть подобное сердце! Ключ от него человек забывает дома и приходит с душой, запертой со всех сторон, как осаждённая крепость. Как войти в такое сердце?!

Но, слава Богу, встречаются ещё люди, готовые сами говорить и имеющие признаки истинного покаяния. Их исповедь — настоящее утешение для духовника. Так, один раз к моей радости преклонил колени под епитрахилью один из таких истинно кающихся.

— Отче, не спрашивай меня ни о чём. Я сам всё расскажу: мне хочется самому получить всю награду исповеди; не хочу, чтобы она досталась ещё кому-нибудь, пусть вся будет моей.

Он начал со своего самого тяжкого греха. Обливаясь холодным потом, он старался избавиться от этого огромного похотливого зверя, о котором не знали ни его жена, ни дети, ни сотрудники.

— Внутри меня постоянно живёт какой-то дикий зверь. Сейчас мне очень стыдно, но это чудовище должно из меня выйти.

Вслед за этим грехом стали выходить другие, менее тяжкие, подобные мелкой морской рыбе. Он наклонился лицом к земле и со слезами стал просить о прощении.

— Мне стыдно, стыдно, — повторял он. — Не смотри мне в лицо, иначе я умру от стыда. Как старый корабль, я стремлюсь к пучине Божественной милости, которая одна может меня спасти. Отче, ничто не исцеляет от страстей — ни образование, ни высокое положение в обществе, только великая Божия милость. Раньше я думал, что если я добьюсь высокого положения и займу важный пост, то моему уму будет стыдно думать о гадостях. Но всё стало только хуже. С тех пор я не нахожу покоя. «Помилуй мя, Господи, помилуй мя, падшаго!»

Когда я читал над ним разрешительную молитву, он опять склонил голову до земли, поцеловал мою руку и ушёл, чтобы на следующий день встретиться с Господом, причастившись от Чаши жизни.

Отверженная

Вплоть до 70-х годов нужда и нищета были нередкими в горных районах нашей страны. Люди, приходившие в наш монастырь, были обуты в куски свиной кожи. О такой обуви я только слышал, но

никогда ещё не видел, чтобы ею пользовались. Приближалось Рождество, и все старались подготовиться к этому великому празднику: люди шли к нам за оливковым маслом, мукой, мылом, одеждой, уже сменившей одного или двух владельцев. Пришла к нам и одна женщина, обутая в эту старинную обувь, чтобы взять масла и ещё чего-нибудь, чем монастырь мог бы ей помочь. Но прежде всего она пришла для того, чтобы исповедаться в своих давних и тяжких грехах. Несмотря на поясняющую жестикуляцию, ничего не было понятно из того, что говорила эта беззубая старуха. Я сказал ей: «Разрешительная молитва всё это смое!».

Наступило Рождество. На литургии женщина причастилась из рук игумена, и это стало главной темой разговоров во всей округе: в домах, за столом, в кофейнях: «Игумен причастил убийцу!»

Вечером ко мне пришёл встревоженный монастырский повар.

— Отче, как ты мог это сделать?!

— Что именно, дядя Андрей?

— Причастить убийцу. О тебе теперь везде говорят как о духовнике, который не знает священных канонов и церковного устава. Они ведь запрещают убийцам не только причащаться, но даже заходить в церковь.

— Из-за чего столько шума? Чего испугались

твои земляки? Неужели этим осквернилось святое Причастие?... А кто, собственно, этот убийца?

— Старуха, которая перед тобой прикинулась доброй, а теперь повсюду болтает: «У меня есть друг — игумен, а до вас мне теперь дела нет».

— Ну и хорошо, пусть ей от этого будет легче. Она что, вечно должна быть в презрении?

Пришла Пасха. Старуха-убийца, совершенно поникшая, тихонько кралась вдоль стены, как будто она совершила своё убийство сегодня.

— Иди сюда, не бойся. Садись рядом, поговорим.

Она осмелела, и на её мрачном лице показалась тень улыбки.

— Ты в порядке? Как провела зиму?

— Было трудно, батюшка. Все отвернулись от меня из-за того убийства, которое я и не знаю, как случилось.

— Расскажи-ка мне о нём, потому что в прошлый раз я ничего не понял.

— В нижней части нашего села, батюшка, у меня был сад. Туда у нас была проведена вода. Когда я спустилась сверху, чтобы направить струю для полива, вода внезапно перестала течь. Мне опять пришлось карабкаться наверх. Поднявшись, я увидела, что какой-то мужчина у корней дуба отводил мою воду в свой собственный сад. Долго я говорила с ним по-хорошему. Но в наших краях тебя никто не станет считать за человека, если ты слабый. Тогда гнев затмил мой рассудок. Я спряталась за дубом и, выбрав момент, отрубила топором его голову, которая скатилась в канаву. Меня посадили в тюрьму. Но в 1940-м началась война, и меня с другими узниками освободили. С тех пор я живу в презрении от всех. Никто не открывает мне дверей, все отворачиваются от меня, хотя я не ношу с собой топора и никого не оскорбляю. Я часто слышу, как звонит церковный колокол. Тогда я плачу, но в храм не иду, боясь всеобщего негодования. Мне говорят, что если я

войду внутрь, то Бог разрушит мир. Правда ли это? Ложь? Я не знаю. Мне страшно. Я не знаю, куда приткнуться. От людей я слыхала, что здешний игумен всех принимает, всем помогает и отпускает грехи. Потому-то я тогда и пришла, но вышло только хуже: стали говорить, будто я обманула тебя и хитростью получила разрешение на причастие.

— Люди, дорогая моя, могут тебя унижать, но Христос тебя прощает и принимает.

— И Он мною не гнушается? Меня ведь все зовут отверженной.

— Нет. Он любит тебя больше, чем они. Все могут тобой гнушаться, но Христос, и я тоже, мы тебя очень любим.

— И мне этого хочется, батюшка. Мне этого так не хватает.

Та, которой гнушалось всё село, заплакала. Семидесятилетняя бабушка стала «подружкой» тридцатилетнего игумена, который любит убийц.

Господи, помилуй! Бог прощает, хотя не знающие Евангелия люди и осуждают духовника, сердятся на него и не понимают, как он может принимать убийц и отпускать им грехи.

Вздых старика

С каждым годом я всё больше убеждаюсь, что наставления преподобного Ефрема Сирина имеют

своей последней целью привести человека к хорошему духовному устроению, которое, в свою очередь, ведёт его к покаянию. Ту же цель преследуют великопостные службы с их стихирами, канонами, чтениями из книг святых отцов, частым крестным знаменем и бесконечными поклонами. Все это призвано разбить эгоизм, заставить преклонить негибачаемые от гордости колени, чтобы христиане стояли перед Богом с благоговением, прося у Него прощения за совершённые грехи. Преклонять голову и особенно колени боятся лишь инославные, которые являются еретиками и у которых, по слову преподобного Иоанна Лествичника, невозможно найти смирения.

Во время Великого поста согревает сердце также печальное убранство храма. Чувствуется, что в году наступил особый период. Красота и радость будут после, теперь же — время покаяния и исповеди, вздохов и слёз. Одни иконы накрываются чёрной тканью, а другие отворачиваются, потому что я не поворачиваюсь ко Христу. И даже святая Трапеза облачается в чёрное из-за моей жестокости, окаменения и бесчеловечности. К сожалению, в последние годы храмы перестали облачать в печальное великопостное убранство, чтобы нам не впадать в тоскливость. Люди забыли, что православный храм — место слёз и поклонов, призванное рождать в людях смирение. Один

покойный профессор в Афинском университете говорил: «Священное Писание я изучил до последней буквы и понял, хорошо понял, что Богу не нужно от человека ничего, кроме смирения».

В монастырях, где придерживаются святоотеческого предания, ещё сохраняются покаянные великопостные обычаи. На Патмосе я как-то спросил одного француза:

— Что привело тебя к Православию?

— Убранство православного храма. Мне пришлось быть в русском храме на отпевании моего друга. Там моё сердце оттаяло. А в католических и протестантских храмах холодно, как в Альпах. В Альпах разве можно жить? Так и в этих храмах.

В монастырь, где мы, несколько монахов, служили Богу, как-то во время великого повечерия зашёл один крепкий старик. Он занял стасидию чуть ли не в самом центре небольшого храма и уселся в ней. Видя, как монахи постоянно крестятся и кладут поклоны, он попробовал делать то же, но скоро устал. Он понял, что не в силах угнаться за ними, и стал охать.

— Дедушка, что с тобой? Ты болен?

— Нет, сынок. Душа моя сокрушается, видя, как много поклонов вы делаете, словно величайшие грешники, а я, несчастный, не сделал за всю свою жизнь ни одного поклона. Да и крестился я кое-как,

будто стыдился крестного знамения¹²⁷.

В конце службы он попросил меня об исповеди. Во время её он пришёл в большое сокрушение и плакал, как маленький ребёнок.

— Я пострадал от собственной шутки, которую хотел пошутить с вами. Я пришёл, чтобы надо мной просто прочитали разрешительную молитву, и я смог бы причаститься, а вот вдруг раскис. Вы мне напомнили обо всех моих грехах. Садисты вы после этого. Ну, ладно, я обо всём расскажу, пусть даже и покажусь тебе смешным.

¹²⁷ У греков со времён турецкого владычества сохранился обычай крестить только середину груди. Тогда это было вызвано опасностью преследований со стороны мусульман, теперь так крестятся в силу привычки.

Старик раскрыл свою душу вплоть до самых тёмных её тайников. Он рассказал всё, начиная от детских лет. Наконец, он воскликнул:

— Мне нечего больше тебе сказать, нечего больше показывать. Прости меня и дай мне стакан воды.

Я побежал в церковь за водой.

— Я не такой воды хотел. Я хотел, чтобы ты освежил меня молитвой, после которой я мог бы спокойно уйти домой.

Старик ушёл, громко охая всю дорогу до села. Его услышала калека Александра.

— Что с тобой, старик, что ты так стонешь? Что тебе сказали монахи? Они с тобой плохо обошлись?

— Я увидел, чем они заняты, и мне стало жалко себя. Если бы существовала только эта жизнь, то всё было бы хорошо. Да вот, на беду, есть ещё и другая...

Через несколько дней он преставился. Да будет он блаженным в вечной жизни.

Мальчик для свекрови

В монастыре на перевале между двух селений ежедневно совершаются богослужения, посты, молитвы, исповедь. Его привратники с раннего утра открывают ворота всякому проходящему. Одни

приходят сюда, чтобы полюбоваться старинной архитектурой, другие — древними фресками, третьи — пожаловаться на свои беды и несчастья, четвёртые — испросить милости у Богородицы и Христа. Конечно, всегда есть и те, которые несут в монастырь свои небогатые пожертвования: от плодов из своих садов или от других доходов, какие даёт им Бог.

Среди других тайно от своих родных пришла к нам и одна девушка с покрасневшими глазами и обжигающими слезами. Это не преувеличение: когда она целовала мою руку, я почувствовал, как горит её сердце.

— Дочка, почему ты так плачешь и вздыхаешь? Что с тобой случилось? Приходи к нам как-нибудь и без слёз.

— Ах, батюшка, я прихожу сюда потому, что в Вашем лице вижу любящего отца, которого у меня никогда не было. Отец у меня и был, и не было. Я была дочерью пастуха и играла на свирели, радовалась горным склонам и вершинам. Я со стадом доходила до тех мест, где среди леса стоит монастырь Богородицы. Утром и вечером я стояла возле него, слушая сладкий колокольный звон. И потом я постоянно вспоминала его и радовалась величию Богородицы. Оттуда, с высоты, я смотрела, как к Её благодати по дороге едут повозки, и считала их. До конца я их так и не

досчитала. Потом меня сосватали за одного парня. Понимаете, я соблазнилась комфортом жизни на равнине. От моего мужа я не вижу ничего плохого, но свекрови я стала бояться с первого же дня. Что бы я ни делала, всё для неё плохо. У неё рука всегда легка на побои, а язык на оскорбления. Но и это ещё не всё. Теперь, когда я забеременела, она меня избивает и, кроме обычных ругательств, грозит, что если родится девочка, то она пошлёт меня в горы сторожить коз.

Я ужаснулся, услышав о таком деспотизме свекрови. Молодой женщине я посоветовал потерпеть и добавил: «Когда чаша твоего терпения переполнится, приходи сюда. Богородица тебе поможет. Сам Бог вмешается и станет говорить на ухо твоей свекрови».

Прошло время, и как-то вечером ко мне зашёл знакомый врач, чем-то очень взволнованный.

— Что случилось? Чем ты так взволнован?

— На равнине я принимал роды у одной молодой женщины. У неё родился страшный урод: ребёнок без головы.

— Это был мальчик или девочка?

— Мальчик.

Этим Бог как бы ответил на бесстыдство свекрови: «На вот, бери мальчика, которого ты так хотела, только безголового».

Исповедь искалеченной попадьи

Солнце стало клониться к западу, и тень от высоких гор накрыла монастырь Богородицы. Ущелья стали мрачными, предвещая скорую темноту ночи. Звонарь начал звонить к вечерне. Прекрасный миг и для монаха, и для паломника. Народ съехался в монастырь со всей Центральной Греции. Какая-то пожилая женщина осталась стоять в конце храма, хотя и попыталась было занять одну из стасидий.

— Госпожа, почему твои колени не сгибаются?

— Отец игумен, я хочу исповедаться, потому и пришла сюда, в святые дворы Богородицы, из одного села области Аграфа.

После окончания вечерни она чуть ли не силой повела меня в исповедальню. С большим трудом преодолев немногие ступеньки, она стала на колени под епитрахилью.

— Встань, дорогая моя, ведь ты не можешь согнуть колени.

— Отец игумен, я стояла на коленях перед палачами, так разве мне может быть трудно стать на колени перед Христом, чтобы Он избавил меня от грехов? Дорогой мой батюшка, я — попадья. В наших местах ещё не так давно были тяжёлые и чёрные годы. Пресвятая Дева, пусть они никогда не

вернутся! После немецкой оккупации для нас, жителей гор, настали ужасные дни. Брат стал убивать брата. И, как говорил мой муж, «пусть тебя ненавидит и преследует твой враг, от него ты можешь укрыться; но как укрыться от ненависти собственного брата?» Я слышала, что похожие слова есть в Псалтири¹²⁸. Я неграмотна, и поэтому не могу больше ничего добавить. Моего мужа наши «братья» выгнали из дому, потому что считали его опасным для дела освобождения. Они грозились, что насадят его на вертел и зажарят посреди села, как они это сделали с дьяконом Афанасием. Днём он прятался в убежище, о котором я не знала, и только по ночам приходил, чтобы немного поесть и переодеться, после чего опять уходил в обрывистые ущелья. И вот, однажды двое подлых парней потащили меня за волосы в Карпениси¹²⁹. Дети, лишившиеся отца и матери, провожали меня с плачем. То, что мне пришлось вынести по дороге, я не в состоянии тебе рассказать. Это были не люди,

¹²⁸ «Не враг поносит меня, — это я перенёс бы; не ненавистник мой величается надо мною, — от него я укрылся бы; но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой...» (Пс. 54:13–14).

¹²⁹ Город в Центральной Греции.

а дикие звери из джунглей. В Карпениси они меня связали и заставили стоять в снегу на коленях в общественном туалете без крыши. Я целых два дня простояла там на декабрьском морозе. В моих коленях начался анкилоз¹³⁰, как сказали врачи, и с тех пор мне очень трудно ходить по ухабистым улицам нашего села. В начале 50-х в наше село на храмовый праздник приехал владыка. После литургии мы с мужем пригласили его в наше бедное жилище. Это был не дом, а настоящая хибара. Туалетом нам служил выдолбленный внутри ствол ели. В комнате владыка сел спиной к открытому окну. Я попросила его исповедать меня, пока готовился обед. «Владыка, я не могу простить этих собак, которые сделали из меня калеку, особенно когда они, всякий раз встречая меня на улице, умирают со смеху, потешаясь над моей неуклюжей походкой». Владыка откинул голову назад¹³¹ и сказал: «Никогда! Никогда не прощай их!» В этот момент с него слетел клобук, и до того, как я успела подойти и поднять его, проходивший мимо ослик стал топтать его копытами, пока тот не

¹³⁰ Неподвижность суставов, обычно возникающая вследствие сращения суставных поверхностей.

¹³¹ На Балканах это жест отрицания.

превратился в лохмотья. Подняв то, что от него осталось, я увидела, что его уже не исправить. Владыка уехал в Навпакт, накрыв голову полотенцем. Мне было совершенно ясно, что данный им совет был плохим. Его слово было не от Бога, и потому немедленно последовало знамение с неба. Мой муж сказал мне: «Беги к духовнику и расскажи ему обо всём». Потому я и проделала такой путь, чтобы исповедать тебе это до того, как умру.

Мне кажется, что этот несчастный епископ никогда не обращал внимания на слова святителя Иоанна Златоуста, который говорил, что самая угодная Богу добродетель — умение прощать своего брата.

Взгляд...

С ностальгией я вспоминаю одну возвышенность, которая получила название Матья¹³² после того, как один проходивший через неё человек остановился и сказал: «Отсюда одним взглядом можно окинуть весь мир!»

Мне также часто приходит на память великий художник и реставратор Антоний Глинос, который, увидев в Синайском монастыре написанную воском икону Христа, долго дивился мастерству иконописца, а потом, посмотрев Ему в глаза, в изумлении воскликнул: «В этом взгляде можно прочесть всё!»

Всё больше я убеждаюсь в истинности утверждения, что глаза говорят и выражают мысли даже тогда, когда уста закрыты и голос не слышен. Одним лишь взглядом можно высказать другому человеку и мысли, и то, что вертится на языке, и

132 «Взгляд».

даже то, что лежит глубоко в сердце. Одна смиренная исповедь подтвердит правдивость моих слов.

Ожидая в больнице «Благовещение» своей очереди на процедуру, один дедушка рассказал мне о незабываемом взгляде своего брата. На маленьком острове Сикинос жила супружеская пара. Из-за нищеты их дочь вынуждена была выйти замуж за троглодита¹³³. Он жил один в пещерах острова, присматривая за небольшим стадом коз и овец. Дома его видели редко. Каждый раз он приходил таким уставшим, что, увидев его, дети прятались. Мать напрасно говорила им: «Детки, не бойтесь, это ваш папа». Третьи роды были неудачными, и мать с ребёнком скончались. Двое старших мальчиков остались сиротами. На острове у одной бездетной супружеской пары англичан был свой дом. Дети ходили туда, чтобы получить немного еды. Как-то раз англичане сказали старшему мальчику, который казался им более смышлёным: «Мы возьмём тебя к себе, но только ты должен будешь прогнать из дома своего брата».

— Я схватил его за руку, вытащил наружу,

¹³³ Троглодитами древние греки называли коренных жителей Эфиопии, Ливии, Кавказа, Скифии и других стран, которые, в отличие от них, жили не в городах, а в пещерах.

спустил с лестницы и захлопнул за ним дверь. Когда я отпустил его руку (это был самый страшный момент в моей жизни), он поднял на меня свои глаза, посмотрел в мои и как бы сказал этим: «На кого ты меня оставляешь?» Но я тогда ожесточил своё сердце и думал лишь о собственной выгоде. С тех пор я всегда вижу перед собой этот взгляд, я думаю о нём постоянно, и он не выходит из моего сердца. Всякий раз, когда мне становится весело, он, как могильная плита, придавливает мою радость.

— Как сложилась судьба твоего брата?

— Мне об этом трудно говорить. Даже тот домик, который оставался у нас от матери, у нас забрал наш дядя, а мой брат до сих пор живёт в пещере без света и воды. Лишь большие черви составляют ему компанию во время сна и трапезы.

— Что ты, дедушка, разве сейчас есть ещё люди, которые живут в пещерах? Разве никто не может приютить его у себя?

— Сейчас, батюшка, я привёз его в Афины и вожу по врачам, чтобы хоть немного угасить память о том страдальческом взгляде, но всё равно не нахожу покоя. Его взгляд постоянно жжёт моё сердце. Послушай, батюшка, всегда смотри человеку в глаза, чтобы всё увидеть и понять. Если он печален, то сними с него его скорбь, а если весел, то укрой его, чтобы ему не потерять своей радости.

...и ещё один взгляд

В годы, когда в Албании, на этой территории древнего Иллирика, стало распространяться безбожие, то её хитрый правитель не захотел, чтобы это выглядело как его собственная инициатива. Он организовал так называемое Движение, чтобы всем казалось, будто безбожие идёт от народа, а не от власти. После того как он опьянил народ вином отречения от Бога, тот по своей слепоте сам начал уничтожать все напоминания о вере.

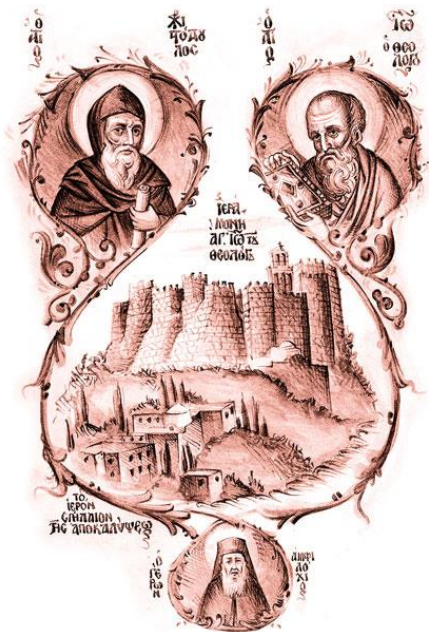
В одном селе, как рассказывал мне житель Северного Эпира Василий, школа находилась рядом с церковью. Учителем в ней был грек.

— Он целыми днями учил нас, что насколько лучше было бы, если бы у нас не было ни религии, ни Христа, ни Церкви. Он говорил, что церковные запреты превращают нашу жизнь в пытку. Его слова были настолько убедительны, что в один день мы все вломились в церковь, начали снимать иконы и бросать их в грузовик, как ненужный хлам. Нам так хорошо промыли мозги, что мы не понимали того, что делали. Я сам снял икону Христа с епископского трона и швырнул её в государственный грузовик. Всё происходило так быстро, как будто Сам Бог покидал нашу страну. В тот момент, когда я протянул свои руки, чтобы

снять икону, мои глаза встретились с глазами Христа. Я почувствовал укор в Его взгляде, как будто Он говорил мне: «Что Я тебе сделал, что ты прогоняешь Меня?» Но я подумал: «Хочешь, не хочешь, но Ты уйдёшь из моей жизни. Государство приказало, чтобы в Албании исчезла даже память о Тебе». Прошли годы, у меня появилась семья. Когда у нас родилась дочка Евангелия, то, едва посмотрев ей в глаза, я сказал: «Этот взгляд мне знаком. Где я его видел? Где встречал? Не помню». Позже, когда обнаружилась, что Евангелия от природы увечная, я отвёз её к одной бабке, которая лечила травами. И когда она сказала мне: «Это гнев Божий, она неизлечима», — то я вспомнил взгляд Христа на иконе в моей сельской церкви и с тех пор не нахожу себе покоя. Мне стыдно встречаться глазами с укоряющим взглядом моей дочки, я чувствую, что она как бы говорит мне: «Ты, папа, один раз съел кислый виноград, а оскомины у меня на зубах остались навсегда».

Вот какие полезные находки попадают порой духовнику на исповеди.

АПОСТОЛЬСКИЙ ПАТМОС

Надписи на рисунке на обороте:
святой Христодул святой Иоанн
Богослов монастырь святого Иоанна
Богослова *пещера* *Откровения*
старец Амфилохий

Последние подвижники Патмоса

Свои решения я принимаю после долгого обдумывания и многих молитв. Седой директор нашей сельской школы говорил: «То, о чём думаешь утром, сделай вечером, а то, о чём думаешь вечером, сделай утром». Я всегда соблюдал этот завет моего учителя. Впрочем, мне часто приходилось раскаиваться и плакать горше, чем апостол Пётр. Несмотря на то что Бог предупреждал меня разными знаками не раз и не два, я всё равно исполнял своё решение, после чего неизменно приходило разочарование и скорбь. Во всех моих неудачах виноват я сам. Я часто предвидел печальные последствия, но всё равно настаивал на исполнении своего решения. Поистине, я сам себя ослеплял.

Впрочем, у меня были и такие решения, о которых я никогда не жалел и которые, я уверен, были от Бога. Одним из них было решение, принятое мною в детстве, когда мне было двенадцать лет: я решил оставить родной остров и отправиться учиться на Патмос, несмотря на то, что мой отец был категорически против этого.

Тогда, в 1955 году, этот святой остров ещё не был местом, привлекающим туристов. На нём ещё оставалось многое из прежнего духовного наследия. У монахов не было ни радиоприёмников,

ни магнитофонов, ни видеоплееров, ни автомобилей, ни мобильных телефонов. Они были нищими, держались подальше от так называемой культуры Запада и были более привержены к Востоку — матери всех культур. Лишь раз в неделю на остров приходил корабль и привозил афинские газеты, корреспонденцию и товары для магазинов. В руках у монахов всегда были жития святых и другие церковные книги. Чётки и книга были их единственным украшением.

(Я сам довольно рано начал читать синаксарии¹³⁴ целиком, что впоследствии очень помогло мне как в университетских занятиях патрологией, так и в понимании гимнографии. К этому меня подвигла монахиня Киприана, которая при каждой нашей встрече рассказывала мне о жизни святого, память которого праздновалась в этот день. Я часто мысленно говорил матушке Киприане: «Да благословит тебя Бог», — особенно во время экзаменов, которые я сдавал вместе с одним священником. Наш покойный профессор патрологии господин Бонис как-то спросил его:

— Как тебя зовут, отец?

¹³⁴ В Греческой Церкви — сборники житий святых, соответствующие русским Четьям Минеям, но написанные более кратко.

— Афанасий.

— А что ты знаешь о своём святом?

Тот, немного подумав, сказал:

— Ничего не знаю. Но я уверен, что раз он святой, то, значит, был хорошим человеком.

Профессор смутился.

— А разве ты, отец, не говоришь каждый день на отпусе: «Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских»?

— Я, господин профессор, пришёл сюда не для того, чтобы изучать патрологию, а для того, чтобы получить диплом, который принесёт мне повышение зарплаты.)

Даже самый необразованный из этих монахов занимался изучением Евангелия на практике. Один француз по имени Жак, принявший православие, говорил о пустынности и тишине Хоры, этого средневекового городка, выстроенного у монастырских стен: «Ты можешь раздеться догола и пройти по городу от одного края до другого, и никто из местных жителей тебя не увидит».

Когда в монастыре бывал наплыв мирян, которые обычно приходили на праздники святого Иоанна Богослова, преподобного Христодула и в Великий Четверг, то женщины оставались снаружи храма в портике. Потом они попадали в притвор на очень короткое время, и то, если монахи пропускали их, и могли подойти к иконостасу. Пока

был жив духовник отец Никодим Каппос, ни одна женщина не ходила по территории монастыря. Каждый вечер он ходил по монастырскому двору с чётками в руке, и лишь стоило ему показаться, как все женщины тут же исчезали. Так монахи на Патмосе были одновременно и посреди мира, и вне его. Либерализм погубил на нашем острове много духовных кораблей, даже стоявших у причала. Мы собственными руками разрушили волнорез, и к нам прорвалась мирская буря. Да пошлёт нам Бог таких старцев, которые стали бы волнорезами, защищающими молодых монахов от ураганного ветра и бешеных волн!

Однажды мне пришлось выехать со Святой Горы на материк. В Уранополисе¹³⁵ я встретил старца Гавриила из кельи Карцонеев, с которым был молодой послушник. Старец сказал мне: «Отец, Сам Бог тебя послал, чтобы ты проводил моего монаха в Фессалоники, где он должен будет получить образование. Там его встретит отец Хризостом».

По дороге я разговорился с юношей. Оказалось, что он отслужил в армии и хорошо знал мир, а я-то думал, что он не знает ничего, кроме

¹³⁵ Городок, находящийся у административной границы Святой Горы.

своего села. Я удивился тому, как бережно, с какой неусыпной бдительностью и отеческой любовью относился к нему старец Гавриил, поручивший мне присмотреть за ним. Не знаю, что чувствовал юноша, но я был тронут тем, что в наше время всеобщей холодности существует такая отеческая любовь. Но пора вернуться к моим знакомым подвижникам.

50-е годы были ещё хорошими. В летние месяцы на иссохшей земле цвёл чабрец, осенью — ароматные фисташковые деревья, а весной — лаванда, которой на Пасху украшались храмы, чтобы её сильный аромат создавал праздничную атмосферу. На острове были также труднодоступные мысы, которые были прибежищами для подвижников. Кто раньше знал о берегу Псили Аммос или о пляже Ламби? А теперь даже в Европе, когда заводят речь о Патмосе, упоминают об этих замечательных местах.

В те почти мифические для нашего времени годы на Патмосе было два подвижника: один жил в северо-восточной части острова, а другой в южной. Келья Аполлоса смотрела на восток. Солнце поднималось из-за гор хребта Микали на турецком берегу. Всякий раз, когда мне приходилось просыпаться в этом месте, я, видя рассвет, невольно

пел эксапостиларий¹³⁶ Рождества: «Посетил ны есть свыше Спас наш, Восток востоков...» Другой исихастирий находился в месте, которое называется Кувари, и был обращён к юго-западу, откуда часто дул сильный порывистый ветер, напоминавший буйно помешанного. Этот исихастирий изначально был освящён в честь святого Иосифа Обручника, а келья Аполлоса — в честь Богородицы. Другой известный обитатель Кувари — старец Макарий Антониадис — изменил храмовый праздник на день всех святых — праздник подвижный, который в то время мирянам было трудно предвидеть. Он это сделал для того, чтобы на этот праздник в исихастирий не приходило много людей и чтобы это место не теряло своей обычной тишины.

Никифор и Аполлос, эти два бесхитростных монаха, донесли предание исихастов до наших дней. Их предшественниками были святой Макарий Коринфский, монах Аполлос, святой Григорий Граванос, святой Феоктист Малоазиец, иеромонах Макарий Антониадис и многие другие. Они всегда жили в безвестности, нищете, смирении и телесных трудах. Друг с другом они познакомились довольно

¹³⁶ Песнопение, которое поётся на утрени после канона. Для него обычна тема света, откуда его другое название «светилен».

быстро, наверное, после того, как один услышал о другом. Я никогда не видел их на базаре или на оживлённых дорогах острова. Когда они смеялись, то лишь беззвучно улыбались.

Келья в Кувари находилась ближе к миру и была под опекой старца Амфилохия, и потому в ней было не так тяжело жить, в то время как келья отца Аполлоса, находившаяся под обрывом Журавлиного мыса, была совершенно отрезана от мира и забыта им.

Никифор Калимнийский

Во время войны, около 1940-го года, в Кувари поселился Николай Лаппас. В то время это место было совершенно неустроенным: в нём не было ни одной постройки, за исключением заборчика вокруг огорода. Он построил домик с печью, в котором не было даже окон, только дверь, и стал в нем жить. Это его первое жилище мало чем отличалось от египетских гробниц, в которых жили первые монахи. В этом месте не было никакого утешения. Многочисленные змеи и отвратительные насекомые делали его жизнь невыносимой. По утрам он часто находил в своей постели змею. На участке было немного воды для полива, но место всё равно оставалось безрадостным, даже когда в нём появился житель. Уединённость, как со стороны

суши, так и с моря, делала его самым подходящим убежищем для монаха.

Истории о бесах и их кознях являются единственной темой рассказов жителей Патмоса об этом месте. Иеромонах Епифаний говорил: «Я удивляюсь, как вы можете жить в Кувари? Мне хочется иногда отправиться туда порыбачить, но при одной мысли об этом мне сразу становится страшно».

Слух о том, что какой-то юноша с острова Калимнос собирается подвизаться в Кувари, вызвал бурю среди тех, кто пытался жить в этом месте. Но, несмотря ни на что, этот молодой человек пришёл, поселился и стал жить в этом жилище бесов, которое ни один из прежних подвижников не пожелал выбрать для своей духовной брани.

О Феоктисте, великом подвижнике Патмоса, говорят, что он подвизался где-то поблизости и много терпел от бесовских нападений. Не вынеся напряжённой брани, он был вынужден очень скоро оставить свой затвор. По ночам постоянно что-то сильно шумело и грохотало. Чьи-то дикие голоса угрожали ему и требовали уйти из этого места. Дошло до того, что бесы стягивали с него одеяло. Феоктист был человеком сильным и телом, и душой. Как бы то ни было, мы не в состоянии ни почувствовать силы его искушений, ни постичь странных видений, возникавших в его напуганной

душе.

Я часто бывал в пещере этого старца. В ней сохранялся шкафчик, высеченный в скале, в котором он хранил запасные Святые Дары. Старец Амфилохий много раз ставил там застеклённые дверцы, чтобы уберечь его от осквернения, но пастухи всё время разбивали стекло. Кроме того, оставалась ещё часть стены, которая когда-то загоразживала вход в пещеру, и так называемая «скамья Феоктиста», сделанная из камней и штукатурки. Сидя на этой скамье, отец Феоктист упражнялся в молчании и молитве. Не думаю, что в мире есть место более подходящее для того, чтобы «увидеть Бога, как Он есть»¹³⁷. Сидя на этой убогой скамье, стоящей в устье ущелья, ты видишь внизу небольшой кусочек широкого моря, вверху — также небольшой лоскуток безграничного неба. Полная тишина и совершенная отрезанность от мира и всего творения помогают почувствовать во всём великолепии смысл изречения «Здесь есть только я и Бог». Часто, сидя на этой скамье во время душевного смущения, я находил мир и покой. Не знаю, в какой мере на это влияла молитва старца Феоктиста, а в какой — само место. Как бы то ни было, от него у меня остались наилучшие

¹³⁷ 1 Ин. 3:2.

воспоминания как о месте монашеских подвигов.

С монахом Никифором (такое имя он получил в рясофоре от старца Амфилохия) я познакомился в 55-м году на праздник Рождества; ему тогда было пятьдесят два года. Я встретил его в келье старца Амфилохия вместе с монахом Артемием. Они говорили о ремонте стены в Кувари со стороны моря, которая была разрушена штормами. Без неё на участок заходили животные и выпивали скопившуюся в цистерне грунтовую воду, а также вытаптывали огород. Они говорили на калимнийском диалекте грубыми и хриплыми голосами, напоминая всхлипывания младенца.

Также я встречал его на литургии в монастыре Благовещения. На службе он всегда стоял, молясь у иконостаса. Его всегда просили читать «Верую» и «Отче наш»¹³⁸. Когда я слышал его чтение, то всегда с улыбкой думал: «Это плач праотца Адама».

¹³⁸ В Греческой Церкви Символ веры и молитва «Отче наш» на литургии всегда читаются или самым почётным лицом, или всем народом.

На меня произвело впечатление его загорелое лицо и огрубевшие от работы руки, кожа которых показалась мне похожей на кожу крокодила (я не преувеличиваю). Но то, что дало мне действительно хороший урок, было его воздержание зрения. Он давал монахине корзину, отворачивая лицо. Думаю, что если бы его спросили о том, знает ли он, кому даёт, он ответил бы, что не знает. У него не было даже ослика, чтобы перевозить грузы: он всё носил на собственных плечах. Наверное, Ангел Господень вытирал с него пот, особенно в летние месяцы, когда от скал исходит удушающий жар.

По вечерам мы часто видели его в маленькой церкви святого Иосифа, где он сам служил вечерню. Служба постоянно прерывалась всхлипами и плачем. Чтобы не мешать ему, мы оставались снаружи до окончания вечерни. (По правде говоря, я никогда не считал ценными для духовной жизни слёзы с всхлипываниями и рыданиями. Нас учили, что хорошие слёзы те, что текут по неискажённому лицу и не сопровождаются жалобными звуками. Когда такие молчаливые слёзы увидел на лице Анны, матери пророка Самуила, сын священника Илия, то сказал своему отцу: «В храме находится какая-то безумная бесноватая женщина»¹³⁹.) Возможно, он не скрывал душевной боли по своей простоте. Я помню, как в Великую Пятницу, день совершенного безмолвия, он стоял перед распятием, плача и крича: «Господи, что с Тобой сделали евреи!» — что вызывало скорее улыбку, чем сочувствие. Поэтому мы всегда удерживаем себя от «кричащих» слёз. Быть может, это у него было от живого темперамента, или из-за особой чувствительности, или от раздражительности; мне трудно определить внутреннюю причину.

В пустыне Кувари монах Никифор много

¹³⁹ Ср. 1 Цар. 1:9-18.

страдал от нападений сатаны. Он был измолот, как мука, и поджарен, как лук. Если, описывая жизнь какого-нибудь преподобного, мы не напишем о его искушениях, то наше житие не будет правдивым. Что останется от жития Антония Великого, если убрать из него рассказ об искушениях в пустыне? Прежде не говорили: «Давайте почитаем житие Антония Великого», — но говорили: «Давайте почитаем об искушениях Антония Великого». Искушения не унижительны для человека Божия. Жизнь христианина состоит не из одних только божественных видений и взлётов к небесам, но также из схождения до самых глубин преисподней. Святые — это не те, у кого есть привилегия не подвергаться искушениям, но те, кто искушается больше других, те, у кого есть силы бороться и с терпением до смерти переносить всякую скорбь и тесноту ради Царства Небесного.

Монах Никифор, живя один, сам совершал все богослужения суточного круга. Никогда не пропускал он ни утрени, ни вечерни. Каждая из служб совершалась в своё время. Иногда к нам приходили гости и из-за этого мы опаздывали к вечерне. Он приходил и просил нас поторопиться, так как после захода солнца девятый час читаться не будет. Как-то раз при наступлении ночи мы увидели, что отец Никифор весь дрожит от боли. Он сказал, что у него почечная колика, которая

бывала и раньше, и что ему нужен укол. Мы ему ответили: «Давайте сделаем его утром», — не понимая, насколько сильной была его боль. Утром мы начали службу, и я увидел, что больной брат пришёл на молитву, стал за мной на колени и от боли кусает лежащий на полу шерстяной ковёр. Я говорю ему:

— Может, Вам лучше полежать в келье?

— А как же, сынок, я совершу службу?

Меня глубоко тронула его любовь к богослужению, для которой не была препятствием даже страшная боль. Я подумал: «Ты настоящее чадо преподобного Саввы ¹⁴⁰ и поступаешь совершенно верно, хвалясь своим первым старцем».

Монаха Никифора мучил ропот на совершенное одиночество, особенно на отсутствие священника. Каждое воскресенье и праздник ему, чтобы помолиться на литургии, приходилось идти пешком в монастырь Благовещения. Дорога туда была нелёгкой, особенно в зимний холод и летнюю жару. В Кувари он поселился после долгих уговоров и обещаний иеромонаха Павла, который, будучи выпускником гимназии, был соединён узами духовной дружбы с Николаем Лаппасом. Он

¹⁴⁰ Рассказ о преподобном Савве Калимнийском см. на стр. 71.

пообещал отцу Никифору, что если тот пойдёт первым и приготовит место, то сам очень скоро придёт к нему, чтобы вместе жить монашеской жизнью. На деле оказалось, что отец Павел не прожил в Кувари ни одного дня. Он заходил на лодке в Куварский залив только ради рыбалки, которая на Патмосе считается своего рода спортом.

Иной раз, видя себя забытым, одетым в старые обноски, отец Никифор поддавался искушению и говорил: «Посмотрите, до чего я дошёл! А ведь когда я жил во Франции, то у меня на руке было двое часов». Тогда я был тринадцатилетним ребёнком, очень рано узнавшим о том, что такое монашество, и мне было больно слышать жалобы брата на трудности жизни.

Старец Амфилохий, видя одиночество брата Никифора, всеми силами старался подобрать ему подходящую компанию. В 51-м году его старания начали приносить плоды: вместе с Никифором поселился Христос Спангос с острова Самос, из села Спафарей. К сожалению, очень скоро выяснилось, что Никифор не может жить вместе с другим братом. Он раздражался из-за пустяков, и в конце концов они в поисках решения рассказали о своих размолвках старцу. У Христа была привычка пользоваться в качестве посоха длинной палкой во время ходьбы. Эта сухая палка казалась брату Никифору игуменским посохом, и он

жаловался старцу, что Христос хочет казаться игуменом! В церкви его смущал помысел, что начинать псалмопение должен он, как старший по постригу. Если его начинал послушник Христос, который знал богослужение лучше, то возникал соблазн первенства. После этого они ели свой хлеб в плохом настроении. Послушник, будучи уроженцем Самоса, лучше разбирался в уходе за виноградником и оливами. Это также показалось брату не очень хорошим и привело к охлаждению их отношений. Эти и другие пустяки стали причиной того, что послушник Христос оставил бедную келью и ушёл в большой монастырь Иоанна Богослова.

Итак, Никифор опять стал бороться с искушениями одиночества. «До каких пор, отче, мне оставаться одному?» — было его постоянной жалобой. Старец его мечты превращал в надежду на то, что очень скоро это место станет монашеским и миссионерским центром. И действительно, в 57-м году в келье святого Иосифа начала селиться первая молодёжь. Но искушения не прекращались ни на секунду. Неопытность молодых и отсутствие старца увеличили разногласия. Столько лет Никифор сам не хотел, чтобы кто-то оказался впереди него, особенно в том, в чём он считал себя специалистом! Сколь многому научила меня эта разница между молодёжью и стариками, а то, как это мне помогло,

стало видно впоследствии, когда с такой же проблемой я столкнулся в Дохиаре. Старые монахи, по различным слухам составившие о нас плохое мнение, были готовы противодействовать нам. На них сбылась поговорка о свекрови: «Тебе, невестка, захотелось скандала? Я готова!» А молодые монахи, полагающиеся на свой незамутнённый свежий ум и образованность, убеждённые в том, что они призваны восстановить и исправить монашество, стали вести себя надменно и этим воздвигли стену между собой и ими. Скольких вещей нам там не хватало, но мы хвалились своей нищетой!

Как-то я спросил старца Дионисия румына¹⁴¹:

— Отче, какого ты мнения о нас, молодых?

— У вас нет любви и серьёзности.

Этот спокойный ответ глубоко тронул меня.

Наша горячая кровь не давала покоя дедушке Никифору. Мы ещё не понимали, что каждый из нас должен заботиться о других. Помню, как накануне Вознесения отец Никифор сильно поссорился с молодым послушником. Судьёй между ними стал отец Павел, служивший в женском монастыре Благовещения (старца

¹⁴¹ Рассказ о нём см. на стр. 463.

Амфилохия тогда не было на острове). Ни одна из сестёр не стала на сторону отца Никифора хотя бы отчасти. Женщины, даже став монахинями, не перестают быть женщинами и всё так же склонны забывать о благодеяниях, кто бы их им ни оказывал.

Последние три года своей жизни в Кувари он был в вихре искушений. Так, во время одного ужина, на котором была рыба, ему показалось, что у него в горле застряла кость. Трапезную освещала небольшая керосиновая лампа, и её свет был довольно тусклым, особенно для пожилого человека со слабым зрением. Он встал из-за стола, взял стульчик, сел снаружи и начал кашлять и отхаркиваться. Два часа продолжал он мучить себя и нас. Один из нас, большой озорник, сказал:

— Хотите, я сделаю так, что он успокоится?

Мы говорим:

— Ещё бы, конечно!

Он взял отломанную ручку от чайной чашки, подошёл к нему, и когда тот опять начал отхаркиваться, бросил её перед ним на землю.

— Вот что застряло в твоём горле. Теперь, когда оно вышло, тебе должно стать легче.

Это лекарство подействовало: кашель сразу прекратился. А ручку от чашки Никифор припрятал и, когда через несколько дней в Кувари пришёл диакон Лазарь Псаралексис, показал ему ужасный предмет, который мы якобы подложили ему в суп,

чтобы его убить! Признаюсь, мне было очень тяжело видеть брата в таком искушении, но тогда мой возраст не позволил мне поговорить с ним об этом.

В другой раз монахини принесли шерстяные ковры, чтобы выстирать их в море, потому что у них в монастыре не хватало воды. Послушник Илия стал таскать их, так как животные не могли довести их до берега. В один момент отец Никифор говорит мне: «Посмотри вниз! Видишь, как Илия (которому было двадцать лет) танцует с Христулой (семидесятилетней старушкой) на пляже!»

Было около полудня. Я испугался и задумался насчёт собственного монашества, сомневаясь, выдержу ли я такие страшные искушения.

Тогда стало очевидно, что у него была брань не с плотью и кровью, но с началами и властями тьмы¹⁴². За все эти годы сатана не смог победить его плоти, и потому старался погубить душу. Я поразился бесовскому коварству и стал с подозрением относиться к месту, в котором мы жили. Я почувствовал, что оно окружено полчищами нечистых духов, и побежал в церковь

¹⁴² Ср. «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12).

нашего святого. Сам я ничего ему не сказал: святой и без слов всё понял.

Монах Никифор любил рыбалку и рыбные блюда. Когда он видел, что на море в какой-то лодке вытягивали сети, то через подзорную трубу смотрел, какая рыба попалась и, если она была крупной, очень сокрушался, что она досталась не нам, а другим. Однажды весенним вечером после повечерия он попросил послушника Илию закинуть сеть. Тот поначалу отказывался:

— Мы ведь позавчера ели рыбу, да и я с моей больной поясницей не смогу вытаскивать сети: боль очень сильная.

Отец Никифор стал настаивать:

— Да сколько можно каждый день есть одну фасоль да макароны! А сейчас, пока море спокойное, мы сможем наловить и поесть рыбки.

Тогда послушник уступил и сказал ему:

— Хорошо, пошли за сетями.

Однако монах продолжал жаловаться на первоначальный отказ послушника. Тогда отец Савва (родом из селения Ставровуни на Кипре) подошёл к Никифору и, строго посмотрев на него, сказал: «Если ты после согласия брата продолжаешь настаивать на своём, то в тебе бес».

Сказав это, он пошёл в свою келью.

Испуганный, я поднялся со своей кровати. Из головы не выходили слова отца Саввы: «Если ты

настаиваешь после согласия брата, то в тебе бес».

Оказавшись в таком положении, Никифор стал внутренне готовиться к бегству, чтобы хотя бы таким образом спастись от бесовских нападений. Старец его любил и чтил его труды, и потому говорил ему: «Никифор, твоя могила должна быть в Кувари».

Любовь старца к нему проявилась ещё сильнее после его ухода. Он никогда не осуждал его за это, но всегда поминал его и молился о нём.

Прежде чем закончить рассказ об искушениях дедушки Никифора, я позволю себе упомянуть ещё об одном случае, который, несмотря на свою комичность, достаточно поучителен. В 1957 году на праздник Пятидесятницы мы с Цукосом (нынешним отцом Амфилохием) были на литургии в монастыре Благовещения. Служил старец Амфилохий, который в конце литургии попросил перенести вечерню на три часа пополудни¹⁴³ по причине своего плохого самочувствия. Отец Никифор стал говорить: «Дух Святой не может сойти в три часа пополудни, только в девять утра. Из-за вас я

¹⁴³ Согласно Уставу, вечерня всегда должна служить вечером, но в нынешней практике Греческой и Русской Церквей в день Пятидесятницы она обычно совершается сразу после литургии.

останусь без Святого Духа целый год». Он повторял эти слова столько раз, что это начало вызывать смех. Брат Цукос посоветовал мне сдержаться и не смеяться над ним, иначе он выгонит меня из комнаты.

Настало время трапезы. Нам подали фаршированные кабачки. Кажется, отец Никифор не любил кабачков; он выбрал из них начинку и оставил их пустыми, как лодочки. Когда он попытался налить себе в стакан воды из большой чашки (графинов в монастыре тогда ещё не было), то вода из неё случайно пролилась в пустые кабачки. По молодости нам это показалось смешным, и мы еле сдерживали себя, наблюдая за этой сценой. Дедушка Никифор не замечал, что кабачки наполнились водой, пока не проколол их вилкой. Вода из них вытекла на тарелку, и он тотчас поднял голову, чтобы посмотреть, не протекает ли крыша (в то время и вправду шёл дождь — дело совершенно небывалое для островов Эгейского моря в июне). Этого было достаточно, чтобы мы начали заходиться от смеха, что не укрылось от глаз Никифора. Он с раздражением пожаловался старцу: «Разве эти насмешники могут стать монахами?!»

Старец потребовал у меня объяснений, но я попросил его: «В другой раз, когда все успокоятся». Он с укором посмотрел на меня, но после уже

никогда не спрашивал о причине нашего смеха.

Днём и ночью Никифора мучили помыслы о том, что мы его не уважаем, не любим, не слушаемся, что он нам не нужен. И вот в один момент он забыл о своих трудах и лишениях, которые терпел ради этого места, забыл даже о любви и привязанности к нему старца и уехал на Святую Гору, оставив его очень огорчённым. Мне кажется, что он никогда не покинул бы места своего покаяния¹⁴⁴, если бы оставался один, и если бы мы пришли для того, чтобы следовать за ним, а не затем, чтобы верховодить, если бы у нас было такое понимание послушания, о котором говорится в книге об отце Ефреме Катунаском¹⁴⁵.

Из этого я делаю ещё более смелый вывод: из фактов следует, что или святому Иосифу угодно, чтобы в его келье всегда жил только один монах, или же бесы настолько сильны в этом месте, что не

144 У слова «покаяние» в греческом монашеском лексиконе есть ещё значение «монастырь, в котором принят постриг».

145 Монах Иосиф Ватопедский. «Блаженный послушник. Жизнеописание старца Ефрема Катунаского». В русском переводе книга издана московским подворьем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 2004 г.

допускают создать там даже небольшого общежительного монастыря. Сегодня, спустя сорок лет, там опять живёт только один монах.

На Святой Горе благословение старца, данное по необходимости, не принесло плода. Так вышло, что Никифор оказался там почти проездом. В монастыре святого Пантелеимона, где он поселился, ему опять стало невыносимо. Его грубое калимнийское произношение вызывало у монахов смех (в закрытых общинах мы действительно начинаем искать поводы к веселью). Не стерпев этого, он вернулся на свой родной остров, тем более, что и сестра его пришпоривала: «Приезжай к нам, тебя ищет владыка».

Но теперь на Калимносе не было в живых великого Саввы, который уберёг бы его от обмирщения и потери накопленных духовных сокровищ. Епископ постриг его в великую схиму с именем Савва. Кроме этого, он заставил его служить при себе иподиаконом, входить и выходить через Царские врата, находиться у святой Трапезы того, кто прежде решался заходить в алтарь только на коленях и дерзал стоять только у преддверия его северной двери. Если, ребячась, я клал антидор подальше в алтарь, он находил меня, где бы я ни был, чтобы я дал ему антидор, потому что, говорил он, «я, сынок, человек грешный, и мне нельзя не только заходить, но даже смотреть в

алтарь».

Один монах по имени Макарий сказал мне: «Ты слышал, что Никифор, который никогда раньше не поднимал глаз на людей, теперь заходит и выходит алтарными дверями?!»

Но благой Бог не допустил, чтобы его труды пропали даром. В один момент он опомнился: снимал с себя детские игрушки, навешанные на него владыкой, и выпросил у него разрешение уйти в пустыню и жить там, где живут только дикие звери. Он попросил позволить ему жить возле церковки святого Креста, которая была построена, как орлиное гнездо, на скалистом и обрывистом утёсе. Он стал тяжело работать, со многими трудностями и лишениями, и, несмотря на свой почтенный возраст, построил там небольшой монастырь. Так он вернулся к своей первой любви — пустыне. Он продолжил там свои подвиги, хотя и прежде, при более сильных искушениях, никогда не оставлял своего правила, богослужения, постов, скудости в пище, отдалённости от мира, смирения и немногословия. Всё, что люди рассказывают о его жизни в келье Креста, правда.

Двое юношей рассказали мне следующее: «Как-то в полдень мы пошли в келью Креста. Прежде чем постучать в дверь, мы заглянули за ограду, чтобы убедиться, что никого не разбудим. Мы увидели старца с коромыслом на плечах, на

котором висели две корзины с камнями, которые он заносил во двор. Вдруг он упал. Мы было подумали, что он умер, но вскоре он начал подниматься».

Новый Савва старался подражать жизни своего предшественника — преподобного Саввы Калимнийского. Не знаю, насколько ему это удалось, но он был человеком, очень любившим то, чем занимался.

В 1964 году я прибыл на Калимнос, чтобы навестить свою тётю — монахиню Феокисту, жившую в монастыре Роцу. Был канун Воздвижения. Монахини мне сказали:

— Завтра у нас литургии не будет. Иди к отцу Савве, у него в келье как раз храмовый праздник. Он будет рад повидаться с тобою.

Придя к нему, я набрался смелости и спросил:

— Почему ты ушёл из Кувари?

Он ответил:

— Там я собственными глазами видел дьявола, сидящего у меня на плечах, и никак не мог сбросить его.

Тотчас мне вспомнились слова отца Саввы с Кипра: «Если после согласия брата ты продолжаешь настаивать на своём, то в тебе бес».

Вот чему я был свидетелем, пока жил в монастырях Патмоса. Дальнейшая жизнь отца Никифора на родном острове была описана

монахом Моисеем на основании рассказов его земляков. Жители Калимноса уважают добро, а зло выставляют на позор. За свои девяносто лет отец Никифор сделал много хорошего для своих добрых соотечественников. Для них он стал примером христианина-подвижника. Самоотречение, простота, бедность и смирение — вот о чём в наше время возвещал своей жизнью монах Никифор.

Все, кто трудился вместе с ним на различных работах или навещал келью Креста, составили из своих воспоминаний прекрасный букет, и если кто желает насладиться его благоуханием, пусть прочтёт о жизни этого подвижника в книге «Савва Калимнийский, старец безмолвия и слёз». А в мой собственный букет я добавил шипы рассказов о его искушениях. Из-за них его трудно держать в руке, но они добавляют к общему аромату свои тонкие тона.

А теперь, воздав славу Богу, мы снова обратимся к описанию подвигов пустынников.

Пустынный Аполлос

Отец Аполлос был цветом пустыни. Он всегда с особым почтением относился к месту своих подвигов, пребывал верным своим обетам и оставался там, где насадил его Бог, в продолжение сорока пяти лет, не покидая своего монастыря.

Тезоименному с ним месту дана таинственная благодать, которую ощутит каждый, кто, пусть даже и ненадолго, остановится в нём. Такой же покой можно почувствовать и в келье Бесплотных Сил, которую основал святой Леонтий, патриарх Иерусалимский. Келья Аполлоса была основана другим преподобным мужем — Аполлосом Колливадом¹⁴⁶, после которого в ней жили и другие подвижники, также бывшие, по общему признанию, святыми. И в наши годы многие пытались жить в этой келье, но впоследствии предпочли её нищете уют большого монастыря. Келья пустынников, построенная на морском берегу, была доступна каждому пирату, и потому жить в ней было опасно, в то время как монастырь с его высокими крепостными стенами давал монаху чувство защищённости в тяжёлые времена турецкого владычества. Находящееся напротив кельи побережье Малой Азии скорее настораживало жителей Патмоса, чем восхищало их

¹⁴⁶ Участник монашеского движения колливадов, во главе которого стояли преподобные Никодим Святогорец, Макарий Коринфский и Афанасий Парийский. Колливады боролись за возврат современного им греческого монашества к традиционным святоотеческим нормам. В частности, они настаивали на возврате к древней общецерковной практике частого причащения.

своей красотой. Тому, кто решался жить в этом совершенно пустынном месте между морем и сушей, нужно было обладать изрядным мужеством.

Высокого роста, крупный, с длинной бородой и прекрасной осанкой, отец Аполлос внушал к себе доверие. Несмотря на жизнь в такой глуши, на совершенное одиночество (его старец умер в ноябре 1935 года), на неистовость моря, которое и днём и ночью ярилось, словно дикий зверь, лицо у него было спокойным и приятным. Я потому упоминаю о суровости и пустынности этого места, что одно дело — жить на мысе, вокруг которого бушует море, другое — жить под тенью древесных крон, и иное — в густозаселённом районе. Если на рост растений оказывает влияние местность, в которой они растут, то не справедливо ли это и по отношению к людям?

Отец Аполлос появился в этой келье около 1911 года, когда в ней жил и старец Амфилохий, изгнанный из монастыря Иоанна Богослова за непослушание (он отказался принимать диаконский сан). Должно быть, он очень быстро был пострижен в великую схиму старцем Макарием Антониадисом с острова Самос, который придерживался афонской традиции в отношении к схиме: на Святой Горе она считается не наградой монаху за его добродетельную жизнь, а поводом к умножению подвигов.

«Для монаха схима, засаленная от многолетнего употребления, предпочтительнее новой», — говорил монах Паисий Святогорец.

Так и старец Амфилохий был пострижен в великую схиму своим старцем в возрасте двадцати пяти лет.

Старцу Макарию в течение какого-то времени пришлось отлучаться из кельи, так как его назначили служить священником в храме Благовещения в соседнем селе, которое почему-то называется Камбос («зелёная равнина»), хотя и расположено на каменистой горе. Духовность и учение Макария оказывали благотворное влияние на его жителей. Они, по большей части земледельцы, отличались от жителей Хоры и Скалы¹⁴⁷ своей простотой и бесхитростностью. Кажется, именно под влиянием старца Макария Михаил Пандельос (таким было мирское имя Аполлоса) оставил живописный Камбос и поселился в келье Аполлоса, или в Горячих Водах, как называли её местные жители.

Макарий был монахом строгой жизни и вёл свою лодку к Царству Небесному на вёслах богослужения и телесного труда, в которых никогда не был ленив. До глубокой старости он соблюдал в

¹⁴⁷ Небольшие города на Патмосе.

келье монастырский устав. Один старый монах рассказывал мне: «Старец никогда не забывал, что он уже не игумен монастыря Святой Троицы на Самосе, но всё равно совершал богослужения с двумя-тремя послушниками величественно и точно, строго по Уставу во всех его подробностях. По воскресеньям и праздниками утренняя начиналась в три часа ночи, а литургия заканчивалась после одиннадцати».

С 1935 года Аполлос стал жить один, но продолжал точно соблюдать суточный круг богослужений, как это было при жизни его старца. Утреню и вечерню в церкви он всегда совершал в установленное для них время. Всякий раз, когда мы посещали его келью, все службы совершались своевременно. Не имея светского образования, он был воспитан богослужением, благодаря чему его необразованность была совершенно незаметной во время чтения и пения. Его слово было кратким и ёмким. От него никогда нельзя было услышать насмешек и осуждения. Несмотря на своё одиночество, он никогда не старался завлечь к себе послушников невероятными рассказами и восхвалением своей пустынной жизни. Его вид говорил сам за себя: «Я здесь живу; если хочешь, приходи и посмотри». Бог время от времени говорил в сердце какого-нибудь благоговейного человека, внушая ему продолжить монашескую

жизнь в этой келье, но ненавистник всякого добра поднимал свои волны до небес и дул со страшной силой, пытаясь погасить светильник кельи.

Аполлосу, как игумену, любящему пустыню и этим подрывавшему престиж игуменского сана, епископ грозил лишением монашества, и потому он сам ушёл из монастыря на Самосе, чтобы сохранить в себе ревность к подвигу. Оставив игуменство, он продал доставшийся ему от отца дом и купил известь для ремонта храма в келье, но дьявол не дал осуществиться его желанию. По этой причине Аполлос постоянно напевал стих из псалма: «Един есмь аз, дондеже прейду»¹⁴⁸. И с тех пор, как он умер, в его келье больше не совершается богослужение и не звонит колокол.

Горько говорить об этом, но пусть всё-таки будет сказано о незначительности нас, игуменов. Именно облечённые высоким церковным саном люди вместо того, чтобы быть вечными возжигателями светильников, зачастую становятся их гасителями, и не только... Бог повелел нам быть яркими факелами, по словам святого Исидора Пелусиота, а мы гаснем и дымим, так и не успев никому осветить дорогу.

¹⁴⁸ «Я остаюсь в одиночестве, доколе не уйду» (Пс. 140:10 по греческому переводу Семидесяти толковников).

Телесным трудом для Аполлоса было поддержание порядка в хозяйстве кельи и возделывание небольшого огорода. Всё у него было аккуратным, как во всех островных селениях: сад, возделываемый руками подвижника, небольшой источник, дававший воду для кельи, которая была просто раем. Отец Аполлос ласково принимал нас под развесистой смоковницей, посаженной перед входом в келью трудолюбивыми отцами, и усаживал на каменных скамьях вокруг мраморного стола, на котором были нацарапаны десятки имён паломников, как греков, так и иностранцев. (В келье была и книга посетителей, но паломники, полагая, что книга когда-нибудь пропадёт, предпочитали увековечивать свои имена на мраморе, забрать который никому не придёт в голову. В итоге они оказались правы.) Отец Аполлос приносил нам плоды смоковницы, которую Священное Писание то воспевает, то проклинаяет, — свежие летом и сушёные зимой, а также душистую ракию собственного производства. Меня впечатлило то, что хотя на острове было множество привозных спиртных напитков, которые на рынке легко можно было купить по низкой цене (их ввоз не облагался налогом), но он никогда не предлагал их вместо своей самодельной ракии. Как-то я спросил его:

— Вы не угощаете гостей напитками с рынка?

— Нет. Так, как я, угощают и на Святой Горе. Теперь его можно поправить: угощали.

Больше всего он любил рассказывать о своём старце Макарии, а также историю своей кельи, которая восходила к колливаду Аполлосу Пелопоннесскому. Он также показывал чернильницу и перья своего старца, которыми тот переписывал рукописи для большого монастыря Иоанна Богослова, зарабатывая этим себе на жизнь. Любящий старец всегда приберегает что-нибудь для своего послушника (это также одна из монашеских традиций). Как говорил нам отец Аполлос, старец оставил для него какие-то деньги в большом монастыре, чтобы ему за это ежегодно выдавали канистру оливкового масла, если не забудут. В своей беседе с нами он жаловался и на одиночество: «Перед святой Трапезой этого храма многие приняли постриг, но впоследствии предпочли ей широкие ворота монастыря».

Из истории его кельи один из самых добрых и красивых рассказов — повесть о коте-рыболове. Я привожу её так, как услышал.

Накануне Благовещения в келье обычно было много приготовлений: в храме готовились к бдению, а на кухне — к праздничной трапезе с рыбой под чесночным соусом. В том году у братии не было заготовлено никакой еды. Уже много дней море бушевало и бешено билось волнами о

прибрежные скалы. Ни одной лодки не было видно на море, а монахи не могли даже подойти к воде, чтобы порыбачить. Монах Феоктист угрюмо ходил туда-сюда и ворчал:

— Впервые в моей жизни будет Благовещение без рыбы.

Старец говорил ему:

— Ничего, у Бога есть рыба.

— Отец, у Бога есть рыба в море, а в наших тарелках её нет!

Началось бдение. Старец служил, а Аполлос с Феоктистом читали и пели. Всю ночь Феоктист не умолкал, постоянно причитая: «Что за праздник без рыбы?» В конце литургии, когда начали петь задостойник «Благовестуй, земле, радость велию», живший в келье кот стал настойчиво стучаться в окно над клиросом. Нетерпеливый Феоктист оборвал пение на середине и вышел посмотреть на кота. У того в зубах была большая рыбина, но Феоктисту он её не отдал. Когда старец раздавал антидор, Феоктист сказал ему:

— Кот принёс нам рыбу.

Старец, выйдя из церкви, позвал кота:

— Подойди сюда! Дай-ка её мне. Разве ты её принёс не для нас?

И кот положил рыбу старцу в руки!

Отец Аполлос жил среди дикой природы, на каменистой почве Патмоса, где змеи, скорпионы и ядовитые пауки плодятся в необыкновенном количестве, как грибы после дождя. Кажется, старец никогда не обижал этих пресмыкающихся и насекомых, а они, в свою очередь, не трогали старца. Какое-то время вместе с ним жил один православный француз, исследовавший богослужебные книги. В келье было полно клопов,

которые не давали спать чувствительному гостю. Такая напасть вынудила его купить инсектицид и опрыскать им свою келью. Необычный запах препарата донёлся до старца Аполлоса. Он спросил у француза:

— Жак, что это за запах?

— Это, батюшка, препарат, который убивает клопов.

— А этих клопов ты, что ли, создал?

— Нет, конечно; их создал Бог.

— Тогда попроси Бога, чтобы Он убрал их, а сам не убивай.

И действительно, клопы никогда не беспокоили старца, в то время как из несчастного европейца они пили кровь и днём и ночью. Наконец Жак сказал старцу Амфилохию: «Это ужасно: из меня они пьют кровь, а возле старца их и близко не бывает. Но ещё ужаснее то, что он не разрешает их вывести, а заставляет меня просить милости у Бога».

По великим праздникам — на Пасху и Рождество — он приходил на службу в пещеру Откровения. Там я принимал этого почтенного старца, который выглядел как настоящий священник. Меня поражали его большие, идеально чистые, блестящие туфли из грубой кожи на резиновой подошве. Неужели этот человек не касался ногами земли, когда шёл сюда? Он что,

летел? Его белые носки подчёркивали чёрный цвет туфель. Он не ходил, а шествовал, как властелин пустыни, никого не задевая.

Мы с ним часто беседовали об искушениях, случающихся в пустыне. О самых страшных вещах он мог говорить самым спокойным тоном.

— Трудно бороться в совершенном одиночестве, но в нём ты ощущаешь близость Бога.

Он постоянно повторял: «Люди находятся от меня очень далеко, зато Бог во мне и вокруг меня. Мне нечего бояться. Бывает, что плоть разгорается от малейшего помысла, как костёр на ветру, но благодать Божия даёт мне силы заниматься тяжёлыми работами и поститься, несмотря на старость. Искушением бывает также и нищета, когда тебе неоткуда взять необходимое, но и это можно одолеть. Когда ты закончишь молитву и скажешь «Аминь», Бог посылает тебе всё самое необходимое оттуда, откуда ты совсем не ожидаешь, и тебе не приходится протягивать руку за милостыней».

Говорили мы и о богослужении. В этих беседах он, как и всякий человек, вспоминал о прекрасных днях и том замечательном времени, которое он проводил с теми, кого любил, особенно о старце Макарии:

— Он служил величественно, как иерарх, и голос у него был приятный и звучный. Все

богослужения он совершал так, как будто с ним в церкви стояли тысячи, хотя нас было всего двое, или, самое большее, пятеро. Он никогда не служил спешно.

Он признавался мне, что ему трудно было с отцом Феофаном, который сокращал службы.

— Богослужение — наша школа, наша пища и питьё, наш отдых и радость. С его помощью мы легко находим то, что ищем, — Христа.

Пустынный Аполлос почил в январе 1966 года, но не на месте своих подвигов. Он совершенно ослеп и был вынужден перебраться в Камбос, где стал жить у своей скромной сестры. Таким образом, дверь кельи закрылась за старцем, и с тех пор рука монаха больше не отодвигала её засова.

Преподобный Аполлос, со всем дерзновением, которое ты имеешь пред Богом, непрестанно моли, чтобы вновь наполнилась людьми келья, которую ты охранял сорок пять лет. Аминь.

Монахи Артемий и Феокист

Не могу не упомянуть и об этих двух отцах. В них был настоящий монашеский дух. Они напоминали лучшие времена монашества: скромные рясы, мозолистые руки, туго затянутые кожаные пояса, без нынешних серебряных блях.

Весь их вид говорил о том, что они жили вдали от мира, что в них не было мирского духа. Тип исчезающий: не успеешь запомнить, как он уже уйдёт. Их общества искали как чего-то полезного. Они не говорили того, что сказал нам в 67-м году один известный святогорский монах: «Как это вы, студенты богословского факультета, не отыскиали меня?» — но: «Уходите от нас подальше, нам нечего вам дать». Как раз этого «ничего» я и искал у этих монахов, и нашёл: их глубокое смирение. У обоих в глубине души было запечатлено имя их духовника: «Иеромонах Амфилохий, истинно любящий отец».

Артемий

Отец Артемий был из женатых. Он был человеком, перенёсшим много невзгод. Он терял свою спутницу жизни и раз, и два, а может быть, и три раза. Он был вынужден вступать в очередной брак, чтобы было кому присмотреть за его многочисленными детьми. Этот старец был из тех людей, которые готовы забиться в самую узкую щель, лишь бы скрыться от лица Господня. Но всякий раз, когда он наводил мосты к мирской жизни, Бог давал ему встряску, пока он, наконец, не обратился к служению Ему.

Он стал монахом в пожилом возрасте, но

очень быстро приобрёл монашеский нрав и образ поведения. Страдания дали ему хорошее знание жизни. Он никогда не считал её чем-то постоянным, не ждал от неё неизменности: она была для него путём, полным обязанностей и ответственности. Его жизнь, лишённая комфорта, подготовила его к тому, чтобы стать собранным монахом: поступки его были осмысленными, а слова ёмкими.

В середине 50-х годов я видел его, когда он по праздникам приходил в монастырь Иоанна Богослова с корзинкой в руке. По нему было видно, что он живёт в келье монастыря и занимается земледелием. Впоследствии выяснилось, что он действительно прекрасный земледелец, обладающий большими познаниями в этой области. В церкви он обычно становился где-то в стороне; он стоял со скрещёнными руками и молился на торжественных богослужениях как забытый всеми гость. Позднее он стал жить у пещеры Откровения, когда там служил отец Павел Никитарас. Именно там я с ним познакомился и получил настоящее удовольствие от его монашеского устройства. От него нельзя было услышать ни шуток, ни болтовни. Единственным, что его интересовало, было то, спасётся ли он и удостоит ли Бог его ничтожество Своей милости. Он ощущал себя настолько бесполезным, настолько ниже всякого творения,

даже бессловесного, что Бог, — как он говорил, — никогда не станет искать его среди Своих созданий.

Как-то вечером, когда он сидел возле пещеры Откровения на белой скамейке, я спросил у него о его жизни в миру. Он долго мне о ней рассказывал, но мне ясно запомнились две вещи: его плач и постоянное «Слава Тебе, Боже!»

По воскресеньям в святой пещере до того, как туда придут ученики церковной школы, он как-то пел песнопения воскресной полунощницы: Троичны Григория Синаита, «Господи, помилуй»... Я намеренно остался снаружи, чтобы насладиться прекрасным, как у ребёнка, голосом восьмидесятилетнего старца, который не огрубел от времени и тяжёлой сельской жизни.

Он очень любил Бога и молился о том, чтобы удостоиться совершить паломничество на Святую Землю, принести оттуда на Патмос благодатный огонь, а после этого умереть. Чтобы купить билеты для такого паломничества, он целых два года плёл из лозы замечательные корзины и продавал их, чтобы собрать нужную сумму. Он был человеком с чувством собственного достоинства, и денег ни у кого не просил. Одно удовольствие было смотреть на него, когда он плёл свои корзины, сидя на скамеечке перед церковью святого Артемия: у него была совершенно седая длинная борода и очень худая фигура, одна кожа да кости. Его вид

напоминал древних монахов Египта, занимавшихся рукоделием. У меня не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть эту картину, но в моём сердце она осталась навсегда. Кто отказался бы выпить воды из этих святых ладоней и не предпочёл бы их хрустальному бокалу? Это был урок без слов: достаточно было увидеть лицо этого старца.

Он удостоился всего, о чём молился: оказался на Пасху у гроба Господня и принёс благодатный огонь в своём сердце и в фонаре на остров Иоанна Богослова. В тот же год, не успело закончиться лето, как после короткой болезни он почил с

сильной и живой надеждой на всеобщее воскресение, которую он и прежде выказывал каждое воскресенье в пещере Откровения, там, где в день Господень Христос возвестил Иоанну Богослову о победе Церкви.

Феоктист

Возьмём благословение и у этого старца. Он был высокого роста и очень сильный. Он говорил мне, что для измельчения камней пользовался кувалдой весом в двадцать пять килограммов. Гимназия на острове Калимнос построена из добытых им камней. В келье Кувари он сделал скамьи и сложил стены из таких огромных камней, сдвинуть которые не под силу никому. В 1940 году во время голода он своим искусством зарабатывал довольно много денег, которые многих спасли от голодной смерти.

В молодости он был беспокойным юношей и в поисках заработка добрался до Америки, но американский стиль жизни ему совершенно не понравился, и он его отверг.

«Американцы, — говорил он, — подобно туркам, начинают изменения с одежды, чтобы потом добраться до души».

Поэтому, когда он видел жителей Патмоса, одетых в американские куртки, которые присылали

им родственники, то очень огорчился, а с одного юноши он её даже сорвал. Он опасался: «Американский стиль жизни очень скоро задавит всю землю. Люди позабудут свои традиции, свой собственный образ жизни, особенности своих мест, и даже на самом маленьком островке станут вести себя подобно космополитам».

Сегодня, спустя пятьдесят лет, это уже не опасения, а действительность.

«У Америки нет собственных природных сил, их дают ей евреи, которые ею помыкают», — так говорил старец, и его предсказаниям не было конца; он изрекал их так естественно, как будто говорил о прошедшем времени.

Должно быть, в великую схиму отец Феоктист был пострижен старцем Макарием, когда достиг определенного возраста, после чего он стал жить вместе с монахом Аполлосом. Его благоговение позволяет его назвать человеком молитвенного правила и богослужения. Кого бы он ни встретил, монахиню, или монаха, у каждого он спрашивал:

«Ты исполнил своё правило? Оно нас ограждает, как надёжная стена».

В церкви он поклонялся всем изображениям святых, где бы они ни были написаны: на стенах, на досках, на клеёнке. Я спросил его:

— Мы должны поклоняться всем иконам?

— Церковь, сынок, — собрание святых во

Святом Духе. Нам нужны все святые. Мы даём им одно лишь благоговейное целование, а они нам помогают во всём.

Я спросил его и о том, как он молится во время своего правила.

— Сначала я кладу поклоны, пока не устану. Потом три чётки с молитвой мытаря, три с исповеданием разбойника ¹⁴⁹, потом молитва Иисусова, Богородице, Иоанну Богослову и преподобному Христодулу по одной чётке, а затем молюсь, пока хватает сил. Я слышал от старца Макария, что бывает и другое состояние, которое выше молитвы, во время которого она останавливается, а ум пребывает в ином мире. Я никогда этого не испытывал, но не сомневаюсь, что такое бывает, потому что благодаря непрестанной молитве я вижу в себе некое божественное раскрытие, впрочем, я не смогу его описать тебе точнее.

Его очень огорчало обмирщение монахов.

— С каждым днём дела всё хуже и хуже. Монахи живут с удобствами, которых нет и у мирян, и очень много времени посвящают тому, что соединяет их с миром. Пребыванию в монастыре они предпочитают поездки, богослужению —

¹⁴⁹ «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» (Лк. 23:42).

различные встречи, любят знакомиться со знаменитостями, а не общаться с теми, кто страдает и терпит нищету. Они раздают свои фотографии, чтобы стать известными миру.

— Чем, отче, ты это объясняешь?

— Изнутри их, как червь, подтачивает эгоизм. Этот невидимый червь разъест любую, даже самую прочную крышу. Монах уже не живет в безвестности: он стал предметом интереса якобы духовных людей. После того как им захотелось общества монахов, они стали приходить к нам и наводнять собою монастыри. Поначалу они восхищаются тем, что видят в нас, а потом начинают издеваться и осмеивать. Сорокакратное «Господи, помилуй» высмеивают даже некоторые архиереи, которые хотят сократить его до троекратного, да и такое их утомляет, а ведь повторы в православном богослужении — одна из его самых характерных черт. Бог да помилует нас, а молитвы от века живших преподобных да сохранят монастыри, которые они устроили с такими трудами! Запомни мои слова: из-за мирского духа, которому монахи позволили проникнуть в свой монастырь, однажды они навсегда переругаются друг с другом.

У отца Феоктиста почти не было образования, но он очень любил читать. Его любимым чтением была «Сокровищница» Дамаскина Студита. Рассказчиком он был удивительным. Все известные мне устные предания и рассказы о Патмосе я узнал от этого старца. Свои рассказы он любил приукрашивать, но основа их оставалась правдивой. Впрочем, его прикрасы настолько гармонировали с рассказом, что бывало очень трудно отличить, где правда, а где вымысел. Он не утаил от меня ничего и рассказал о каждом уголке острова.

Он был жизнерадостным человеком, хотя зачастую и казался страшным для тех, кто не был с ним знаком. Но тот, кто узнавал его поближе, от общения с ним начинал испытывать огромное удовольствие. Свои остроты и колкости он облекал в поэтическую форму, чтобы они становились мягче. Этот высокий старец всегда создавал вокруг себя приятную атмосферу, из его уст никогда не выходило никакого гнилого или едкого слова. Он так умел общаться со своими знакомыми, что между ними не возникало панибратства и неуместных вольностей.

Он почил в 1963 году и был похоронен на монастырском кладбище, в селении Вигла на Патмосе; отпевал его игумен монастыря архимандрит Павел Никитарас. После себя он оставил память преподобного мужа.

Я упомянул об этих двух монахах, Артемии и Феоктисте, так как они своим смирением, немытостью, невзрачной от трудов внешностью и кажущейся незначительностью вносили в жизнь монастыря равновесие: благодаря им было видно, что это монастырь, а не бюро религиозных услуг или правительственное учреждение.

Матушки в женском монастыре Живоносного Источника на острове Иоанна Богослова

Милосердная Нектария

Нектария, по всей видимости, была родом с острова Калимнос: её выдавало характерное произношение. Она была очень приветливой, присутствие других людей было для неё праздником. Приветствия, которыми она осыпала

тебя, увидев в своей келье, были настолько обильными, что ими можно было насытиться прежде, чем она предложит угощение. Она была женщиной, не взиравшей на лица, и потому все для неё были любимыми: грешники и мытари — все были братьями, ради которых умер Христос. Не думаю, что моя родная мать была так приветлива со мной, как привечала меня матушка Нектария в монастыре Живоносного Источника всякий раз, когда я к ней приходил.

Их монастырь был особножительным. Ни одна из сестёр не была пострижена в схиму, и каждая сохраняла свои характерные особенности. Впрочем, этому монастырю, состоявшему из обособленных уголков, особножительное устройство подходило больше всего. Я не могу представить себе Живоносный Источник киновией. У каждого дворика было что-то своё, и дверь каждой кельи выражала ту или иную особенность живущей за ней монахини. Одна была украшена цветами бугенвилеи, другая жасмином, третья жимолостью, а все вместе они наполняли воздух райским благоуханием.

«Особножительные монастыри не всегда были плохими, — говорил старец Паисий. — И в них бывали старцы великих подвигов и чистой жизни».

Так и в этом монастыре можно было увидеть, как каждая из сестёр в своей келье живёт

собственной жизнью свободно, без страха, но не отдаляясь от других: мол, эти люди — свои, а от всех других надо беречься. Разве может душа у монаха оставаться широкой, как у Христа, если он будет разделять людей на своих и чужих? Разве она от этого не раздробится и не сделается мелкой?

У Нектарии была широкая душа, шире, чем Икарийское море, ежедневно открывавшееся перед нею. После угощения она увязывала в тюк одеяла, одежду, шаль, которую носила сама, и всё прочее, что бывает нужно людям, живущим в миру. Какое-то время она это собирала, чтобы в нужный момент всё было готово. Она хорошо знала, какое это счастье — дарить. Я не знаю, чего оказалось больше после её смерти: того, что она раздала, или того, что приготовила для раздачи в своей келье.

Киприана — монастырская афиша

Она была пышной женщиной с благородной наружностью и анатолийским ¹⁵⁰ выговором, который придавал её речи особую величественность и красоту. Когда она кого-то встречала, то не спрашивала, как это обычно принято, о новостях: «Как дела в мире? Какие

¹⁵⁰ Анатолией называются западные области Малой Азии.

беженцы прибыли на наш остров?» У неё были свои, церковные новости. Мир вокруг мог рушиться, но Киприана жила в вечном и неизменном мире святых.

Новостями и предметом постоянного интереса для матушки Киприаны были жития святых, память которых отмечалась в сегодняшней и завтрашний дни. Когда мы посещали монастырь, то её не нужно было искать: она сама выходила к нам, держа подмышкой книгу. «Сегодня, братья, такой-то святой нас учит, чтобы мы были внимательны к тому-то и тому-то». Другой её любимой книгой был «Эвергетин»¹⁵¹. На каждый случай жизни она предлагала решение в немногих словах, сопровождая их соответствующим примером из неё.

Она не была болтливой старухой. Речь её всегда была приятной и сдержанной. После того как она умерла, её отсутствие всегда было ощутимым: из монастыря исчезла ежедневная афиша.

Как-то раз она рассказывала нам о путешествиях евангелиста Иоанна настолько

¹⁵¹ Сборник поучений святых отцов, составленный в XII веке в монастыре Христа Благодетеля (по-греч. Эвергета) возле Константинополя. В русском переводе вышел под названием «Благолюбие».

захватывающе, что мы больше двух часов простояли под тенью бугенвилеи, не почувствовав ни усталости в ногах, ни течения времени.

Она была смиренной монахиней с приятной речью. Она никого не утомляла и не учила, но сама училась из того, о чём говорила. Своих мыслей она не высказывала, но всегда цитировала слова святых. Осуждать других она просто не умела. Ко всем она относилась с любовью, а за больных и униженных переживала, как родная мать.

Я не знаю ни того, сколько ей было лет, ни того, откуда она была родом. Мне известно лишь о её любви ко Христу и святым. Да покоится она вместе с преподобными женами в стране живых.

Монахиня Христодула затворница

Я познакомился с ней в последние годы её жизни. Её рукоделием было шитьё ряс. В этом деле она не была лучшей мастерицей, но к ней приходили те, у кого было мало денег. Так, она пошила маленькие ряски для всех учеников церковной школы Патмоса. Монастырь был особножительным и не покрывал всех нужд своих насельниц, поэтому этим ремеслом ей приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Всякий раз, проходя в этот женский монастырь, я видел, что Христодула стоит внутри

за воротами и поджидает кого-нибудь, кто согласится купить ей немного хлеба или другой еды. У меня был дурной помысел: «Ведь пекарня и магазин находятся в пяти шагах; зачем же она ждёт меня, чтобы отправить за покупками?» Иногда она давала мне за это немного денег. Я пытался их не брать, и несколько раз мне это удавалось. Но обычно она заставляла меня их взять, говоря, что это благословение Богородицы.

Христула была подвижницей: она спала на полу на старой циновке, а вместо подушки у неё был камень; всё это накрывалось старым одеялом. Еда у неё также была самая простая.

Моё недоумение насчёт того, почему Христула посылала меня за покупками, разрешилось после её смерти. В надгробном слове отец Павел Никитарас сказал следующее:

«Старица Христула вошла в монастырь Богородицы шестьдесят лет назад, а сегодня выходит из него в первый и последний раз, когда её несут на монастырское кладбище».

Шестьдесят лет в монастыре, недалеко от своего дома, и ни разу не вышла за ворота! Слава Богу, и сегодня есть такие монахини, какие бывали в древности. Если мы возложим на себя подвиг, даже самый суровый, и будем совершать его втайне даже от Ангелов, то Господь поможет нам довести его до конца. Когда его взвалила на себя нежная

девушка, то разве она не подумала о том, что её родители или близкие родственники, живущие рядом, когда-нибудь заболеют, и она должна будет о них позаботиться? Когда в соседнем монастыре будет совершаться память Иоанна Богослова или преподобного Христодула, то разве ей не захочется, подобно другим, сходить на праздник? А если она серьёзно заболевает, то разве ей не нужно будет уехать с острова ради лечения у опытных врачей? Постоянство в подвиге победило всё: и благочестивые порывы, и привязанность к родным, и нужды, и ей с Божией помощью удалось оставаться затворницей целых шестьдесят лет!

Старица Евгения, лучшая из монахинь Патмоса

Должно быть, она поступила в монастырь Живоносного Источника в начале XX века. Тогда это был единственный женский монастырь на Патмосе, а пожалуй, и на всех островах Додеканеса, где была устроенная монашеская жизнь, традиции которой сохранялись с 1600 года. У него были местные особенности: несмотря на то что он был обособительным, в нём была старица-игуменья, как и в монастыре Иоанна Богослова.

Евгения пришла в этот монастырь в юности и прожила в нём до девяноста двух лет. В этом

возрасте она оставила обитель Богородицы, чтобы праздновать Пасху в вечном Царстве своего небесного Отца. Для Евгении не существовало другого монастыря, кроме того, в котором она стала монахиней. Он стал для неё постоянным местом духовной борьбы.

«Монах, — говорила она как-то отцу Анфиму, — должен со всем вниманием относиться к добродетели послушания и не должен переходить с места на место. Апостол Иуда в своём послании называет таких монахов безводными облаками, носимыми ветром¹⁵². Монах не смеет перечить игумену и должен молчать, даже если прав. Мы находимся в распоряжении монастыря, и он посылает нас туда, где в этом есть необходимость. Мы должны хранить послушание как самую великую добродетель. Если, нося рясу, монах поступает по своей воле, то разве это не говорит о том, что он сошёл с ума?»

Она терпеливо переносила пренебрежительное отношение к себе и жила в неизвестности, так как по своей простоте не умела, да и не хотела создавать вокруг себя круга почитателей. Вместо того чтобы тесно общаться с другими монахинями, она предпочитала оставаться

¹⁵² Иуд. 12.

в стороне. Как-то я, шутя, говорил ей что-то. Она слушала меня с таким вниманием, что мне показалось, будто она собирается что-то сделать. Когда я закончил, она сказала: «Всё это хорошо, но лучше бы ты рассказал это где-нибудь в селе, а не в монастыре».

Я удивился её серьёзности и замолчал.

Она стремилась к миру со всеми. Ей совершенно не нравилось выделяться и требовать своих прав. Все монастырские послушания она исполняла с такой застенчивостью, как будто стала монахиней только вчера.

— Знаешь что, отец, Григорий, пусть Бог считает годы нашего служения в монастыре, а не мы.

В течение шестидесяти лет она каждую субботу подметала и мыла полы в игуменских покоях, словно робкая служанка. Во время приёма высоких гостей там были другие Марфы и Марии, а она предпочитала занимать самую нижнюю ступеньку на иерархической лестнице монастыря, чтобы от высоты у неё не закружилась голова и ей не упасть.

Больше тридцати лет она ухаживала за одной интересной юродивой. Все монахини в один голос заявляли, что им надоели её вопли и выходки, а Евгения всеми силами старалась их успокоить. Она жила в постоянном страхе, что эту больную

выгонят и с ней случится что-то плохое. Каждое утро ей приходилось мыть и переодевать её. С этой девушкой было большое искушение: она каждый день превращала свою одежду в лохмотья, и до такой степени портила её, что та уже не подлежала восстановлению. А где было найти одежду в то тяжёлое время? Евгения с печалью говорила ей:

— Не рви одежду, доченька, у меня ведь нет другой.

— Знаешь что, ты делай своё дело, а я буду делать своё.

После этого в очередной раз раздавался треск рвущейся одежды.

Утром, после переодевания, Евгения должна была приносить ей кофе в красивой фарфоровой чашке. Юродивая требовала, чтобы монахиня стояла перед ней, пока она сама будет пить кофе. Закончив пить, она выплёскивала гущу ей в лицо и начинала хохотать. Если бы Евгения убежала, то горе было бы монахиням: в таких случаях юродивая визжала, как свинья, которую режут. Поэтому, чтобы не было лишнего шума, Евгения дожидалась, пока та не умоет её кофейной гущей.

Искуститель, видя самопожертвование монахини ради юродивой, которую многие считали пропащей, стал расставлять для Евгении новые сети. От постоянной стирки одежды и умывания кофейной гущей у Евгении на руках появилась

экзема: от ладоней до локтей была сплошная язва, которая по виду ничем не отличалась от проказы. Родня доброй старицы Евгении стала требовать от неё выгнать юродивую из монастыря, не то они сами её выгонят. Оказавшись в безвыходном положении, она стала молить Богородицу исцелить её руки, чтобы родные перестали на неё давить. Она слышала, что когда-то в подобных случаях христиане служили литургию в честь Богородицы и во время пения «Достойно есть» протягивали руки, пока те не коснутся церковных стен, со словами: «Отгони от меня, Богородица, эту беду». Так и наша монахиня пошла на ночную литургию в церковку Богородицы и, когда начали петь «Достойно есть», стала молиться об исцелении от этой болезни, протянув вперёд руки. Когда утром её родные пришли, чтобы выгнать юродивую, она показала им свои руки: «Посмотрите, на них ничего нет. И не смейте выгонять на улицу эту больную: это бесчеловечно, это грешно!»

Много лет она несла этот крест, терпя издевательства юродивой и ропот сестёр.

— Когда ночью эта несчастная бывала беспокойной, то утром никто из сестёр со мной не здоровался. Было тяжело переносить, братья, когда после окончания службы на тебя смотрели сорок хмурых лиц. Как было возможно находиться целый день посреди такого холода?

Несмотря на всё это, к ней никогда не приходил помысел обижаться на кого-то из сестёр. Она делала всё, чтобы вызвать на их лицах весёлую улыбку и утишить их праведный гнев.

Незадолго до своей смерти юродивая позвала к себе несчастную монахиню и сказала ей слова утешения: «Дорогая Евгения, я благодарна тебе за всё, что ты для меня делала, и ты прости меня за то, что я делала тебе. Позови священника, чтобы он меня пособоровал и причастил, потому что через сорок дней я умру».

Евгения ей не поверила и подумала: «Она сумасшедшая, пусть себе болтает». Но шли дни, и та стала меньше есть и чудить.

«Я позвала нашего священника, и тот сделал всё, о чём она просила, — рассказывала старица. — Она также попросила, чтобы я пригласила на её отпевание игумена и всех иеромонахов монастыря, и чтобы положила ей в гроб много-много цветов. Была зима, где мне было найти цветы? И столько священников нужно было бы отблагодарить. Как я могла всё это сделать? Но на её отпевание и цветов нанесли, и игумен с иеромонахами пришли без приглашения. Желай хорошего, Григорий, и Бог не оставит тебя без него, хоть бы ты и огорчал Его своим бесчинством».

В другой раз, когда их священник попал в немилость к сёстрам, то все они на него

ополчились, и лишь Евгения держалась другого мнения. Она видела, что все хотели избавиться от него и искали поводов к осуждению и клевете. Пришёл игумен монастыря вместе со старшими отцами, чтобы разобраться в этом деле. Они стали приглашать монахинь в игуменские покои поодиночке на допрос, после которого оставляли их в соседней комнате, чтобы таким образом избежать сговора между ними (этому методу ведения допроса они научились у итальянцев). Среди прочих позвали и Евгению.

— Что ты знаешь о вашем священнике?

— Он святой человек. А мы, возводящие на него клевету, — грешницы.

Вечером было приказано заколотить снаружи гвоздями дверь её кельи, чтобы она не смогла выйти, а в келье у неё не было ни туалета, ни воды. Она безропотно переносила это заключение, пока не пришёл её брат и не открыл дверь. Поистине, она была безропотной во всех искушениях.

Я спросил у неё, не поленилась ли она когда-нибудь ходить на службы за все годы её пребывания в монастыре и не оставляла ли она своего правила.

— Никогда такого я не делала, но думала, что завтра будет ещё труднее. Шестьдесят лет я читаю в церкви полунощницу, а теперь это стало трудно, когда у меня повыпадали зубы и глаза стали плохо

видеть.

Именно такими людьми создаётся предание, которое многие годы будет храниться в месте их подвигов. Именно такие люди передают эстафету предания от одного поколения другому. От такой души, держащей в руках горящий факел, как не приму я его в свои руки, не понесу дальше и не скажу подобно древним отцам: «Так я принял»?

Она была серьезной монахиней, в ней не было и следа приторности. Как-то один монах прислал ей свою фотографию, на которой он держал кота. Невзирая на свою любовь к нему, она строго сказала: «Отец, монахи в руках должны держать крест, а не кошек».

Её келья была бедной, но так прекрасно обставленной, что нам не хотелось из неё уходить. Это место было живым, как комната матери. В ней было всё: кухонная утварь, ткацкий станок, кровать. Настоящая сельская изба: всё стояло на своём месте, всё было подобрано со вкусом.

Говорила она мало, но по-евангельски. Однажды я увидел, как она делает фитили пасхальных свечей для большого монастыря. Она вся дрожала от старости и истощения после строгого Великого поста. Я сказал ей:

— Матушка, в монастыре столько молодёжи! Они что, ждут, что ты будешь делать им фитили для пасхальных свечей?!

— Дорогой сынок, так говорят миряне, зачем тебе за ними повторять? Братии я помогаю уже больше семидесяти лет. Теперь, когда мне скоро конец (а кто знает, может, эти фитили я делаю в последний раз), неужели я скажу им, что больше не могу? Не говори так больше, Иоанн Богослов даёт мне силы. Благодаря молитвам преподобного Христодула мы шли монашеским путём, так неужели он теперь оставит нас без сил и утешения?

Очень часто она с весёлым лицом говорила мне: «Григорий, сначала мы должны приобрести добродетели мирян, а потом уже заниматься стяжанием монашеских добродетелей. Миряне свои таланты умножают, так неужели нам закапывать их и давать им испортиться из-за нашей лени?»

Каждый Великий пост она готовила большую банку растёртого поджаренного кунжута и другую банку с кунжутной пастой для пустынников кельи в Кувари. Пустынничество она считала великим делом. Я собственными глазами видел, как сёстры монастыря Живоносного Источника бежали за пустынниками из Кувари, когда те спускались по монастырской лестнице, чтобы поцеловать край рясы, волочившейся по камням и плитам. Они верили, что пустынники создают в мире равновесие и сдерживают праведный гнев Божий.

— Мы, сынок, держимся благодаря вам, а не наоборот, пусть я и живу в монастыре столько лет.

У нас всё есть, а вы в этих безжизненных горах ничего не можете достать. И хлеб у вас всегда чёрствый, а мы получаем его из пекарни горячим, он даже дымится, когда его режут.

Эта добрая старушка месила тесто и пекла из него сухари для её «деток в пустыне», вязала носки и другую шерстяную одежду для нищих монахов.

— Всё это, братья, ничто по сравнению с тем, что значит ваша пустынная жизнь для людей на Патмосе. И особенно нам, старым монахиням, утешительно знать, что за этими высокими горами пророка Илии живут монахи, и даже такие молодые, как вы.

На ткацком станке она ткала разные вещи, чем зарабатывала себе на жизнь; ткачихой она была замечательной. Деньгами, вырученными за своё рукоделие, она и её брат монах Феоктист, который также был на все руки мастер (он тесал камни, делал из них скамьи, ткал ковры из козьей шерсти), помогали своей овдовевшей племяннице, чтобы её многочисленные дети не сбились с пути из-за нищеты.

Когда прошли благословенные годы её расцвета и зрелости и когда она увидела, что силы её оставили, она соткала в подарок для всех монахов и иеромонахов Патмоса по одному белому покрывалу. Однажды я застал её, всю дрожащую, за работой на ткацком станке.

— А это для кого ты делаешь?

— Для такого-то иеромонаха.

— Оно ему не нужно, матушка.

— Не думай так, сынок. Для Царства Небесного нужно работать не столько головой, сколько сердцем. Если бы я полагалась только на свой ум, то ни дня бы не оставалась в монастыре. Я намеренно оставила своё сердце свободным, так не связывай мне его сухой рассудочностью. Сердце может совершить великие подвиги, если будет прислушиваться к внушениям Святого Духа. Монах не рассудочен, но при этом не безумен. Потому-то он и пытается взлететь на небо на орле Иоанна Богослова. Свободное от рассудочности сердце восходит на небо и всякий час стучится во врата Божии. Не Христос должен стучаться к нам, как сказано в Откровении¹⁵³, а мы должны к Нему стучаться. Это мы постоянно находимся вне врат Христовых, а не Христос за нашей дверью.

¹⁵³ «Вот, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20).

Ещё она отличалась гостеприимством. При виде гостя её лицо становилось весёлым, как у матери, увидевшей своих детей. Она готовила угощение и тихонько приговаривала: «Детки мои, детки мои, Христовы мои детки».

Как-то после всеобщей праздники Иоанна Богослова в большом монастыре мы проходили мимо её кельи. Она нас поджидала. У неё были жареные бычки.

— Простите, дорогие мои отцы, я не очень хорошо себя чувствовала и успела приготовить

лишь немного бычков.

В её келье я ощутил, что значит благословение. Она подала нам макароны без соуса, немного сыра, и всё это было необычайно вкусно. Столько лет прошло, а мне и сейчас хочется её простого угощения. Стола у неё не было. Мы накрыли колени чистыми полотенцами и устроили настоящий пир. Она никогда не показывала, что мы ей в тягость. Может быть, и теперь на небесах она поджидает нас, чтобы похвалить нас за то, что мы до сих пор носим монашескую рясу. И даже когда нам пришлось оставить Патмос, она собирала жертвования и пыталась найти способ отправить их нам.

Древние монахи очень радовались приходу к ним других монахов, они смотрели на них как на земных Ангелов. По этой радости можно было судить о том, насколько успешной была духовная брань у пожилого монаха. А монах, потерпевший в этой брани неудачу, смотрел на пришедшего с презрением, как бы говоря: «Может быть, и ты достигнешь когда-нибудь моих высот».

Евгения была ревностной монахиней с мирным устроением души. Несмотря на телесную полноту, она была человеком спокойным и молчаливым. Суровые подвиги не вытеснили из её души человеческих чувств. В своей келье она оставила вбитый в стену гвоздь, на который её

покойный брат, отец Иосиф, вешал свою рясу, когда навещал её. Она хотела, чтобы на него и мы вешали свои рясы, чтобы это напоминало ей о брате. Она очень печалилась, когда долгое время не слышала о нас. У неё было мягкое сердце, и она переживала о бедствующем мире. Она была человеком, как будто вышедшим из прежних времен: любвеобильным, терпеливым и молчаливым. Рядом с ней было приятно, как под освежающей тенью высокой ели; она была прохладным родником в монастыре Живоносного Источника. Это не преувеличение. Одна кающаяся признавалась мне на исповеди: «Я считаю себя недостойной, поэтому я не захожу в церковь, но стоя в её тени, молю Бога о прощении». Евгения предвидела, что отец Иосиф умрёт раньше неё, хотя он и был намного моложе. Хорошая бабушка Евгения! Из-под её чёрного платка всех ласкало сияние её лица. Её крепкая вера укрепляла меня в часы малодушия.

— Дорогой мой отец, скорби и искушения сделают тебя зрелым, а иначе ты останешься пустым, как пшеница, иссушённая южным ветром. Да укрепит тебя Иоанн Богослов.

После этого она крестила меня кацеей, положив в неё ладан Великой Субботы, чтобы отогнать от меня дьявола.

Когда я вспоминаю этих людей, с которыми

нас соединяет любовь Христова, то забываю о себе и ощущаю радость жизни, будто оказываюсь в райском саду.

У старицы был ещё один дар: она могла лечить различные переломы. Такая способность была очень кстати на уединённом Патмосе. Она взрастила в себе этот дар и стала отличным врачом благодаря знаниям, полученным на практике, к тому же она была хорошим знатоком различных недугов и болей. Она излечивала повреждения до того, как больной успевал понять происходящее. Я находился рядом, когда к ней из военного лагеря пришёл молодой офицер с вывихнутой рукой. Она его хорошенько осмотрела и сказала, чтобы тот положил ладонь на землю. Он послушно сделал это, совершенно не подозревая, что ему сделает монахиня. А она внезапно на неё наступила. Парень от боли громко вскрикнул и в тот же момент стал здоров. Когда она, уже состарившись, сломала себе ногу, то её отвезли на остров Калимнос, где положили в ортопедическое отделение местной больницы. Она попросила врача приподнять её, чтобы ей можно было следить за его действиями. Она сказала ему: «Если ты сделаешь так, то вывихнешь мне пальцы, и я не смогу ходить».

Так и случилось. Позднее она даже просила ампутировать ей пальцы, чтобы ей можно было ходить. Однажды я в шутку спросил у неё:

— Сколько ты берёшь за лечение?

— Сынок, беги подальше от таких вопросов, они не от Духа Христова. Христос исцеляет даром, как же мы осмелимся требовать плату за наше негодное лечение?

Тогда я понял, что такое исцеление и Кто его совершает, и чем оно отличается от лечения. Евгения была необразованной, но, находясь рядом с ней, я, подобно Антонию Великому, ум предпочёл образованности.

Евгения почила, оставшись чистой и телом, и душой. Она не познала ни мужа, ни зла, как была научена Богородицей, Которой была посвящена её обитель. Через три года были открыты её мощи. Они благоухали, а руки от локтей и ниже сохранились нетленными и остались такими же белыми, какими были при погребении (одна из них теперь находится у нас в Дохиаре, а другая в Сербии). Шов черепных костей её благословенной главы изображает крест. Так Владыка Христос наградил её за служение Ему. В своей жизни она постоянно следовала Его примеру: «Я не для того пришёл, чтобы Мне служили, но чтобы Самому послужить»¹⁵⁴. Этот урок она получила благодаря чину умовения ног, который ежегодно совершается

¹⁵⁴ Ср. Мф. 20:28.

на Патмосе в Великий Четверг ¹⁵⁵, и всегда поступала в соответствии с ним.

Святое служение прогоняет злые помыслы, избавляет от лютой лени, оно — осуществление величайшей из добродетелей — любви, непринуждённо готовящее к смерти и кресту.

Все знавшие её да воспоют ей песнь, приличную преподобным женам: «Моли о нас, преподобная мати, и не лиши нас твоего сострадания. Аминь».

Сестры обители Благовещения

От монастыря Живоносного Источника одна спускающаяся вниз дорожка, вымощенная камнем, ведёт нас к священной киноии Благовещения, как продолжают называть эту обитель местные жители. По дороге к ней нам повстречаются одни лишь дикие груши, плоды которых осенью станут вкусной пищей для тех, кто сможет до них дотянуться. Обитель Благовещения когда-то была

¹⁵⁵ Чин, совершаемый на литургии Великого Четверга, во время которого епископ, являющийся на богослужении образом Христа, оmyвает ноги священникам, как это сделал Христос перед Тайной Вечерей.

кельей, относившейся к монастырю Иоанна Богослова. Её современный внешний вид и независимый статус — целиком заслуга приснопамятного старца Амфилохия. Этот преподобный в 1935-36 годах поселил там монахинь и потихоньку в тяжёлые годы оккупации основал монастырь, дав ему название «киновия», чтобы успокоить его владельца, который смущался названием «монастырь». В этой киновии с самого начала стали жить женщины-подвижницы, которые до этого уже несколько лет по благословению старца жили по-монашески в своих домах и этим были подготовлены к жизни в монастыре. Но кроме них в этой благословенной киновии находили покой и беженцы, и люди, пострадавшие во время оккупации острова. Давайте войдём в это духовное убежище, чтобы найти в нём пользу, крепость и дерзновение в вере, насколько это позволит нам повреждённое зрение нашей души.

Монахиня Лукия, садовница

На примере этой монахини можно было увидеть, даже против воли, что те достоинство и силу, которые Бог отнял у многих мужчин, Он даровал смиренным женщинам. У нее было мужество, превосходящее возможности женской природы. Она была женщиной бесстрашной как

перед людьми, так и перед бесами. Когда в сердце человека, служащего Богу, есть простота, то он становится необычайно сильным. Лукия была проста и незлобива, как младенец, только что начавший ходить. Когда она стала монахиней, то старец дал ей правило молиться также апостолу Луке. Спустя какое-то время он спросил у неё:

— Как ты молишься?

Она в своей простоте ответила:

— Господи Иисусе Христе, помилуй раба Твоего Луку, апостола и евангелиста.

Она была щедрым проводником милости Божией, и Господь делал её душу ещё более широкой.

Лукия была дочерью беженцев, кажется, из района Аликарнасса в Малой Азии. Нищета вынудила её вступать в брак, наверное, более двух раз, не могу сказать точно. Это может понять только тот, кто сам странствовал по пустынным дорогам, и у кого не было собственной земли, о которой он мог бы заботиться. Впрочем, Бог раз за разом оставлял её в одиночестве, так как хотел, чтобы она служила только Ему. Что значит это предопределение? Оно — неизреченная тайна. Как только открылась киновия Благовещения, она сразу поступила в неё подобно другим беженкам.

Внешность у неё была не особо приятной, но старец Амфилохий всегда смотрел не на лицо, а на

сердце. Он считал, что монастырь — место покоя для исстрадавшихся, в котором осуществляется сказанное Господом: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас»¹⁵⁶.

Она очень хорошо знала, что значит для женщины иметь опору в мужчине, и часто говорила народное присловье: «Был бы муж, хоть бы и деревянный». У нас, молодых монахов, не было принято приходить в женский монастырь в отсутствие старца. Но как только он возвращался из своей очередной поездки по островам, куда он ездил для совершения исповеди, на следующий день мы уже были в монастыре Благовещения. Лукия за стенами монастыря копала лопатой сухую почву. Когда мы были рядом, она повторяла: «Когда старец здесь, то они приходят, а когда его нет, то их не видно. А нам, всеми брошенным, приходится сражаться самим, без всякого утешения». Бабушка Лукия видела, что без старца дела в женском монастыре идут не так, как надо. Поэтому она с уважением относилась к мечте старца о том, чтобы, кроме женского монастыря, устроить исихастирий в Кувари для монахов, которые оказывали бы поддержку монахиням.

¹⁵⁶ Мф. 11:28.

Оттуда был бы для них и духовник, и служащий священник, и различная помощь.

Мы много потрудились для кельи в Кувари. В последние годы своей жизни Лукия оставалась её сторожем, чтобы потом, когда в ней появятся монахи, старцу не оказаться в трудном положении. Она смотрела за постройками, ухаживала за огородами, виноградниками и оливами, поливая их из консервной банки водой из небольшого источника. Она следила, чтобы каждая капля воды попадала туда, куда следует, потому что, говорила она, без воды земля болеет. Вообще она была отменным садоводом. Чтобы работать с утра до вечера на этом совершенно пустынном мысе, требовалось много сил, тем более пожилой женщине; при этом она целых три года не давала угаснуть свету в лампаде кельи святого Иосифа.

От этой бабушки я принял эстафету монашеской жизни в Кувари в июне 1962 года. Прежде я часто ходил к ней туда и помогал в работах по хозяйству, но когда я отправился туда, чтобы жить одному, то перепугался в первую же ночь. Она много рассказывала мне об искушениях, как мысленных, так и видимых, которые она испытала в этой келье: «Знаешь, сынок, бесы каждый вечер приносили камни и загромождали ими двор. А в другой раз сундучок, в котором я держала свои вещи, во время правила начинал

скакать, как резвый ягнёнок в мае. Но Бог дал мне силы и хладнокровие садиться на него и говорить искусителю: «Давай, пляши, покажи, на что ты способен». В другой раз, при полном безветрии, он подул на меня так сильно, что сбил с ног, но и на этот раз ничего не добился. Ещё, когда я шла в церковь, он потушил мне фонарь, чтобы мне пришлось идти в темноте. В такие моменты ты его не бойся: он только запугивает, а зла причинить не может никакого».

В этой монахини было то, о чём писал Иоанн Богослов: «Совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). Любовь у неё была такой, что она тропинку, ведущую в Кувари, каждое лето очищала от камней и гравия, буквально подметала её, чтобы нам было удобнее по ней ходить, не спотыкаясь ногами о камни.

У этой женщины я научился многому, что пригодилось мне в монашеской жизни: любить земледелие, выбирать камни из почвы перед посевом, делать уголь для каждения, огонёк в лампадах делать небольшим. Она от всего сердца подписала мне диплом специалиста по подметанию и уборке, которым я и ныне хваюсь. Я научился, с чего начинать то или иное дело и чем его заканчивать. Тесный путь труда она знала, как никто другой, и даже в старости она не утратила этого знания. Она была уверена, что если удастся

найти способ правильно начать дело, то оно, считай, уже закончено.

Её любовь к людям была великой и никогда не оскудевающей. После того, как нам пришлось уехать с Патмоса, она продолжала о нас, детях её старца, молиться по чёткам. Наш отъезд не охладил её сердца. Как-то раз она подозвала молодую монахиню и сказала ей: «Сестра, я с поклонами молюсь о нашем Григории на трёх узелках чётки каждый день, но ведь он теперь игумен, и несёт на своих плечах ответственность за других, у него стало больше скорбей и огорчений, чем мы, послушницы, можем себе представить. Наверное, я должна молиться за него на всей сотне. Что такое всего лишь три узелка?»

На её месте другая, у которой недостаёт любви, сказала бы: «Уехали, ну и Бог с ними», — как говорила её игуменья Евстохия.

Когда у меня обнаружился сахарный диабет, она с плачем поднялась на башню, в которой жил старец, и громко закричала:

— Пропала келья в Кувари!

Перепуганный старец появился в дверях:

— Что стряслось, сестра?

— После того как заболел Григорий, Кувари осталась без хозяина.

От этой неграмотной монахини я научился не только практическим навыкам, но и многому важному в духовной жизни.

— Киновия, брат Григорий, — это не только общая трапеза, это, прежде всего, любовь ко всему, что есть в общежительном монастыре. Если ты не участвуешь в общих работах и не смотришь за всем как за своим собственным, то как ты можешь называться киновиадом? Если ты не смиришься и не будешь участвовать во всех трудах братии здесь, то как ты сможешь быть вместе с ними на небе?

Она как будто была ученицей святого Пахомия Великого¹⁵⁷, который говорил: «Киновия

¹⁵⁷ Основатель первых общежительных монастырей в Египте, живший в IV веке.

есть общение братии во всём». Когда на неё злилась какая-нибудь из сестёр, она в конце разговора с ней всегда говорила: «Ну хорошо, сестра, благослови».

Она оставалась трудолюбивой до глубокой старости. Каждый день она работала наравне со всеми. То с тямкой, то за рукоделием, — она всегда являла собой пример образцовой работы и того, как надо избегать праздности. В полдень она перекусывала прямо на рабочем месте едой из своей корзинки. Вечером она шла к старцу на откровение помыслов и рассказывала ему обо всём, что случилось в этот день на огородах. Её любимым был огород на месте, называемом Вроста: там была келья подвижника Феоктиста, несколько скамеек и немного воды. Работая в нём, она приносила в киновию много овощей и зелени. Каждый год, начиная весной работу в огородах, она говорила мне: «Ну всё, это в последний раз. Я уже старая и больше не могу».

Это «в последний раз» я слышал многие годы. Однажды, придя в Кувари, она так неудачно упала на землю, что я испугался за её жизнь. Но она поднялась и, поклонившись мне, попросила никому об этом не говорить, потому что, если бы об этом узнали, ей бы уже не разрешили приходить сюда.

У этой старушки была совестливая душа: когда она больше не могла работать в огородах, то шила в своей келье лоскутные одеяла.

Вся её жизнь была постоянным служением всякому созданию Божию. Она ничего не делала на скорую руку и со скукой, обычной для ленивых людей. Её служение было таким, какого требовал от Своих апостолов Христос. У неё было горячее сердце и душа, от которой исходило благоухание Святого Духа. Такому правильному устройению она научилась не в монастыре, оно было её собственным приобретением. Учить доброму можно и в миру, например, когда мать, укачивая ребёнка, поёт ему церковные песнопения, а не те дьявольские песни, которые исполняются под игру на бузуки¹⁵⁸.

Когда она ещё жила в миру, то с благоговением служила таинству жизни. Одна больная проказой женщина, жившая вдали от всех, была изнасилована каким-то мерзавцем и забеременела. Когда начались роды, никто не захотел подойти и помочь ей. Одна лишь Лукия, прогнав из своей души всякий страх перед заразной болезнью, пришла на помощь прокажённой. Ребёнок вырос в детском доме, возмужал, получил образование и стал капитаном первого ранга. Спустя несколько лет ему захотелось повидать родные места. Приехав, он стал искать не родных, а

158 Струнный инструмент, популярный в Греции и Турции.

монахиню, которая пришла на помощь его матери в трудный час. Это была потрясающая встреча, тронувшая даже самые жестокие сердца: молодой человек обнимал старушку-монахиню с такой любовью, как будто она для него — самое дорогое в мире. Лукия в недоумении воскликнула:

— Кто ты, сынок?

— Я сын прокажённой, которого ты приняла на свои руки. Благодаря тебе я остался жив.

Когда она стала монахиней, ей досталось очень тяжёлое служение: она ухаживала за двумя женщинами, больными туберкулёзом, что было очень нелегко в те годы, когда не хватало самого необходимого. Одна из них была монахиня Магдалина, а другую звали, если не ошибаюсь, Пульхерией. В конце 50-х она ухаживала за Алексакеной, которая была больна раком. Там я много раз был свидетелем её жертвенного служения. Пожалуй, даже мать не заботилась бы так о своём любимом ребёнке, как она — об этих больных. Никогда на её лице не было заметно брезгливости, когда она промывала язвы и вытирала нечистоты голыми руками. Эта старица, хорошо знавшая жизнь, не брезговала «гадостью» — мокротами, отходившими у больных при отхаркивании; у неё не было комплексов старой девы. Она полностью отдавалась служению страждущему и никогда не выказывала своей

усталости. «Что же это будет, если мы перестанем заботиться о людях и вещах? Это будет предательством нашего призвания, да, к тому же, и неразумно. Слава Богу, — говорила она, — Христос дает мне силы».

Совершенство любви этой сестры было видно и в том, как она относилась к милостыне. У монахини, заведующей хозяйством монастыря, она каждую субботу брала две большие корзины, полные подарков, которые она раздавала в селе. Это служение подходило ей больше всего. Она умела подавать милостыню, никого не уязвляя и не унижая за бедность. Как-то раз сестра-эконом была чем-то утомлена и сказала ей:

— Всё, Лукия, хватит носиться с корзинами. У них уже всего хватает.

— О чём это ты, сестра? Ты это серьёзно, или это у тебя так, случайно вырвалось? Без раздачи милостыни мы не можем называться монастырём ни перед Богом, ни перед людьми. Милостыня больше не будет раздаваться? В таком случае я сию же минуту уйду из монастыря! Рай принадлежит милостивым.

Когда я находился рядом с ней во время её послушания, то чувствовал, насколько она серьёзно к нему относится. Какой бы трудной и большой ни была работа, мы доводили её до конца благодаря упорству и настойчивости старицы. Она была

настоящей ученицей православного монашеского предания и следовала правилу: «Монах есть постоянное понуждение своей природы».

Она во всём любила порядок и была лучшей хозяйкой в монастыре. Старец говорил: «Внешний беспорядок является выражением внутреннего».

Келья матушки Лукии была похожа на красивую и удобную комнату для приёма гостей, несмотря на то, что в ней хранились её запасы: с потолочных балок свисали связки лука и пучки чеснока, на полу стояли красиво покрашенные жестяные лейки, а в углу — мотыги и грабли, напоминавшие письменный прибор. Порядок придаёт красоту даже самому убогому жилищу и успокаивает его обитателей подобно Эгейскому морю во время штиля. У бабушки Лукии все вещи были расположены в образцовом порядке. Беспорядка в её келье не было никогда. Она очень хорошо знала значение пословицы: «Неубранный дом скоро запустеет».

— Если, брат, ты не будешь каждый раз класть всякую вещь на её место, то в твоей келье вскоре нагромоздится Вавилонская башня.

Впрочем, у этой замечательной женщины были и свои человеческие недостатки. В церкви она всегда становилась на своём месте и никого к нему не подпускала. Также она не любила, чтобы кто-то хозяйничал в её келье. Как-то раз одна молодая

монахиня зашла в её кладовую и попыталась вытянуть луковицу из связки. Она неловко потянула, и вся связка упала на пол, а луковицы покатались в разные стороны. Она поленилась наклониться и собрать их, хотя была молодой. Как только это увидела наша старушка, то сразу же начала плакать подобно праведному Авелю и пророку Иеремии о том, что — всё, пришёл конец киновии, что в ней теперь нет порядка и она превратилась в жилище скорпионов. Причитания начались в её келье, расположенной на месте, называемом Враста, затем переместились в монастырь (до которого было пятьдесят метров) и продолжались в нём всю ночь. Я потом её спросил:

— Зачем было так сокрушаться?

— Нынешние люди, дорогой мой Григорий, пока не увидят знамений и чудес, не поверят в то, что допустили ошибку, и ни за что в ней не признаются. Хотя ты прав: в той ситуации примешались и мои страсти, и мои расшатанные нервы.

Хозяйственный человек не может сидеть без дела: когда он уже не в силах строить замки и башни, то всё равно старается поддерживать созданное в должном порядке, как-то улучшать и расширять его. Лукии государство назначило пенсию. Прежде чем получить деньги на руки, она посоветовалась со старцем, на что их лучше

употребить. Больше всего она любила сад и огороды. «Там нужны подпорки для виноградной лозы, а там нужно вставить калитку, там нужно накрыть колодец, там дыра в заборе». Для себя Лукия не оставила ничего. Для этой старушки самой большой радостью была забота о саде, огородах и виноградниках. Любовь к своему месту и забота о нём — характерное качество добродетельных людей, а безразличие — развращённых. На последних сбывается слово Писания: «Проклята земля в делах твоих»¹⁵⁹.

Лукия, подобно нагруженному кораблю, успешно вошла в гавань Царства Небесного. В этом мире она странствовала около ста десяти лет. Где бы она ни находилась, какое бы добро ни находила, она всё приобретала для своего корабля. Не было такого добра, какого она не собрала бы в его трюме. Она быстро ушла от нас, и поэтому мы, дети, возившиеся возле неё, получили то, что успели, а большая часть её богатств оказалась для нас скрытой. Мне бы хотелось сравнить её с царицей, живущей в великолепном дворце, но сделать это мне мешает её прошлая жизнь в браке. Поэтому я лучше назову её верной служанкой и достойной труженицей на царских полях.

159 Быт. 3:17.

Антония, животновод киновии

Эти две монахини, Лукия и Антония, носившие имена святых, которым в монастыре Благовещения были посвящены часовни, были подобны благословенной паре животных, которые вспахивали монастырские поля и согревали своим горячим дыханием новорождённого Сына Марии; подобны той паре животных, посреди которых можно было узнать Христа. На них сбылись слова пророка: «Посреди двух животных Ты будешь узнан»¹⁶⁰.

Как мне не вспомнить об Антонии, которая ещё до зари и в праздники, и в будни, одевшись в старую одежду и обувшись в калоши, бежала на скотный двор? Она так любила свое послушание, что, когда добежала до стойла, лицо её сияло от счастья. Бегала она, как маленькая девочка: казалось, что она не идёт, а летит над землёй. Своё послушание она исполняла со всем усердием, безропотно, без вздохов и сокрушения при мысли о том, что, мол, другие в канцелярии, в швейной, в церкви, а я тут со скотиной. И так было не от случая к случаю, а всё время её жизни в монастыре.

¹⁶⁰ Авв. 3:2.

В свою очередь, и благословенные животные инстинктивно понимали её любовь и заботу о них и радовались её скромному присутствию. Когда я видел её, то всегда тихонько говорил: «Вот Кукузель, пасущий козлят на Афоне! Когда он пел в ущельях и лесах, те прекращали жевать траву и восхищённо слушали его». У неё был слабый голос, к тому же она заикалась, и этим напоминала Моисея, который тоже пас овец своего тестя Иофора. Дефекты речи появились у Антонии после встреч с дикими хищными зверями.

Я, бывало, расспрашивал её о порученном ей послушании, на что она мне отвечала: «Унизительные послушания помогают слабому человеку в покаянии, если, конечно, он считает себя грешником, а такие послушания — наиболее подходящими для себя, и если ему не приходит в голову мысль о том, что он предназначен для чего-то лучшего».

Антония оставалась на нижней ступеньке иерархической лестницы монастыря, но для нас, знавших её, она была выше самой этой лестницы. Она неприятно пахла навозом и птичьим помётом в этом мире, чтобы источать благоухание на небе.

Она, как и Лукия, происходила из потерянных и ныне оплакиваемых областей Малой Азии, где люди подобно Давиду славили Бога семь раз в день¹⁶¹, а Он непрестанно благословлял их до тех пор, пока их греховность не стала невыносимой; тогда на них пришёл гнев Божий, истребивший всё. Несчастливая и гонимая, она добралась до ближайшего острова — Коса. Там она не сидела, сложа руки и оплакивая свое горе. Недостаток образования не помешал ей начать на этом острове собственное дело. Её трудолюбие преодолело все

¹⁶¹ «Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей» (Пс. 118:164).

препятствия, и ей удалось организовать небольшой магазин, на доходы от которого она содержала не только себя, но и многих других несчастных беженцев.

Ежедневно она в своём доме накрывала стол для многочисленных гостей. Обычно жители островов во время еды закрывали дверь — по разным причинам: или для того, чтобы соседи и прохожие не увидели бедность трапезы, или из аскетических соображений («Как это мы, разумные люди, едим подобно бессловесным животным?») Поэтому они никогда не жевали на улице, чтобы не уподобляться жвачным животным.), или для того, чтобы в одиночестве расслабиться за столом. «Сядь, — часто говорили они, — поешь, как человек!» (Как видите, им совершенно не были знакомы современные буфеты, в которых люди едят стоя, прохаживаясь с едой и разговаривая с друзьями.) А может, и потому, что вид человека с набитым ртом — не лучшее из того, что стоит показывать другим. В любом случае, я не допускаю даже мысли о том, что они закрывали дверь для того, чтобы не делиться с прохожим, так как в любом доме неписаное правило гласило: «Первая тарелка — Христу». И если не было гостя, то они несли её какому-нибудь больному.

А Антония держала двери открытыми, чтобы всегда иметь возможность сказать голодному

прохожему: «Садись ко мне за стол». За свои деньги она кормила множество людей, лишившихся всего в те тяжёлые годы и оказавшихся на улице без всякого утешения.

Как-то в полдень, придя домой, она увидела, как трое молодых людей заходят внутрь и усаживаются за столом. А в тот раз у неё ничего ещё не было приготовлено. Она говорит им: «Садитесь, ребята, поедим то, что есть. Я сегодня ещё не готовила, но сейчас быстренько что-нибудь придумаю».

«После молитвы, — рассказывала она мне, — не успев прикоснуться к еде, они исчезли один за другим, и я осталась одна. Я тотчас вспомнила, что какие-то гостеприимные люди удостоились угощать Ангелов, как рассказывают это об Аврааме, патриархе еврейского народа. В своей душе я получила несомненное извещение о том, что это были не простые люди, а огненные Ангелы».

Позднее она поступила в недавно открытый монастырь старца Амфилохия, которого она знала ещё на острове, куда он приезжал в качестве окружного духовника. Монастырю она отдалась всей душой и сердцем. Она получила послушание заботиться о монастырских животных и исполняла его до самой смерти.

Бедный монастырь часто был вынужден посылать монахинь на окрестные острова за

необходимыми вещами, чтобы они там на них зарабатывали, а не выпрашивали. Естественно, что ближайший к Патмосу Самос, как плодороднейший из островов, был наиболее подходящим для таких командировок, особенно для сбора оливок и заготовки масла. Например, сестра Марика Алахузу работала на Самосе стоматологом, чтобы заработать на масло для монастыря, а сестра Антония трудилась на сборе оливок, получая зарплату не деньгами, а урожаем. Во время одной такой командировки произошла замечательная история. Её мне рассказала одна боголюбивая душа, слышавшая её от самой Антонии, и я излагаю её в том виде, в каком услышал.

В годы войны, когда люди на островах умирали от голода, наш любимый старец ежегодно посылал сестру Антонию на Самос на сезонную работу по сбору оливок. Вместо денег ей за работу давали оливки и масло. Она привозила их в монастырь, а старец практически всё щедро раздавал бедным, ежедневно приходившим к нему за помощью.

Как-то раз сестра Христодула с упрёком сказала ему:

— Батюшка, оставьте и нам немного масла и оливок, а не то мы умрём с голоду.

Но старец не согласился:

— Сестра, пусть лучше мы умрём, а другие

выживут. У Бога и для нас найдётся пища.

В один год, прежде чем поехать, как всегда, на Самос за оливками, сестра Антония пошла к старцу, чтобы поздороваться с ним и взять благословение на дорогу. Тот с отеческой любовью говорит ей:

— Поезжай, доченька, с благословением Божиим и Богородицы, но я хочу, а точнее, Сам Бог хочет, чтобы ты обязательно вернулась в монастырь накануне Рождества.

— Да будет благословенно, отче, — ответила сестра и отправилась.

Антония благополучно добралась до Самоса и с большим усердием приступила к работе. Каждый день ей давали корзину оливок и немного масла. Когда сбор оливок закончился, она собрала всё, что ей дали за работу, и приготовилась ехать, так как до Рождества оставалось всего два дня, а она по заповеди старца должна была вернуться в монастырь. В то время на островах ещё не было автомобилей, и если кому-нибудь нужно было добраться до гавани, то приходилось нанимать возницу с телегой, запряжённой лошастью. Сестра Антония вышла на дорогу, нашла единственного возницу в селе и сказала ему:

— Извините, Вы не могли бы отвезти меня в гавань? Мне нужно плыть на Патмос. У меня с собой вещи, но я заплачу Вам, сколько нужно.

Вместо ответа возница стал на неё кричать и

отвратительно ругаться (как позднее узнала сестра, он был коммунистом):

— Пошла вон! Я не хочу тебя видеть, тем более не хочу везти к пристани! — кричал он ей.

Сестра попыталась его успокоить:

— Ладно, ладно, не надо меня никуда везти, только успокойтесь.

Но тот так разошёлся, что она стала опасаться, как бы он не сделал с ней чего плохого.

Что было делать Антонии? Уже начинало смеркаться, и ей не оставалось ничего другого, как вернуться в хижину, в которой она жила, и закрыться в ней в большой печали, так как уже наступал канун Рождества, а она не смогла оказать послушание старцу.

«Я не так беспокоилась о себе, — говорила она мне, — как о том, что моё непослушание огорчит старца».

В своём домике она стала на колени и всю ночь со слезами молилась Архангелам, которые сейчас с нами¹⁶². Она их очень почитала. Молитва её была следующей: «Архангел Михаил, твои крылья большие и сильные, ты имеешь дерзновение

¹⁶² Главный храм монастыря Дохиар, в котором написана книга, освящён в честь святых Архангелов Михаила и Гавриила.

пред Богом! Найди для меня способ уехать отсюда, чтобы мой старец не огорчился, а заодно вразуми возницу, чтобы он не сделал мне ничего плохого». Так она со слезами молилась Архангелу всю ночь.

Что же устроил Бог? Когда возница пошёл домой и лёг спать, то увидел во сне сияющего юношу, который сказал ему:

— Почему ты не хочешь отвезти монахиню к пристани?

Тогда возница опять разгневался и сказал юноше:

— А ты кто такой, что посмел ворваться в мой дом так поздно, да ещё и приказываешь?!

Юноша ответил:

— Ты увидишь, кто я такой, если не сделаешь того, о чём говорю.

Возница закричал:

— Ты ещё и угрожаешь?!

И начал было вставать с кровати, чтобы ударить его.

— Остановись! — говорит ему юноша. — Я — Архангел Михаил, и потому могу тебе приказывать. Если ты сейчас же не отвезёшь монахиню к пристани, то завтра умрёшь. Я сам возьму из тебя твою душу.

Услышав это, возница в трепете вскочил, запряг лошадь в телегу, тотчас же пошёл к хижине, в которой жила сестра, и начал громко стучать в её

дверь. В это время сестра ещё стояла на молитве. Как только она услышала удары в дверь, то сразу поднялась с колен и побежала открывать, но, увидев возницу, перепугалась и попыталась закрыться. Он закричал ей:

— Неси скорее свои вещи! Неси свои вещи!

— Но что случилось, что ты пришёл в такое время?

Перепуганный возница сказал:

— Бери, говорю тебе, свои вещи; у меня нет ни малейшего желания снова с ним встречаться.

Наконец он их погрузил и говорит:

— Залезай и ты.

Сестра забралась на телегу. От страха сердце у неё ушло в пятки. По дороге возница говорит ей:

— Ты не скажешь мне, сестра, какие у тебя отношения с Архистратигом, что он пришёл ко мне ночью во сне и стал грозить? «Если ты не отвезёшь монахиню к пристани, — сказал он мне, — то завтра тебя не будет в живых». Я потому и везу тебя, что больше не хочу с ним связываться.

Услышав это, сестра, растроганная до глубины души, вознесла благодарность Богу, Богородице и Архистратигу, который помог ей уехать, чтобы она могла оказать послушание своему старцу.

Вознице она рассказала, что всю ночь молилась Архистратигу о помощи, а он в ответ на

молитву совершил это чудо.

Так сестре Антонии действительно удалось вернуться в монастырь в канун Рождества благодаря своему послушанию и чудесному вмешательству Архангела.

Антония, исполнившись днями и добрыми делами, отошла в вечные обители и теперь радуется там вместе с Ангелами и всеми преподобными женами. Конечно, у неё были и человеческие слабости. Поначалу она постоянно ковырялась в носу, что было неприятно для окружающих. Ещё, как кажется, она больше любила тех рабочих, которые были её земляками. В этом она дошла до того, что жаловалась на нас старцу. Мне по молодости это казалось чем-то плохим, так как из-за неопытности и невнимательности я допускал в работе много ошибок, но теперь я понимаю, что в очах Божиих это было скорее добродетелью. Да пребудут с нами её материнские молитвы и пример простоты и смирения.

Сладкогласная Христодула

Старец Амфилохий любил давать монахам короткие определения: человек самоотречения, человек молитвы, человек самопожертвования, — а о других: человек терпения, человек богослужения, самоукорения, смирения, чтения, любви.

Христодулу старец назвал человеком великого самопожертвования, и не ошибся. Она временно исполняла обязанности игуменьи в 50-х и в начале 60-х годов. Не думаю, что её приказы относились к сёстрам, скорее, к её собственным рукам и ногам, к её готовности послужить братьям и странникам.

Каждый день, видя, как она носится по монастырю, я недоумевал: «Сколько же у неё сил? Когда она устанет?» В недавно организованном монастыре Благовещения не было никаких удобств. Даже питьевую воду приходилось носить в кувшинах из источника Ай-Патрос, который находился в нескольких сотнях метров от монастыря. Выносливость Христодулы сегодня не с чем сравнить. Во время эпидемии гриппа, из-за которого все сёстры слегли, она сама начала всенощное бдение возгласом «Молитвами святых отец наших...»¹⁶³. Начала она около четырёх часов вечера, а закончила в четыре утра; читала и пела неспешно, не выказывая ни малейшей усталости. Заповедь старца должна была быть исполнена, хотя бы ради этого пришлось потрудиться и принести

¹⁶³ В женских монастырях, если сёстры служат вечерню и утреню без священника, священнические возгласы пропускаются или заменяются на «Молитвами святых отец наших...»

себя в жертву. На примере этой женщины я убедился в том, что иго Христово действительно благое и бремя Его не тяжкое. Я спросил у неё:

— До каких пределов монах должен оказывать послушание?

На это она мне ответила:

— До смерти, Григорий.

Она была родом с песчаных берегов Малой Азии и испытала в жизни много горя. Жизнь беженки, лишённой всякой защиты, была её обычным состоянием. Кажется, она была замужем более одного раза, но Бог, Который всем желает спастись¹⁶⁴, открыл для неё врата Своей милости в монастыре Благовещения. Она была нужна Ему именно там, и Он пользовался ею как прекрасным сосудом. Она была бесстрашной и подвижной, как немногие из женщин, и благодаря этим качествам оказалась незаменимой для недавно организованного монастыря, у которого было мало друзей и много врагов. Особенно тяжёлым был надзор владельца и его постоянный контроль: «Что вы строите? Зачем это вам? Где такие-то сёстры? Куда вы идёте?» Ведь когда хозяин чувствует, что приближается конец его царства, то становится особенно суровым и придирчивым.

¹⁶⁴ Ср. 1 Тим. 2:4.

Она пела, как Ангел. Не зная нотной грамоты, она прекрасно исполняла любое песнопение. Несмотря на то что она была родом из Малой Азии, у неё совершенно отсутствовала характерная помпезность анатолийской речи, так что её пение Господу было простым и необычайно приятным. Её замечательный голос придавал песнопениям особенное благозвучие, и все с удовольствием слушали их, как будто это были небесные мелодии.

«Какое это было гармоничное сочетание, когда старец Амфилохий служил, делая возгласы своим радостным голосом и с обычной для него бодростью, а на клиросе маленькая Христодула скромно и смиренно пела! Такое служение уносило тебя далеко в прошлое», — говорила одна чистая душа.

«В монастыре Благовещения хорошая молитвенная атмосфера: христиане стоят на литургии без мысли о том, когда она закончится», — говорил мой скромный преподаватель.

Создать такую подлинно молитвенную атмосферу богослужения — великое достижение для монаха. Это то, чего живущий в миру современный человек ищет и не находит. Монахиня Христодула приобрела этот дар благодаря своей скромности и искренности.

Эта монахиня была царицей порядка и вкуса.

Непонятно, как необразованная сельская девушка из Анатолии смогла достичь такой эстетической утонченности. Иные годами учатся дизайну, но так и не приобретают вкуса к настоящей красоте и не могут воплотить свои творческие замыслы, а Христодула благодаря одному лишь внутреннему чутью вдыхала в бездушные предметы жизнь, звучание и выразительность. Сделанное ею великопостное убранство храма побуждало к покаянию, сокрушению, примирению с Богом. Для храмового убранства на Пасху и любой другой праздник она находила свою меру, которой жаждет всякий уравновешенный человек и которая помогает ему заново пережить весь праздничный цикл. Благодаря её стараниям храм украшался должным образом, но без излишеств, смотреть на него было приятно и Богу, и людям. Такая перемена убранства, подобная смене времён года, создаёт прекрасную атмосферу для богослужения.

В 57-м году я спросил у одного православного француза:

— Почему ты оставил католицизм и стал православным?

Он ответил:

— Мне как-то пришлось присутствовать на отпевании моего православного друга в русской церкви в Париже, и, увидев великолепие этого храма, я невольно сравнил его с нашей церковной

бедностью. От этого моё сердце само стало склоняться к православию. С тех пор я ежедневно представляю себе собственное отпевание с кутьёй, свечами, ладаном и прекрасным пением. У католичества нет той непосредственности, которая так свойственна православию. Варёная пшеница символизирует умершего, который истлевет в земле, чтобы потом восстать; радостный свет свечей — свет Христов, а ладан — благоухание Святого Духа. Можно сказать, что к православию меня привела сухость католичества.

Эта необразованная монахиня помогла мне понять значение многих праздников. Она научила меня ежегодно с нетерпением ожидать их и всей душой участвовать в праздничном богослужении.

«Григорий, — говорила она мне, — какой сегодня прекрасный праздник всех преподобных отцов! Перед нами прошли все места их подвигов: Ливия, Фиваида, Египет, Сирия, Палестина, Каппадокия. А перечисление имён преподобных по алфавиту — какая это радость!¹⁶⁵»

Она научила меня богослужебному уставу, а

¹⁶⁵ Память всех преподобных, от века просиявших, совершается перед Великим постом в Сырную субботу. Их имена в алфавитном порядке перечисляются в каноне на утрени.

также тому, как в храме поддерживать порядок и украшать его в соответствии с тем или иным днём. Должному благолепию жертвенника и святой Трапезы я научился у неё. (Когда в 67-м году я оказался на Святой Горе, мне не понравилось то, как там украшают святую Трапезу: её «облачали во все священные одежды», как говорится о священнике, совершающем пасхальное богослужение.) Христодула с благоговением относилась не только к храму, но и к тому, что касалось монастырской гостиницы и трапезной, словно в них жили и ели не люди, а Ангелы. Как-то одному скромному клирику она принесла рыбу, предварительно почистив её. Я спросил у неё:

— К чему такое внимание?

— Чтобы ему было приятно.

— А это не слишком?

На это она мне ответила:

— Знаешь, любовь Христова тоже «избыточна». Для того чтобы Он всегда видел в тебе Своего ученика, ты должен показывать свою любовь на деле. Разве не слишком было, когда на Тайной Вечере Христос умыл ноги апостолам? Но Он это сделал, чтобы научить нас тому, что любовь не знает меры.

Сестра Христодула, бывшая моей учительницей во всём, научила меня и многому относящемуся к духовной жизни. Однажды утром

она вместе с другими сёстрами пришла в Кувари. Я тогда был чем-то озабочен, ходил хмурый, унылый, тоскливый, мне ничего не хотелось делать, в общем, я был не в духе. Она это заметила. Я сел на скамейку под кустом розмарина. Она подошла ко мне, и я услышал её слова, полные материнской любви: «Худшее, что может случиться с монахом, — утрата доверия к своему старцу. Старец для послушника — выразитель воли Божией. Он — краеугольный камень, на котором тот строит башню своей души. Но он также и скала, о которую разбивается эгоизм, своеволие и дурные желания послушника. Ты никогда не должен колебаться в своем доверии старцу. Он идёт перед тобою с фонарём и освещает тебе путь, которым когда-то прошёл Христос. Он укрощает твои мирские порывы. Он приводит тебя к Богу. Всё это я говорю тебе, потому что вижу, что ты как-то необычно уставший. Я буду молиться о тебе».

Спасибо тебе, матушка! Твои слова я тогда сложил в своём сердце и до сих пор их помню.

Но у моей доброй и прекрасной сестры были и человеческие недостатки. Она иногда позволяла себе плохо думать о некоторых людях, вещах и событиях. К тому же, то ли потому, что внушала к себе доверие, то ли потому, что сама поступала безупречно, она могла за глаза осуждать старцев — дело для братства смертоносное. Правда и то, что

она потом просила прощения, даже на коленях, но зло уже было совершено, и исправить его было невозможно. Не знаю, хорошо ли она осознавала этот свой недостаток, но окружающим он причинял вред. Когда она перед смертью слегла, я провёл много времени возле её кровати, и верю, что Бог принял её в Своё Царство очищенной. Её труды в служении людям и Богу склонили весы Его правосудия в сторону спасённых.

Говорят, что незаменимых людей не бывает. И я думаю, что в монастыре Благовещения не будет больше другой Христодулы — любящей труд, богослужение, красоту и людей. Она была необычайно предусмотрительной и всё делала вовремя. Я помню, как она готовила всё необходимое для погребения почивших сестёр. Всё было безупречно, она успевала позаботиться о каждой мелочи, так что не возникало никаких заминок. Подготовка к отпеванию, украшение гроба, свечи, епитрахили для священников — всё было готово. В нужный момент ничего не надо было искать. Даже лопата и написанная молитва «Земля еси, и в землю отыдеси» лежали готовыми возле могилы. Все не отвлекаясь участвовали в отпевании благодаря предусмотрительности Христодулы. Да хранят нас её молитвы!

Монахиня Феоктиста

Несмотря на то что она была родом из села Кравга¹⁶⁶ на острове Парос, она никогда не кричала и не повышала голоса. В монастыре она была подобна рыбе, о присутствии которой можно догадаться только по её движениям. Она говорила: «Если ты хочешь, чтобы у тебя было мало скорбей, то сам прими на себя одну: притворяйся глупым, слабоумным, чтобы другие считали тебя дурачком».

Она происходила из состоятельной многодетной семьи. Родилась она, должно быть, около 1915 года в монастыре Иоанна Богослова. Маленькая Мария росла под высокой колокольной. Это святое место было из тех, которые иерархия сдавала в аренду частным лицам, чтобы быть в состоянии платить налог на собственность. В её семье придерживались разных неписаных церковных преданий, впрочем, в то время это было свойственно каждой семье. Эти предания передавались из уст в уста и от поколения к поколению. В её семье говорили: «Стоит погаснуть лампаде перед иконой Иоанна Богослова, как он сразу же приходит нам на помощь». Святой апостол

¹⁶⁶ «Вопль».

действительно видел, когда его лампада угасала. «Когда в нашей стране предстоит случиться чему-то неприятному, икона святого апостола Иоанна за несколько дней до этого начинала стучать, предвещая этим непредвиденную беду». В трудные минуты Иоанн Богослов сам приходил к ним и оказывал помощь. Он несколько раз спасал от верной смерти членов её семьи и их соседей, и все они ежегодно в день его памяти выражали ему свою благодарность, устраивая общие трапезы. Таким образом, эта семья постоянно ощущала его живое присутствие в своей жизни.

Маленькая Мария благодаря влиянию своего духовника — игумена Филофея — начала всё более и более сознательно посвящать свою жизнь Христу. Она постоянно навещала своих тёток: монахинь Парфению и Анастасию, живших в монастыре преподобного Филофея, и ходила в женские монастыри в Дасосе и Фапсанах, где другие её родственницы также были монахинями. Она общалась только с богобоязненными людьми. Никогда нельзя было увидеть её в местах, где обычно собираются мирские люди. После смерти матери она оказалась загруженной многими тяжёлыми обязанностями. В течение нескольких лет я видел её всегда печальной и задумчивой. Однажды на праздник Иоанна Богослова в сентябре 1958 года что-то подтолкнуло меня поговорить с

ней. Она подошла к клиросу, чтобы поздороваться со мной.

— Тётя, а ты хочешь стать монахиней?

— Да, — ответила она мне с апостольской простотой.

— Хочешь, я отвезу тебя на Патмос?

— Да. Я приду, когда скажешь.

Я спросил разрешения у старца, и уже в ноябре моя тётя оказалась на Патмосе. А спустя десять дней старец объявил мне решение сестёр: «Из-за недостатка места мы не можем принимать к себе новых сестёр. Когда сюда прибудет корабль, плывущий в Пирей, зайди к нам, чтобы взять её и отвезти домой». Мне кажется, что сёстрам не понравилась высокая худощавая фигура моей тёти и её необразованность. От их вопроса «Что может делать в монастыре такая слабая и деликатная женщина?» моё сердце преисполнилось жалости к ней, эта жалость со мной до сих пор. Как я скажу ей: «Тётя, ты им не нужна, потому что они думают, будто ты ничего не сможешь сделать для их монастыря»? Впрочем, я должен был сказать ей только то, что ей там негде жить, и поэтому мы в четверг уезжаем. От этих слов лицо её побледнело, а в глазах появилось беспокойство ещё большее, чем у меня.

В церковную школу я вернулся весь в слезах. Я не знал, есть ли у неё деньги на билет. Пять дней

прошли в тяжёлой печали. Еле переставляя ноги, я шёл, чтобы взять рыбу из воды и выбросить её на сушу. Это было первое потрясение, которое я испытал со времени моего поступления в монастырь. Когда на корабль обрушиваются свирепые волны, он ищет убежища. А я даже не стал искать: какой смысл? Когда я в следующий раз пришёл в монастырь Благовещения, там всех угощали. Принесли угощение и мне, но у меня в сердце была такая боль, что я подумал: «Это что, плата за мои страдания? Они что, иродиады?» В этот момент моего искушения и растерянности я вдруг услышал голос старца, раздавшийся посреди собравшихся монахинь: «Это угощение, Манолис, устроено по поводу поступления твоей тётки в наш монастырь. Её слова глубоко меня тронули. Услышав их, я не мог не причислить её к сёстрам обители, и она входит в неё такой низкой дверью, через которую никто из нас ещё не проходил».

Тётя поняла, что если она не забудет о своём благородном происхождении, если не поползёт по земле и не будет есть прах, то не сможет стать монахиней. Она сказала старцу: «Я вижу, что у вас нет для меня места и что я попала в трудное положение. Позвольте мне предложить вот что: в монастыре есть очень большое помещение для коз, и если в его уголке я поставлю лежанку, то буду чувствовать себя царицей, пусть и не во дворце».

Так она на всю жизнь стала стяжательницей самой великой добродетели — смирения. Она забыла о своём аристократическом происхождении, о том, что её предки были хозяевами острова, а мать происходила из богатого рода Маламатисов. Гордо поднятые брови смиренно опустились. Всё, что прежде казалось преимуществом, в душе Марии обратилось в прах.

Спустя шесть месяцев она была пострижена с именем Феоктиста. Старец впервые ради неё сократил время послушнического искуса, тогда как иные ходили у него в послушниках до четырнадцати лет. Сразу после пострига её послали на остров Калигнос в небольшой монастырь Богородицы Милующей в селении Роцо к старице Нектарии. Этот период был не самым лучшим в жизни Феоктисты. Нектария была старицей властной, любящей командовать, да к тому же была наделена характерными чертами жителей этого острова. Она предлагала другому что-либо в таких словах, что тот не мог отказаться, а потом жала ему руку так сильно, что тот раскаивался в том, что оказался таким слабым и был вынужден принимать её благодеяния. А положение того, кто их принимал, становилось очень тяжёлым. Старания Феоктисты в Роцо не увенчались успехом, и она вернулась на Патмос. В монастыре у неё были послушания привратницы и экклисиарха, она также

вышивала золотом кресты на облачениях. Сёстры очень полюбили её как за молчание, так и за её тонкий юмор.

Бог попустил ей пройти через страшные испытания, чтобы всем было видно, сколько в ней чистого золота. Её ум всегда обращался к святому прощения — Дионисию, епископу Эгинскому. Когда мы вынуждены были оставить келью святого Иосифа после того, как нам официально объявили, что её не собираются считать монастырём, то долгое время сёстры обсуждали племянника Феоктисты. Гролом отдавались в её ушах их слова о том, что я оказался в неловком положении. Её сердце болело, голова шла кругом, но она ни разу не высказалась по этому поводу. Когда спустя много лет я навестил её, она мне сказала: «Удивительно, что я тогда не сошла с ума. Если бы не поддержка сестры Нектарии, то я точно стала бы сумасшедшей. Она была единственной, кто понимал меня и утешал. Даже каменный человек сломался бы, постоянно слыша гадости о своём племяннике, который к тому же привёл его к монашеству».

Я спросил, не было ли у неё мысли оставить монастырь.

— Такого мне никогда на ум не приходило. Я лишь вспоминала о старце Филофее и считала, что это испытание является наказанием за то, что я не

во всём его слушалась и не всегда поступала по его советам.

Она никогда не говорила о своём «плохом племяннике», чтобы никому не быть в тягость. Лишь в день памяти святого Григория, идя с кадилницей по храму в качестве экклесиарха, она подошла к одной сестре, любившей «этого бесчинника», и сказала ей: «Сегодня у Григория день Ангела. Ты о нём молишься?»

Она сказала это очень тихо, чтобы не дать повода торжеству бесов. Ужасным было то, что ей приходилось исповедоваться тому, кто поднял всю эту бурю, и причащаться из его рук. Её сердце построило себе внутреннее убежище, двери и окна которого никогда не отворялись. К сожалению, такое нередко случается в закрытых общинах. Те, кто в них любит молчание, становятся стенами, на которых держится купол всего братства.

Монахиня Феоктиста многие годы безропотно и молчаливо страдала от раковой опухоли, но никогда даже в мыслях она себя не жалела. О страданиях, причиняемых болезнью, Феоктисте говорить не хотелось. Я навестил её незадолго до её смерти. Она вела себя как всегда: серьёзно и рассудительно. Выражение её лица оставалось прежним: на нём лишь читалось предвидение разлуки с нами и ожидание встречи с новым творением, о котором она читала в книге

Откровения¹⁶⁷.

Покойся, Феоктиста, не на поросшем соснами монастырском кладбище, а в необъятном рае Божиим, который ты полюбила ещё ребёнком!

Монахиня Феодора — человек, жаждавший Бога

Душу, освобождённую от страстей, описать легче, чем опытному художнику нарисовать портрет. Порабощённый грехом человек подобен закрытой книге без закладок, в то время как подвижник — как открытая книга с подробным оглавлением, указывающим на каждую страницу его жизни. Так, когда я познакомился с монахиней Феодорой, лежавшей в больнице святого Саввы, и спросил её о том, как она стала монахиней, то она тотчас, не заботясь о том, что её могут услышать посторонние, открыла мне, монаху двадцати пяти лет, ту страницу своей жизни, на которой была записана история её молодости.

— Я всегда благодарю Бога за то, что на моей родине были монастыри и монахини, поэтому уже в детстве я знала, что пути к Царству Небесному

¹⁶⁷ «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21:1).

бывают разные: я могла вырасти и выйти замуж, или же стать монахиней. Монашеская ряса всегда казалась мне красивой и удобной. Каждую осень, брат Григорий, когда начинали идти первые дожди, у нас, сельских девушек, был обычай выходить на поля собирать съедобных улиток. Однажды я и моя сестричка вышли за ними после дождя к монастырю святой Екатерины. Там мы увидели монахинь, одетых в подрясники из мешковины, которые вышли на поле, чтобы перед посевом очистить его от камней, как это принято на Востоке. Вид монахинь растрогал меня, и я сказала: «Ах, сестричка, если бы и меня Бог сподобил носить такую одежду из мешковины, как у этих монахинь!» — «Вот дурочка! — ответила сестра. — Надо же, чего тебе захотелось: мешковины. Ничего не скажешь, знатная одежда!» То, что моей сестре показалось негодными тряпками, для меня было царской порфирой. Тело монаха должно быть одето в бедную одежду, чтобы его душа сошла с ветхого человека и облеклась в нового, созданного по образу Божию, как говорит Священное Писание¹⁶⁸. К сожалению, моей мечте не суждено было сбыться. Как только я стала монахиней, то сразу попала в детский дом на Родосе. Там мы

¹⁶⁸ Еф. 4:24.

должны были носить хорошую одежду для того, чтобы у нас был контакт с детьми и чтобы наш внешний вид не вызывал у них отторжения. Я шла по улице и стыдилась своей хорошей одежды. Я сменила свою «порфиру» — мешковину — на мирские лохмотья, чтобы у детей не возникало проблем при общении со мною. Тоска по мешковине никогда меня не покидала. Я ждала того момента, когда смогу вернуться в монастырь и одеться в свою любимую одежду. К сожалению, теперь, в больнице, я смогу в неё одеться лишь для собственных похорон и вернуться в свой монастырь уже прямо на кладбище.

— Ты, кажется, огорчена тем, что всегда была вдалеке от своего монастыря?

— Вовсе нет, отец Григорий, я к этому всегда относилась спокойно. Никто из людей не получил в этой жизни всего, о чём мечтал.

— Как ты думаешь, готова ты к тому, чтобы войти в Царство Небесное?

— Точно не готова, но радуюсь тому, что дни моей жизни сокращаются, и это избавляет меня от ошибок, которые я могла бы сделать.

— На боль ты не ропщешь?

— Совсем нет, только прошу Богородицу оставить рассудок, чтобы при кончине мне не лишиться ума, ведь моя болезнь началась с головы. Остальные члены тела пусть хоть в песок

превратятся, это уже не важно.

Так всё и вышло. Болезнь смолола её кости, как мельница пшеницу, но рассудок оставался здоровым до последней минуты.

В часы, когда сильная боль помрачала её сознание, сестра-сиделка в утешение говорила ей: «И у меня, сестра, тоже болит голова. Это от погоды».

Я видел, что этот обман совсем её не успокаивал. Тогда мне стало ясно, как нужно вести себя у кровати больного: не нужно брать историю его болезни, но постараться с любовью напомнить ему о лучших днях его жизни. А чтобы его развлечь, нужно стать шутом. Рядом с Феодорой я часто бывал балагуром, и таким хорошим, что она, смеясь моим шуткам, говорила: «Чтоб ты был здоров, отец Григорий! У меня прямо лёгкое порвалось от смеха. Когда ты придёшь в следующий раз, то садись с другой стороны».

Если в такие часы кто-то начнёт учить больного, то он этого не воспримет. Впрочем, я тогда был слишком молод, чтобы строить из себя учителя перед монахиней, которой было пятьдесят восемь лет. Часто она говорила мне: «Отец Григорий, я благодарна тебе за то, что ты даёшь мне понять, в каком состоянии я нахожусь, хоть прямо ты об этом никогда и не говоришь».

На Патмосе старец Амфилохий много беседовал с ней о том, что происходит с человеком после смерти. Его беседы напоминали письма святителя Григория Нисского к его сестре Макрине. Было настоящим удовольствием слушать, как старец описывал незримый рай: его описание было лучше, прекраснее и убедительнее, чем Моисеев рассказ о рае чувственном в начале книге Бытия. «Воспоминания о рае», — так бы я их назвал.

Возле Феодоры сёстры дежурили посменно. Часто она просила их отогнать чётками кого-то чёрного, приближавшегося к её кровати. Она почилла на следующий день после Рождества, когда празднуется собор Богородицы, а похоронена в день памяти первомученика Стефана. На её

надгробии я смело написал бы: «Монахиня Феодора из Калимноса, мученица и девственница».

Макария затворница

У нас привыкли считать, что Синаксарий¹⁶⁹ не вполне достоверно описывает события, что его составитель не стремился быть точным в своих рассказах, что его воображение и чувства летели в творческом полёте, как это бывает у тех, кто пишет романы. Но слово «синаксарий» не значит «роман», это книга, которая читается в собрании верных и которую они должны слушать с особенным благоговением. Синаксарий — это описание того, как Евангелие осуществлялось в жизни христиан, а не выдуманные рассказы, призванные тронуть читателя или слушателя. Конечно, он несёт на себе отпечаток личности автора, рассказ которого может быть сухим или изысканным, но он не повествует о несуществовавших людях и событиях. Разумеется, при его написании не обошлось без вдохновения, но ведь без него в мире не творилось ничего

¹⁶⁹ Общее название распространённых в Греции сборников житий святых всего года, обычно небольших по объёму. В монастырях эти жития читаются во время утрени и на трапезе. Слово «синаксарий» буквально означает «собрание».

великого. Так и я считаю, что прозвище «затворница», данное матушке Макарии, — не преувеличение, а совершенная истина.

Макария была родом из Додеканеса, кажется, с острова Сими. Много лет она жила по-монашески в своем доме, соблюдая все монашеские обеты за исключением обета послушания. Прошли годы с тех пор, как она прекратила есть мясную пищу. Жила она бедно, как настоящая подвижница. Когда она поступила в монастырь, на первой же трапезе ей было подано мясо¹⁷⁰. Едва заметив, что лежит у неё на тарелке, она резко встала.

— Я не стану есть мясо. Даже живя дома, я его не ела, неужели я стану есть его в монастыре? Да ни за что!

Я рассказал старцу о её стремлении к постничеству и о её протесте:

— Новая послушница отказывается есть мясо.

— Тогда скажите ей, чтобы она сегодня же ушла из монастыря.

Услышав это, послушница тут же принялась за еду: сначала за мясо, а потом и за макароны.

— Она пытается быть монахиней, — сказал

¹⁷⁰ В некоторых греческих монастырях, особенно там, где все братья или сёстры одеты в рясу, но не пострижены в мантию или схиму, на трапезе иногда предлагается мясо.

старец. — Оставьте её в киновии, пусть помогает.

Ей дали послушание на кухне. Она обладала сильным характером, решительностью и уверенностью в своих действиях: качествами, необходимыми на этом послушании. В те годы у повара в этом монастыре было три серьёзных трудности. Первая — топливо. Какой огонь могут дать куски дерева, выброшенные морем? Какой-то огонь появлялся лишь после того, как помещение наполнялось ужасным чадом. Вторая — особое питание для больных. Старец считал, что о больных Бог заботится особенно, и что монастырь обязан помогать им в несении креста. Монах, облегчающий страдания своего брата, уподобляется Симону Кириянину¹⁷¹. И третья трудность — радушное гостеприимство старца. Всем приходящим, знакомым и незнакомым, нужно было предложить трапезу. И постепенно две дополнительные тарелки превращались в четыре, а вскоре и в четырнадцать. Откуда было появиться этим непредвиденным порциям? В монастыре тогда не было ни холодильника, чтобы хранить продукты, ни примуса, чтобы приготовить что-нибудь на скорую руку. А Макария почти в одиночку в

¹⁷¹ Человек, упоминаемый в первых трёх Евангелиях, который помогал Христу нести Крест к месту казни.

течение многих лет несла всю тяжесть этого послушания.

Почти круглосуточная работа и болезнь ног отнимала у неё все силы и не позволяла ей быть на утренней молитве первой среди сестёр. Однажды на рассвете она позволила себе полениться больше допустимого и начала думать: «Вставать мне или не вставать? Посижу-ка я ещё немножко». Вдруг она видит, как в её келью заходят двое: какой-то старый монах, а с ним молодой мужчина. Старец сказал:

— А ну-ка, врач, осмотри эту монахиню, которая меня не чтит. Мы с тобой каждый день принимаем монахинь в своих домах, а эта почему-то всегда приходит последней.

Перепуганная, она начала кричать:

— Нет, нет, со мной всё в порядке! Я признаю свой грех и уже иду!

(В этом монастыре было два небольших храма: в честь Антония Великого и апостола Луки, в которых в течение года часто совершалось богослужение.)

С тех пор Макария никогда не пропускала службы. Более того, она приходила в церковь раньше всех, несмотря на больные ноги. Как-то я спросил её:

— Когда сильно устанешь, что предпочтительнее: исполнить келейное правило или быть на службе?

— Лучше всего, дорогой мой брат, исполнить и то, и другое. И правило, и службы равно необходимы для нашего духовного пути. Богослужение очень важно для нас, загруженных послушаниями и испытывающих недостаток

времени для чтения. Без него мы стали бы похожими на тех, кто пытается читать, не зная алфавита. Как мы можем понять без богослужения всё значение святых праздников? Отнять богослужение у монаха — всё равно, что выколоть ему глаза и сказать: «А теперь иди».

В 1969 году в монастырь поступило ещё несколько человек, и это доставило Макарии некоторое облегчение в её каторжном труде на кухне. Одним июльским вечером мы со старцем сидели в тени, которую отбрасывала башня. Прихрамывая, к нам подошла Макария.

— Батюшка, Вы не благословите мне сходить в монастырь Иоанна Богослова, о котором столько говорят?

— А как долго ты живёшь на Патмосе, сестра?

— Кажется, батюшка, я пришла сюда в 44-м.

— И тебе ни разу не пришло в голову сходить поклониться Иоанну Богослову и преподобному?! Видишь, брат, какое бесчувствие!

— Батюшка, я прихожу на кухню ночью, и ночью ухожу; откуда у меня взяться времени для паломничества?

— Ну а была ты хотя бы в пещере Откровения?

— Нет, батюшка.

У аммы Макарии затвором была не пещера или подвешенная бочка, о которых нам говорит

«История боголюбцев» блаженного Феодорита¹⁷², но маленькая и неудобная монастырская кухня. Её подвигом было постоянное стояние на ногах, терпение и непрестанная забота о том, чтобы гости, сёстры монастыря и больные всегда оставались довольны пищей.

«Судьба к повару очень жестока, — говорил дохиарский монах Феоктист. — Его труды незаметны, и от них ничего не остаётся. Уже на следующий день не видно и следа от его ночной работы. Пища превращается в испражнения, которые отправляются в нечистое место, куда зачастую мысленно посылают и повара».

Мне всегда приходит на память то, как Макария помогала больным, и как она старалась приготовить для них еду повкуснее. Она сама постоянно болела, и потому прекрасно знала, каково приходится человеку, находящемуся на диете.

Она почила полная сил, когда ей было почти восемьдесят лет. Я верю, что на том свете наша замечательная амма избавлена от адского пламени. Она столько натерпелась от жара вечно горящего очага, так пусть же там наслаждается прохладой,

¹⁷² Книга, описывающая жизнь сирийских подвижников IV–V вв.

которой ей здесь так не хватало.

У неё было лишь несколько недостатков: она легко обманывалась людьми, которым доверяла, составляла мнение, основываясь на слухах, и, к сожалению, это мнение часто касалось какой-нибудь сестры из её монастыря. Малограмотность облегчает её вину, а тот невидимый огонь, от которого она страдала, я думаю, всё это сжёг, и теперь её жительство — на небесах¹⁷³.

Добрая Агафия

Однажды Бог сподобил меня оказаться в селе, окружённом высокими скалистыми горами. Там мне довелось полюбоваться орлом, этой птицей, летающей в небесной выси. Наблюдая за ним, я вспомнил басню об орле и воробье, которая говорит о судьбе благодетелей и о том, какой бывает им благодарность. Я рассказал её своим немногим спутникам: «Однажды воробей сказал орлу: «Послушай, великая птица, взял бы ты меня на свои крылья и поднял бы повыше, чтобы мне с высоты полюбоваться на белый свет!» Орёл склонил свою голову и задумался. Воробей не унимался: «Разве

¹⁷³ Флп. 3:20.

ты не видишь, как низко я летаю? Моих сил хватает лишь на то, чтобы долететь до полей, деревьев и крыш». Царь птиц сжалился над маленьким воробьём. Он взял его на свои крылья и начал постепенно подниматься. И тут воробей вдруг осмелел. Он скатился со спины орла, сам полетел под небесным сводом и начал ругаться: «Ах ты, чёрный когтистый тупица!» Орёл унёсся ввысь, а наглая птица вскоре обессилела и упала в пропасть».

Эта история понравилась сопровождавшим меня священнику и учителю, последний даже подумал о том, чтобы предложить её детям как пример неблагодарности.

Я замолчал и, растянувшись на траве, любовался орлами. Свои гнёзда они свили на скалах и постоянно взлетали так высоко в небо, что невооружённым глазом их едва можно было разглядеть. Я дивился им, но никаких чётких мыслей у меня не появлялось. Так бывает и по отношению к человеку высокого духа: ему легко удивляться, но трудно описывать. О нём мало что можно сказать. Он поднимается настолько высоко, что для того, чтобы рассмотреть его, нужно самому оказаться на той же высоте.

Как-то в Кавсокаливском скиту¹⁷⁴ одного

¹⁷⁴ Один из афонских скитов.

старца посетили врач и иеромонах-святогорец.

— Отче, сколько лет ты живёшь в скиту?

— Шестьдесят пять.

— Здесь бывали хорошие отцы?

— Все здесь были более чем хорошие.

И опять тот же вопрос:

— Чем же они были хороши?

Гости искали добродетелей, отличавших отцов древности, чтобы получить пользу, как сами нам потом сказали. Старец понял, что они имели в виду, и ответил чисто вымытому иеромонаху:

— Они все не мылись.

Вот вам, высокие гости, добродетель, невыносимая для нашего времени.

О великих трудно как писать, так и читать. На них можно только смотреть. Такой была и монахиня Агафия из Афин. Морской ёж, это небольшое существо, почуяв шторм, не показывает ни глаз, ни рта, но собирает себе на спину водоросли, камешки и песок, чтобы его не унесло волнами. Так и маленькая Агафия собирала на спину своего ума предания и слова святых мужей, благодаря чему она осталась непоколебимой во время штормов в её киновии. Всё вокруг могло рушиться, монастырь мог гореть, подожжённый горящими стрелами искусителя, — она всё равно

оставалась спокойной.

— Скажи, сестра, ты испугаешься, если тебе закричат: «Мы горим»?

— Нет, Григорий, нисколько. Если огонь доберётся даже до моей рясы, я и тогда останусь спокойной.

Она всегда была мирной, так как была праведной. Если какая-то из сестёр смущала монастырь и при этом была уверена в своей правоте, то её могли осуждать все, только не Агафия. Она была человеком подлинной праведности и душевного мира. Поэтому, хотя природа и обделила её телесной красотой, но лицо у неё буквально сияло из-под чёрного платка. Выражение её лица было лучезарным, а взгляд видел ложь в душе обманщицы, словно в открытой книге. В таком случае она говорила прямо: «Сестра, ты солгала старцу».

Она могла сказать это даже старшим сёстрам.

— Григорий, эта сестра просто замечательная, но мы всё равно не должны обманывать старца и играть на его чувствах.

Как-то раз, поднимаясь на башню по ступенькам, Агафия оступилась, упала и сломала ногу. Все её жалели и сокрушались, но сама она оставалась спокойной:

— Если «всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то

как мы избежим его, вознерадев о толиком спасении?»¹⁷⁵

Впрочем, этим видимым вершинам святости предшествовало понуждение себя к послушанию вплоть до истощения последних сил слабого тела. Она была портнихой. Несмотря на сильную боль, причиняемую ей болезнью, она должна была шить всё необходимое для монастыря.

— Сестра, ты вся дрожишь, может, тебе лучше лечь?

— Нет, Григорий. Монашество есть понуждение своей природы. На вечер назначен постриг одной из сестёр, и к этому времени должна быть готова её ряса.

— Да ведь так ты себя загубишь!

— Понуждением и усталостью, брат, погуби свой покой, чтобы в тебе проснулись добродетели.

Когда на празднике святого Нектария она, будучи больной, сидела за столом, её стало трясти из-за того, что начался приступ. Она попросила меня:

— Когда трапеза закончится, пойди впереди и прикрой меня, чтобы старец не увидел.

— Тебе лучше прямо сейчас пойти и лечь.

— Нет, брат. Мы не должны доставлять

¹⁷⁵ Евр. 2:2–3.

беспокойство старцу ни телесными, ни душевными страданиями. Непрестанное понуждение себя, дорогой мой брат, — вот что отличает монахов.

Другим её подвигом было нестяжание. Не думаю, что у неё в келье было что-то такое, чего пожелала бы себе другая сестра. В своём кармане она носила лишь простой платок. С первых своих дней в монастыре она работала портнихой. Помимо монашеской одежды она шила и мирскую, чтобы этим что-то зарабатывать для своего бедного монастыря. Впрочем, когда в 1968 году я дал ей денег, чтобы она съездила к своему брату в Афины, то она их не узнала.

— Послушай, брат, я не разбираюсь в деньгах. С тех пор как я поступила в монастырь, сразу после оккупации, я их в руках не держала. Объясни-ка мне, где тут что, чтобы потом не возникло трудностей.

Быть может, моё сравнение её с орлом, парящим в высоте, покажется кому-то натяжкой, но его делал ещё учитель монашества — преподобный Иоанн Лествичник: «Нестяжательный монах подобен парящему орлу». Эта добродетель — одна из тех, которые легче всего приобретаются именно в киновии.

Один пустынный говорил мне: «Представь, отче, что я внезапно умру, а в моей келье найдут деньги. Какой это будет позор для монаха! Да избавит меня от этого Господь!»

В первые десятилетия после возникновения монашества для монаха считалось предосудительным иметь в своей келье светильник и есть из миски воду с солью: она считалась супом. А теперь... для братии настоящее горе, если на трапезе не будет сладостей, а также двойных или даже тройных порций еды. Мобильные телефоны и радиоприемники у монахов — характерная черта нашего времени, а всё остальное уже никому не нужно...

Ещё Агафия отличалась скромностью, этой царицей добродетелей. Она могла находиться

рядом с высоким гостем монастыря и прислуживать ему, не извлекая из этого для себя никакой выгоды. Бывало, что старец вечерами, прежде чем лечь спать, рассказывал мне о неприятных происшествиях дня. Даже ему, духовно великому человеку, хотелось иногда на кого-то опереться посреди волн бушующего житейского моря. Но об Агафию эти волны разбивались, и даже брызги от них не попадали на старца. Она ничего плохого никому не пересказывала, чтобы никого не смущать. О неё всё разбивалось и пропадало, как в бездонной пучине.

Она с любовью служила больным и обессиленным от старости, как мать, которая знает, что нужно её ребёнку, хотя тот ещё не умеет говорить. Его движения и выражение глаз для матери понятнее слов. Агафия была незаменимой не только для старца, но и для всего монастыря. Она умела незаметно смягчать сердца людей. Для всех её слова были подобны прохладной ночной росе в жаркое лето.

Она так прислуживала в храме, что лица её не было видно. Можно было различить лишь её маленькую руку и тихую поступь. Она никогда не нервничала, никогда не кричала, была быстрой, но не спешила. Её живую речь всегда приятно было слушать, хоть в ней не было ни шуток, ни пересказов последних новостей. Когда нас угощали,

то она сидела с такой детской простотой, что украшала собой стол. Мы думали: «Как среди нас оказалось это милое дитя?» Это были прекрасные минуты, отрывавшие нас от всего земного. Мы видели, как высоко летал этот орёл, и сами наполнялись небесными мыслями.

Она умела праздновать Рождество и Пасху по-настоящему: лицо ее становилось красивее и светлее, чем в другие дни года. К сожалению, многие мужчины и женщины в эти великие и святые дни начинают сводить старые счёты и этим сами себя лишают покоя и радости праздника.

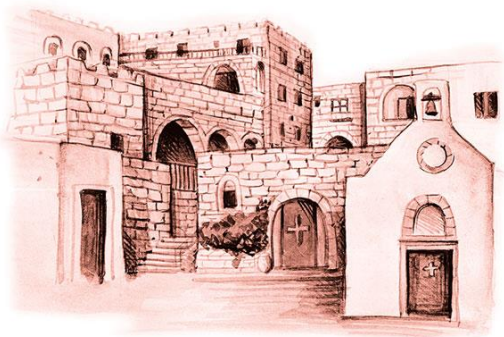
Часто она просила меня быть посредником, чтобы сообщить старцу о пожеланиях сестёр, и с улыбкой говорила: «И от нас, мух, бывает беспокойство».

В киновии у одной сестры спросили, какими ей кажутся сёстры монастыря Благовещения.

— Все они хорошие и замечательные, но лучше всех Агафия.

Старец пообещал ей: «Если я обрету дерзновение пред Богом, то тебя позову к себе первой».

Так и случилось. По настоянию игуменьи она начала собираться в Афины, чтобы показаться врачам. Но, чувствуя близость своей кончины, делала это очень медленно, чтобы успеть не в Афины, а на небо.

В этой благословенной киновии были и другие сёстры, которым пришлось размотать много бечёвки для того, чтобы их бумажный змей, а лучше сказать, орёл, взмыл высоко в небо. Одной из них была сестра Параскева, которую смело можно назвать златокрылой. Её чтение на службах было удивительным. Шестопсалмие, читавшееся Параскевой, переносило слушавших его на Страшный Суд. Надо было быть каменным, чтобы после такого чтения с радостью не запеть: «Бог — Господь, и явися нам...» Её монашеская жизнь была настолько строгой до последней мелочи, что сегодня мы можем использовать её как эталон для женского монашества: «Если ты живёшь, как Параскева, то милосердный Бог помилует и тебя». Эти жёны подвизались подобно мужам. Они совершенно забыли обо всех женских слабостях. Они, хромые, немощные и увечные, бежали в

Царство Божие так быстро, что можно было заметить лишь их исчезающие тени. Каким для нас было бы утешением, если бы и мужское монашество достигло их меры!

Да даст и нам Господь бодрость и дерзновение этих жён-мироносиц, чтобы ежедневно, ещё до рассвета, поклоняться живоносному гробу Христову в соборном храме нашего монастыря¹⁷⁶!

Монахиня Моника, духовная наставница Калимноса

Сестра Моника всегда носила на себе лучшее из ожерелий: рассудительность, молчание и неосуждение — бриллианты, сияющие ярче полуденного солнца. Впервые я увидел её в середине 50-х. Она приезжала на Патмос к старцу Амфилохию настолько часто, насколько ей позволяла старость, и праздновала с ним новую Пасху¹⁷⁷. В те годы монастырь Благовещения был

¹⁷⁶ Согласно византийским толкователям богослужения, во время литургии святая Трапеза символизирует гроб, в который было положено снятое с Креста тело Христа.

¹⁷⁷ В церковных песнопениях христианская Пасха

для нас новым Иерусалимом¹⁷⁸. Туда восходили племена, племена народа Господня¹⁷⁹ для празднования Пасхи, Господней Пасхи. Моника была высокого роста и очень полной. Когда она была на лечении в одной из афинских больниц, студенты, увидев её, спросили у её сына, профессора педиатрии: «И вы говорите, что Ваша мама никогда не ела отбивных?»

Она ходила в церковь Богородицы Благовестницы вместе с сестрой, которая зажигала лампы. Она в своей длинной черной одежде и платке, закрывавшем лицо, сидела в стасидии так тихо, что в полумраке казалось, будто там никого нет. Можно было подумать, что какая-то сестра оставила на сиденье свою рясю. Кто бы ни входил в храм и ни выходил из него, она не оборачивалась и не поднимала головы. Я спросил о ней:

— Эта старушка что, слепая и глухая?

— Нет, она отлично видит и слышит, просто она непрестанно молится.

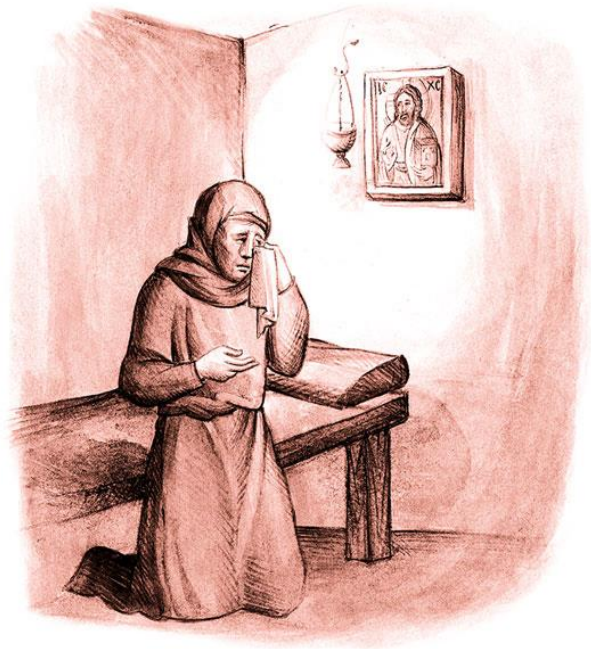
Она напоминала мне мать пророка Самуила,

называется новой, в отличие от Пасхи ветхозаветной.

¹⁷⁸ Образ грядущего Царства Божия в Откр. 21:2.

¹⁷⁹ Пс. 121:4.

пришедшую в храм помолиться, увидев которую сын священника Илия сказал своему отцу: «В храме стоит какая-то сумасшедшая».

Я сидел в стасидии напротив. Она шевелилась только тогда, когда вытирала своим белым платком постоянно набегавшие тихие слёзы. Я больше смотрел на матушку Монику, чем на иконостас. Когда она отвечала на вопросы старца, то говорила настолько рассудительно, что казалось, будто это

голос, звучащий из дали веков. Если бы она была мужчиной, то напомнила бы мне Ветхого днями¹⁸⁰. Её слова были ёмкими, как евангельские изречения.

Близко я с ней познакомился только в конце 60-х. Именно тогда я узнал её как человека слёз и сердечной молитвы, а также услышал историю её жизни.

Её муж Герасим Зервос всегда был папой как для детей, так и для супруги. Когда она говорила «наш папа», то я долгое время думал, что речь идёт о её отце, и лишь позднее понял, что так она называла своего мужа. Он работал в Индии на английских предприятиях, занимавшихся добычей драгоценных металлов. Во время очередного посещения родного дома он познакомился с Анной и был восхищён подлинной красотой её души. Вскоре он сделал ей предложение. Единственным препятствием к их браку она тогда считала свою болезнь сердца. Она говорила ему: «Я не смогу стоять прямо. Как совершится венчание?»

И она венчалась сидя. Затем она поехала с

¹⁸⁰ Образ Бога у пророка Даниила (Дан. 7:9). В иконографии так называется образ Христа, где подчёркивается Его предвечность. Автор имеет в виду именно такую икону.

мужем в Индию и родила ему пять детей. Спустя несколько лет они поселились в Афинах, наверное, для того, чтобы дать детям образование. Двое из них, Фани и Джон, умерли в юности во время эпидемии какой-то заразной болезни. Джон взошёл на небо ещё до того, как возмужал: ему было шестнадцать лет. К этому времени он уже пел на левом клиросе в церкви святого Георгия в районе Карици. Болезнь он переносил с терпением мученика. Его последние слова к своей святой матери были следующие: «Мне будет очень грустно, если ты будешь носить траур и плакать. Я видел Христа, и Он сказал мне: «Приходи скорее, Я жду тебя»».

Живя в Афинах, госпожа Анна принимала у себя не только простых людей, уставших от страданий, но и клириков. Так она познакомилась с отцом Саввой¹⁸¹ и вместе с мужем помогла ему обосноваться на Калимносе. Теперь преподобный Савва стал заступником этого острова и украшением всей восточной части Эгейского моря. Председатель братства «Зои» отец Серафим Папакостас был одним из самых частых её гостей. Её сын, педиатр, говорил ей: «Мама, к тебе

¹⁸¹ Преподобный Савва Калимнийский. Рассказ о нём см. на стр. 65.

приходит больше посетителей, чем ко мне».

Под подушкой у неё всегда лежали три книги: «Лествица» преподобного Иоанна, творения Нила Синайского и аввы Исаака Сирина. Она читала их и днём и ночью. Переводу она предпочитала оригинальный текст¹⁸².

— Для меня лучше прочесть одну страницу оригинала, чем десять страниц перевода с комментариями. В оригинале чувствуется дух святого отца. При переводе он как бы испаряется, а его место занимает дух переводчика.

С приходящими она всегда говорила от святых отцов: «Это говорит нам авва Иоанн, это — Нил, а это — Исаак». Никогда она не предлагала чего-то от себя, и благодаря этому никто не мог сказать ничего против её наставлений. Все уходили довольными после исповеди и такого святоотеческого наставления.

Она обладала поразительным терпением, с которым выслушивала людей, говоривших ей о своих искушениях, болезнях и скорбях. Её невестка приходила к ней каждое утро и наговаривала ей на

¹⁸² В Греции творения святых отцов обычно издаются на двух языках: древнегреческом (оригинал) и новогреческом (перевод). Перевод обычно сопровождается многочисленными комментариями.

её сына. Как-то раз после одного двухчасового непрерывного монолога она сказала ей: «Тебе нужно пойти приготовить обед: дети скоро вернутся из школы».

Я спросил у неё:

— Вам не обидно слушать то, что она говорит?

— Нет, вовсе нет. Я только скорблю о её душе.

Благодаря своему рассуждению она предлагала людям только то, что они были способны понести. Никто не уходил от неё ни перегруженным, ни порожним. Уста её были золотыми: от неё нельзя было услышать ни острот, ни гнилых слов, ни осуждения. Такие уста были у святых.

По свидетельству моей тёти — монахини Феоктисты, — и как я сам видел и могу засвидетельствовать, во время молитвы у неё из глаз постоянно текли слёзы.

— Откуда, Григорий, у неё было столько слёз? — спрашивала у меня моя тётя. — Какую бы службу мы ни совершали — вечерню, повечерие, утреню, часы — у неё всегда текли слёзы.

В умной молитве она достигла небесного состояния. Один монах по имени Антипа принёс ей однотомное издание Добротолюбия¹⁸³, которое она очень внимательно изучила.

Но и её муж Герасим в духовном отношении не отставал от «мамы» — своей супруги. Кажется, он очень рано начал общаться с духовными

¹⁸³ В Русской Церкви распространено пятитомное издание Добротолюбия (сборник творений святых отцов о подвижничестве) в переводе свт. Феофана Затворника, а в Греческой Церкви — одно- или двухтомное, составленное прп. Никодимом Святогорцем. Это издание было в своё время переведено на церковнославянский язык прп. Паисием Величковским.

людьми. Общение с ними доставило ему большую пользу и многому научило. Должно быть, именно он помог Анне преуспеть в её духовных упражнениях. В его доме на Калимносе была комната, все четыре стены которой были уставлены книгами. Эту комнату они называли священнической. Он говорил своим гостям: «Проходите, я покажу вам своё любимое хобби. Вот от этих книг я угощаю гостей сигарой¹⁸⁴, из этих выжимаю напитки, а из этих готовлю десерт».

Каждый вечер он ходил у причалов в поисках кого-нибудь, кто приехал на остров, но не смог устроиться на ночь. Найдя такого человека, он вёл его в свой дом и говорил Анне: «Я привёл Христа».

Если ему никто не попадался, то он возвращался печальный: «Сегодня, мама, день прошёл впустую».

В конце жизни он заболел раком. Он грыз деревянные стойки кровати, стараясь не показывать своей боли ни людям, ни Ангелам.

Его жена, овдовев, была пострижена старцем Амфилохием с именем Моника. Однажды я попросил у неё дать мне почитать книгу аввы Нила, но она сказала мне: «Когда я умру, то она будет

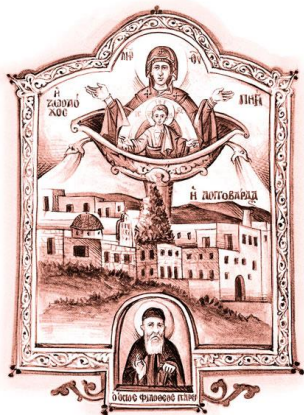
¹⁸⁴ В Греции до сих пор в качестве угощения гостям часто предлагают сигару.

твоей, а сейчас, прости, я не могу с ней расстаться: святой Нил меня утешает, Иоанн Лествичник назидает, а всё расставляет на свои места в моём сердце Исаак Сирин».

Дожив до девяноста лет и став слабой, как сухая тростинка, она умерла от сердечного приступа.

Я написал о ней то, чему сам был свидетелем и что осталось в моей памяти, понимая, что написанного совершенно недостаточно. Надеюсь, она простит меня за это. Да пребудут со мной её молитвы!

ПАРΟΣ — РОДИНА СВЯТЫХ

Надписи на рисунке на обороте:
Живоносный Источник Лонговарда
преподобный Филофей Парийский

Моя мать Лонговарда

А теперь давайте устремимся на быстрокрылом корабле с Патмоса на Парос. На этих небольших островах всегда были духовные отцы, которые утешали местных жителей и благодаря которым те не чувствовали себя сиротами. Было видно, что Бог любит их и никогда не лишает их Своей заботы. Я назвал обитель Лонговарда своей матерью и не считаю это неуместным преувеличением. Ведь мать не только вынашивает, рождает и вскармливает, но и заботится о своих малышах, которые в опасностях не могут ещё сами себя защитить. Для меня, едва научившегося ходить, Лонговарда стала вторым домом. С шести лет я стал посещать этот неприступный монастырь. Его «дремучие» монахи, сохранившие неповреждённым древний чин монашества, не открывали своих ворот современной культуре. От лампад в храме до еды на трапезе, от одежды до обхождения они были моими

учителями в монашеской жизни.

— Мама, я не буду этого носить, эта одежда слишком яркая. В монастыре такого не носят.

— Но ведь ты пока ещё не монах.

— Не волнуйся, мама, я обязательно им стану.

В этой школе подвизались и служили Богу замечательные мужи, отличавшиеся великим самопожертвованием, украшенные добродетелями самоукорения, воздержания, скромности, непрестанной молитвы и, что выше всего, смиренномудрием, которое выражалось в том, что они старались оставаться незаметными для мира. В этом монастыре на лицах монахов легко было заметить печать их глубокого покаяния. Они следовали завету апостола Иакова: «Не многие становитесь учителями»¹⁸⁵. В этой кинобии не было этой беды, когда монахи сами ищут себе слушателей. Ни один из них не заводил себе круга знакомых, чтобы омываться помоями похвал. У них даже пение и чтение в церкви было простым и безыскусным, чтобы бровь не поднималась выше того места, на котором её расположил Создатель¹⁸⁶. Эти старцы не допускали у себя

¹⁸⁵ Иак. 3:1.

¹⁸⁶ Высоко поднятая бровь — образ надменности и гордости в византийской литературе.

никакой манерности. Они считали её пробоиной ниже ватерлинии, которая привела бы их корабль к затоплению посреди бушующих волн тщеславия. Никакие благовония ими не допускались: они предпочитали им кислый запах немытого тела. В храме не допускалось даже природное благоухание цветов. Они опасались размягчиться от неосмотрительного осязания и боялись стать женоподобными от пристрастия к благовониям: они сочли бы это великим падением. Их одеждой была полинявшая чёрная ряса, которая и чёрной-то была не всегда. Она была пошита из грубой ткани, окрашенной в лучший из цветов лучшей в мире краской — листьями орехового дерева. Их загорелые лица, мозолистые руки со вздувшимися от работы венами, обувь в бесчисленных заплатках, пояса со следами ремонта — всё это заставляло других краснеть. Смотревший на это казался жалким самому себе. Хотелось бить себя в грудь, эту мастерскую всякого зла. Откуда в этом монастыре было взяться мягкой одежде, ухоженным рукам и заботливо причёсанным волосам?

Послушников воспитывал старец, поседевший в келье Архангелов. Раз в год он приводил их в монастырь на стрижку: как можно было распутать

волосы, свалывшиеся от пыли и пота? Над ними как бы совершали постриг прежде пострига.

— Теперь срежь волосы, и тебе не нужно будет ни расчёсывать их, ни мыть.

Всё это смиряло плоть, и её не тянуло к женскому полу. Монахи не позволяли блуждать своему взгляду и не смотрели людям в лицо. Другое мучение — постель: голые доски, давившие на бока. Где было найти покой? Некуда было повернуться, чтобы дать телу хоть немного отдыха.

В этой кузнице я встретил людей, которые оставили неизгладимый след в моей жизни. Я умолчу о старце-игумене, который просиял подобно яркой звезде не только в своей обители, но и во всём христианском мире¹⁸⁷, и займусь описанием его подчинённых. Начну я с эконома — отца Дамиана, третьего в монастыре по занимаемому положению.

Учитель терпения

Отец Дамиан был родом из Триполи¹⁸⁸. Он окончил какое-то торговое училище, отслужил в

¹⁸⁷ Имеется в виду прп. Филофей (Зервакос).

¹⁸⁸ Главный город области Аркадия на Пелопоннесе.

армии и уехал в Америку, «страну счастья». Там у его братьев был свой ресторанчик, в который заходили многие греки, в основном беженцы, бывали там также уроженцы Понта и Малой Азии. Разговоры у посетителей всегда были о церквях, о приходских традициях, о священниках, монастырях и их храмовых праздниках.

— В этот день мама не давала нам пищи с маслом, а бабушка вообще ничего не ела.

— Ну да, ведь с сегодняшнего дня начинает петься «Господи Сил, с нами буди»¹⁸⁹. У нас на родине супруги на это время разлучались и спали в разных комнатах, чтобы больше молиться.

А книг о святых в их магазине было так же много, как карт в казино.

— Ты читал это? Замечательная книга. Почитай, не пожалеешь.

Книга «Грешных спасение» была у них на первом месте: в Америке она глубоко трогала сердца, в то время как в Греции была предана забвению как написанная только для монахов, вместе с другими книгами, на которых был воспитан некогда порабощённый греческий народ.

¹⁸⁹ Речь идёт о начале Великого поста. «Господи Сил, с нами буди» — песнопение великого повечерия, которое начинает служить с первого дня поста.

Кому нам теперь её предлагать? Нас тут же обвинят: «Вы, монахи, хотите завлечь наших детей в ваши монастыри. Не бывать этому! Живите себе в монастырях, но подальше от других христиан, и тогда вас будут любить».

Юный Костопулос впитывал беседы посетителей с такой жадностью, с какой слепые котята подставляют свои мордочки солнцу, чтобы оно открыло их глаза. Но то, что до глубины потрясло его душу, было внимательное чтение книги «Грешных спасение». Целый месяц он читал её ночами в своей комнате. Она буквально пропиталась его слезами.

— Братья, я благодарен вам за то, что вы пригласили меня потрудиться с вами, но теперь я возвращаюсь в Грецию, чтобы стать монахом.

Тогда слово «монах» стало его братьям поперёк горла, впрочем, это случается и сегодня, как, наверное, и всегда.

— Дурачок, куда ты пойдёшь? В Америке безопасно, ведь она для бедняков — как родная мать. Ты что, забыл, с каким усердием мы у себя на родине сажали кукурузу, и почти ничего не выросло? Здесь можно жить в своё удовольствие, а в Греции что? Страдания и муки. Да и турки всё время ждут удобного времени, чтобы напасть.

— Нет, решено. Я возвращаюсь.

— Вот это ты читал по ночам?

Старший брат оторвался от разговора с клиентами и подошёл, неся подмышкой монашеские книги. Он схватил «Грешных спасение» и швырнул на улицу.

— Проклятые книги! Это вы съели моего брата и утащили его в монастырь!

Эти слова возмутили одного старика из Смирны.

— На этот путь, парень, ничто другое и не может увлечь. У твоего брата не блажь, а призвание от Бога. Не поноси это призвание, чтобы тебе не оказаться богоборцем. Мы слишком ничтожны, чтобы противиться Богу.

Суровый брат смягчился и на следующий день сам купил билет в Грецию для ненормального юноши.

Спустя месяц тот спустился с трапа парохода в Пирее. Там он увидел двух людей, одетых в рясу, камилавки которых говорили о том, что они монахи¹⁹⁰.

— Отцы, отцы, постойте!

У него был багаж с вещами из Америки, которыми знакомые нагрузили его для передачи

¹⁹⁰ Камилавки — головной убор духовенства в виде невысокой цилиндрической шапочки. У монахов они отличаются отсутствием бортика по верхнему краю.

своим родным, и он не давал ему быстро идти.

— Я приехал из Америки. Вы возьмёте меня с собой в монастырь?

— Хорошо, иди за нами.

— Первое, что я заметил, — рассказывал потом отец Дамиан, — было то, что все люди с любопытством смотрели на лица других и на витрины магазинов, а отцы мимо всего этого проходили, не обращая внимания. Я не успевал за ними, мне приходилось бежать. С тех пор и поныне мне кажется, что я всё бегу, чтобы угнаться за монашеским идеалом.

— Откуда ты родом, парень?

— Из Триполи.

— Мы тоже из Триполи, а живём в монастыре Лонговарда на Паросе.

— Куда бы вы ни пошли, я пойду с вами.

Корабль медленно повёз нас, и утром мы уже были на Паросе. Сперва мы зашли поклониться иконе Богородицы в Катаполианский монастырь, затем вприпрыжку в обитель Живоносного Источника. Это было суровое испытание. Мы ни разу не отдохнули, а я не успевал бежать за отцами.

Игумен Иерофей поручил ему послушания эконома и казначея. Он их исполнял и при игумене Филофее Зервакосе до самой его смерти, а в 80-х годах он стал преемником старца Филофея на посту игумена. Как-то я спросил у него:

— Как поживаешь, отец игумен?

На что он ответил:

— И не спрашивай. Ну какой из меня игумен?

Он был кротким, спокойным и умиротворяющим. Никогда ни о ком он не говорил плохого, кроме тех случаев, когда ему по должности приходилось на кого-то прикрикнуть. Как он сам признавался мне, это удавалось ему только благодаря молитве и терпению. Когда он ходил по мощёному двору монастыря, поднимался и спускался по лестницам, то можно было услышать, как он всё время повторяет: «Терпение, терпение».

— Отец Дамиан, почему ты постоянно это повторяешь?

— Чтобы не забыть. Терпение спасает меня от множества дурных вещей: благодаря ему я не спешу составлять суждения и принимать решения; таким образом, оно помогает мне не допустить несправедливости по отношению к брату.

Для братии он был как мать. Когда кого-то уязвляло чьё-то замечание или порицание, то он прибегал к отцу Дамиану.

— Не печалься. Пойдём, попьём кофе с лукумом. Ты знаешь, монашество требует от нас большого терпения.

Он мог успокоить сердце послушника одним лишь ласковым прикосновением, ни на кого не

возлагая вины за случившееся.

— Все хорошие. Христос с нами. Все мы стучимся в райские врата, и Бог никого не отвергает. Молчанием мы посрамляем дьявола.

Когда какой-нибудь любопытный брат приходил к нему в келью с обычными разговорами:

— Ты слышал новости, отец Дамиан?

— Какие? Что хорошего случилось?

— Да нет, новости плохие.

— Тогда иди, иди, не надо говорить.

Он не хотел слышать никакого осуждения. Все для него были хорошими и замечательными. Во время исповеди он не хотел выслушивать обычные супружеские жалобы: «Он мне сказал, а я ему сказала...».

— Ладно, хватит. Давай я прочитаю разрешительную молитву. Всякое бывает, не стоит это обсуждать. Когда есть терпение, этот корень всех благ, тогда проблем не возникает. Терпение, дорогая моя, наводит мосты и не через такие пропасти. Разве ты не слышала, что Богородица называется мостом¹⁹¹, так как благодаря терпению у Неё было и смирение — самая высокая из

¹⁹¹ В стихире Благовещения: «Радуйся, мосте, к небесем преводяй, и лествица высокая, юже Иаков виде».

добродетелей. У нас есть и святая Ипомони¹⁹², молись ей, чтобы у тебя прибавилось сил терпеть. Христос сказал: «Претерпевший до конца спасётся»¹⁹³. Твой муж, уставший после работы, может сгоряча сказать тебе что-то обидное. Разве ты должна ему отвечать тем же? На терпении святых держится мир, а на терпении жены — дом.

Мы можем назвать отца Дамиана человеком терпения, который учил ему и словом, и делом. Его терпение в монастыре было таким, что отражало любое нападение искусителя. Весь остров знал о том, что говорит о терпении отец Дамиан, люди часто говорили друг другу: «Терпение, мой дорогой, как говорит отец Дамиан. Разве ты слышал другое Евангелие?» Его учение очень не нравилось старухам, которые постоянно жаловались на своего пожилого духовника, стараясь оправдать себя, но отец Дамиан требовал от людей добродетелей, а не оправданий и заявлений о своих правах. Миряне могли приводить тысячу резонов своей правоты, но отцу Дамиану всё это было не нужно.

«Оставь это, — говорил он, — и подчинись терпению. Оно может уврачевать раны, нанесённые

¹⁹² Это имя значит «терпение».

¹⁹³ Мф. 10:22.

даже самой невыносимой несправедливостью. Настаивание на своих правах лишь накаляет страсти, возбуждает ненависть и памятозлобие. Не становись орудием в руках искусителя. Требование своих прав разделяет людей. Еще в Законе Моисея были введены правовые отношения между людьми, а также равенство всех перед Законом, но для людей это была непосильная ноша, и потому пришёл Христос, заповедавший любовь и прощение. Твой обидчик такой же человек, как и ты. Прости его, не пытайся взвесить вину и измерить ответственность, потому что к себе ты всё равно не будешь так же строг, как к нему. Лучше прими ответственность на себя, скажи: «Это я виноват», — и тогда желание сравнивать себя с другими отпадёт у тебя само собой. «Если Бог будет судить нас по справедливости, то никто не спасётся», — говорит авва Варсануфий».

На нём лежала обязанность раздавать монастырскую милостыню, вся она проходила через его руки. День её раздачи был для него самым радостным днём в неделе. К бедным его руки были божественно щедры. Он прятал металлические деньги в мешочки с бобами и, улыбаясь, говорил: «Вот бабушки обрадуются, когда опустошат их!»

Думаю, что это доставляло больше радости ему, чем тем, кто находил сюрприз.

Когда он совершал богослужение, в

монастыре ли, в миру ли, глаза его почти всегда были закрыты. Казалось, будто мир Литургии принадлежал ему одному, что он черпал из него радость и наслаждение. Он напоминал любителя выпить, который, глотнув из стакана, закрывает глаза, чтобы получить от напитка побольше удовольствия. Воздержание зрения во время выходов в мир было свойственно всем монахам Лонговарды, но отец Дамиан превосходил в этом всех. Он хорошо усвоил изречение: «Смерть в душу входит через её окна». У него не было ни особенно хорошего голоса, ни музыкальности, но когда он пел и воздевал руки, то это было действительно «прилежное моление»¹⁹⁴. Все любили его простые Литургии и старались на них попасть. Его возгласы, исходившие из глубины сердца, радовали и Бога, и людей. Его облачения всегда были простыми, сшитыми из самых дешёвых тканей. У себя на островах мы из таких тканей делали накидки на диваны, но он любовался ими, как ребёнок новыми сандаличками. Можно было услышать, как старухи говорили: «Сегодня отец Дамиан не мог нарадоваться этому стёганому одеялу, которое он на себя надел».

¹⁹⁴ Так в Служебнике называется сугубая ектения на литургии.

На примере отца Дамиана легко можно было понять, что значит относиться к священнику с благоговением, а не с человекоугодием. Впрочем, когда люди могли его видеть, чтобы оказывать знаки почтения? Одно имя его освящало и благословляло их, где бы они ни находились.

Он хорошо знал жизнь. В монастыре кроме богослужений были ещё и послушания. Он не хотел слишком затягивать службы, чтобы они не были в тягость тем из братии, у которых были трудные послушания. Он говорил: «Ну, хорошо, у нас и работы хватает: надо ещё приготовить еду и позаботиться о животных, которые проголодались и ждут от нас милости».

Для него было совершенно неприемлемо, чтобы монастыри жили за счёт трудов и приношений бедных людей.

— Мы сами должны заботиться о нашей скотине. У людей в миру и без того хватает обязанностей. Не годится нам выпрашивать у них что-то ни прямо, ни намёками. Если у них большие доходы, то пусть радуются и тратят их на свою семью. Если у них есть избытки, то пусть тратят их на что хотят, а если они умеют подавать милостыню, то это ещё лучше.

Как эконом он требовал от каждого монаха, чтобы порученное ему послушание приносило свои плоды. Он умел отправить на работу даже самого

строптивного: он начинал с шуток, а если те не помогали, то заканчивал строгими приказаниями.

Отец Дамиан был необычайно бережливым человеком. За шестьдесят лет, в течение которых он был экономом, суточный паёк монаха не изменился. Он хотел, чтобы все в монастыре были так же бережливы. Ему было досадно, когда портилось монастырское имущество. Он говорил: «Расточительность Богу не угодна».

Водой, оставшейся после мытья ног, он до глубокой старости мыл каменную монастырскую лестницу, ползая по её ступеням на коленях: ему не хотелось, чтобы вода пропадала.

Достоинно внимания и то, что отец Дамиан, прожив на Паросе больше шестидесяти пяти лет, всего дважды покидал его. Оба раза он ездил на ближайший к Паросу остров Наксос для лечения зубов. Он никогда не выражал желания поехать в свой родной город или навестить родных в Афинах. Эти добродетели встречаются у современных монахов всё реже, которые, оправдываясь тем, что они «тоже люди», устремляются в мир с таким рвением, будто они евреи, уходящие из Египта. Монастырь им кажется тюрьмой, и они под любым предлогом стараются выйти из него.

Всякий, кто оказывался рядом с отцом Дамианом, непременно что-то перенимал от его прекрасного бесхитростного характера. Внешность

этого священника, несмотря на пожилой возраст, была удивительно выразительной. Один вид его лица доставлял духовное наслаждение. Я всегда старался сидеть напротив него, чтобы созерцать сияние святости на его старческом лице. За год до его смерти я у него спросил:

— Отче, как ты жил раньше?

— Очень хорошо.

— А теперь?

— Просто замечательно.

— Ну а дальше?

— Дальше будет ещё лучше.

— Рай?

— Он весь наш.

Заметьте: не уголок рая и не место у его врат. Он *весь* наш! Старец сказал это с такой убеждённости, что меня тогда охватил страх.

Когда открывали его останки, то кости оказались янтарного цвета¹⁹⁵; у находившихся рядом было ощущение, что это кости преподобного. Пусть он теперь в раю молится о нас и о своём монастыре, для которого столько трудился от юности до смерти. Аминь.

¹⁹⁵ На Афоне янтарный цвет костей считается признаком святости почившего.

Иерофей небошественник

Отец Иерофей был родом с острова Сирос, который находился под духовным влиянием монастыря Лонговарда. Сирос находится на пересечении морских путей Архипелага, и потому довольно часто посещался монахами. Многие благочестивые семьи, такие как семья Малатеста, принимали их у себя и внимательно слушали то, о чем они говорили. Один из колливадов¹⁹⁶ — преподобный Афанасий Парийский — всегда соединял свои беседы с Таинством исповеди. Среди жителей острова была замечательная ученица этих монахов — Парамани, мать отца Иерофея. Эта святая мать родила ребёнка, чтобы посвятить его жизнь монастырю Живоносного Источника на Паросе. Учение святых колливадов дитя впитало с её молоком, она постоянно говорила ему о Паросе как о месте его дальнейшей жизни: «Там ты найдёшь покой, сынок. Там находится спокойная пристань — Лонговарда. Её отцы приведут тебя к небу».

Когда Иерофей вырос, его взяли в армию.

¹⁹⁶ О колливадах см. прим. на стр. 239.

Службу он проходил в Каламате¹⁹⁷. Митрополит Каламаты, заметив благородство его души, захотел удержать его у себя. Юноша уже был готов поддаться на уговоры владыки, но его мать была категорически против. Она его буквально выкрала, привезла на Парос, открыла монастырские ворота, втокнула его внутрь, захлопнула дверь и вернулась к себе на Сирос. В конце своей жизни она тоже постриглась в монахини и умерла смертью святых, по свидетельству бывших рядом с ней.

Отец Иерофей был монахом строгой жизни и великого подвига. Говорил он мало, но слова его были полны благодати. Он достиг такого совершенства в умной молитве, какого в то время достигали немногие. Он очень хорошо знал этот способ общения с Богом и был в состоянии помочь молодым монахам научиться ему. Простота и доходчивость его слов во время исповеди многих привела к покаянию. Он был очень серьёзен и не позволял себе ни слушать, ни говорить чего-либо пустого. Он рассказывал только о тех святых, которые были прославлены Церковью, а современные сентиментальные книжки о «подвижниках» считал сказками, не стоящими внимания людей, живущих духовной жизнью. Он

¹⁹⁷ Город на Пелопоннесе.

говорил: «И у мух есть сало, да только оно никуда не годится».

Исповедью он очень помогал молодым монахам. Он был убеждён, что некоторые грехи выходят из нас только после молитвы и какого-нибудь подвига. Человек сам не в силах искоренить свои страсти без содействия благодати Божией. Поэтому людям, которые не надеялись на благодатную помощь свыше, он говорил: «То, что в тебе спрятано, не может выйти наружу».

Если кто-то действительно хотел почтить его, то должен был исповедаться ему со всей откровенностью.

Отец Иерофей поднял духовный уровень монастыря Лонговарда даже выше, чем это сделал старец Филофей. В его ведении находилась внутренняя жизнь обители. Молодых он удерживал в духовном бодрствовании, и в наблюдении за ними его око не смыкалось ни на мгновение. Он не допускал, чтобы молодой монах оставался в своей келье долгое время: «Потрудись в молодости, ежедневно прилагай труды к трудам, чтобы в старости иметь покой».

Пока у него была возможность управлять внутренней жизнью монастыря, тот процветал, а когда он прекратил это делать, то обитель утратила своё прежнее величие. Следы, оставленные отцом Иерофеем, отчётливо видны повсюду: и во внешней

деятельности монастыря, и в духовной. Его мужественный характер всему давал дыхание и жизнь. Он избегал случайных разговоров с мирскими людьми. Его немногих бесед с ними оказалось достаточно, чтобы наладить отношения между монастырём и миром. Любимым предметом разговоров были для него монахи и монастыри.

На богослужении он всегда стоял прямо, как корабль посреди вод. Когда он кадил, громыхая звонцами кадила, то лицо его терялось среди клубов дыма ладана, которого он не жалел (в то время как отец Дамиан предпочитал каждение бесшумное и почти бездымное). Голос у него был совершенно немелодичным: он был подобен шуму великих вод и будил любителей подремать на службе.

Трудился он постоянно и неутомимо. Однажды во время одного из моих посещений

монастыря я услышал молитву, звучащую как будто из бочки. Я посмотрел кругом и увидел, что старец наклонил огромную бочку для вина, забрался в неё и скоблил стенки.

— Отец Иерофей, ты что, до сих пор работаешь?

— Молю Бога дать мне здоровья, чтобы я мог работать, а у младшей братии благодаря этому оставалось бы больше времени для чтения и молитвы.

Незаметно для других он трудился также для двух женских монастырей Пароса. Во все великие праздники он служил в монастыре Дасос с большим вниманием и чувством ответственности. Помогал он также на строительных работах в Фапсанском монастыре. Несмотря на свой возраст, он работал лопатой и мастерком энергичнее других рабочих. Но когда он увидел, что женские монастыри начали удаляться от монашеского предания, то стал называть их «туристическими лаврами». Как-то ему показали фотографии из женского монастыря, на которых было большое Распятие, украшенное камешками и цветочками. Увидев их, старец сказал: «Эти несчастные до сих пор не отреклись от мира».

А песен, которые пели монахини¹⁹⁸, он и

¹⁹⁸ В греческих монастырях довольно распространён своеобразный фольклор, называемый (монашеские песни).

вовсе не желал слышать. Он настаивал на том, что монашество — это такое внутреннее состояние и внешний порядок, которые соответствуют мужской природе. Ему хотелось, чтобы монашество оставалось древним и традиционным.

В последние годы жизни от многих трудов у него начали дрожать руки, но и тогда он старался хоть что-то ими делать. Он не умел быть сладеньким, и поэтому изнеженные люди называли его суровым и жестоким. Но, несмотря на то, что после его кончины прошло уже много лет, на монастыре до сих пор лежит неизгладимая печать его трудов.

Жизнь в Лонговарде сурова: там не до шуток. В вино аскезы там не доливают водичку, но всегда пьют его неразбавленным.

Иеромонах-крестьянин

Подушкой для отца Илии были шалфей и чабрец, а одеялом — фисташковые деревья и кусты можжевельника. Он сеял, жал и молотил, копал землю, сажал деревья, обрезал ветви и собирал виноград, пас овец, доил их и делал из их молока сыр, чтобы у монастыря были хлеб и вино, маслины и оливковое масло, молоко и сыр. Этот маленький

ростом монах, как и все другие монахи-земледельцы, в буквальном смысле оставил свою плоть и кости на принадлежащих монастырю горных склонах. Те из соседей монастыря, которые не отличались благочестием, часто с завистью говорили: «Богат монастырь», — но не замечали того, благодаря чему он был богат. Монахи один рядом с другим возделывали каменистую почву острова. Такая земля может приносить урожай, но для этого с ней нужно много чего сделать, а часто, несмотря на все усилия, она даёт намного меньше, чем получает. Земледелец — это человек, всегда живущий надеждой.

Как-то раз я зашёл в келью к отцу Илию.

— Батюшка, у вас вся келья почернела. Её бы побелить.

— Я, сынок, не знаю, какого она цвета: двадцать лет я возвращаюсь в неё ночью и ночью выхожу.

Одним летом мы праздновали Преображение в домово́й церкви семьи Драгаци. На обратном пути он увидел, что каменная стена, ограждающая монастырское поле, в одном месте обвалилась. Он сказал мне: «Бери священные сосуды, садись на мула и отправляйся в монастырь. Я почию стену и приду в монастырь к трапезе».

И действительно, лишь только раздался последний удар малого колокола, созывавшего на обед, в монастырь поднялся обливающийся потом отец Илия, чтобы успеть к общей трапезе. В монастыре было и такое правило: в праздник все должны присутствовать на общей трапезе. Монастырский устав нужно исполнять в точности и относиться к нему с благоговением. Для того чтобы в кинувии жизнь оставалась размеренной, каждый должен прилагать большое старание. Являться вовремя в церковь, на трапезу, на послушание — всё это требует труда. Хорошие монахи во время исповеди называли и такой грех: «Нарушал устав монастыря», — чего я никогда не слышал от молодых. После трапезы мы с отцом Илиёй сели на

деревянную кровать в его келье.

— Отец Илия, то, что Вы после всенощной и литургии остались чинить стену, это не слишком? Её мог бы починить кто-нибудь другой.

— Дорогой мой Манолис, «кто-нибудь другой» — это всегда я: и сегодня, и завтра. Я уже много лет живу в монастыре, но никогда не искал кого-нибудь другого.

— Да, но если бы Вы поранили руку и пролили на камни свою кровь, разве это было бы хорошо?

— Эта кровь, сынок, прогнала бы беса, и он никогда уже не мог бы спокойно находиться рядом с этой стеной.

Я получил этот урок в 1957 году и помню его до сих пор. Благодаря ему я, слава Богу, избавлен от пагубного осуждения моей братии («Кто оставил здесь этот горшок?») — «Это я забыл его вчера.» — «Убери его, и не жди кого-нибудь другого, кто сделал бы это за тебя»).

В храме отец Илия служил очень просто: он служил для того, чтобы служить. Его голос был не очень красив, в нём были слышны жалобные нотки, но это было не из-за его постоянной усталости, а оттого, что он видел, что молодые монахи не питают любви к своей матери-земле и не хотят трудиться своими руками. Если бы он был жив сегодня, то увидел бы чудо, совершённое по его

молитвам над нашим братством¹⁹⁹.

Я часто спрашивал его о годах немецкой оккупации и о том, как немцы держали его в тюрьмах на материке, но он в ответ говорил всегда одно и то же: «Бог да простит того, кто меня предал».

У отца Илии был особенный дар от Бога смотреть людям в глаза: не похотливо, не лукаво, не испытующе, но кротко и мирно. Одним лишь взглядом он передавал другому человеку своё состояние, так что тот даже не понимал, откуда оно у него появилось. Такой дар мне редко встречался.

Он, подобно всякому доброму домостроителю благодати²⁰⁰, тихо и мирно почил в своей нищей келье и был погребён с прочими отцами на монастырском кладбище как истинный борец и мученик киновиальной жизни. Когда один святогорский старец услышал, что мозолистые и сухие руки отца Илии уже скрещены и связаны²⁰¹,

¹⁹⁹ Монастырь Дохиар отличается от других монастырей Святой Горы особенным усердием братии к физическому труду.

²⁰⁰ Так называются священники, в Таинствах Церкви низводящие Божественную благодать на церковный народ.

²⁰¹ Так в Греции принято делать с руками почившего

то сказал следующее: «Братья, когда Адам перестал возделывать рай и заботиться о нём, но стал заниматься самим собой и искать себе удовольствий, то Бог изгнал его оттуда. Я очень боюсь, что мы, под многими предложениями оставившие заботу об Уделе Богородицы, также будем изгнаны Ею и окажемся вне этого земного рая».

Рыба в монастырском море

Одно из самых красивых зрелищ видимого мира — наблюдение за поведением рыб в море, и если у человека есть возможность опускаться в морские глубины, то там он может увидеть нечто подобное красотам наземного мира, а то и превосходящее их по красоте. Там можно увидеть сады из водорослей и кораллов, небольшие холмы, обросшие всевозможными подводными растениями, на которых стаями пасутся рыбы. Глаз радуется этому зрелищу, в то время как слух наслаждается тишиной. Рыбы ни кашляют, ни блеют, но живут и растут, как и все прочие творения. Лишь движения выдают в них живых существ.

А теперь давайте представим подобную картину посреди монастыря. Одной такой рыбой был отец Сампсон в Лонговарде. Лишь по движениям можно было догадаться, что эта маленькая рыба жива. Много лет я думал, что у него есть слух, но он лишён возможности говорить. «Вот счастливчик, — думал я, — Бог связал ему язык, чтобы он не грешил. «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный»²⁰²». И лишь спустя сорок лет я услышал, как он читает девять песней: «Поим Господеви, славно бо прославися» (чтение этих песен было одним из преданий, оставленных монастырём святыми колливадами)²⁰³. Я благодарен Богу, Который сподобил меня познакомиться с такими подвижниками. Едва став монахом, отец Сампсон закрыл свои уста, оставив свободными для исполнения послушаний лишь руки и ноги. Эконом монастыря не успевал

²⁰² Иак. 3:2.

²⁰³ Девять песней из Священного Писания, согласно богослужебному Уставу, должны петься вместе с канонами практически на каждой утрени в течение всего года. Теперь они исполняются только Великим постом. Колливады в числе прочего настаивали на возврате к этой древней богослужебной практике.

произнести до конца его имя, как он оказывался рядом с ним, готовый исполнить любое приказание. Каждый, кому в монастыре нужна была помощь, кричал «Сампс!» и был уверен, что в ответ не услышит «сейчас», или «подожди, я занят». Для отца Сампсона на первом месте была помощь другим, а потом уже его собственное послушание.

Он готовил коливо для поминальных служб и прислуживал в храме. Его присутствие напоминало скорее тень, чем человека. Его худощавая сутулая фигура напоминала изображения святителей в алтарной апсиде.

Когда у него начали выпадать зубы, он наотрез отказался вставлять искусственные. Сухой монастырский хлеб он грыз дёснами. Когда он ел, то был больше похож на ребёнка, у которого меняются зубы, чем на беззубого старика. Он так робко протягивал руку, чтобы взять хлеб со стола, как будто всё предложенное на трапезе было не для него. Он всегда был очень застенчив, словно находился в гостях.

Ещё одним его послушанием был уход за курами. Никто не мог понять, когда он успевал заботиться о них, но у них всегда были вода и корм.

Когда ему нужно было выезжать в мир, то он, заранее подсчитав, сколько дней его не будет в келье, исполнял двойное правило из опасений, как бы дорожные обстоятельства не помешали ему

совершить положенные молитвы. Уходя к небесным обителям, он говорил: «Братья, предпочитайте ваше правило даже пище и питью».

Не думаю, что написанное мною смогло показать богатство этой небесной сокровищницы, но надеюсь, что преподобный простит меня. Как красота морских глубин несравнима с поверхностью моря, так и сердечная глубина отца Сампсона была несравнимой с тем, что нам было видно. Как бы то ни было, он был настолько незаметен, что наблюдать за ним было почти невозможно. Я записал лишь то немногое, что мне удалось увидеть. Наверное, в раю он более заметен и не прячется, как Адам, среди листвы.

Всякий, кто прошёл духовную школу в Лонговарде, может с радостью от всего сердца воспеть: «Процвела есть пустыня, яко крин, Господи!²⁰⁴» Как мне не воспеть отца Иерофея, который был игуменом перед старцем Филофеем?! Когда его звали помолиться о бесноватом, бесы кричали: «Зачем вам этот нытик? Зачем вы его зовёте?» Святой Нектарий, который был с ним знаком, удивлялся его подвижнической жизни.

²⁰⁴ Начало ирмоса 3-й песни воскресного канона 2-го гласа.

Не могу ещё не вспомнить об удивительном отце Нектарии, который сменил парижские шёлковые рубашки на грубую шерстяную одежду, а батистовый носовой платок на парусиновый. От него я часто слышал: «Богослов только тот, чьё ухо прижато к груди Христовой и кто слышит удары Его сердца».

Ещё он говорил: «Культурным и образованным народам свойственно спокойствие, а постоянные волнения и бурные проявления раздражительности — диким племенам».

А для того, чтобы показать высоту европейской культуры, он говорил, что во Франции даже быки мычат спокойно, в то время как в Греции — резко и жалобно.

Как мне не упомянуть и об отце Филофее портном, которого немцы за действия в поддержку своего народа посадили на материке в тюрьму и подвергали ужасным пыткам, под которыми он никого не выдал? Он всегда сопровождал отца Дамиана, когда тот шёл служить в часовнях и домовых церквях, где пел своим характерным голосом, напоминающим плач младенца. Это он делал спокойно и скромно в любое время года и в любую погоду. Передвигались они на выючных животных и отправлялись задолго до рассвета, чтобы оказаться на месте вовремя.

Как я могу предать забвению двух Харитонов, старого и молодого, необычайно много потрудившихся, или Иакова — англичанина, который сменил университетскую кафедру на суровую жизнь земледельца? Также мне приходят на память Леонтий учитель и Филарет — художник и изумительный певчий.

Ещё я помню нестяжательного отца Косму и его брата — простеца Иоасафа, которые были образцом добродетели странничества. Младший из них, Косма, упрашивал отцов позволить им собирать оливки, сколько бы их ни было, но только вокруг монастыря, чтобы по дороге к дальним оливковым рощам им не пришлось подниматься на вершину горы, откуда видны горы их родного острова, глядя на которые они могли бы утратить странничество.

Не могу не упомянуть и об отце Лазаре, большом шутнике, который расстояние двух часов пути проходил пешком за час, чтобы отнести на почту какую-нибудь срочную монастырскую корреспонденцию. Ещё мне вспоминается маленький Филофей — пекарь с подвижническим духом. А сколько я мог бы рассказать об отце Варлааме, помощнике игумена! Он часто говорил мне: «Старец отдыхает». Он готовил мази из растений, серы и воска, которые помогли многим людям во время оккупации, когда был большой

недостаток в лекарствах. Будет досадно не упомянуть и о старце Михаиле, одно присутствие которого доставляло мне большую радость, и о старце Антонии из селения Пунта на Паросе, который постоянно сажал плодовые деревья, чтобы у братии после его смерти было утешение на трапезе.

Ещё хочется вспомнить и о старом монахе-садовнике, имени которого я так и не узнал. У этих старцев не было в обычае представлять себя другим. Для меня все они родные, хоть с некоторыми из них мы никогда не видались. Этот монах-труженик на бдениях занимал стасидию, находившуюся за мной. Всякий раз, вставая на ноги, он говорил словами псалма: «Слава Богу, слава Богу, вся премудростию сотворил еси, Господи!»²⁰⁵ Вот, вздремнул я десять минут и проснулся свежим-свежим, и стою на службе так, как будто слышу ее впервые». На самом деле десять минут сна этого дедушки длились около часа. Я тогда смеялся над его простотой.

«Смейся, сынок, — говорил он мне, — пока жизнь не придавила тебя своей тяжестью и пока ты ещё способен радоваться».

Все эти души, посвятившие свою жизнь

²⁰⁵ Пс. 103:24.

любви ко Христу и служению Ему, являются для нас прекрасным благоухающим букетом, составленным из цветов пустыни. Да не лишит нас Бог их благоухания! Со всеми ними я был знаком, с одними более, с другими менее, кроме одного, о котором я только слышал. Я видел, с каким самопонижением они трудились, и это меня пугало, но я также видел их любовь, усердие и сердечное тепло, которые придали мне решимости стать на тот же жизненный путь. Я ощущал исходившее от них духовное благоухание и наслаждался их плодами, мне всегда хотелось оказаться с ними в одном ряду. Если я забуду их, то боюсь, как бы меня не постигло проклятие псалма, воспетого евреями в Вавилоне²⁰⁶.

Святые отцы, я помню о вас, помяните же и вы меня в Церкви первородных, имена которых записаны в книге жизни!

Для Церкви монашество всегда будет оставаться хрустальной чашей, без соли и отпечатков грязных пальцев, из которой люди без опаски могут пить чистую воду.

²⁰⁶ «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя; пусть прилипнет язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалим во главе веселия моего» (Пс. 136:5–6).

Кончина монаха Даниила

Немецкая оккупация была в самом разгаре. Голод и болезни сводили в могилу людей любого возраста. Один за другим они возвращались в землю, из которой были взяты²⁰⁷. Вид трупов стал для всех настолько отвратительным, что мать не решалась дать последний поцелуй своему умершему ребёнку. Население островов было поставлено на колени экономической блокадой и ограничением поставок продовольствия. Хозяину приходилось хуже, чем тем, кем он владел: потерявшиеся мулы и ослы, умершие и уже съедаемые червями, попадали в котелки и утоляли голод своих хозяев. В монастыре Лонговарда дневной паёк монахов был ограничен до минимума, чтобы была возможность хоть как-то помогать едой жителям острова. Туда приходили все несчастные и страдающие от голода, зная, что из Живоносного Источника исходят неистощимые потоки исцелений.

В это время один из самых ревностных подвижников братства приближался к концу своей

²⁰⁷ Ср. Быт. 3:19.

жизни. Это был Даниил из Эвританийского городка Крикелло. Он был настоящим монахом, всегда стремившимся к вечной жизни. Единственным отечеством для него было Небо.

В середине вечерни раздался удар колокола, в котором слышалось последнее прощание. Все монахи собрались у входа в маленькую келью. Они стали в два ряда, облечённые во всё монашеское вооружение: великую схиму, рясу и куколь, как будто сейчас совершалась литургия. Среди них не было того, что обычно бывает в миру, где зачастую ожидают кончины родственника, сучая и торопя события с такими мыслями: «Ничего, здесь все свои. Кто нас увидит?» Облечённые в священный сан зашли в келью умирающего. Началось соборование. Во время разрешительной молитвы все преклонили колени, все помазались ваткой, которой было помазано чело отца Даниила. Вскоре ему принесли Святые Тайны — залог будущей жизни — и все с непокрытыми головами начали тихо петь: «Тело Христово приимите, источника бессмертнаго вкусите. Вкусите и видите, яко благ Господь». Затем последовало прощание, во время которого отец Даниил в свойственной ему манере наполнил сердца монахов надеждой на всеобщее воскресение. Он, уже полумёртвый, сидя на своей кровати, поднял руки в прощальном жесте и каждому монаху, подходившему с поклоном к его

ложу, громко говорил: «Братья мои, я уйду в горный Иерусалим, уйду в горный Иерусалим...»

После прощания с последним из пришедших монахов он закрыл своими старческими руками уста, полные божественной благодати, и душа его без хрипа и предсмертной агонии отошла в горные обители, где живут первородные, в страну живых. Всем присутствовавшим он оставил твёрдую надежду на вечную жизнь. Расходясь по своим кельям, они говорили: «С этого дня наш брат Даниил находится в Царстве Небесном».

Две тростинки на лугу у высокой пальмы

Когда кто-нибудь, идя по дороге из Парикии в Наусу, начинает спускаться к Элиту, то, посмотрев направо, он увидит древнюю Лонговарду, слева — исихастирий преподобного Филофея, а немного дальше — высокую финиковую пальму. Обычно прохожие смотрят туда, где есть люди, чтобы увидеть следы их жизни.

В этом исихастирии подвизались две монахини: Парфения и её сестра Анастасия. После окончания немецкой оккупации они сами построили его на участке земли, который достался им по наследству от их матери Марусо, происходившей из рода Зумисов.

Эта небольшая келья была для меня духовной колыбелью. Меня не так тянули к себе мальчишеские забавы, сколько влекло общество этих двух монахинь. В те чудесные годы я чувствовал себя царём, когда мои тётушки пускали меня внутрь, чтобы рассказать о мужестве мучеников и подвигах преподобных. В течение бесконечных часов я без устали слушал, как освящали свои рясы святые отцы, дышавшие больше Христом, чем воздухом. Тётя Парфения так трогательно и убедительно читала мне писания святых, что они доходили до самой глубины моего

детского сердца. Домой я возвращался радостный и нагруженный историями, и так точно пересказывал всё, что услышал, что моя бабушка крестила мою голову. У моих родных не было ни малейшего страха, что они потеряют наследника, если я стану монахом. Среди прочих рассказов она поведала мне историю собственной жизни.

«До восемнадцати лет я совсем ничего не знала о монашестве, не знала даже того, что на нашем острове есть женский монастырь. Я ничем не отличалась от прочих девушек в нашем селе.

(Это совершенная правда. Мой дядя, работавший мебельщиком в Афинах, рассказывал мне, что когда он приехал на Парос и увидел её на празднике Усекновения главы Иоанна Предтечи, то удивился её красоте и признавался, что никогда не видел женщины красивее. «Высокая, дородная, с большими округлыми глазами, настоящая Кариатида. Когда я узнал, что она стала монахиней, то удивился силе её духа».)

Однажды я беззаботно занималась шитьём своего приданого и тихонько пела какую-то песню. На дворе уже темнело, в храме Благовещения зазвонили к вечерне. И тут я услышала голос, который сказал мне:

— Оставь всё и следуй за Мной.

— А кто ты, что требуешь от меня такой жертвы? — спросила я.

— Я Христос.

Всё это я держала в секрете, пока мой отец не вернулся из поездки. Когда он вернулся и мы с ним остались вдвоём, я ему всё рассказала.

— Папа, я слышала такой голос. Что мне делать?

— И ты ещё меня спрашиваешь, доченька? Завтра же утром мы с тобой пойдём в монастырь Христа.

(Этот монастырь Христа был основан в конце 1700 года иеромонахом Иоасафом Парийским на земле семьи Маврогениди, которую они посвятили Богородице Катаполианской. Первыми монахинями, которых он постриг, были его мать и сестра.)

— Папа, — спрашиваю я, — а где этот монастырь находится?

— За Парикией. Из него открывается вид на остров Андипарос.

На следующий день мой старый отец позвал возницу, нагрузил его моими вещами и приданым, и мы отправились с ним в монастырь. Я попала в послушание к великой старице Парфении Мандила, которая при моём постриге нарекла меня собственным именем. Это была величайшая из стариц монастыря Христа. Со временем нас стало восемьдесят монахинь, в церкви негде было стать. На бдениях песнопения были ангельски прекрасны.

Богослужения совершались по уставу Святой Горы, которому научил первых монахинь иеромонах Иоасаф. Монастырь, руководимый святыми старцами Лонговарды, был земным раем. Его очень любил старец Иерофей Восиниотис, помогавший ему как материально, так и духовно. Он никогда не оставлял нас без священника. Если у него не получалось кого-нибудь прислать, то приходил служить сам, несмотря на то, что был уже очень стар.

Сразу после пострига моя старица дала мне духовную программу: утром после подъема и

вечером перед сном я должна была делать по триста земных поклонов. Она научила меня произносить Иисусову молитву не только во время правила, но и в течение всего дня. Пост для меня был настолько строгим, что она ограничивала меня даже в воде.

«Доченька, — говорила мне мама, — у вас там что, воды нет? Поэтому ты так мало пьёшь?»

Старица запрещала нам любые выходы в мир. Для нас существовали только монастырь Христа и небо. Чтобы мы могли не выходить из монастыря, старцы назначили служить нам одного добродетельного и духовного монаха. Я расскажу тебе о том, в чём заключалось служение этого монаха, чтобы ты увидел, насколько отцы старались оградить нас от зла. Каждое утро после окончания богослужения мы на скамье, находившейся во внешнем дворе монастыря, оставляли наши корзинки, в которых оставляли свои заказы, написанные на бумажке, и деньги. Своих имён мы не писали. Видишь ли, наш монастырь был особножительным, и поэтому каждая из нас должна была сама заботиться о своём пропитании. После того как мы оставляли заказы в безымянных корзинках, дверь монастыря закрывалась. Только тогда приходил монах-служитель, навьючивал корзинки на ослика и ехал в село. Вернувшись, он оставлял корзинки на скамье, стучал в дверь кольцом и исчезал. Наверное, многие из нас вообще

никогда не видели его фигуры. Как-то раз одна сестра, что-то забыв, вышла во двор после того, как двери закрылись, чтобы что-то дописать в своём заказе, так он её чуть не убил! После этого никому из нас уже не хотелось показываться там в то время, когда он уходил или возвращался с покупками. Этот порядок был нерушимым. Старцы спросили этого монаха, прослужившего нам около сорока лет, не было ли у него какого-нибудь искушения. «По вашим молитвам, — отвечал он, — я не видел их лиц, не видел их даже со спины, и Бог сохранил меня от самого тонкого помысла».

Старица особенно помогла мне возлюбить Христа при помощи непрестанной молитвы. Эта молитва буквально спасала меня во время искушений. Она сделала моё сердце пламенным.

(Это действительно было так. Она достигла высокого духовного совершенства и привлекла к жизни с собой двух своих сестёр, а потом и свою мать, так что под конец в келье их жило уже четверо. Под влиянием её постоянных увещаний вернулся из Америки также её брат, который стал монахом Модестом в монастыре Лонговарда.)

В монастыре Христа всё шло прекрасно, пока на острове не появился митрополит Херувим. Монахини возрастали и численно, и духовно. В монастыре было несколько монахинь очень высокой жизни. Монахиня Мелания, с которой я

был лично знаком, когда уехала на Крит, стала образцовой игуменьей. Когда на Крите хотели охарактеризовать какую-нибудь хорошую монахиню, то говорили: «Она похожа на монахинь старицы Мелании».

Митрополит Херувим стал часто приходить в монастырь, что игуменье Парфении совсем не нравилось. Он лишил её игуменства и поставил на её место монахиню, которая была гораздо хуже. С этих пор монастырь лишился покоя. Начались беспорядки, вынудившие старицу Парфению вместе с сорока монахинями оставить монастырь. Тогда ушла и Мелания с некоторыми другими, и нас осталось совсем немного, по большей части те, кто родился на Паросе. Тогда и наша сестра ушла от нас из-за введения нового стиля. Я с моей сестрой Анастасией ежедневно были под прицелом новой игуменьи из-за того, что я жила со старицей Парфенией и часто говорила о её хороших качествах. Впрочем, я не дерзала уйти без благословения старца и извещения свыше. Услышав глас Божий, я стала монахиней, поэтому и уйти из монастыря я тоже могла лишь услышав этот глас снова. Я много молилась, спрашивая о том, уходить мне или нет. Наконец, я пошла ко гробу преподобного Арсения, опустила на колени и со слезами стала просить его указать, каким путём мне идти. В конце своей молитвы я добавила,

как всегда: «Молитвами святых отец наших и преподобного отца нашего Арсения...» — и, не успев окончить, услышала из гроба преподобного: «Аминь, Парфения!»

По благословиению старца Филофея мы построили исихастирий на этом участке, доставшемся нам в наследство от нашей матери, бывшей из рода Зумисов. Наш дядя Хрусис, мамин брат, очень любил нас. Раз в две недели он приезжал к нам и доставал из своего мешка разное добро, какое в то время могло быть у сельской семьи. Он испытывал к нам глубокое благоговение и заботился о нас. Монахини спрашивали Анастасию:

— Что вам принёс старик Зумис?

— Ничего особенного.

— Ничего себе «ничего особенного»! Чтобы привезти к вам свой мешок, ему пришлось погрузить его на телегу с двумя лошадьми.

Во время оккупации нам приходилось очень тяжело. Мы едва не умерли от голода и недостатка самого необходимого. О нас тогда много заботилась твоя тётя Марули, которая теперь стала монахиней Феоктистой. Тайком ли, открыто ли, она находила способ принести нам хлеб. А в 48-м произошло ужасное: коммунисты убили нашего брата, монаха Модеста.

Модест стал монахом в 30-х годах в

монастыре Лонговарда. Мой отец, постоянно его навещавший, рассказывал: «Всякий раз, когда я оставался в его келье, мне было непонятно, когда он отдыхает. Всю ночь он клал поклоны и молился на коленях. Клянусь, это правда: я никогда не видел его спящим. На богослужения он приходил первым и постоянно осенял себя крестным знамением».

От братии его монастыря я также слышала хорошие отзывы. Он был человеком очень сильным и усердным в послушании. Он готовил еду, накрывал столы, читал во время трапезы, а потом мыл посуду. Никто из нас никогда не видел его ленищимся или трудящимся на монастырском послушании спустя рукава. Послушание никогда не было ему в тягость, каждое дело он всегда доводил до конца. Говорят, что столовые приборы он выравнивал по натянутой нитке!

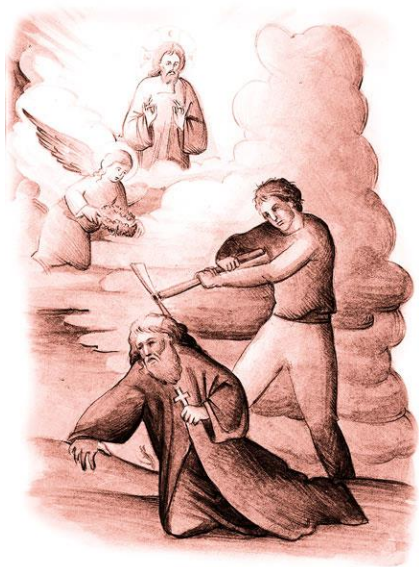
Он очень желал священства, но из-за какой-то его немощи старцы не хотели просить о его рукоположении. Этой его слабиной воспользовался митрополит Херувим и, когда его перевели в город Трикала, он взял его с собой. (Все такие перемещения монахов никогда не оказывались полезными для Церкви.) Он рукоположил его в священника и поставил игуменом в монастыре Стайдон, а заодно поручил ему служить на приходе в одном горном селе возле Калабаки. Его священническое служение совпало по времени с

годами гражданской войны.

В селе, где он служил, орудовали бандиты, которые одним вечером зашли в церковь и перевернули в ней всё вверх дном, написав на её стенах свои лозунги и всякие непристойности. За несколько дней до Вербного воскресенья он сделал им выговор за безобразие, устроенное ими в храме, и за надписи на стенах. Он предложил им собраться на сельской площади и поговорить. Когда, спустя несколько дней, он куда-то шёл, они схватили его и стали таскать из села в село. Когда наступило Вербное воскресенье, они проходили мимо одного села. Местный священник подошёл к ним и увидел, что они тащили его по земле за привязанную к шее верёвку, словно какое-то животное.

«Я умолял их, — говорил мне этот священник, — позволить мне взять его к себе домой, а утром привести его обратно, но они отказались. Я принёс ему тарелку с едой и одеяло, но они положили всё это так далеко, чтобы несчастный не смог дотянуться».

Через несколько дней, может быть, в Великую Пятницу, его убили, ударив сзади киркой по голове, а перед этим они его раздели, бросили на землю и избивали ружейными прикладами и палками, а потом ещё кололи штыками. Его мученичество произошло в районе Катара, неподалёку от села Малакаси.

Весть об этом дошла до моего маленького села в Великую Пятницу. После вечерни в селе раздался погребальный звон колоколов, и все начали гневно перешёптываться: «Партизаны убили киркой иеромонаха Модеста Андроманакоса». Так в тот год Великая Пятница стала для нас вдвойне скорбной».

Старица Парфения часто говорила мне, что после этого она три дня ничего не ела и просила Бога открыть ей, был ли её брат готов к мученичеству (так как он пребывал в грехе непослушания, уйдя из монастыря, в котором был пострижен) и действительно ли принял Христос его

жертву. На третий день, когда уже смеркалось, она наяву увидела брата, стоящего на воздухе. Он сказал ей: «Не печалься, Парфения. Как только Христос меня увидел, то сразу позвал, раскрыв Свои объятия: «Иди ко Мне, Модест!»».

Мученическая смерть брата для старицы Парфении не прошла бесследно: у неё появилась сердечная болезнь, от которой она страдала до самой смерти, а её величественное лицо прорезали глубокие морщины.

Старица Парфения достигла больших духовных высот. Монахи Лонговарды часто спускались к ней в скромный исихастирий преподобного Филофея за наставлением и утешением. Она всегда приводила им мудрое изречение: «Исполнение первого слова старца — честь послушнику». В её сердце находились добрые слова и для мирян. Она всегда заканчивала своё наставление словами: «Возлюбим Христа», — и добавляла такие стихи:

Каждый, кто хочет счастья и радости в жизни,
должен от всей души Христа возлюбить.

Её любовь ко Христу понуждала её спрашивать даже у маленьких детей: «Как ты думаешь, увидим мы лик Христов в будущей жизни?»

Когда в 58-м году, уже после праведной кончины Парфении, я посетил старца Филофея, то он сказал мне с твёрдой уверенностью: «Твоя тётя спаслась. Она удостоилась вечной жизни за свою любовь ко Христу».

Когда она кого-то наставляла, то делала это в такой манере, которую я не знаю, как описать. Она не выставляла себя ни всезнайкой, ни святой, но чувствовалось, что сердце её горит желанием просветить других. Она не была монахиней, которая живёт на пожертвования, и в точности исполняла своё монашеское правило.

Люди, опускавшие в могилу её тело, говорили: «Она благоухает. Понюхайте наши руки, если не верите».

Это благоухание не было одним из обычных ароматов: Сам Бог дарует его тем, кто любил Его.

В своём исихастирии сёстры совершали богослужения и всенощные бдения по чину, который они переняли в обители Христа. На бдении праздника преподобного Филофея, 21 октября, едва старлица начала петь предначинательный псалом ²⁰⁸, как лампада, висящая перед иконой преподобного, начала мерно раскачиваться, хотя не

²⁰⁸ 103-й псалом, на всенощном бдении поётся в начале вечерни.

было никакого сквозняка: и окно, и дверь были закрыты. Увидев это, преподобная сказала: «Похоже, преподобному нравится наше бдение, раз он сам приводит в движение свою лампаду»²⁰⁹.

Она очень заботилась о спасении своих родственников по плоти, и когда узнавала, что кто-то из них поступает вопреки Евангелию, то писала письма, в которых старалась исправить согрешающего. Благодаря её любящему сердцу всякому приходившему к ней казалось, будто он попал в рай.

У неё не было особого образования: она окончила лишь начальную школу, но писала грамотно и красиво. Она состояла в переписке с многими духовными людьми того времени. Она также писала стихи и церковные песнопения. К сожалению, монахиня, жившая в исихастирии после неё, сожгла все её рукописи, а заодно с ними и много других замечательных вещей, таких как письма, написанные рукой преподобного Арсения. Парфения была талантливой женщиной: она

²⁰⁹ В греческих монастырях в определённые моменты всеобщего бдения пономарь ритмично раскручивает хоросы (свисающие с купола светильники в виде большого кольца, на котором стоят свечи). Такое вращение символизирует участие в нашем богослужении Небесных Сил.

замечательно вышивала и рисовала. Теперь в исихастирии преподобного Филофея не осталось ни одной из её работ.

У старицы Парфении была ещё одна добродетель, превосходившая её возможности: милосердие. Если ей нечего было дать, то она, уходя, дарила свой платок.

— Прости, мне нечего тебе дать, возьми хотя бы мой платок. Я буду плохо себя чувствовать, если ничего тебе не подарю.

Подарив платок, она покрывала голову какой-нибудь тряпочкой, а сестра на неё кричала:

— Что ты опять сделала со своим платком?!

— Бедная Анастасия, что ты так кричишь из-за какого-то платка?

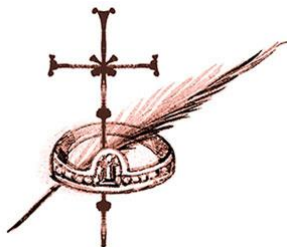
Она была человеком, внушавшим к себе уважение и почтение, поэтому и сестра относилась к ней с уважением, как к игуменье, и с благоговением, как к преподобной.

Законность исихастирия, как это у нас часто бывает, не признавалась местным епископом. И даже когда в нём стала возводиться маленькая церковка, то он послал полицию и остановил строительство, когда стены были уже метровой высоты. Тогда они превратили в церковь одну из комнат. К сожалению, этот владыка, ныне покойный, лишь при помощи полиции хотел решать возникавшие в его епархии проблемы, такие

как проблема старого стиля, почитание преподобного Арсения до его канонизации в Константинопольской Патриархии и многие другие, о которых теперь лучше не вспоминать. Епископ Амвросий ни разу не взял своего пастырского жезла, чтобы посетить этих смиренных монахинь, которые, как и сам он, носили рясу, не пожелал сам посмотреть, почему миряне и монахи идут к ним за словом утешения. К сожалению, таковы многие нынешние врачи Церкви, высказывающие своё авторитетное мнение о больном, не выслушав его самого. Они помрачают самих себя, а заодно делают мутной и всю церковную атмосферу. Великие дела зачастую совершаются вопреки законам и канонам. Так и эти две монахини оставались беззащитными, подобно тонким тростинкам посреди поля. Любой ветер качал их и пригибал к земле, но Сам Бог заботился о том, чтобы они оставались на своём месте.

И сегодня в этом исихастирии продолжают жить монахини, правда, уже не в нищих и смиренных хибарках Парфении и Анастасии, но в новых величественных зданиях. Тех прежних монахинь оберегал сам преподобный, сегодняшних — крепкие стены. И сегодня они наставляют паломников, но их словам не хватает той утешительной свежести, которую оставляли в сердцах людей слова Парфении и даже одно её присутствие.

Да пребудут с нами молитвы этих святых матерей, угодивших Богу и научивших нас, ничтожных, пути Господню.

МИРТИЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Надпись на иконе на обороте:
НАДЕЖДА ІС ХС ПРЕДВЧНЫЙ БГЪ

Миртийская обитель в Этолоакарнании и её мирносицы

Миртийский монастырь расположен в чудесном месте среди миртовых, оливковых и лимонных деревьев. Его балкон обращён к Трихонитскому озеру. Для меня, уроженца Эгейского Архипелага, сам вид распростёршегося предо мною озера был ежедневным утешением. В этом величественном месте в X веке какие-то благоговейные монахи построили монастырь в честь Богородицы. Храм этого монастыря около XV века расписал один из великих иконописцев того времени Дигенис Ксенос. Позднее к этому покрытому черепицей храму был пристроен другой, больший храм, с куполом и двумя квадратными пристройками, который был украшен прекрасными фресками, по красоте не уступающими произведениям великих иконописцев Святой Горы. Так получилось, что первоначальный храм теперь служит алтарём.

Этот монастырь сохранял свою давнюю славу вплоть до 1944 года, в котором он был сожжён немцами. В его библиотеке были никем не исследованные старопечатные и рукописные книги. Один старичок, часто посещавший монастырь,

говорил мне: «Через окно библиотеки я видел книги в застеклённых шкафах, а на столе — книги очень большого формата».

Я слышал, что после упразднения многих монастырей книги из библиотек обитателей Катафигийской, святой Параскевы в Мандре, Фотинской, святых апостолов в Нэроманне и Влохийской были собраны в Миртийском монастыре, где позднее сгорели во время пожара. Мы нашли рукописную Минею, написанную около XI века, хранившуюся у одного клирика, который, как рассказывал отец Василий из Нижней Миртии, ни на каких условиях не хотел возвращать её монастырю, потому что «я сохранил её с риском для собственной жизни, поэтому она останется в моей семье». В этой библиотеке была также старинная рукопись, содержащая учение и пророчества преподобного Космы Этолийского, написанная одним из его учеников незадолго до его смерти. Её взял попользоваться отец Софроний Папакириаку для издания книги, посвящённой учению святого Космы, но, кажется, так и не вернул её обратно. Кроме библиотеки и храма во время пожара погибли все монастырские постройки.

Несколько раз в монастыре селились один-два человека, которые пытались его возобновить, но их старания так ни к чему и не привели. Вероятно, виной этому была бедность монастыря. К

сожалению, зачинщики конфискации монастырского имущества отнесли к обители безжалостно, и за это Бог искоренил их семьи.

«Видишь, — говорил мне покойный отец Спиридон Ксенос, — этот некогда добротно построенный, а теперь разрушенный сельский дом? Он принадлежал семье, которая была инициатором конфискации имущества Миртийского монастыря».

Одна половина долины Гурицы, как называлась прежде Миртия, принадлежала Миртийскому монастырю, а другая половина — монастырю Пруса. Последнему при конфискации оставили лишь тридцать соток огородов, а первому — ни одного клочка земли. Миртийской обители не принадлежало ни одного лимонного дерева в этой знаменитой долине, которая действительно подобна земле обетованной, «в которой течёт мёд и молоко»²¹⁰. Если бы по этой земле кто-нибудь прошёл весной, когда раскрываются почки и все деревья начинают цвести, то мог бы потерять рассудок от их насыщенного благоухания и от пения соловьёв. Не думаю, что это место сильно отличалось от Эдемского сада, который насадил Сам Бог. Итак, монастырь, находясь в таком богатом месте, был совершенно беден и мог жить

²¹⁰ Исх. 3:8.

лишь на пожертвования добрых людей.

Отсюда видно, насколько плохим было в этих местах отношение к монахам. Во всей Западной Греции с её бесчисленными монастырями не было в то время ни одного монаха! Мы были первыми за много лет, кто пришёл в эти места в монашеских одеждах. Местные жители считали, что монахами становятся только калеки от природы. У меня самого, бывало, спрашивали: «Чего у тебя не хватает, сынок, что ты стал монахом? Ума, рук или ног?» Когда нас, носящих монашеские камилавки, впервые увидели в Яннине ²¹¹, то хозяева магазинов выходили на порог, чтобы поглазеть на странных приезжих. Нужно заметить, что и у Святой Горы не было никаких связей с Янниной потому, я полагаю, что святогорские отцы никогда не заказывали священных сосудов и лампад в этом городе ювелиров.

Как-то утром мы оказались в одном селе неподалёку от Яннины, в которое нас привели поиски одного знакомого мастера. Какие-то женщины, увидев нас, даже не поздоровались, но закрылись в своих домах и попытались связаться с полицией, чтобы уведомить её о каких-то странных людях, пришедших в их село.

²¹¹ Один из крупных городов на северо-западе Греции.

Когда 23 сентября 1976 года мы, пятеро монахов, принесли в город Коницу часть святых мощей новомученика Иоанна Коницкого, то во время трапезы митрополит Севастиан сказал: «Дорогие мои монахи, сегодня вы украли у меня внимание жителей Коницы. Никто из них не смотрел на шитые золотом архиерейские облачения: их взгляды были обращены на ваши скромные куколки, и они были очень довольны, что наконец-то увидели монахов у себя в городе».

Даже благословенные церковные братства никогда не сочувствовали призванию своих членов к монашеству. Некоторые из этих благоговейных людей лишь в шестьдесят лет узнавали, что кроме брака существует ещё и монашеский путь. Они, согласно тому, чему были научены, полагали, что монашество было когда-то в древности, а теперь в Церкви его уже нет. Многие узнали о том, что монахи ещё существуют, благодаря празднованию в Греции тысячелетия Святой Горы. Нужно заметить, что из этих мест вышло много людей, посвятивших себя так называемому «Делу», но так ничего и не узнавших о Церкви.

Обращение «старец» или «старица»²¹² было одним из самых неупотребительных в то время: оно

²¹² Так в Греции обращаются к игумену или игуменье.

вызывало больше смех, чем почтение. Когда люди слышали, как мои монахи обращаются ко мне словом «старче», то смеялись и говорили: «Почему они зовут его стариком? Ведь он ещё ребёнок!»

Одной девушке из какого-то христианского братства я предложил каждый вечер после молитв делать несколько метаний²¹³, так оказалось, что она не знала, что такое метания ни из семейных традиций, ни из проповедей, которые она ежедневно слышала в братстве. Она потом спросила о них у своей наставницы, а та ей ответила: «Если ты молишься и читаешь Евангелие, то тебе не нужны никакие метания».

Это был совершенно протестантский дух, и теперь даже первые лица нынешних христианских организаций жалуются на его проникновение в братства. В них было принято неписаное правило поститься Великим постом только в первую и последнюю недели. Из тех, кто в этих братствах изучал Евангелие, никто не соблюдал всего Великого поста, за исключением нескольких смиренных душ, отдававших дань своим семейным традициям. Их, впрочем, было очень немного.

Третьим серьёзным препятствием для

²¹³ Слово, обозначающее поклоны во время молитвы. Происходит от греч. (покаяние).

возрождения монашества в этих краях было окружение местного митрополита.

(В декабре 1965 года я вместе с моим духовным братом иеромонахом Илиёй Каландзисом оказался в селении Платанос у города Триполис. Мы зашли в сельскую церковь около одиннадцати часов дня и увидели священника, который учил детей вере. Он пел перед ними церковные и народные песни прекрасным и сладким голосом. За этим последовала небольшая проповедь, после которой нас пригласили познакомиться с детьми. Пожилой священник поинтересовался, что я изучаю в университете и, когда я ответил, что богословие, то он спросил, не думаю ли я о священстве. После моего отрицательного ответа он дал мне два урока. Сначала он взял меня и показал святой алтарь. Он говорил мне о своей любви к церковному благолепию. В алтаре всё сияло: святая Трапеза, жертвенник, ризница. Везде был такой порядок и чистота, что я подивился вкусу этого пожилого священника. Святая Чаша так блестела, как будто только что вышла из рук ювелира, а ведь ею пользовались уже сорок лет. Я спросил:

— Как Вам удаётся содержать её в такой чистоте?

— После потребления Святых Даров, во время которого я никогда не пользуюсь лжицей, как следует вытерев Чашу, я держу её над пламенем

свечи, пока она не станет совершенно сухой, а потом ещё раз вытираю.

В центральном помещении храма всё было так же хорошо ухожено.

Второй его урок заключался в том, чтобы я опасался «мулов» владыки. По своей простоте не поняв его, я сказал:

— Но ведь теперь владыка ездит на машине, а не на мулах.

— Я не об этих мулах, эти зла не делают, я об окружении владыки.)

И действительно, от его людей чего мы только не претерпели. Дошло до того, что из-за них нам пришлось покинуть наш любимый Миртийский монастырь. От мирян, которым необычная монашеская камилавка казалась чем-то странным, нам не было никакого беспокойства, но от этих людей епископа, якобы посвятивших себя Богу, да сохранит всех Господь!

Однажды по дороге в Агринион ²¹⁴ я встретил нескольких клириков. Никто из них не поздоровался со мной. Среди них был и отец Константин Какавулас, который чуть позже тайком пришёл другой тропинкой, чтобы со мной поздороваться, потому что, как он сам признался, ему было стыдно перед другими сказать мне: «Благословите, отец игумен».

Некоторые благоговейные клирики приезжали для того, чтобы с нами встретиться, после одиннадцати вечера, да и то с потушенными фарами, так как боялись прослыть в селе слабоумными из-за того, что ходили к нам. Кроме этого с нами происходило множество других подобных случаев, напоминавших тяжёлые времена гонений и преследований христиан. Все клирики,

²¹⁴ Городок, расположенный в районе Трихонидского озера.

которые с нами общались, жестоко поплатились за это и в митрополии их до сих пор держат на плохом счету. Военачальником во всей этой войне против нас был архиерейский наместник в селении Фермон отец Василий, который после нашего ухода открыто похвалялся тем, что смог добиться закрытия Миртийского монастыря, на что старушка Саломия воскликнула: «Горе тебе, отец Василий!» То, что после этого случилось с отцом Василием, известно всем жителям Трихониды и Агриниона.

Посреди этой воздвигнутой бесами бури пять женщин смело сражались на стороне монахов. Это были Георгия со своей дочерью Александрой, Кириакия и Фотиния, которыми предводительствовала госпожа Елена, заодно с которой был и её муж Афанасий. Та самоотверженность, с которой эти женщины посвятили себя служению монастырю, убедила меня в том, что у Бога повсюду есть верные Ему люди — закваска, которая со временем поднимет всё тесто.

Всякий раз, когда мы готовили монастырь к какому-нибудь празднику, они трудились больше всех. Никогда не приходили они с пустыми руками, с собой у них всегда что-нибудь было: овощи, фрукты, цветы, готовая еда.

Как-то холодным зимним днём я сидел у колодца, и вдруг увидел, что ко мне идёт госпожа

Фотиния с поднятым передником, который был чем-то наполнен.

— Благослови, отче. Я принесла тебе зелени.

— Госпожа Фотиния, мы зелень собираем вокруг монастыря, Вам не стоило так трудиться в такой холодный день.

— Это, отче, зелень с гор. Я собрала её для тебя, ты должен взять.

«Боже мой, богатые даже не подходят к нам, а эти бедняки нас снабжают, утешают своей любовью и поддерживают нашу жизнь своими скудными запасами!»

Каждую субботу вечером мы совершали малое бдение по уставу старца Амфилохия, который он дал монастырю Благовещения на Патмосе. Эти женщины приходили первыми. Из-под чёрных платков их лица сияли радостью. «Отче, — говорила госпожа Елена, — всякий раз, как я захожу в монастырские ворота, я забываю обо всём и чувствую себя другим человеком».

Все они приносили по просфоре, завёрнутой в белое полотенце. Их просфоры всегда были очень хорошо пропечены. Отец Апостолис, архиерейский наместник в Агринионе, говорил: «Горе нам, братья священники, что мы упразднили просфоры бабушек, которые просеивали муку трижды, чтобы просфора для литургии была такой, как следует, в то время как сами ели лишь кукурузную кашу и

чёрный хлеб, да и этого у них часто не хватало».

За два с половиной года, что мы служили в этой святой обители, я не помню ни одного случая, когда они не пришли бы в церковь. Как-то ночью, когда уже окончилось бдение, погода сильно испортилась: свет от молний, бивших в землю одна за другой, был яркий, как днём. А после молний начался сильнейший ливень, так что я, глядя в окно из игуменской кельи, сказал: «Вон идут старушки. Если бы я был на их месте, то оставил бы свой дом, тепло, и пришёл бы на бдение? Скорее нет, чем да». Ранним утром они уже стояли у наружной двери, ожидая Божественной литургии!

Эти верные Богу женщины, стоявшие в ледяном храме и клавшие поклоны до промёрзшей земли, были для нас большим утешением.

Александра была калекой: у неё была одна рука, да и на той было только три пальца. Она ставила себе на голову широкую корзину, в которой были то хлебы, то цветы, то какая-нибудь пища, и несла её в монастырь, чтобы монахам не приходилось часто ходить на сельский рынок. Своими тремя пальцами она умудрялась держать кисть, которой белила монастырские постройки.

После нашего ухода из этого монастыря и его закрытия она вместе со своей мамой Георгией приходила к нему, садилась напротив и оплакивала своё духовное сиротство.

Госпожа Елена говорила: «Каждую ночь, когда в три часа я слышала звон монастырского колокола, то просыпалась и говорила мужу: «Афанасий, в это время монахи о нас молятся». Я вставала, зажигала лампаду, клала на уголь ладан и молилась. В этот час я и теперь прислушиваюсь, но уже ничего не слышно: ни колокола, ни била²¹⁵».

Зимой они, подобно нашим матерям, спрашивали: «У вас есть что кушать? А одежда есть? Дров хватает?»

После этого они доставали из кармана своё рукоделие: вязаные шерстяные носки, которые вручали нам с большим почтением. Кто из владык спрашивал когда-нибудь, не протекает ли у нас крыша и хватает ли нам дров для отопления?

Во время сбора оливок многие пожилые женщины собирали упавшие плоды среди терновника и колючих листьев каменного дуба, которые царапают руки не меньше, чем чертополох. Часто им приходилось делать это во время такой влажности и холода, что их старые костлявые руки становились темнее их чёрной одежды. После окончания сбора урожая они приносили по бутылки

215 Било — деревянная доска, в которую стучат специальным молотком. Употребляется в греческих монастырях вместо колокола в непраздничные дни.

оливкового масла для лампад, горящих перед иконой Богородицы. С тех пор и я начал всегда сам собирать оливки, чтобы от собственных трудов приносить масло для лампы Богородицы.

О блаженные души, как часто я ищущу вас на этой земле, но не могу найти, так как вы покоитесь теперь в стране живых!

Саломия, всегда одетая в чёрное

Совершенно нищая Саломия в своей скромной одежде всю жизнь ходила в церковь. Она всегда садилась в самом конце, и поэтому разные умники считали её душой. Скромность в одежде делала её ещё более смиренной. Подметание полов было её единственным рукоделием в доме, в храме и в монастыре.

Её уста для других всегда были закрыты. Если у неё кто-нибудь о чём-то спрашивал, то в ответ слышал только: «Я не знаю, я не слышала, я не поняла». Её будто бы слабоумие не позволило ей стать одной из сельских сплетниц.

Плохо очищенный керосин был для Саломии единственными духами и лекарством, которым она мазала свои больные места. Она постоянно страдала от головной боли. Я спросил у неё:

— Может, тебе нужно какое-нибудь лекарство?

— Нет, отче, я помолюсь Богородице, чтобы Она убрала из моей головы и шумы, и боль.

Она никогда не пропускала богослужения и много молилась, когда оставалась одна. Она постоянно молилась по чёткам. Как-то вечером я подслушал её смиренную молитву, которая сопровождалась множеством поклонов: «Господи, умири мир. Господи, прости грехи всего мира. Даруй людям покаяние и любовь к Тебе и друг к другу. И мне, грешной, даруй прощение. Будь милостив к моему духовному отцу и духовным братьям...» Упомянув несколько имён, она продолжила молитву.

Я предлагал ей постричься в монахини, но она отвечала: «Нет, отче, я недостойна такой великой чести».

Много раз она говорила о том, что видела во время литургии, но как-то неопределённо и сбивчиво: «Сегодня Христос сиял в святой Чаше. Сегодня на литургии ты был не один: с тобой в алтаре было много священников, впрочем, мне, недостойной, не следует говорить о таких вещах».

Иногда она говорила, что видела, как её приходской священник служит в свете, а иногда во тьме: «Сегодня батюшка не был чистым. Его постоянно обволакивало какое-то чёрное облако».

Как-то летом, будучи в Прусе, я сказал: «Если мы посадим кипарисы под опорной стеной на дороге к монастырю Всех святых, то они хорошо будут удерживать почву, которая постоянно осыпается».

Старушка Саломия запомнила это и, когда наступила зима, решила осуществить. Однажды вечером посреди снега и тумана я увидел, как она подходит к монастырским воротам с двумя мешками, в которых были саженцы кипариса.

— Саломия, как у тебя это получилось? Как ты прошла через перевал по такому снегу? Как смогла донести сюда из своего села все эти деревья? Сколько дней тебе потребовалось, чтобы дойти до монастыря?

— Я шла два дня, но я деревья не несла, их нёс другой.

— Кто их нёс, Саломия?

— Он только что ушёл.

Я повёл её к иконе Богородицы, и там мы прочитали благодарственную молитву.

— Да ты не бойся, я очень хорошо себя чувствую. Я ведь служу Богородице, а Она не допустит, чтобы я пропала.

Она была человеком кристальной души: всегда молчала, смирялась, молилась. Единственным её другом был пост. Она была настоящей мирноносицей для храма Богородицы в Фермоне, для храма святого Космы Этолийского, для монастырей в Миртии и Прусе. Бедная и нищая, но богатая любовью и делами служения Богу. Она до земли кланялась священнослужителям и, заикаясь, говорила: «Простите меня, недостойную».

Молись о нас, Саломия, там, где ты теперь покоишься.

Ольга, жена зеленщика

Эта мирноносица также была из Фермона. Она была ученицей святого Космы Этолийского, так как вместе с Саломией наслаждалась его учением и пророчествами. Впрочем, для этого им не нужна была грамотность: всё это столетиями очень точно передавалось устно. Иногда устное предание сохраняет что-то гораздо лучше, чем перо и бумага.

Я познакомился с ней в Миртийском

монастыре в ноябре 1971 года, накануне праздника Введения. Глядя в открытые монастырские ворота, я увидел женщину, которая пряталась за стволом масличного дерева. Она то выглядывала, то снова пряталась. Спустя какое-то время я пошёл посмотреть, кто она такая и что делает за деревом. Подойдя, я увидел женщину средних лет с корзиной цветов.

— Что ты здесь делаешь? Почему не заходишь в монастырь?

— Отче, вчера вечером наш сельский священник сказал мне, чтобы я даже не пыталась помочь вам украсить храм к празднику, потому что монахи здесь такие дикие, что сразу забросают меня камнями. Вот я и жду здесь с рассвета и боюсь зайти.

— Проходи, госпожа моя, и украшай наш храм своими цветами, как сама хочешь.

Она осталась до вечера, а уходя, постоянно кланялась мне, прося прощения за свой дурной помысел. С тех пор она стала постоянной и уважаемой мироносицей монастыря.

Она всю свою жизнь собирала цветы и украшала ими иконы празднуемых святых. Это занятие не всегда бывало лёгким, так как цветы приходилось собирать на горных склонах. Она украшала иконы так красиво, что я, испытывая её, говорил:

— Кто научил тебя этому искусству?

— Любовь к святым.

В скором времени она заболела раком. Я пришёл к ней домой, чтобы проведать. Долгое время мы говорили с ней о том, что ожидает её после смерти. Я спросил:

— Ольга, ты готова к тому, что Христос призовет тебя на небо?

— Вполне готова, отче. Если бы ты знал, как я этого жду и как скучаю по Нему!

— А о своих детях ты не думаешь?

— Они уже взрослые и сами могут выбирать между добром и злом.

Через несколько дней она сказала детям и мужу, сидевшим допоздна в её комнате: «Я чувствую себя лучше, пойдите отдохните».

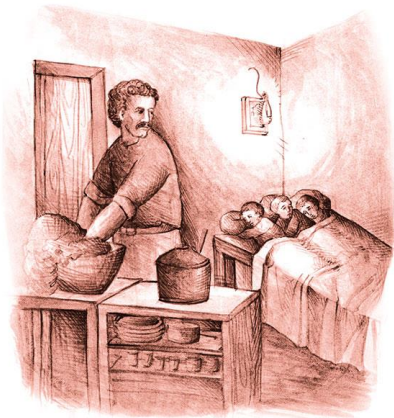
Когда все уснули и в доме стало тихо, она встала, умылась, надела свою лучшую одежду, легла на кровать лицом к востоку и почила, скрестив руки. Перед этим она оставила записку: «Я готова отправиться на небо. Не переодевайте меня: то, что я надела, — мои погребальные одежды». Такой была кончина Ольги, занимавшейся плетением цветочных венков для святых.

Когда я вспоминаю её, на ум приходят слова одного древнего церковного писателя: «Никакая работа, сделанная для храма, не пропадёт».

Дядя Георгий Лиापис

Отче, я очень хочу стать монахом, помогите мне. Я приложу все усилия, чтобы достичь желаемого, пусть мне даже и семьдесят лет. О том, что существует монашеский образ жизни, я узнал во время празднования тысячелетия Святой Горы. Тогда все радиостанции, хоть их было и не очень много, говорили об Афоне, о том, как на этой Святой Горе уже тысячу лет живут монахи. Мне захотелось поехать в это замечательное место, а монахов я полюбил больше, чем собственных детей. Я видел, что монастыри в наших краях безлюдны, их здания полуразрушены, и это ранило мне душу. Я спрашивал у наших священников: «Что с ними случилось?» И слышал в ответ: «Когда-то они действовали, а сейчас это уже невозможно, а с другой стороны, и не нужно. Открой Устав Элладской Церкви и посмотри все параграфы, в которых говорится о монастырях: там написано, сколько из них действуют, а сколько упразднено». — «А почему ты, батюшка, не говоришь мне, кто именно их упразднил?» — «Как кто? Наш Синод вместе с государством». — «И им не стыдно об этом писать?!» — «Понимаешь, монастыри были нужны в годы турецкого владычества, чтобы христианам было кому

завещать своё имущество. Турки не трогали того, что посвящалось Богу».

Но дядя Георгий этому не верил и постоянно молил Бога послать монахов в монастыри его области.

— Когда я услышал, что в Миртийский монастырь вернулись монахи, то моё сердце чуть не разорвалось от радости.

— Дедушка, что привело тебя к нам?

— Я пришёл увидеть вас, насладиться вашим присутствием, вашей литургией. Я пришёл, чтобы испытать себя: смогу ли я, старик, жить той же блаженной жизнью, какой живёте вы. Не смотрите, что я стар: я легко выдерживаю бдения. Много лет я пою и читаю в церкви, могу работать и мотыгой. Этого, я думаю, достаточно, чтобы стать монахом,

чтобы стать таким, как вы.

Его слабое здоровье и тяжёлая жизнь нищей и полуразрушенной Миртийской обители не позволили исполниться его заветному желанию: посвятить жизнь Христу. Но его любовь к монастырям подвигла его, несмотря на старость, к возобновлению и сохранению упразднённого монастыря Успения Богородицы в районе Амфилохии, в котором иногда удавалось даже совершать богослужения. Но и здесь ненавистник всякого добра нашёл способ искушить его: за время его недолгого отсутствия албанцы разграбили монастырь и много чего сломали.

Дядя Георгий был среднего роста, но его пышные усы и громовой голос производили впечатление крепкого мужчины. Когда ему было около тридцати лет, у него умерла жена. Он решил не жениться повторно и посвятил себя воспитанию троих детей. По профессии он был налоговый служащий и почти целый день проводил в разъездах по службе, а ночью готовил на кухне, стирал, убирал дом, чтобы не приходилось нанимать экономку, от которой мог быть соблазн.

«Мне пришлось стать и отцом, и матерью, — говорил он, — чтобы вырастить своих детей».

Дети оценили самопожертвование своего отца и относились к нему с любовью и глубоким почтением.

По воскресеньям он был единственным певчим и чтецом в приходском храме святой Параскевы. Он был из тех, кто посвящал себя богослужению, не требуя платы и не думая о том, как бы сократить службу. Он думал лишь о том, когда начнётся служба, а когда она закончится, ему было неинтересно. Молитва и призывание имени Христа, Богородицы и святых было его постоянным занятием.

— Ты молишься, дядя Георгий?

— Постоянно. Да только не могу достичь умной молитвы, о которой пишется в ваших книгах. Наверное, это скорее дар Божий, чем плод человеческих усилий.

Радуйся, блаженный дядя Георгий! Когда я познакомился с тобой, то увидел в тебе настоящего уроженца Эпира и Румелии²¹⁶. Твоя резкая и терпкая речь была как у горцев Румелии, а благородство, любезность и юмор — как у уроженцев Эпира. Поделись твоей свежестью с нами, больными овцами равнины, и возведи нас к небесной высоте, на которой ты ныне летаешь подобно орлу!

²¹⁶ Эпир — область на северо-западе Греции, Румелия — область в Центральной Греции.

ПРУСИЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Замечательные люди

Как уроженец острова я люблю морской берег и его травы, которым солёная морская вода придаёт особый аромат. В тех местах, где на подмытых прибоем скалах удерживалась земля, у нас росли растения со смешными названиями: молочники, свинопасы и палачи. (Последние не зря так назывались: они основательно исцарапывали руки до того, как травы наберётся на одну тарелку.) А кроме травы на этих изъеденных морем скалах выростали замечательные люди: тихие и спокойные, как море в мае.

Но Богу было угодно, чтобы я кроме моря узнал и горы, да к тому же самые труднопроходимые: в Эвритании ²¹⁷. Вместо любимого моря мне долгие годы пришлось смотреть на пропасти и обломки скал, на гору Керамиди, на вершины Розового хребта, на горы Халикион и Арапокефала, которые окружали нас гораздо теснее, чем горы Этолоакарнании. Как часто я думал, находясь посреди Прусийских ущелий: «Какие вы жестокие, высокие горы! Бог дал мне возможность смотреть вдаль, до линии

²¹⁷ Область в Центральной Греции.

горизонта, а вы своей громадностью делаете меня близоруким, как травоядное животное». Море скрылось от моих глаз, и я стал жить в пустыне, как филин.

Волей-неволей мне пришлось узнать и горцев-овцеводов. С ними я и сам стал горцем. Взгляд этих людей утратил простоту. Они смотрят испытующе, как будто говорят: «Наш ли ты, или из неприятелей наших?»²¹⁸ Прислонив голову к пастушескому посоху, они наклоняют её, как будто хотят расслышать раздающиеся вдали шаги приближающейся неведомой опасности. От них трудно добиться улыбки по той причине, что они вовсе не улыбаются. Годы турецкого владычества, войн, междоусобиц, партизанских восстаний и уединённость породили в их душах неуверенность в завтрашнем дне. В горах, как и в подводном мире, большая рыба поедала меньшую.

Тем более удивительно, что посреди этой мглы и туманов, в горах, где осень выпадала непрекращающимися ливнями, а весна была грустной, как траур молодой вдовы, появлялись мужественные сердца, люди широкой души, поражавшие величием своего благородства. В их присутствии не чувствовалось обычной для горцев

²¹⁸ Нав. 5:13.

агрессии: «А ну-ка, давайте посмотрим, кто кого, неженки равнин и побережья!» Я не стану сравнивать их с прохладным оазисом, так как горы и без них достаточно прохладны, а сравню их лучше с домашним очагом, пылающим в углу комнаты. Одним из таких согревающих душу очагов был человек, о котором я сейчас расскажу.

Отец Николай

Он был из села Кониска, которое находится у Трихонидского озера. Впервые мы увиделись с ним в областной администрации в городе Месолонгион. Чтобы познакомиться, нам не потребовалось долгих разговоров: мы уже были наслышаны друг о друге. Глубокое покаяние, с которым этот седобородый старец исповедался тридцатилетнему игумену, говорило о многом. Отец Николай, не получивший почти никакого образования, но необычайно благоговейный, несмотря на семейные проблемы, приносившие ему много горя, стоял на своём посту на краю земли и заботился о том, чтобы забытый всеми народ не оставался без богослужения. На мой вопрос «В каком селе ты служишь?» он ответил:

— В забытом Богом. О нас никто не

вспоминает. Я теперь пришёл к номарху²¹⁹, чтобы просить его провести к нам дорогу. Понимаешь, для нас, мирских людей, нормальная дорога к большим селениям уже будет каким-то утешением.

— За тридцать пять лет, что ты служишь в Кониске, этом маленьком селе, тебе не хотелось просить о переводе на другой приход, где-нибудь на равнине?

— Отче, я никогда не хотел ни золота, ни серебра, ни дорогой одежды²²⁰, и никогда не думал превратиться в американца. Моё сердце хотело одного: спасения для меня и моей паствы. С того места, где мой Ангел оставил меня в ночь моего рождения, пусть он заберёт меня и на небеса.

²¹⁹ Так в Греции называется должность начальника области.

²²⁰ Ср. со словами апостола Павла: «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал» (Деян. 20:33).

Всё это он говорил, склонив голову, как будто предстоял Самому Богу. Мы не ошибёмся, если назовём его отцом Николаем благоговейным.

В другой раз я встретил его на постоялом дворе дяди Харалампия, который местные жители называли Новой Швейцарией. Было видно, что с ним произошло что-то серьёзное. Что бы это могло быть? У него какое-то новое искушение, или это я чем-то его огорчил?

— Что с тобой, отец Николай? Отчего ты

такой мрачный? Мне так хотелось, дорогой мой батюшка, увидеть твоё благолепное лицо и порадоваться, а ты вон какой хмурый.

— А ты, отче, разве не слышал о новом указе?

— О каком?

— Священный Синод Элладской Церкви одобрил закон о рукоположении в священники малограмотных людей, таких, как я. Наша Церковь опять стала такой, как пятьдесят лет назад. Литургия, Евангелие, богослужение: всё это так и будет оставаться запечатанными книгами. Какого Ангела Бог пошлёт, чтобы снять с них печати²²¹ и дать нашему народу духовную пищу и питьё, чтобы люди стали живыми членами Церкви?! Я читаю народу Евангелие, а когда заканчиваю и поворачиваюсь к алтарю, то говорю: «Господи, сжался над нами: пошли нам священника-благовестника!»

Я почувствовал стыд от того, что мне не было больно из-за этой церковной проблемы.

Был август 1976 года, когда мы встретились с ним под тенью высокой ели. Теперь я пишу эти строки в 2004 году, но не могу забыть беспокойства отца Николая: «В Церкви больше не должно быть безграмотных. Евангелие ушло из нашей жизни».

²²¹ Ср. Откр. 5:1–7.

Мать Александры

Георгия, мать калеки Александры, жила в одиночестве на западной стороне селения Прусос. Её жизнь была доказательством того, что неотлучное пребывание на одном месте само по себе не может повредить человеку. А теперь я без прикрас изложу то, чему был свидетелем. Очевидно, истинное благородство — дар от Бога, который Он даёт тем, кто может возрастить это качество и довести его до совершенства. Я часто думал: «Пусть придут сюда люди мира сего, ложно именующие себя благородными, и посмотрят, что может сделать Бог из человека посреди этих высоких гор». Георгия была высокой, но не благодаря туфелькам на высоких каблуках. Она была образованной, хотя и не заканчивала университетов. Она была щедрой, не имея богатств. Я однажды сказал ей:

— Там, где ты живёшь, тебя никто не видит.

— Ну и что, отче? Меня видит Бог, а я вижу Его. В моём захолустье я ежедневно встречаюсь со всеми людьми, которых Он приводит ко мне. Люди приносят много разных помыслов, а Бог — только один хороший помысел: Свою любовь.

Подобной цветущему миндальному дереву посреди лютой зимы была мать Александры,

помогавшая по хозяйству Прусийскому монастырю. Она была настоящей княгиней с богатым внутренним миром и красивой внешностью. Если бы она стала носить самые дорогие украшения, то это повредило бы её природной красоте. Каждому, кто внимательно смотрел на неё, невольно хотелось, чтобы у него была такая мать или жена. Природной красоте Георгии соответствовали благородные манеры, от которых гость, зашедший в её бедную хижину, чувствовал себя на седьмом небе.

Когда такие люди уходят от нас в далёкую страну живых, у нас остаётся одиночество и безутешная скорбь из-за того, что мы теряем соль, теряем дорогие пряности Востока, которые придают вкус нашей жизни.

Васило Вастаруха

На другом конце селения жила ещё одна замечательная своим благородством женщина — Васило. Она была женщиной мужественной, как израильская пророчица Девора, сильной и телом, и душой, человеком, полностью отдающим себя своей работе, и не из пристрастия к деньгам, а из любви к монастырю и его насельникам. Она любила Богородицу и Её чад — монахов. Мы проработали вместе с ней восемь лет. Она никогда ничего для

себя не просила и ни разу не воспользовалась тем, что была для нас необходимой. Никогда между нами не проскочило ни одного резкого слова. Она трудилась в монастыре с раннего утра до вечера, а если нужно было остаться до ночи, то она никогда не отказывалась и не жаловалась на задержку. Уста свои она держала закрытыми, а руки и ноги были всегда готовы к работе. Наши вещи она стирала в ледяной реке даже зимой, не обращая внимания на местный суровый климат. Кроме того, она мыла туалеты и жилые помещения, меняла на кроватях постельное бельё, помогала на огороде и в переноске строительных материалов. А в оливковых рощах, принадлежащих монастырю и находящихся возле Агриниона, первой была девица семидесяти пяти лет — Васи́ло.

Она была моей лучшей послушницей как в том, что касалось работы, так и в том, что касалось её духовной жизни. После её кончины я ежедневно думал: «Ушла Васи́ло, нигде её нет». Как могло у этой исстрадавшейся дочери прусийских лесов и ущелий появиться такое благородство, такой дух самопожертвования? Васи́ло стала нашей матерью, а мы — её любимыми детьми. Пока мы жили в этом монастыре, я годами наслаждался удивительной материнской любовью и заботой этой женщины, будто пришедшей из давних времён, хотя из-за расстояния, которое часто разделяло нас, с ней не

всегда можно было даже поздороваться. Там я понял, что если в наших сердцах действительно есть Христос, то нас ничто не сможет отдалить друг от друга, как бы далеко мы ни находились.

Перед кончиной её постигло испытание: во время сбора оливок она повредила ногу. Мало-помалу она стала угасать и без жалоб, без ропота, но с именем Богородицы на устах оставила этот мир и перешла в вечность.

В моей жизни было много людей, любовь которых светила мне, но имён их я уже не помню. И всё-таки я не могу не вспоминать о тех, кто вместе со мной переносил дневной жар и холод ночи. Сподвижничество — одна из важнейших сторон человеческой жизни, в чём бы оно ни проявлялось: в духовной ли брани, в телесных ли трудах. Как важно, чтобы люди были настолько едиными, чтобы многие составляли как бы один организм! Какой скорбью проникнуты слова Богочеловека: «Вы Меня оставите одного»²²²! Но теперь пора вернуться к моим замечательным знакомым.

²²² Ин. 16:32.

Старик Анастасий

Анастасий был родом из Эвритании²²³, из деревушки Долиана, которая находится за селением Мегало Хорион. Чтобы туда добраться, нужно выйти из Мегало Хорион, подняться на вершину высокой горы Цука и спуститься по другому её склону. На этих высоких уступах когда-то поселились наши предки, спасаясь от притеснений турецких властей. Сегодня там, наверное, никто уже не живёт. До этого пустынного убежища турки, может быть, и не добрались, но туда добрался дьявол, и не только добрался, но и обосновался. Дядя Анастасий рассказывал мне: «Одна женщина в этих местах занималась колдовством. К ней многие приходили, даже издалека, чтобы навести порчу на своих ближних. В те ночи, когда она занималась своими бесовскими делами, раздавался такой сильный грохот, что нам казалось, будто горы сдвигаются со своих мест, что они сейчас упадут и раздавят нас. В такие вечера нам было не до сна, никому не хотелось разговаривать. И даже когда в 44-м году после нападения партизан она ушла из нашего села в Панэтолион, здесь не стало спокойнее. Бесы продолжали наводить на нас ужас,

²²³ Область в Центральной Греции.

пока мы не пригласили покойного митрополита Навпакта и Эвритании Христофора Александропулоса. Он прочёл молитвы об изгнании злых духов, и только после этого здесь стало спокойно. В этом месте не ведьмам бы колдовать, а монахам подвизаться».

С дядей Анастасием я познакомился в 75-м году, когда ему было уже под восемьдесят. Он был немного сутулым, но с лицом таким светлым, приятным, радостным и чистым, как у маленького ребёнка. Глаза у него были голубыми и сияющими, как окна освещённого изнутри храма, светящиеся среди ночи. Как только я его увидел, то сразу же почувствовал к нему сильное расположение и подумал: «Да он прямо как храм Божий!» Его лицо показалось мне тогда похожим на освещённую светом свечей сельскую церковь в рождественскую ночь. Я начал думать, как бы мне с ним познакомиться поближе, но это оказалось ненужным: он сам подошёл ко мне и захотел исповедаться. Возможность узнать его лучше обрадовала меня не меньше, чем его — возможность исповедаться. И хотя в то время сильное переутомление не позволяло мне исповедовать, я с радостью согласился, так как был уверен в том, что его душа окажется «усланной

горницей» 224 . С благоговением к Таинству исповеди рассказал он мне о своей жизни. Он чувствовал, что конец его близок, и потому хотел принести исповедь за всю жизнь, как умирающий.

— Знаешь, батюшка, когда я был подростком,

224 Ср. Мк. 14:15, где речь идёт о комнате Тайной Вечери.

то через наше село проходил один монах. У него на спине был дорожный мешок, а в руке посох. Он был похож на святого Косму Этолийского. Вечером мой отец пригласил его к нам домой. Мою комнату от комнаты этого старца отделял лишь тонкий простенок. Когда ночь подходила к концу, я услышал церковное пение и чтение. Я тихонько встал и подошёл к его двери. Через щель между досками мне было видно, как этот монах то читает, то кладёт поклоны, то поёт. Не могу сказать точно, как долго я смотрел на то, что он хотел делать втайне от других, наверное, больше двух часов. Когда рассвело, мама приготовила завтрак и накрыла стол. Я сел рядом с ним. «Отче, что Вас привело в наше село?» — «Проповедь о Христе». — «Вы ночью служили литургию?» — «Нет, сынок, это была утренняя и моё келейное правило». — «А мне, мирянину, можно так молиться?» — «Так можно молиться всем: и клирикам, и мирянам». — «Но у меня нет книг». — «Ничего, я оставлю тебе свои». Он открыл свой мешок и сначала достал оттуда антидор и святую воду. «Принимай их каждое утро, — сказал он мне. — Если у тебя будет ночью искушение, то отложи на следующий день». После этого он достал и книги. Какая радость охватила меня! Я как будто увидел весь мир. Он раскрыл Часослов и показал мне полунощницу, а потом и прочие книги, нужные

для совершения утрени и вечерни. Несколько дней он оставался у нас, а потом, оставив мне всё, даже мешок, ушёл, и я его больше никогда не видел. С тех пор до сего дня я ежедневно читаю церковные книги. Этого монаха мне Сам Бог послал. Когда я о нём вспоминаю, то моё сердце исполняется благодарности сначала к Богу, а потом и к этому благословенному человеку. Люди говорили о нём: «Что нужно этому монаху?» — «Он проповедует о Христе». И действительно, он указал мне путь Христов.

— Когда ты читал последование, твоя жена молилась вместе с тобой?

— Не всегда. Она поднималась в одно время со мной, но из-за разных домашних дел (ей нужно было затопить печь, приготовить еду) она многое пропускала.

— Она тебе доставляла неприятности?

— Да так, по мелочам.

— Что ты чувствовал, когда совершал службы?

— Отец Григорий, посреди совершенного безмолвия ночи я испытывал такой внутренний мир и тишину, как будто был в раю. А потом в течение целого дня, занимаясь своим хозяйством в безлюдных местах, я чувствовал, будто меня охраняет невидимая стража. Иногда, когда я спешил и что-то пропускал из службы, то

чувствовал, что стражей было меньше.

Он несколько раз приходил к нам в монастырь. Оставшись в одиночестве (жена его умерла, а вся родня уехала жить за границу) и не выдерживая трудностей глубокой старости, он решил перебраться в дом престарелых. До того как он уехал в «большую деревню Аттики»²²⁵, от прежней пастушеской жизни у него оставалась лишь одна коза. Он привел её в монастырь, потратив на пеший путь около трёх дней. Весь вспотевший, он передал её мне у монастырских ворот.

— Вот, отче, будет тебе небольшое утешение в твоей болезни.

Я прикусил себе язык, чтобы не сказать ему, что совсем не пью молока.

С тех пор прошло много лет. Я уже поседел, но всё не могу забыть эту картину: дядя Анастасий с козой в монастырских воротах. Его светлое лицо многому меня научило. В тот момент мне вспомнились слова игуменьи Евсевии: «После всех встреч, бывших в моей жизни, я теперь лишь смотрю на лица людей и славлю Бога».

225 Шутливое название Афин.

Врач Корина Дрэс

Эта замечательная женщина была родом из славного города Месолонгион²²⁶. Во Вторую мировую войну она пошла добровольцем на фронт и служила там медсестрой. После войны она стала фельдшером и получила направление в Эвританию, в горные селения, расположенные на высоте более тысячи метров, где работала до выхода на пенсию. Она трудилась среди высоких гор, где холодной зимой местные жители гонят приезжих и говорят: «Оставьте нас одних бороться со снегами и ледяными ливнями. Приходите к нам весной». Она была похожа на всеми забытых сельских проповедников: когда она проработала в горах уже долгое время, никому и в голову не пришло перевести её на равнину, где климат гораздо мягче. Полунищая и не защищённая своим начальством, она безропотно проработала в округе, в который входили селения Домниста, Крикелло и Карпениси, целых тридцать пять лет. С тех пор всякий раз, видя медицинскую сестру, я вспоминаю Корину, которая со стетоскопом, тонометром и спринцовкой летом и зимой ходила от хижины к хижине, чтобы оказать медицинскую помощь немощным и старикам.

²²⁶ Город в Центральной Греции.

У всех людей для Корины было лишь одно прозвище: «золото» или «золотая». Горец-лесоруб или пастух заходил в её медпункт диким зверем, а выходил кротким агнцем, трогательно произнося это приятное прозвище. Благодаря своему ласковому обращению и тихому голосу она всегда была для них ласточкой, приносящей весну в их израненные души. Своей кротостью и забавными историями она укрощала озверевших и утешала страждущих. Она была настоящим духовником для своего села, волнорезом во время бурь, потрясавших семьи. Людям, живущим вдали от мира и от других людей, необходимо утешение, нужен кто-то, кому они могут рассказать о своих страданиях. Именно таким человеком и была Корина, «врачиха», как её называли. Найти её было нетрудно. Она знала лишь две дороги: в медпункт и в церковь. Болезнь часто становится путём, ведущим к Богу, и потому блажен тот врач, который во время болезни помогает заблудившейся овце пройти им до конца.

Корина не умела ни петь, ни читать в церкви, но очень хорошо умела слушать и следить за службой. Она не пропускала ни одного богослужения. По выражению одного из её односельчан, она была «церковным подсвечником», который не поёт, не читает, но зато всем светит. В Прусском монастыре, где мы служили, в великие праздники она была единственной мирносицей. Из своего горного села она приходила нагруженная подарками, словно покупками из городского супермаркета, чтобы мы могли вместе с ней

порадоваться празднику. Её исповедь всегда была простой и ясной, такой же, какой была и её душа. Она была женщиной чистой, стоявшей выше любых подозрений.

Этот высокий розмарин никому не давал повода к греховным мыслям. Тяжёлое фельдшерское служение она проходила подобно Ангелу. Куда бы она ни приходила, у всех оставалось впечатление, что их посетил человек Божий. Она никогда ни с кем не ссорилась, потому что никогда не настаивала на своих правах.

В своём завещании она упомянула братию монастыря Дохиар и оставила нам десять тысяч драхм на поминание.

Да будет вечной её память пред Богом! Своим примером она учила нас самопожертвованию и чувству собственного достоинства, уравновешенному смирением. Даже жалобы её были прекрасны, мне было радостно их слушать. Я ей благодарен за всё.

Повар Герасим

Отче, на панихиде я слышу, как Вы читаете молитву: «...смерть поправый и диавола упразднийый...», — но в жизни я часто вижу, что мы своими многочисленными грехами сами открываем дорогу дьяволу и даём ему просторное

место, где он начинает скакать, как жеребец. Я видел, как он сидел в кастрюле с кипятком и не давал приготовить еду, чтобы я опоздал с исполнением заказа, начал роптать и гневаться. Я видел, как он не давал действовать приправам, чтобы моя еда была не такой вкусной, как ожидалось. Но тогда, когда у меня был добрый помысел о том, сколько лишних порций мне положить в кастрюлю, чтобы накормить нищих и увечных, а не о том, сколько клиентов мне удастся привлечь, и сколько я на этом заработаю, то видел, как дьявол уходит вместе с горячим паром через вытяжку. Если ты поступаешь по воле Божией и имеешь добрые помыслы, то трудишься ради пяти драм, а получаешь сто. Но если ты гречишь, то, работая с надеждой получить сто, получаешь пять, да и те будут тебе не в радость. К тому же и дьявол со своей стороны очень старается навредить. Разве ты видел где-нибудь его могилу? Поэтому мы не должны быть беспечными. Всякий раз, услышав в магазине крики и шум драки, я сначала клал ладан в кацею, а потом уже заходил внутрь. Я обнаружил, что в ладане присутствует сила Христова. Для своего магазина я всегда сперва покупал ладан, а потом уже продукты. Чем бы ты, отче, ни занимался, сначала перекрести это, чтобы у искусителя отсохли руки, а потом уже приступай к делу. Вам, монахам, нужно быть особенно

внимательными, так как он искушает вас больше, чем нас, мирян. Далее, вы носите чёрную одежду, и поэтому всё, что вы делаете, видно. Неужели бесы совсем вам не докучают? С каждым из нас борется один, а с каждым из вас — тысячи, и если им удаётся найти у монаха слабое место и поймать его, то это для них настоящий праздник. «Я победил, — говорит тогда один из них другому, — того, кто считает себя и хочет казаться воином Христовым».

О бесовских искушениях Герасим мог рассказывать бесконечно.

Он был родом из Эвритании, из селения Ставли, которое никогда так и не было нанесено на карту. Подобно ледяному северному ветру, и зимой и летом им досаждала постоянная нищета. Во время гражданской войны на него напали партизаны, после чего ему пришлось бежать в Агринион, где он больше других вкусил горестей жизни беженца.

— Ты сам видишь, отче, что в этих местах к бегству нас вынуждали не только турки, но и люди, бывшие когда-то близкими и единоплеменными.

У Герасима была жена Констандо, тоже замечательный человек: мы познакомились с ней, когда ей было уже за семьдесят, она, как малое дитя, всё время смеялась и всегда была радостной. Вместе с ней он открыл небольшую таверну в Агринионе, тогда ещё маленьком городке. Мне до сих пор неясно, какой была цель их жизни: зарабатывать для себя или кормить голодных бедняков, которых в то время было большинство. Каждый день они как будто заключали пари о том, кто из них накормит больше бедняков, которые заходили в их магазин с обоих входов: переднего и заднего, тогда как состоятельные клиенты могли заходить только с переднего.

Когда они вышли на пенсию, я стал брать их поварами в Прусийский монастырь на летние

месяцы. Когда эти старики брали на себя кухню, которая обычно бывает местом напряжённых отношений и нервных срывов, то она превращалась в место мира и радости, становилась настоящим храмом. Дядя Герасим никогда не строил из себя умника, который хочет, чтобы к нему все обращались с вопросами и уважали. Его и без этого уважали все отцы: от меня, тридцатипятилетнего игумена, до послушника Фаниса, которому было тринадцать лет. Завидев кого-то из нас на пороге кухни, он тут же говорил:

— Отче, что тебе приготовить?

А кастрюля у Герасима, казалось, была неисчерпаемой: в ней всегда была еда.

— Дядя Герасим, там пришли двое, у тебя есть еда? О, их уже пятеро.

— Есть, отче, найдётся даже для тысячи. Оттого, что в монастыре еда раздаётся даром, она никогда не кончается.

Всё это он делал и говорил с любовью и уважением к людям.

Это были незабываемые годы и незабываемые люди, которых Сам Бог посылал с небес, чтобы доставить утешение монахам в их трудной жизни в полуразрушенном Прусийском монастыре.

Во время сбора оливок в рощах близ Агриниона Герасим и Констандо, нагруженные едой для братии, приходили первыми на помощь,

несмотря на холод и дожди.

«Ай-ай-ай, детки, — говорила Констандо, — где же вы столько лет прятались, что мы не могли вас отыскать? Я слышала о монахах и думала, что они какие-то чудища и страшилища, а оказалось, что вы для нас — радость от Бога».

Их дом был совсем маленьким: три на три метра. Как часто они приглашали нас и угощали обедом с радушием Авраама, Исаака и Иакова!

Я полюбил этих людей, и мне очень хочется встретиться с ними на небе. О таких замечательных людях невозможно забыть, сколько бы лет ни прошло.

Помяни, Господи, Герасима и Констандо, так много сделавших для нашей братии!

Экономка Елена

Елена жила в живописном селении Карпениси, где с детских лет бедность была её постоянной спутницей. Её выдали замуж за жестокого и грубого человека. После свадьбы ей сразу же пришлось наняться прислугой, чтобы им с мужем было на что жить, так как его доходов не хватало даже для него самого. Ноги этой маленькой женщины скрутились от непосильной работы и стали похожи на обрубки виноградной лозы. Такое сравнение сделал мой покойный отец, добавив при

этом, что эта женщина, должно быть, совсем измучилась. Её душевные страдания и боль, а также телесные немощи привели её в наш монастырь Богородицы, где она стала ежегодно помогать нам во время нашего храмового праздника — Успения. Там я с ней и познакомился, и она рассказала мне о великом чуде, которому она стала свидетельницей.

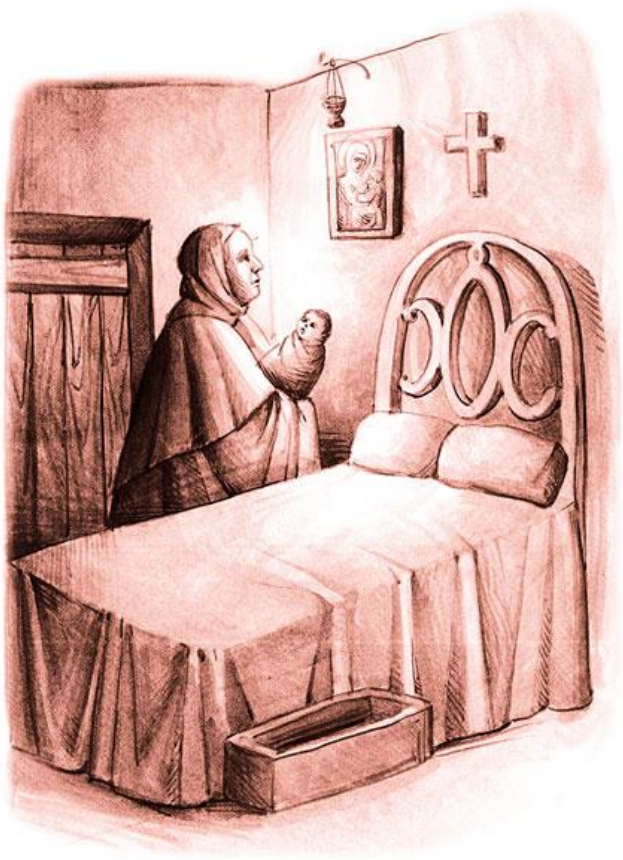

«Я, отче, работала от зари до зари, а по вечерам мой ныне покойный муж бил меня за любой пустяк. Он швырял меня по полу, как мальчишки — футбольный мяч.

Какое-то время я служила экономкой у одного

врача. Он хорошо мне платил, но был таким же грубым и жестоким, как и мой муж. Он не позволял мне сказать даже слова о том, что я слышала и видела в его больнице.

Как-то раз я должна была вынести мусор. Я взвалила мусорную корзину себе на спину и холодным вечером отправилась на свалку. По дороге мне постоянно слышался тихий детский плач. Я смотрела по сторонам, но никого не видела. Мне стало страшно, я начала креститься. «Это, наверное, нечистый, — подумала я. — На дороге никого нет, а я постоянно слышу плач младенца». Я пришла к свалке, сняла крышку с корзины и тут увидела плачущего ребёнка, который был весь в крови. «Пресвятая Дева, что мне делать? Врачу нельзя ничего говорить, ведь это он его выбросил. А как я могу показать его своему мужу? Он меня зарежет, как пасхального ягнёнка. Я уже не говорю о том, что может прийти ему в голову». Я завернула ребёнка в свой передник. Он был тёплым и плакал. «Ведь это живое творение Божие. Моё сердце не позволит мне его выбросить. Я возьму его к себе домой, и да поможет мне Бог». Я поцеловала его. С его головки текла кровь, наверное, его ударила крышка корзины. Я прижала его к себе, чтобы согреть, и понесла домой. Как я уже сказала тебе, отче, я прижала его к себе так сильно, как могла, чтобы ему было тепло.

Дома никого не было. Я подумала: «Бог за меня». Я отмыла ребёнка от крови, запеленала его в свою старую ночную рубашку, покормила грудью (я была кормилицей) и положила в кадку, в которой

замешивала тесто, чтобы моему птенчику было где спать. Я перекрестила его и сказала: «Пресвятая Богородица, сделай так, чтобы он не плакал». И Богородица, отче, сотворила чудо: он ни разу не заплакал! Я кормила его тайком и укладывала спать под нашей кроватью. Когда приходил муж, я вся дрожала от страха. Сердце моё вырывалось из груди при мысли о том, что будет, если ребёнок заплачет.

Прошло время, и он начал ползать. Как-то днём, когда мы с мужем обедали, ребёнок распеленался и выполз из-под стола. Как только мой муж его увидел, глаза у него засверкали, как у льва.

— Это ещё что? — спросил он.

Тогда я перекрестилась и рассказала ему о своей тайне. Он был тронут моим рассказом, и принял ребёнка, как родного. Этот мой сын теперь уже женат и работает в Карпениси. Он постоянно мне помогает, в отличие от родных детей, от которых мне нет никакой помощи».

Всякий раз Елена плакала, когда рассказывала об этом. Она говорила так живо, что я и сам чувствовал, будто находился рядом с ней в тот вечер, когда она несла мусорную корзину, пугался от детского плача, открывал корзину, в изумлении доставал из неё раненого младенца и прижимал его к своей груди. Представлял, как прячу его под

кроватью и молюсь, чтобы он молчал, как рыба, чтобы от его плача не поднялась буря дурных мыслей в голове у старого драчуна. Меня так же трогало его появление из-под бедно накрытого стола Елены.

Я часто спрашивал у неё:

— Ты не пыталась узнать, кто его родители?

Она отвечала:

— А что бы это дало? Я считаю его своим и переживаю за него больше, чем за родных детей. То, что с ним случилось, побудило меня советовать женщинам, которые работают прислугой у врачей: «Внимательно смотрите, что лежит в мусорных корзинах, которые вы выносите на свалку». Может, давать такой совет и грешно, но мне это кажется правильным.

Я записал этот рассказ для того, чтобы не был забыт поступок Елены и стало известным чудо Богородицы, Которая около двух лет удерживала младенца, чтобы тот своим плачем не выдал свою приёмную мать. Если мы всю нашу надежду возложим на Бога, Он всё для нас сделает.

СВЯТАЯ ГОРА

Духовное утешение в уделе Богородицы

Утешения Твои , — говорит Богу великий царь Давид, — *веселят сердце моё* ²²⁷. Всякий, кто посвятил свою жизнь служению Богу, никогда не оставался без утешения Святого Духа. Без этих

²²⁷ Пс. 93:19.

Божиих веяний тихого ветра корабль души не может двигаться вперёд. Время от времени мы переживаем это Божественное посещение, делающее подвижника ещё более мужественным. Преподобный Серафим Саровский тысячу суток простоял на коленях на камне, на котором даже появились углубления, ожидая возвращения той благодати, которую вкусил вначале. Пророк Давид просил Бога остановить волны Своей благодати²²⁸. Мы же, немощные и недостойные, иногда получаем лишь небольшие брызги от божественных волн, да и это бывает настолько редко, что зачастую мы чувствуем себя совершенно оставленными. Лишь в болезнях и страданиях мы ощущаем посещение Божие и говорим себе: «Снова вспомнил о нас Бог и посетил с жезлом железным. Впрочем, мы не боимся, что Он им нас разобьёт²²⁹, ибо мы Ему одному служим и от Него надеемся получить спасение». Многим такой опыт кажется странным, но он истинен. А теперь я приведу несколько свидетельств, подтверждающих правдивость сказанного.

²²⁸ Ср. Пс. 41:8.

²²⁹ Ср. «Ты поразишь их жезлом железным, сокрушишь их, как сосуд горшечника» (Пс. 2:9).

Один благоговейный юноша, у которого были духовные искания, ходил по Святой Горе со своими духовными братьями. Он ощущал такую любовь к афонской природе, что обнимал ветви деревьев и кустарников. Каждый монастырь казался ему «городом, стоящим наверху горы» ²³⁰. От встречавшихся ему человеческих немощей у него не пропадали сердечная теплота и уважение к монашеству. Он чтит и любит монахов больше всех других творений Божиих. И если другие соблазняются неблагоприятными поступками монахов, из-за которых им не хочется видеть в их жизни ничего хорошего, то этот юноша в таких случаях смиренно вспоминал рассказ из Патерика: «Монах, которому было уже семьдесят пять лет, подвергся такому сильному искушению, что оставил пустыню и отправился в Александрию. Но Бог, печалась о его трудах, послал Ангела, чтобы вернуть его обратно». Святые отцы говорят: «Никакой труд, подъятый ради Бога, не бывает напрасен. Наш Владыка щедр: Он всех любит и всем даёт награду».

Первой заботой нашего юноши было отыскать знакомых монахов, которые бы подсказали им, какие места стоит посетить. Седой монах,

²³⁰ Мф. 5:14.

работавший портным, показал им дорогу в один скит. По пути они заблудились в лесу и потеряли дорогу. В первой встретившейся им каливе они нашли двух монахов, которые ухаживали за своим больным старцем, который был прикован к постели. Обеспокоенные паломники спросили у них:

— Как нам выйти на дорогу к скиту?

Те ответили:

— Давайте вы сперва поклонитесь святому нашей кельи, потом мы вас угостим, а затем уже покажем дорогу.

— Хорошо, давайте мы поклонимся, но угощения не нужно.

— Тогда мы не покажем вам дорогу.

Сильная любовь иногда принуждает и не терпит возражений, ведь и само слово «любовь» означает не столько хорошее чувство, сколько действие.

Сопровождаемые этими монахами, паломники оказались в храме полуразрушенного скита. На мгновение им показалось, что это место необитаемо. Им захотелось, пусть нестройно, позвонить в колокола храма. Затем они прислонили свои уставшие спины к стене храма и стали ждать, когда братия скита предложит им угощение. Во время этого ожидания Бог их утешил. Наш юноша вдруг ощутил незнакомое благоухание. Он подумал: «Наверное, этот приятный запах идёт от

какого-то цветка. Но в этом месте нет никаких цветов. Сейчас уже начало июля, и здесь вся зелень засохла. Может быть, мы наступили на какое-то растение, которое пахнет даже когда засохнет?» Он посмотрел вниз и увидел в стене храма отверстие, похожее на люк. Наклонившись к нему, он ощутил ещё большее благоухание, которое явно исходило оттуда. Там в полумраке можно было различить кости почившей братии. Кто знает, сколько из них угодили Богу, но остались неизвестными для людей, так как они сами того хотели?

Спустя много лет юноша вновь оказался в пещере с останками братии, в которой весь воздух был напоен таким благоуханием, как будто там покадил невидимый Ангел. С тех пор всякий раз, заходя в братскую костницу, он поёт: «Боже отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не отстави милость Твою от нас...»²³¹, почитая отцов, просивших Господа оставить их бесславными, ничего не значащими и безвестными.

В одном древнем монастыре, построенном около XI века, служил иеромонах, происходивший из одного далёкого места. Он чувствовал себя чужим и пришельцем, как говорил святой Григорий Богослов. Когда ему приходили на память родные

²³¹ Общий тропарь преподобным отцам.

места, а особенно духовный отец, то он становился безутешным. Ни прекрасный собор, ни тенистые леса, ни масличные деревья с ветвями, склонёнными к земле от тяжести плодов, ни цветущие сады, в которых удивительно красиво пели соловьи, ни воодушевление благоговейных людей, видевших монастырь вновь открытым, не могли наполнить радостью его сердце. Он никогда не чувствовал полноты в своей душе, но лишь одну постоянную пустоту. Такую пустоту ощущали и евреи, сидевшие в Вавилоне на берегах Евфрата. Поэтому каждый вечер он тихонько напевал: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона»²³².

Но Богородица, помощница всех тонущих и терпящих бедствие, в полуденные часы стала изливать посреди Своего храма неведомое людям благоухание, на небольшом расстоянии между святой Трапезой и жертвенником. И всякий раз, когда угнетённый печалью иеромонах в простоте сердца и без любопытства входил в алтарь, чтобы проверить, не потухла ли лампада перед дарохранительницей, душа его утешалась этим неизреченным благоуханием.

Один монах-подвижник, живший в

232 Пс. 136:1.

уединённой келье Святой Горы, однажды признался нам: «Если в каком-нибудь монастыре монахи подвизаются, то я, заходя в главный храм обители, ощущаю благоухание. А если они живут нерадиво, то какие бы благовонные ароматы они ни использовали для каждения, я чувствую вонь, которая заставляет меня выйти».

Бог да помилует нас.

«Прекрасный рай»

Есть люди, которых мы только видим, но не слышим. О других мы только слышим, но не видим. И есть немногие, в которых сочетается и то и другое: мы их и видим, и слышим. Одним из таких людей был для нас блаженный русский старец Тихон. В своё время его считали истинно духовным человеком, даже старец Паисий Святгорец учился у него отшельнической жизни. Его учеником был также монах Афанасий из Иверского монастыря, известный и признанный на Афоне подвижник.

Отец Тихон был довольно высокого роста, с длинной бородой, которую всегда завязывал в узел, чтобы удобнее было работать, и с кустистыми бровями, наполовину закрывавшими его большие глаза. Будучи русским, он любил красивый внешний вид и фотографировался в великой монашеской схиме, опускавшейся до самых ног, и

со своим простым крестом в руке, поднятым, как знамя победы над смертью и грехом. Никому и в голову не приходило, что он так делал только для вида, отдавая дань своему русскому воспитанию: известно, что русские любят помпезность больше, чем греки.

В начале июля 1967 года один смиренный священник привёл нас в каливу старца Тихона. Его келья была настоящим жилищем подвижника, укрытым посреди тенистой листвы бескрайних лесов Святой Горы и доступным только для тех, кто знал о нём. Эта калива была необычайно скромной и выглядела скорее заброшенной, чем обитаемой. Затаив дыхание, мы постучались в дверь. «Наверное, он великий подвижник, если ради того, чтобы взять у него благословение, нам пришлось проделать такой путь», — думали мы. Дверь открылась, и перед нами предстал человек, как будто пришедший из давних времён. Он впустил нас, постоянно повторяя «Слава Тебе, Боже!» и не выказывая ни малейшей досады, что мы нарушили безмолвие и прервали его молитву. В свою маленькую церковку он завёл нас с пением «Достойно есть», затем надел дырявую и не очень чистую епитрахиль и отслужил молебен, спросив перед этим о наших именах для поминовения. Он нам устроил настоящую епископскую встречу, но всё это было сделано очень просто и бесхитростно,

как ему подсказывала подлинная святость. Такой прекрасной встречи, проникнутой беспредельной любовью, я не помню за всю свою жизнь. В тот момент я ни о чём не мог думать, лишь стоял с раскрытым ртом, как те, что смотрят на хворост, горящий в печи.

Затем он вывел нас из своей кельи наружу и привёл к простенькому архондарику, к которому вела небольшая каменная лестница. Мы сели и начали слушать, а старец, стоя перед нами, излагал нам учение святых отцов. О случаях из собственной жизни, откровениях и видениях ему говорить не хотелось. Его учение было только святоотеческим и евангельским, напоминавшим учение Пахомия Великого. Говоря с нами, он другим отцам предпочитал Златоуста, труды которого, по его словам, он изучал семнадцать лет, пока жил на Карулях²³³. Он печалился о том, что ему некому было передать изученное им на практике и что он считал твёрдой пищей. Один из нас попросил его изложить нам учение преподобного Ефрема Сирина. Старец, прекрасно знавший людей, вежливо ответил отказом: «Вам, живущим в миру, лучше применять к себе учение Златоуста, а

²³³ Крутой и обрывистый южный склон Афона, на котором живут только пустыnnики.

преподобный Ефрем больше подходит для нас, монахов».

А какие плоды своего духовничества могут увидеть современные старцы, которые человеку, едва с помощью Божией отставшему от тяжких грехов, предлагают изучать высокое учение Исаака Сирина, ссылаясь на то, что этот человек якобы имеет образование? И вот, на какой-нибудь бирже, вместе с грязными бумагами у него лежит и книга аввы Исаака. А они ему дают ещё и чётки, чтобы он занимался умной молитвой! К сожалению, эти старцы не чувствуют, что пытаясь этим вытащить такого человека из одной пропасти, они ввергают его в другую. Они вешают ему на шею мельничный жернов, чтобы он утонул окончательно. В отличие от них, у старца Тихона была величайшая из добродетелей — рассудительность.

«Я не стану одинаковый груз навьючивать и на коня, и на ослика, — говорил он, — ведь ясно, что ослик под ним упадёт».

Умное делание он также не рекламировал. Для нас, мирян, у него напоказ выставлялись лишь назидательные и утешительные слова Златоуста. Отец Тихон был настоящим старцем: светил одному, а просвещал многих.

Когда мы увидели, что старца мало волнуют наши бесплодные и безуспешные порывы, полные тщеславия и пустых фантазий, то мы спросили его

об умерщвлении плоти, что было для нас тогда наиболее насущным вопросом. Было видно, что старец обрадовался, что мы спросили его о чём-то действительно важном. Он начал говорить об этом так живо, словно он сам был восемнадцатилетним юношей и боролся со своей неумолимой плотью.

— Когда плоть цветёт от обильной пищи и телесного покоя, то она уже не просто требует должного, но хочет пожрать всего человека, при этом оставаясь ненасытной. Усмири свою плоть трудами и постами, и её уже не потянет к женщине, а ты станешь наследником прекрасного рая. (При этих словах старца нам, полным и изнеженным городской пищей, стало стыдно. Мы не знали, куда нам спрятать наши белые розовощёкие лица.) Недавно ко мне в келью пришёл один монах. «Отче, меня тянет к женщинам». — «А чем ты питаешься у себя в келье?» — «Только хлебом». — «Принеси-ка его сюда». Спустя три дня монах пришёл снова. «Ну что, чего тебе теперь хочется: женщин или хлеба?» — «Хлебушка, отче». — «Вот, возьми свой хлеб и научись самостоятельно смирать свою плоть, чтобы её не тянуло на блуд».

Многое сказал нам тогда старец. В моей памяти мало что сохранилось, но то, что удержало сердце, стало для меня защитой от бесовских козней.

Спустя какое-то время он попросил

священника, нашего проводника, сварить для нас кофе. Хлеба у него, кажется, не было вовсе. Несколько ломтей он разложил на солнце, чтобы сделать из них сухари, но и те по большей части были объедены муравьями. Я сказал ему:

— Муравьи съедят весь Ваш хлеб.

Он ответил:

— Ничего, что-то ведь и мне останется. Они едят его, пока он не высох, а когда солнце высушит его, то они уйдут.

Между тем наш священник собрался вымыть «бокалы богемского хрусталя»: несколько консервных банок из-под сгущёнки, в которых была кофейная гуща, оставшаяся от предыдущих гостей.

— Батюшка, оставь ты эти мирские штучки. Наливай кофе так, пусть люди попьют.

Я был поражён тем, насколько глубоко его испытующий взгляд проник в моё сердце. Действительно, посуда старца показалась мне отвратительной. Я думал было над ним подшутить и как бы случайно пролить кофе на стол, но как мне было спастись от его взгляда? Я выпил кофе, и эта аскетичная простота стала для меня уроком на всю жизнь. «Не будь дураком, — сказал я себе, — тебе никогда не стать пустынноником. Киновия, и та будет для тебя слишком трудной».

Один из нас, подстрекаемый остальными, вежливо спросил, можно ли его сфотографировать.

— Оставь-ка, сынок, эту коробочку, и послушай лучше, что говорит Златоуст. В этих словах нет ничего моего.

Старец жил очень бедно, как я слышал от его ученика. Он кипятил воду и два-три раза опускал в неё высохший скелет селёдки: так он готовил себе «уху» по большим праздникам. Его деревянная кровать была с наклоном и постоянно переворачивалась. Стоило ему на ней заснуть, как он тут же скатывался и падал. Литургию он служил ежедневно, и зимой даже решался начинать её один, не дожидаясь прихода псаломщика.

Однажды митрополит Ленинградский Никодим при посещении старца стал перед ним на колени, чтобы взять у него благословение. Старец сказал ему: «Встаньте, ведь Вы архиерей!»

Его жизнь всегда была лишена какого-либо комфорта и удобств современной цивилизации. По вечерам он брал в руки чётки и совершал бесконечные прогулки по своему саду, произнося Иисусову молитву. До меня доносились лишь её последние слова: «помилуй мя».

Уйдя из его калиты, мы всё повторяли в уме слова, сказанные им в храме: «Смири плоть, чтобы попасть в прекрасный рай».

Распятие из его кельи находится теперь в Иверском монастыре. Оно не представляет собой какого-то выдающегося произведения искусства, но дорого тем, что перед ним молился старец Тихон. Как бы и мне хотелось иметь у себя что-нибудь из его «сервиза», чтобы пить воду с его благословением! Кто знает, у кого он теперь хранится?

Божии подсудимые

За год до своей смерти старец Филофей Зервакос, которому было уже девяносто шесть лет, в одну благодатную минуту снял с себя епитрахиль и возложил её на меня. Он стал передо мной на

колени, согласно древнему уставу монастыря Лонговарда, и начал свою исповедь.

— Отче, передо мной ли Вам исповедоваться?!

— Сейчас я не старец, а подсудимый.

В скиту святой Анны²³⁴ я встретил двух таких Божиих подсудимых: старца Павла и его послушника. Оба они всегда ожидали меня, чтобы исповедаться, и всякий раз я становился свидетелем их поразительного самоукорения. Даже разбойники не стали бы так себя бичевать. Самих себя они ни во что не ставили. Приклонив колени, старец первым начинал поносить себя:

— Я неблагодарен Богу за Его дар — моего послушника. Я часто кричу на моего брата и делаю ему замечания, не из любви желая его исправить, а по страсти гнева. И по отношению к помыслам я не всегда бываю трезвенным и не успеваю их отражать. Я бываю близок и к осуждению, но когда обращаю внимание на собственные страсти, то оно, слава Богу, не одолевает меня. Я всегда избегаю слышать о скитских новостях, так как считаю их чернилами каракатицы, которые делают мутными воды моего сердца.

²³⁴ Большой скит у подножия Святой Горы.

Он говорил и многое другое, чего моя память не сохранила от удивления перед таким зрелищем. Оно было не из обычных: высокий седобородый старец и его микроскопический послушник соревнуются, подобно лодкам в моём селе, кто превзойдёт другого в самоукорении.

Его послушник, монах небольшого роста, говорил:

— Мой старец — святой человек, а я раздражаю его своей ленью и любопытством. Когда я выхожу из кельи, то часто запаздываю с возвращением. Мой старец, как любящий отец,

выходит за стены кельи и ждёт меня. Уже одна эта картина приводит меня в чувство. Я не хочу огорчать старца, но теряюсь в скитской суете, хотя он с самого начала предупреждал меня: «Держись подальше от разговоров», — а я до сих пор этого не исполняю.

Они, как подсудимые, повергшись лицом на землю, со слезами слушали разрешительную молитву. К прощению грехов они относились как к великому дару Божию.

У меня есть ещё одно воспоминание о них, которое следует записать. Старец был знаком с музыкой. Его голос был не из самых приятных, но зато чудесным было его сердце. Когда на бдении во время длинного «Богородице Дево, радуйся» он пел слово «Марие», то широко раскрывал уста, а язык его был словно плектр, ударяющий по струнам прекрасного инструмента. С тех пор я видел многих певчих, но спеть так, как отец Павел пел слово «Марие», никому из них не удавалось. Слушая его, я думал: «Для отца Павла Мария — гарантия его спасения. Это такое имя, которым он никогда не насытится, как бы он ни раскрывал уст. «Радуйся, благодатная Марие!»» Он действительно не мог насытиться этим именем, и от этого язык у него вращался во рту, словно он смаковал кусочек маминого пирожного, которое она поднесла ему в хрустальной вазочке. Каким это было

удовольствием, каким наслаждением! Громкое пение отца Павла как бы наполняло его уста именем «Мария», и оно изливалось оттуда подобно лаве божественного вулкана на протестантов, которые не чтут Марию как Приснодеву и Богородицу. Многие широко раскрывают свои уста, но у одних они становятся разрытыми могилами и адскими пропастями, а у других являют широту небес. И дикие звери разверзают свои пасти, чтобы пожрать добычу, и простецы, когда видят какое-нибудь чудо Божие, или слышат Его слово, стоят с раскрытыми ртами, как бы желая насытиться им, ибо слово Его — слово жизни.

Таким бывает духовное наслаждение на Святой Горе. Я записал это, как мне легло на сердце.

Чужой и пришелец

Старец Евдоким был прекрасным человеком, память о котором не должна затеряться во времени. «О возвещавшем тебе слово Божие, — говорится в Апостольских постановлениях²³⁵, — помни и днём и ночью». Он был высокого роста, тело его было

²³⁵ Памятник раннехристианской письменности конца III — начала IV вв.

иссохшим от лишений и трудов. Лицо у него было покрыто загаром, а руки были мозолистыми и твёрдыми, как посох, на который он опирался. Он казался скорее спустившимся с гор крестьянином или моряком, чем игуменом царского монастыря²³⁶. Незаметно для всех нёс он свой крест страданий и испытаний. Лишь по замутнённому взгляду можно было догадаться о его душевной боли. Он смирялся настолько безропотно, что воспоминания об этом до сих пор разрывают мне сердце.

Первое всенощное бдение в монастыре Дохиар, на котором мы присутствовали, было под праздник святых апостолов Петра и Павла. Когда отец Евдоким, как обычный пономарь, начал зажигать в положенное время большие свечи в паникадиле, то уставщик выхватил у него шест со свечой и чуть ли не вытолкнул его из храма, ругая за то, что если он сожжёт все большие свечи, то ничего не останется на Преображение и Успение.

Он был духовником моего покойного отца в последние годы его жизни. Всякий раз, исповедавшись у него, отец говорил с печалью в голосе: «Как жаль, что такой человек остаётся под

²³⁶ Так называются большие монастыри, построенные на пожертвования царей или основанные ими.

спудом!» Его почитал и отец Гавриил, игумен монастыря Дионисиат. Он говорил одному своему знакомому:

— Быть может, он не очень образован, но для своего монастыря он просто находка благодаря прямоте характера и любви к обители. В трудные годы, когда неоткуда было взять денег, ему удалось поправить экономическое состояние монастыря. Он и тогда, и всегда был двужилым.

А теперь давайте обратимся к житию этого святого мужа. Родился он в 1906 году в селе Амфиклиа в Локриде²³⁷. В миру его звали Евстафий Скуфас. Родители его были бедными земледельцами, как и все прочие жители сёл в то время. Очень рано он остался без матери. Часто с болью он говорил:

— Мачеха может быть плохой или хорошей, но мать с её молоком она никогда заменить не сможет.

Он поступил в среднюю школу, которую, кажется, так и не окончил. Его детство, как он сам рассказывал, прошло среди больших лишений и без особенной заботы со стороны старших. Отец и мачеха относились к нему как к чужому. Ему всегда нравилась церковная жизнь, но толком о ней он

²³⁷ Область в Центральной Греции.

ничего не знал. Работал он на полях.

Когда подошёл срок его увольнения из армии, офицеры его воинской части стали рассказывать солдатам о различных профессиях. Среди прочих один офицер завёл было разговор о монашестве, но так робко, что его можно было понять только внимательно слушая. Так Евстафий впервые услышал о монашеской жизни. Он поговорил с этим офицером наедине и почувствовал, что нашёл свой путь.

После армии он некоторое время работал в Ламии ²³⁸, но его душа, как сам он писал, склонялась к покаянию. Одному духовнику он исповедал свой помысел о желании стать монахом. На это духовник ему сказал: «Монашество — устаревшее установление. Оно было полезным во времена турецкого владычества, чтобы порабощённые греки могли отписывать свои имения монастырям, так как турки не трогали того, что посвящено Богу».

Евстафий настаивал на своём желании стать монахом, и тот предложил ему пойти в монастырь Богородицы Олимпийской в городе Элассон ²³⁹.

²³⁸ Крупный город в Центральной Греции.

²³⁹ Город, расположенный у подножия горы Олимп.

Там он, не найдя того, что искал, не мог найти себе покоя. Игумен, узнав о его помыслах, послал его пожить в монастыре у селения Спармос. Как сам он писал, «к счастью, я очень быстро понял, что если останусь там дольше, то стану хуже, чем был, и поэтому вернулся в монастырь Богородицы Олимпийской. Там Бог приготовил для меня подарок. Один из мирян, работавших в монастыре, человек доброго устройства, в течение многих лет был почитателем Святой Горы и часто ездил туда. Каждый вечер после ужина он, будто от Бога посланный, с огромным удовольствием рассказывал мне об Афоне».

Эти яркие рассказы о Святой Горе ещё больше разожгли его желание монашества. Тайно от монастырского начальства он спустился в Ларису ²⁴⁰ к одному известному духовнику и попросил его помочь ему отправиться на Афон. Тот ему ответил, что туда уходят одни лишь преступники, а ему нужно оставаться в миру и заниматься миссионерством. Опечаленный, он вернулся в монастырь, но не остался там надолго. Он пошёл к митрополиту Элассонскому и рассказал ему о пламени, которое сжигает его сердце, и попросил у него в долг пятьсот драхм на дорогу.

²⁴⁰ Город, расположенный неподалёку от Олимпа.

Митрополит, чтобы только отвязаться от него, дал ему денег, и он отправился на славный Афон.

На заре воскресного дня он добрался до Фессалоник. По дороге он встретил одну женщину.

— Госпожа, госпожа, скажите, где находится порт, откуда идут корабли на Святую Гору?

— Туда идёт вон тот корабль, у которого дымится труба. Иди на звук его гудка, и найдёшь.

26 декабря 1929 года после трудной дороги он, наконец, сошёл на берег Святой Горы и, ни в чём не успев разобраться, натерпелся горя. Первый монастырь, который он посетил, был Ксиропотам. Он прождал в нём три дня, пока ему не показали дорогу в Симонопетру. Там его не приняли, и он пошёл в русский монастырь, потому что, как он сам говорил, в те годы не монах выбирал себе монастырь, а монастырь монаха. В русском монастыре на него даже не посмотрели, так как там не принимали греков. Идя по колено в снегу, он дошёл до Ксенофонта, так проголодавшись и утомившись, как никогда в жизни. Он пришёл незадолго до начала вечерни. Игумен его не принял.

— Нас и так много, а монастырь не может кормить ещё одного.

Уходя, он встретил в воротах старого монаха, который спросил у него, зачем он пришёл. Отчаявшись, он сказал ему:

— Я хочу стать монахом. Уже целую неделю

я всё хожу, но никто меня не принимает. Вот и ваш игумен сказал, что я здесь лишний.

Монах повёл его к игумену и сурово сказал:

— У тебя что, много таких парней, как этот, которые ждут у монастырских ворот, пока их не примут? Прими его и не ухудшай нашего положения. Он пришёл не ради хлеба, а ради монашеской жизни.

Его приняли, и в конце повечерия одели в рясу. А после этого, как он сам шутил, ему в тот же вечер дали «почетное» послушание помощника повара, которое считается самым трудным из послушаний. Один год он был помощником, а потом пять лет поваром и одновременно помощником пономаря. Пока закипала вода в чане, он зажигал лампы в соборе, а бросив еду вариться, он бежал зажигать лампы в малом храме, чтобы, когда на литургию придёт пономарь, они уже горели. С самого начала он научился дорожить временем и оказывать братии деятельную любовь. Тот, кто знает жизнь монастырей на Святой Горе, может по достоинству оценить самоотверженность молодого Евдокима.

Он без ропота и лишних разговоров исполнял самые скромные монастырские послушания. Пять лет он был пономарём, два с половиной смотрел за телятами и много лет нёс послушание лесничего. Он сторожил мулов, кормил свиней, чтобы

монастырю от их продажи была хоть какая-то прибыль. Он не хотел, чтобы братия терпела недостаток в необходимом. Лодочники из Уранополиса ²⁴¹ свидетельствуют: «Чтобы не платить лодочнику сто драхм за перевоз из Уранополиса в монастырь, он шёл пешком всю ночь, хотя в его сумке было достаточно денег после продажи телят, которых он перед этим отвёз в Пирей на грузовом судне».

Монастырь он любил больше, чем родительский дом; ему он отдал всего себя. Он говорил: «Я прошёл все монастырские послушания, кроме садовника и представителя в Протате²⁴²».

Лучше узнав тогдашнее святогорское монашество, столкнувшись с жестокостью и бесчувственностью некоторых из братии, молодой Евдоким нашёл опору в отце Поликарпе — монастырском сапожнике. Он выслушивал помыслы молодого монаха, не теряя своей жизнерадостности, какими бы они ни были

²⁴¹ Город, находящийся у сухопутной границы Святой Горы.

²⁴² Протат — центральный орган управления на Святой Горе, состоящий из представителей всех двадцати монастырей.

(жалобы, плотские восстания, ропот, презрение, хульные помыслы), не боясь за будущее брата. Всё это добрый старец воспринимал настолько просто и естественно, что уже от одной беседы с ним к Евдокиму возвращался душевный покой.

— Отец Поликарп, — говорил старец Евдоким, — был для меня прекрасной отдушиной. Если бы не он, я бы не остался монахом. Горе монаху, который не открывает помыслов своему старцу.

— Ты когда-нибудь уходил из своего монастыря?

— Несколько раз, но при этом никогда не выходил за пределы его владений, не хлопал дверью и не обращался за советом к другому старцу.

Он был избран в игумены в тяжёлое для монастыря время. Довольно долгое время игумена в нём смещали каждую неделю. Один из монахов, член духовного собора монастыря, просто взбесился: он каждому из игуменов постоянно доставлял какие-то неприятности и соблазны. И вот, отца Евдокима вызвали на игуменство прямо из леса. Проблемный старец встретил его такими словами: «Ты ли еси грядый, или иного чаем?²⁴³»

²⁴³ В русском переводе: «Ты ли Тот, Кто должен прийти, или ждать нам другого?» (Мф. 11:3).

Несмотря на свою простоту, новый игумен смог отстранить его от управления делами монастыря и оставался на своём посту двадцать два года.

Годы игуменства никак не повлияли на отца Евдокима: он не носил ни одежды, ни обуви, которые были бы приличны игумену. Его подрясник и ряса были самыми простыми и выцветшими на солнце; стоптанные, дырявые, выгоревшие тапочки были его единственной обувью; из дыр на носках светились пятки. Любители комфортной жизни с издёвкой за глаза называли его пахарем, а дохиарский монах Харалампий обзывал его лапотником. Скромность игумена Евдокима вошла в поговорку на Святой Горе.

Что касается богослужебной торжественности, которой особенно отличаются царские монастыри Афона, то он к ней был совершенно равнодушен. Он не надевал на себя ни наперсного креста, ни мантии²⁴⁴. О нём ходит такой анекдот: как-то на Пасху ему предложили надеть мантию, а он в ответ сказал: «Спасибо, мне

²⁴⁴ В Греции наперсные кресты и цветную мантию носят только архиереи и игумены, и только во время богослужения.

не холодно». Я спрашивал у покойного старца Григория из скита монастыря Ксенофонт (он пришёл на Гору в 1909 году, когда ему было восемнадцать лет, умер в сто лет и отличался строгостью жизни и точными суждениями о людях), делал ли он это ради смирения или из пренебрежения церковным уставом. Тот без колебаний ответил: «Ради смирения. Он был добродетельным мужем и предпочитал простую жизнь, которая больше подходит монаху. Он в своей простой монашеской скуфье напоминал монахов древности. Жители острова Хиос некогда часто упоминали о нищенской скуфье святого Макария, епископа Коринфского²⁴⁵».

Однажды я предложил ему пошить красивую рясу для пасхальных дней. Он мне ответил: «Она мне уже не понадобится, пошей её для молодых».

Так и вышло: это была его последняя Пасха. В другой раз я принёс ему новую монашескую скуфью.

— Не надо, моя лучше.

— Но ведь она уже никуда не годится.

— Наоборот, она стала ещё более

²⁴⁵ Святитель Макарий Коринфский — сподвижник прп. Никодима Святогорца и один из вождей движения колливадов.

монашеской.

В церковь он всегда приходил первым. Когда в неё заходил служащий иеромонах, то он уже стоял в своей стасидии. На всех службах было видно, что он молится. Во время богослужения он предпочитал стоять, как это установил для монахов Василий Великий, поэтому и сон его не одолевал: мы ни разу не видели его дремлющим. Богослужение он очень любил: однажды он около десяти часов шёл ночью в монастырь из Уранополиса, придя, сразу стал служить, и лишь отслужив литургию, пошёл отдыхать!

Однажды я заметил, что он какой-то задумчивый.

— Отче, где сейчас твои мысли?

— Я много пострадал в своём монастыре, но вам здесь ещё хуже, чем когда-то мне.

При этом старец глубоко вздохнул.

— До сих пор я хвалился своими трудами, а теперь, когда я стал слабым, мне стыдно. Я молю Бога, чтобы Он забрал меня, когда я буду ещё на ногах, чтобы вам не было хлопот из-за моей болезни. Я не хочу, чтобы вы беспокоились, подавая мне воду.

Всё вышло по его молитве.

Кажется, за всё время своего монашества он ни разу не встречался со своими родственниками. У себя на родине он побывал только один раз, спустя

тридцать лет после того, как покинул её. У него ни с кем не было особой дружбы. Он всех считал и называл друзьями, оставаясь при этом для всех чужим.

Отец Евдоким оставил для нашего времени один важный завет: мы должны восстанавливать наши монастыри, но не бегая каждый день по министерствам и банкам, а трудясь своими руками. Он никогда не доверял мирским начальникам и знаменитостям, но всю свою надежду возлагал на Святого Бога, как сам часто говорил в своих беседах.

Он не стремился к тому, чтобы в монастыре была идеальная чистота; охота за пылинками казалась ему неподходящим занятием для мужчины. Во время генеральных уборок он язвил: «К вам что, едет архиерей?»

Также, видя на монахах выстиранные и выглаженные рясы, он с улыбкой говорил: «Древние говорили: «Не стирайте часто ваши одежды: так они быстро испортятся»²⁴⁶».

«В 1976 году для бедного Евдокима, — как он сам пишет, — начались беды и скорби». Его выгнали из монастыря с предписанием поселиться там, где он сам пожелает; туда ему вышлют и его

246 Авва Дорофей «Слово о совести».

вещи. В возрасте семидесяти одного года из обители своего покаяния был изгнан игумен, или, лучше, верный и опытный монастырский рабочий! У дверей представительства монастыря в Карее²⁴⁷ ему вручили мешок с грязной одеждой. Он оставил себе только часы, а одежду отдал обратно. В конце 60-х на Святой Горе появилось движение зилотов²⁴⁸ из-за начавшихся частых встреч Константинопольского Патриарха с Римским Папой. Движение возглавили святогорские монахи, имевшие высшее образование. Вслед за ними пошли, как это обычно бывает, самые благоговейные и простые. Но когда власти решили разобраться с зилотами, то начавшие смуту отказались от своих слов, а вовлечённые ими в неё

²⁴⁷ Карая (греч.) — административный центр Святой Горы, в котором находится Протат (коллегиальный орган управления), представительства девятнадцати монастырей, почта и магазины. Расположен на хребте примерно посередине полуострова.

²⁴⁸ Зилотами называют неумеренных ревнителей чистоты веры. Афонские зилоты обычно отказываются поминать в молитвах своего Патриарха и, хотя живут на Афоне, существуют как бы вне Церкви. В настоящее время зилотским является монастырь Эсфигмен и некоторые каливы отшельников на Карулях.

сохранили «евангельское дерзновение» своего исповедания. О причинах изгнания отца Евдокима я никогда не спрашивал; отцы, жившие в то время на Святой Горе, знают об этом лучше меня. С уверенностью я могу утверждать только то, что прямота и непреклонность его характера способствовали его изгнанию и что к зилотам он никогда не примыкал: у него всегда сохранялось общение с Церковью.

Как-то я в шутку спросил у него:

— Ты не бывал у Киприана в Фили?²⁴⁹

На это он мне ответил:

— Одно дело дружба, а другое — Церковь. Я лишь свидетельствую о том, что делается не так, но не разрываю общения с Церковью.

Если бы все зилоты были такими, как отец Евдоким! Если бы у нас были такие монахи-зилоты, которые, оставаясь в Церкви, говорили бы ей о том,

²⁴⁹ Киприан, называющий себя митрополитом Оропа и Фили (небольшие города в Аттике, неподалёку от Афин), — один из самых известных греческих старостильных раскольников. Ещё до своего ухода в раскол он с благословения старца Филофея Зервакоса основал в Фили мужской монастырь свв. Киприана и Иустины, в котором стал игуменом. Этот монастырь сейчас является главным духовным центром старостильников и местом заседаний «Синода протестующих», главой которого является Киприан.

что их смущает, как разумные дети своей матери, а не отворачивались бы от неё с презрением! Это было бы церковной дисциплиной, а не анархией. К тому же наше время характерно тем, что оно — время диалогов и межличностных отношений. Горе нам, если мы будем выгонять монахов из наших монастырей только за то, что у них есть ревность к чистоте веры. Без них монастыри превратятся в кемпинги.

Такого в любом случае не должно быть среди монахов, потому что, если они выгонят молодого, то он может сбиться с пути, а если старого, то с горя он может потерять рассудок, впасть в старческий маразм и даже дойти до самоубийства.

Отец Евдоким говорил: «Сам Бог сохранил мой рассудок от расстройства».

Он отправился в ближайший монастырь — Дохиар. С грустью в глазах он рассказывал о своём первом испытании на новом месте: «Никто не хотел меня принимать. Лишь отец Харалампий, у которого от природы остался ум ребёнка, позволил мне расстелить одеяло в углу своей кельи, чтобы мне было где приткнуться».

Отец Евдоким готовил еду на двоих. У Харалампия была электроплита и посуда, так как в то время наш монастырь был ещё особножительным. В одно воскресенье отец Евдоким запёк в духовке треску с картошкой. Он

ждал Харалампия до полудня, но тот был занят бесконечными разговорами с паломниками возле монастырской лавки.

— Я положил себе в тарелку кусочек трески и две картофелины. Выйдя из кельи, я сказал ему: «Харалампий, я уже поел. Еда в духовке». Через пять минут он вернулся и стал ругать меня последними словами перед всеми людьми за то, что я будто бы всё съел, а ему ничего не оставил. Я промолчал, зашёл за храм святого Онуфрия, сел на развалины старой постройки и горько заплакал.

Обычной пищей старца были сухари, оливки и немного вина.

— Ты никогда не ел мяса?

— С тех пор как я стал монахом, никогда. Когда мне приходилось выезжать в мир по делам монастыря вместе с другими отцами, то они ели, а я никогда.

Всё, что здесь было о нём написано, мы взяли из его собственных рассказов и из того, что прочитали в его записной книжке. Я мог бы рассказать ещё о многом, но не стану этого делать ради спокойствия братии... А теперь я расскажу о том, чему мы были свидетелями, когда жили здесь вместе с ним в течение одиннадцати лет. На первых порах нам было трудно на послушании в лесу. Мы в этом совсем ничего не понимали, и так как нам было стыдно, что бывший игумен с его слабым

зрением опять будет зажигать в церкви лампы, я попросил его, как человека опытного, помочь нам в лесу. Через несколько дней он купил топоры и секаторы.

— Зачем они тебе?

— Я с ними пойду в лес. Бери и ты.

— Спасибо, отче, мне не нужно.

Злые языки, которые всегда бывают в каждом святом месте, осуждали его: «Он посылает тебя в лес, чтобы отдалить от монастыря». Бедный Евдоким постоянно боялся, что его неправильно поймут. Ему всё приходилось делать со страхом. Это было ужасное зрелище: видеть, как некогда высоко летавший афонский орёл боится каких-то воробьёв и дроздов.

Он ходил в Дфни²⁵⁰ за монастырской почтой. Однажды у него из кармана выпали деньги. Обнаружив пропажу, он тотчас зажёл свечу перед иконой святого Мины и побежал их искать. Мне было больно смотреть на перепуганного старца. Моё «ничего страшного» его не успокаивало, пока он не нашёл и не вернул потерянные деньги. В другой раз один паломник оставил монастырю довольно много денег, а пономарь, найдя их, присвоил. Отец Евдоким употребил всё старание,

250 Главная афонская пристань.

чтобы убедить его отдать их в монастырскую казну. Ему было очень больно смотреть на то, как трудно нам живётся в монастыре, и потому он никогда ничего не просил для себя из пустой казны Дохиара. Когда он услышал, что какой-то монастырь закупил сто килограммов кальмаров для угощения в честь поставления нового игумена, то сказал фразу, ставшую афоризмом: «У одних нечего есть, а другие не знают, чего им ещё съесть!»

С первых дней нашего общения он был скуп на слова и щедр на примеры. В первое же лето он стал очищать топором наружную стену монастыря от покрывшей его густой растительности.

— Отче, что ты там делаешь?

— Очищаю стену. Если в лесу разгорится пожар, то нужно, чтобы не загорелся и монастырь. А если пожар будет в монастыре, то нужно, чтобы не загорелся лес.

Это было хорошим уроком для нас, новичков, не знавших о том, к чему может привести пожар.

Мы часто видели, как он скорбит о своем изгнании, и часто слышали его шёпот: «Седе Адам прямо рая»²⁵¹. Он любил свой монастырь больше,

²⁵¹ «Сел Адам напротив рая и начал горько плакать...» (Начало кондака в Неделю Сыропустную).

чем что-либо другое на земле, и потому скорбь его была такой великой, что никто из нас не в состоянии был её понять.

— Ужасно видеть, как перед тобой закрывают ворота, через которые ты спокойно входил пятьдесят лет. Все могут ими войти: рабочие, паломники, монахи, одному мне нельзя. Всякий раз, входя и выходя монастырскими воротами, я осенял себя крестным знамением. Почему же Крест не сохранил меня?

Дорога в Дафни была для него утешением, потому что, идя по ней, он хотя бы снаружи мог увидеть монастырь своего покаяния. У него наступало внутреннее успокоение от одного лишь его вида. Это то, о чём в народе говорят: «Пойди и посмотри». Конечно, мы, такие строгие к другим, судящие о них без снисхождения и жалости, говорили, что он ходит в Дафни ради выпивки. До того как я стал игуменом в Дохиаре, мне пришлось выслушать столько обвинений в его адрес, что в его присутствии мне становилось неловко. Мне говорили, что отец Евдоким связан с кораблями, что у него есть несколько квартир, что он человек порочной жизни, грубый и неотёсанный, что он зилот и что с презрением относится к Церкви. Чего только я о нём ни слышал... Некоторые седые духовники, которых на Горе почитали святыми, советовали мне потерпеть его один год, а потом

выгнать, так как он представляет опасность для братии. Советовали мне запретить ему ездить в Дафни и Фессалоники, и тогда он сам от нас уйдёт. К счастью, Бог надоумил меня, хоть я и был тогда неопытен в подобных вещах, так ответить на эти жестокие слова: «Знаете, отцы, мне кажется, что я должен давать ему ещё больше денег, чтобы он мог чаще выходить из монастыря и этим утешаться в своей скорби. А вы мне советуете его прогнать! Куда может пойти жить старик, которому уже семьдесят пять лет? На площадь Омонии²⁵² в Афины? Миряне, если не в состоянии содержать своих родителей, помогают им устроиться в дом престарелых, а куда идти этому нищему монаху?»

Он старался угодить прежнему игумену Прокопию, приглашал его на чашку кофе или рюмку ракии, но тот продолжал относиться к нему несправедливо и не делал различия между тяжёлыми и лёгкими проступками. В конце концов оба они стали более осторожными перед молодыми монахами. Я совсем не хочу осуждать его за притворство. С его стороны было бы неразумным вести себя неосмотрительно, учитывая то, сколько он натерпелся от нас, молодых. Мы в этом оклеветанном монахе не нашли ничего из всех

²⁵² Одна из двух центральных площадей в Афинах.

ложных обвинений, которые на него возводили, кроме, пожалуй, его твёрдой непреклонности в том, что он считал правильным, и излишней прямоты в своих утверждениях.

Он был беден, совершенно беден. Все эти годы он питался почти одними сухарями. Даже когда он приезжал в Фессалоники, в его чемоданчике был только хлеб и немного оливок. А в гостинице, где он останавливался, не было даже постельного белья, одни лишь старые одеяла. Всю пенсию, которую он получал от государства, он тратил на угощение для братии. О его одежде я могу сказать лишь то, что после его смерти у него в келье не нашлось ничего, из чего можно было бы сделать саван. Что сказали бы на это монахи и игумены, которые его осуждали и бесстыдно обвиняли в любостяжании?

Он часто говорил: «Когда я умру, то всё моё имущество вы найдёте у меня в кармане. В других местах можете даже не искать: у меня ничего нет».

В последние годы своей жизни он иногда просил материальной помощи у своего монастыря. Я спросил у него:

— Отче, зачем ты просишь? Разве ты в чём-то нуждаешься?

— Нет, отец игумен, я прошу для того, чтобы у них появилось ко мне милосердие, за которое им будет оказана милость в Царстве Божиим.

Старца осуждали за то, что он был неотёсанным и грубым, а мы увидели в нём подлинное благородство и сдержанную любовь, которая так прилична монаху. Он и вправду не умел улыбаться направо и налево. Всем известно, что в таких улыбках часто кроется яд. Вместо этого у него была ровная вежливость и любовь ко всем. Он никогда не был мелочным и злопамятным. Он был прекрасным представителем своего поколения: те достоинства, которые я видел в своём отце, были и в отце Евдокиме. Рядом с ним каждый ощущал любовь и надёжность, хоть он и не выказывал никому своего особого расположения. У него в келье всегда было что-то, чем он мог бы отблагодарить за самую малую услугу. Без своего ответного подарка он никогда и ни от кого ничего не принимал. Возвращаясь из Дафни, он всегда приносил что-нибудь для братии, как хороший дедушка приносит гостинцы своим внукам.

Однажды он принёс бутылки с апельсиновым соком. Он позвал кого-то из младшей братии, чтобы тот их всем раздал, но не стал дожидаться, пока брат вернётся, как поступили бы мнящие себя великими, а пошёл сам с половиной бутылок и стал обходить все кельи, пока не встретился с ним. Такое отношение к монастырю очень показательно для игумена. Когда этот старец шёл навстречу молодому монаху, то в каждом его шаге

проявлялось особенное благородство. Его обращение с другими всегда было прекрасным и безукоризненным.

Что же касается слухов, будто он был плохим человеком, то я скажу, что все те одиннадцать лет, что мы прожили вместе с ним, его жизнь напоминала жизнь древних отцов. Из его уст никогда нельзя было услышать никакого неприличного слова. Келья его всегда была открытой. Спал он в подряснике. Кто бы его ни позвал, он всегда был готов послужить. Несмотря на свой возраст, он безропотно переносил зимний холод. Да и наёмные рабочие, которые трудятся на Святой Горе и о многом знают лучше нас, когда я у них спрашивал, говорили о нём только хорошее. Особенно хорошо отзывались о нём люди, которые жили в его монастыре больше четырнадцати лет, спасаясь у него от преследований партизан-коммунистов.

В келье у него всегда была какая-нибудь книга, которую он читал. Как-то раз он что-то прочёл в Добротолубии, и это произвело на него такое сильное впечатление, что в течение нескольких дней прочитанное не выходило у него из головы.

Поначалу, желая защитить себя, он написал какие-то оправдательные письма, что по-человечески было понятно. Хорошо, если бы все

могли в такие моменты преодолевать себя и молча нести свой крест! Но чего мы сами не в состоянии понести, того не должны требовать и от других.

Однажды он поведал брату, которого уважал и называл своим учителем, что как-то вечером, находясь во власти помыслов самооправдания, он сел на кровать и опёрся спиной о её железное изголовье. Вдруг он увидел, как на противоположной стене чья-то невидимая рука пишет по порядку все его грехи, которые он совершил от детских лет и до настоящего часа, а рядом со стеной — одетую в чёрное Женщину, Которая смотрела то на стену, то на него, и при этом горько плакала. Увидев Её, он тут же пришёл в сокрушение и воскликнул: «Ах, Пресвятая Дева, как много я сделал дурного, даже не понимая, что это плохо, а ведь это так Тебя огорчало!»

На следующий день он сжёг все свои оправдательные письма и, постоянно вздыхая, стал молиться по чёткам. После его смерти у него в келье не нашлось ни одного из этих писем.

Однажды я увидел, что он сидит у монастырских ворот.

— Как ты, отче?

— Послушай, отец игумен. Когда кто-то находится на краю могилы и при этом с ним всё хорошо, то это замечательно. Но если с ним что-то не так, то это просто ужасно. Как мне теперь возвращаться назад и начинать всё сначала?

Один брат спросил его, молится ли он. На это он ответил: «Шесть лет с того дня, как мне было видение, я постоянно творю молитву, и от этого у меня на душе становится очень спокойно».

В другой раз он говорил: «Я не мог духовно помочь своему монастырю, так как не получил должного образования, и поэтому старался помогать ему материально, даже через силу».

Он знал, что такое труд, сразу узнавал тружеников и понимал их нужды. Потому и слова в молитве на Литии «о служащих и служивших во святей обители сей...» он произносил от всего сердца.

Когда в последние годы его жизни его монастырь предложил ему вернуться, он сказал нам: «Они должны были предложить мне вернуться спустя один-два года. Все мы люди, все ошибаемся. Но предложение, сделанное спустя четырнадцать лет, кажется мне запоздавшим. С ними я прожил один год, а с вами одиннадцать. Они поступили со мной вопреки Евангелию, и теперь я не хочу ничего менять. Я хочу умереть у вас на руках. Но если я вам в тягость и вы не хотите со мной возиться, то я уйду, и пусть Бог приведёт меня туда, куда Ему угодно».

Дважды я просил у патриаршего Экзарха снять с него наказание изгнания, но, к моему величайшему огорчению, мои слова не были

услышаны. По этой причине Сам Бог изгладил «да будет изгнан» раньше, чем это сделали люди. В воскресенье отец Евдоким умер, а в понедельник пришло письмо о снятии с него наказания.

Много раз он тактично давал мне такой совет: «Да, отец игумен, так часто поступают на Святой Горе. Это, конечно, не заповедь Божия, но всё-таки лучше не попадать в монашескую газету! Тебе нужно быть очень внимательным к своей братии, потому что сначала ты видишь братию, а потом уже солнце. Ты не должен быть к ней жестоким. Если ты посылаешь своих монахов на тяжёлые работы, то давай им на трапезе масло и вино, как поступали древние отцы. Литургию на буднях нужно служить попроще, ведь праздник бывает не каждый день. Монашеская жизнь требует строгости во всём, но она не должна становиться показной».

Трижды в день он перед службой обходил центральный храм обители и стучал в деревянное било. А когда шёл дождь или снег, то он это делал под зонтиком, стараясь соблюсти монастырский устав, который предписывает именно таким образом созывать братию на молитву.

Ещё он советовал мне с терпением относиться к неразумным поступкам молодых монахов. Он говорил мне, чтобы я судил о них не строго, а с любовью.

Когда он заболел, я часто предлагал ему

поехать в Фессалоники. На это он отвечал: «Я хочу умереть в своей келье».

Он был из тех, кто желает быть похороненным на афонской земле.

Отца Евдокима обвиняли также в том, что он выпивает. На самом деле он пил не больше, чем все другие люди в его время. С другой стороны, многие старцы, которыми мы восхищаемся и о которых пишем книги, также были не прочь выпить винца. И мы напрасно скрываем это, стремясь идеализировать их жизнь. Он говорил: «Когда я откажусь от вина, знайте, что смерть моя близка».

И действительно, во вторник он отказался от вина, а в воскресенье умер. Сначала он перестал есть. В течение одного месяца он ел только суп, затем одну неделю ел только нежирную сметану, а последние три дня пил одну лишь воду. В субботу он сказал моему отцу: «Теперь, господин Христос, я ухожу в другую, вечную жизнь».

Всё то время, что мы жили вместе с ним в монастыре, он причащался каждое воскресенье.

— Отче, — сказал я ему, — у монахов Святой Горы принято причащаться по субботам.

— Да ладно, отче, ведь этот обычай не догмат веры.

В воскресенье вечером он почувствовал тяжесть, но его рассудок был совершенно ясным. Отец Гавриил спросил у него:

— Ты меня узнаёшь?

— Да, ты иеромонах.

После этого отец Евдоким поднял руку и благословил его. Пришедший к нему из Ксенофонта врач спросил, не больно ли ему. Он ответил: «Нисколько». Мы начали соборование. Как только я его помазал, он повернулся ко мне, посмотрел с любовью и отошёл, оставив в наших душах чувство умиротворённости. Он как будто стоял в Царских вратах и сказал всем нам: «Мир всем». Он умер по-христиански и без страданий. Мы одели его в обычные монашеские одежды. Бог дал ему такую кончину, о которой он просил во время церковной молитвы: христианскую, безболезненную, непостыдную, мирную. Во время жизни он никому не был в тягость и ушёл, как странник и нищий, как и прилично монаху. Да будет вечной память о нём перед Богом и у людей.

Как только он умер, игумен сказал: «Звоните в большой монастырский колокол, чтобы ущелья и горы, по которым он так часто ходил, услышали, что сегодня иеромонах Евдоким попрощался с видимым творением».

Мы благодарны ему за оставленный им хороший пример и просим Архистратига Михаила послать нашему малому стаду другого Евдокима, чтобы он напоминал нам о тех, кто всем сердцем предан Церкви.

Старик Афон, ты принял в свои недра Евдокима. Да вырастут на тебе и другие Евдокимы, чтобы тебе остаться прежним. Аминь.

Монах с грубой речью, но прекрасным обхождением

В 1967 году по благословению старца Амфилохия мы, трое братьев, посетили Святую Гору. Давнее знакомство привело нас в келью монаха Паисия. Мы попросили его подсказать нам, где найти духовных людей, от которых мы могли бы услышать слово на пользу душе. Он ответил: «Слово, которое вы ищете в этой пустыне, есть безмолвие и безвестность».

Тогда у старцев не было ещё нынешней привычки превозносить друг друга, что является плодом скорее ханжества, чем благочестия: «В той келье живёт волк, ты туда не ходи, а вон там

пасутся овцы, туда можешь идти безбоязненно». В то время жившие по уединённым кельям старцы советовали монахам идти в те монастыри, куда не ходят люди.

От другого молодого монаха мы узнали, что на Катунаках²⁵³ есть один иеромонах, который живёт подвижнически, хотя и речи не было о том, что он прозорлив, предвидит будущее и совершает чудеса. О нём монахи говорили только одно: «Он подвизается».

Поиски отца Ефрема привели нас на Катунаки, где братство Данилеев с давних пор является хорошим исходным пунктом, из которого каждый может совершать обходы «пустыни», как называют эти скалистые места на склонах Афона. В этом братстве отец Модест, второй после старца, отличался радостным выражением лица, незлобием и простотой сердца. Позднее, когда он сам стал старцем кельи, эти черты стали его визитной карточкой. Он, как и отец Ефрем, был подлинным

²⁵³ Монашеское поселение скитского типа, расположенное на юго-западном склоне Афона в возвышенной долине между Малой святой Анной и Карулей. На Катунаках самая большая келья принадлежит братству Данилеев — известных святогорских иконописцев и певчих. Она была основана старцем Даниилом (1929), по имени которого и получила своё название.

сыном Афонского государства. Его простая и бесхитростная речь была подобна потокам благодати. Его руку хотелось поцеловать так, как целуют на святых иконах руку Христа или Богородицы. Он вкушал пищу с благоговением, как люди прежних времён. Он улыбался, как дитя, и бывал серьёзен, как взрослые, не забывая при этом о своей ничтожности. Он говорил не с кафедры, как профессор, но сидя на низкой скамеечке, как ученик Афониады²⁵⁴. Теперь такое не часто встретишь. Откуда было взяться важности «старчества» у старца Модеста и «серьёзности» заслуженного учителя? Когда ему приходилось говорить, то он краснел, как стыдливая девушка.

Господи, не лишай нас присутствия таких людей! Пусть у нас всегда будут подобные ему монахи.

Ещё одна монашеская община запомнилась нам на всю жизнь — братство старца Христодула. Их келья находилась ниже кельи Данилеев, ближе к Каруле. Старец и его ученик приняли нас в своём орлином гнезде как старых знакомых. Нам сразу бросилось в глаза их уважение друг к другу: оба они были в преклонных летах. Каждый из них

²⁵⁴ Школа для мальчиков, находящаяся в Андреевском скиту в Карее.

пытался спрятаться за другого, и поэтому нам были видны оба. С нами говорил один старец, которого послушник ни разу не перебил, говорил он тихо, чтобы не нарушалось безмолвие пустыни. У нас была общая тема для разговора: наше восхищение преподобным Христодулом Латрским. Старец говорил о нём как о своём земляке, почившем в селении Лимни на острове Эвбея. Мы говорили о нём как приехавшие с Патмоса, на котором он подвизался²⁵⁵. Это была прекрасная встреча, подобная весенним встречам дроздов и соловьёв на скалистых отрогах Афона.

Мы спросили его о зилотах. Он ответил, не раздумывая: «Мы, сынок, люди необразованные. Дело нашей жизни — молитва и богослужение. Основная ответственность лежит на тех, кто управляет Церковью, а также на образованных клириках и мирянах. Мы следим за тем, что происходит в Церкви, и от того, что мы часто слышим, у нас болит сердце. Да помилует нас Бог...»

²⁵⁵ Прп. Христодул Латрский — основатель нескольких монастырей, в том числе знаменитого монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе. Из-за нашествия норманнов был вынужден бежать оттуда с братией на о. Эвбею, где и почил в 1094 году.

Это было на одной стороне Катунак. Когда мы пришли на другую, настал полдень, и палящие лучи солнца (был конец августа) смыли со скал всю их приятность. Поздним вечером мы добрались до каливы преподобного Ефрема. В сумерках показалась фигура старца. Высокий и весь закутанный в одежду, он напоминал ствол старого платана. Позднее он мне рассказывал:

— Эти четыре стены в нашем огороде я сам вытесал мотыгой. Недавно я предложил своим послушникам каждому вытесать по одной стене, но у каждого нашлись отговорки (у одного болит поясница, у другого руки), и они стали просить фрезу.

— Зачем? Вы что, не понимаете, что эта машина нарушит безмолвие пустыни?

— Не страшно, отче, нам лучше взять фрезу.

— Ладно, берите, если вы так боитесь тишины.

В те годы отец Ефрем ещё не был известен на Афоне. Лишь некоторые робко шептали о том, что его слово чего-то стоит. Так было ещё в 78-м году, когда мы просили у его соседа показать нам тропинку, ведущую к келье старца. Он тогда сказал нам: «Я слышал, что у него хорошее учение, и я думаю как-нибудь его посетить».

В тот благословенный вечер старец принял нас исключительно гостеприимно. Когда он вёл нас

в храм, за нами шёл босой старичок, у которого, казалось, старость отняла последний разум, и который был на полном попечении отца Ефрема. Когда мы представились старцу богословами²⁵⁶, он посмотрел на нас с печальной улыбкой, которая сразу же спустила нас на землю. Как старательно мы учились на богословском факультете! Но здесь, в пустыне, всё это оказалось ничего не значащим. Это было ужасно стыдно: мы, двадцатипятилетние парни, посмели назвать себя богословами перед седым старцем-пустынником! Нам преподали хороший урок, и я помню его до сих пор: «Дорогие мои детки, богослов тот, кто беседует с Богом, а не тот, кто изучает богословие».

К Данилеям мы вернулись совершенно очарованные старцем. Посещение пустыни оставило в нас глубокий след, и впоследствии, после всякого посещения отца Ефрема, это впечатление ещё более усиливалось.

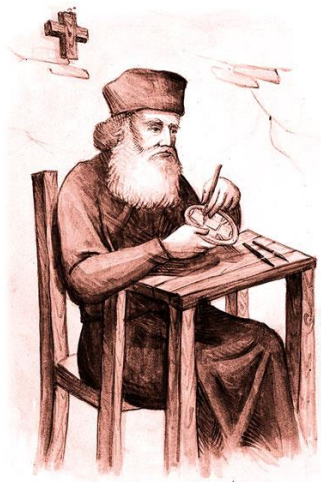
Сквозь его манеры и слова просвечивала истина. Всякий раз, когда я заходил к нему в келью, он прижимался своей сухой щекой к моей щеке, а я при этом думал: «Не удивляйся, так тебе дают благодать и забирают грехи». Я вспоминал, как авва

²⁵⁶ Так в Греции принято называть студентов и выпускников богословского факультета.

Зосима поцеловал преподобную Марию Египетскую в её иссохшие уста, чтобы получить благодать.

Однажды духовный брат отца Ефрема открыл ему свои намерения: «Я отправлюсь на свой остров, чтобы там пробудить монашество от сна. Если у меня ничего не выйдет, то я сброшу с себя рясу». После такого признания отец Ефрем на несколько лет потерял покой. «В конце концов, кто мы такие, чтобы угрожать Богу? Это нечестие, отец игумен, и не только когда мы так говорим, но даже когда подумаем».

Позднее он говорил: «Благодаря способностям, которые дал ему Бог, он всё-таки чего-то добился. Но и дьявол урвал себе хороший кусок: о нём стали распускать разные слухи, из-за которых ему пришлось оттуда уехать».

Когда я спросил его о вопросах исповеди, то он признался мне, что никогда не изучал канонов, и поэтому не исповедует.

— Основное, чем я здесь занимаюсь, это молитва.

Я спросил:

— Мне нужно советоваться с другими игуменами и старцами?

На это он ответил:

— Не нужно. Держись того, что ты принял от старцев Филофея и Амфилохия. Я тоже буду этого держаться.

Хотя его основным делом была молитва, он учил и о послушании: «Стань для старца всем,

даже его плевательницей и ночным горшком».

Вспоминая о своей жизни, он говорил: «Тридцать лет я был послушником у старца Никифора, который был очень суровым. Я просил его провести в нашу келью воду, так как, говорил я, «прошло уже много лет, и я уже не могу таскать её издалека»; для этого понадобилось бы всего несколько труб. «Не надо, — ответил мне старец, — так будет не по-монашески»».

«От послушания рождается молитва, а от молитвы — богословие». Таким было основное положение его учения.

— Однажды я занимался своим рукоделием (вырезал печати для просфор) и одновременно готовил еду. Пришёл брат и сказал мне: «Присматривай за едой». А у меня как раз очень хорошо шла молитва, и я не послушался брата. В результате и молитва пропала, и еда сгорела.

Старец Ефрем считал послушание основой монашеской жизни.

— В монашестве всё утверждается на послушании. Духовная жизнь с него начинается и благодаря ему же достигает совершенства.

Его старцы были людьми простыми, их рукоделием была рыбная ловля. Несмотря на то, что у них не было того, чего искал отец Ефрем, он оставался у них в послушании и служил им, а по духовным вопросам советовался с отцом Иосифом,

которого называли пещерником²⁵⁷.

Однажды им овладели помыслы разочарования, побуждавшие его уйти. Он вышел наружу и сел в нижней части кельи с выражением скорби на лице. Проходивший мимо монах подлил масла в огонь его сомнений: «Ефрем, не думай, что огонь горит лишь в очаге каливы преподобного Ефрема. Есть и другие очаги, и посветлее».

Тотчас он пришёл в себя и, отвергнув дурной помысел, вернулся в келью своих отцов.

Его слово всегда исходило из молитвы, а не из того, что он услышал или прочёл, и поэтому оно было чистым и назидательным. Это была речь, вытекавшая из молитвы, а не из пустой болтовни любителей посудачить. Как-то раз один профессор, принимавший участие в богословских дискуссиях с инославными, спросил у него, должен ли он и дальше в них участвовать. Не раздумывая, отец Ефрем стал убеждать его продолжать эти дискуссии, при условии, что слова его будут ясными и живыми, потому что обтекаемые формулировки и инославных будут путать, и у православных вызывать смущение.

Приходящих к нему он выслушивал очень внимательно. В такие минуты для отца Ефрема

²⁵⁷ Речь идёт об известном старце Иосифе Исихасте.

существовал только его собеседник, и больше никто. Он застенчиво говорил ему то, что нужно, а затем предлагал отправиться в Дохиар и отслужить молебен перед иконой Богородицы «Скоропослушница»: «Пусть Богородица тоже скажет Своё слово».

Благодаря этому ежедневно из корабля, возвращавшегося из Дафни в Уранополис, на пристани Дохиара сходило множество паломников, желавших помолиться Богородице. А когда отец Ефрем умер, то этот способ проповеди миру прекратился. В отличие от него, современные старцы стали настолько самостоятельными, что им уже не нужна Богородица: они сами всё знают и всё могут!

Когда его попросили стать игуменом в Великой Лавре после того, как её превратили в общежительный монастырь²⁵⁸, то это привело его в сильное замешательство. Он был уверен, что вся Святая Гора держится на игуменах, которые являются начальниками этого места. Когда он видел игумена, то уже издали кланялся ему до земли. Он считал себя недостойным монашества, тем более такого высокого поста, как игуменство. Он горячо помолился Богородице и получил от Нёё

258 До этого она была особножительной обителью.

извещение остаться в своей каливе. Я спросил у него, что он понимает под извещением, и он ответил: «Как только я сказал «нет», то сразу же почувствовал облегчение: с моего сердца как будто спал тяжёлый груз».

Отец Ефрем никого не обманывал, не говорил «мне было видение» или «я слышал от Богородицы».

У этого старца было много духовных дарований, хоть он и не творил чудес. В 78-м году мы попросились в монастырь Дохиар. Нам отказывали все: от Протата Святой Горы до представителей гражданских властей и патриаршего Экзарха, лишь один отец Ефрем говорил:

— Богородица хочет, чтобы вы там жили. Пусть не сразу, но ворота монастыря перед вами откроются.

— Отче, Дохиар себе просили семь братств. С какой стати нас туда пустят?

— Богородица хочет, чтобы там жили именно вы.

В 1980 году мы вселились в этот монастырь.

Как-то на Рождество 78-го года один брат, думая о бедности этого монастыря, пришёл в страх и, смущаемый помыслами, посетил отца Ефрема. Как только он зашёл к старцу, тот его отчитал: «Деньги — ничто, отец Гавриил. У монастыря есть

Богородица. Она покроеет все его нужды».

В другой раз, когда я пришёл к нему, со мной было двое послушников. Неожиданно старец громко сказал: «Этот твой».

А о другом умолчал. Так всё и вышло: один теперь иеромонах в нашем монастыре, а другой вернулся в мир и женился. Как-то я в шутку спросил у него:

— Зачем Вы стучите в двери, которые Вам никогда не откроют?

Он сказал в ответ:

— Может, хотя бы соседи услышат что-то, что принесёт им пользу.

Он никогда не требовал от человека того, что превышало его силы. Он лишь хотел, чтобы его духовное делание, каким бы малым оно ни было, совершалось ежедневно, чтобы он никогда не оставался без молитвенной защиты.

Кроме всего прочего, ему бывало извещение свыше в виде благоухания или зловония. Во время его продолжительной болезни один священник напросился к нему служить в храме. Когда окончилась неделя его служения, старец зашёл в алтарь и ощутил невыносимое зловоние. «Господи, что здесь произошло? Когда я служу, алтарь благоухает». Он предложил священнику исповедаться. После исповеди он сказал ему: «Если твоя жизнь так плоха, то зачем же ты пачкаешь и

оскверняешь алтарь?»

А вот ещё одно свидетельство. Его спросили о том, что такое масонство.

— Что нам об этом говорить? Давайте лучше возьмём чётки, чтобы дать слово Богу.

После первых же узелков почувствовалось зловоние.

А в ответ на какой-то другой вопрос появилось благоухание благодати.

У старца был ум Христов²⁵⁹. Однажды он поехал в родное село. В одном углу церковного двора он нашёл старую выброшенную крещальную купель, в которой его когда-то крестили. Он обнял её и приветствовал, как мать, спасшую своё дитя от смерти. Кому другому пришло бы на ум приветствовать свою купель?

Он не хотел, чтобы монах уходил из своего монастыря по какой бы то ни было причине: «Как бы ни шли дела, он остаётся под присмотром игумена и братии. Если в монастыре он хоть как-то молился, то, живя сам, совсем перестанет молиться. Человек в чём-то похож на домашних животных: и ему, и им нужен пастух, чтобы двигаться вперёд».

Его речь бывала нелицеприятной и жёсткой, как сельский хлеб. Он называл вещи своими

²⁵⁹ Ср. 1 Кор. 2:16.

именами, не боясь использовать слова, которые кому-то показались бы неприемлемыми.

В исполнении своих обязанностей он был очень добросовестным.

— Отец Ефрем, в твоей келье будет угощение на храмовый праздник?

— Наши кельи называются сухими, в них мы держимся устава безмолвников, поэтому мы и сами не устраиваем праздников, не ходим и к другим. Как-то раз мы зашли на праздник к Данилеям, потому что из всех наших соседей лишь они помогли нам в трудностях.

Ему не было дела до заготовки рыбы для праздничной трапезы, до приглашения на службу певчих и архиереев, тем более он не заботился о драгоценных сосудах и облачениях. Бедность, нищета и простота — вот что было богатством каливы преподобного Ефрема.

Когда его просили: «Скажи, авва, слово на пользу», — то свой ответ он всегда начинал такими словами: «Да я человек необразованный, неотёсанный чурбан». Слово «необразованный» он произносил с особенным ударением, чтобы собеседник хорошо его расслышал. Но то немногое, что он говорил, было проникнуто духом Евангелия и святых отцов. Его слова были чистыми, как смола, вытекающая из повреждённого древесного ствола. В них не было ничего наносного, они были

подобны родниковой воде, бьющей из Катунских скал. Для простых людей они были благоухающими, как анемоны, но для высокомерных и мнящих себя великими в них были и шипы, которые могли уязвить даже самые жестокие сердца. Шипы эти он выпускал совершенно непредвиденно, чтобы они оказали должное «бодрящее» действие. В момент, когда посетитель удивлялся его словам и уже составил о нём возвышенное суждение, он начинал бросать в него копыя и стрелы. Тот начинал удивлённо оглядываться, ища того, кто их бросает. Он думал: «Неужели это говорит Ефрем, святой, к которому я испытываю такое благоговение?»

То, как вели себя молодые монахи, ему не нравилось. Склонив голову, он говорил о них: «Теперь у монахов на потолках келий висят рыболовные снасти. В течение тридцати лет мне и в голову не приходило рассматривать их или развешивать на потолке. А сегодня все их ищут, все их покупают. Мне это не по душе, но я молчу».

У старца были и болезни, которые он называл посещениями Божиими. Он их терпеливо переносил, чего бы это ему ни стоило. Врача он слушал, как малое дитя, и выполнял все его предписания. Он был хорошим больным. Когда он окончательно слёг, я его не навестил; я не мог видеть афонского орла закутанным в одеяло. Мне

хотелось думать, что он живёт, как и прежде: вырезает печати для просфор, служит, молится. После его святой кончины Катунаки опустели...

Да помилует нас Бог, и да возрастит пустыня новых Ефремов, Модестов и Христодулов! Аминь.

Убежище для попавших в шторм

Все мы знаем, что в наши дни много пишут о святогорском монахе Паисии. Мне не хотелось бы, чтобы о нем не было упомянуто и в этом небольшом собрании рассказов, так как я лично был с ним знаком, и мы оба общались с одними и теми же старцами.

В конце пятидесятых я прочёл его письма, адресованные одному молодому юристу из Афин, который интересовался богословием и духовной жизнью. Они познакомились на горе Синай и поддерживали хорошую возвышенную дружбу. В этих письмах угадывался автор с прямым характером, обладающий большим талантом учить и наставлять души, опустившиеся в своём падении до ада. Благодаря подвижнической жизни отец Паисий обладал дарованной от Бога пронизательностью и благодатью Святого Духа. Его правдивое слово, исходившее из очищенного сердца, было назидательным для людей и возвращало их на путь Христов.

Я познакомился с ним вместе с другими братьями в 1967 году. Он жил в очень маленькой келье в Предтеченском скиту, относящемся к Иверскому монастырю. Он сам заботился о келье, и благодаря его уходу она была в прекрасном состоянии. Он, кстати, знал плотницкое дело и мог самостоятельно восстанавливать запущенные кельи. Рядом с ним жили в своих каливах иеромонахи Василий и Григорий. Эти трое монахов были одного духовного устроения, но необходимость восполнить число братии в монастыре Ставроникита разрушило их святой союз. Старец Паисий из отшельника вновь стал насельником общежительного монастыря, чтобы помочь его братии своим многолетним монашеским опытом. Впрочем, братия вскоре разошлась с ним во мнениях, и он снова ушёл в свою любимую пустыню. Он хотел, чтобы монашеская жизнь была строгой и серьёзной. Если место, в котором он жил, препятствовало этому, он покидал его. Поэтому он с лёгкостью менял места своего отшельничества, хотя это и стоило ему трудов и лишений. Он был человеком живого, подвижного духа, который всегда стремился к осуществлению своего идеала. Несмотря на своё стремление к безмолвию, он горячо желал спасения людям, живущим в миру, и поэтому не избегал встреч с ними.

Основой духовной жизни он считал

послушание:

«Моим первым монастырём на Святой Горе был Эсфигмен, там меня постригли. Его столярная мастерская была для меня первой подготовительной школой этой великой добродетели. Игумен спросил, что я умею делать.

— Я столяр.

Тотчас он отдал меня в послушание монаху-столяру. На следующий день тот поручил мне сделать замеры для оконной рамы. А в мастерской он сказал мне, чтобы я отпилил доски большего, чем было нужно, размера. Я говорю ему:

— Это будет слишком много.

— Ты что, будешь мне указывать? Пили там, где я сказал.

Когда мы примерили их к оконному проёму, они, естественно, оказались слишком длинными.

— Видишь, отче, они не подходят.

— А ну-ка, сынок, замерь ещё раз.

В мастерской он на этот раз велел мне отпилить доски меньшего размера.

— Отче, рама выйдет меньшей, чем надо.

— Ты, новичок, будешь мне указывать?

Рама получилась маленькой.

— Видишь, отче, я был прав.

— Давай, монах, снова меряй.

К моему смущению, он велел мне напилить доски еще большие, чем в первый раз. Я подумал:

«Боже мой, что нужно этому человеку? Он что, сумасшедший?» На этот раз я ответил:

— Как благословите.

Тогда старик поднял свою седую голову и сказал мне:

— Ну наконец-то! После того, как мы перепортили кубометр дерева, ты научился говорить «как благословите»».

Когда я с ним познакомился, старец вырезал кресты.

— Отец Паисий, тебе это рукоделие помогает молиться?

— Даже очень. Когда я вырезаю тело распятого Христа, то сам переживаю Его страдания: резец и стамеска становятся письменным прибором, который описывает их не на бумаге или дереве, но в моём сердце. Это приводит меня в такое состояние, что я забываю даже о своих естественных потребностях.

Старец Паисий был полной противоположностью пустынноiku Ефрему Катунакскому. Хотя оба они искали безмолвия, но отец Ефрем всегда говорил из опыта молитвы, а отец Паисий пользовался также сведениями, полученными от своих образованных посетителей. Не думаю, что кому-то было бы легко жить вместе с ним. Его простота делала общение с братией лёгким, но не всегда. Когда он бывал грозен, то

нужно было сразу бежать, пока тебя не настиг ураган.

Одному брату он рассказал о своём последнем плотском искушении: «У меня было искушение, — говорил он, — на протяжении пятнадцати дней. Ни днём, ни ночью не оставлял меня злой дух плотской нечистоты. Наконец я выбился из сил. Подняв крестообразно руки, я закричал: «Господи, я сейчас сдамся!» За этим последовало сильнейшее истечение, и с тех пор плотское искушение перестало меня тревожить».

Он нам советовал: «Когда вы хотите причаститься, то не спите ночью, чтобы во время сна с вами не случилось такого искушения».

В Дохиаре он был лишь один раз в жизни, и удивлялся красоте этого монастыря. Действительно, Дохиар — настоящая лавра.

После того как я стал в нём игуменом, мы виделись всего два раза. Старец Паисий давал мне оружие для войны, но не давал пуль. Он всегда говорил: «Ничего не говори, не передо мною тебе надо открываться».

Его стиль духовной жизни не подходил моему характеру, и поэтому я всегда предпочитал свой монастырь и свою келью.

Людям он помогал больше в формировании их характера, в догматических вопросах предпочитая молчать как перед малыми, так и

перед великими. У него было несколько завышенное мнение о нашем народе, и это мне не нравилось, хотя понять его было можно. Этим он напоминает мне некоторых современных старцев, которые говорят о грядущих войнах, голоде и стихийных бедствиях, а люди, послушав их, бегут запасаться продуктами, чтобы можно было всё это пережить. Лично я считаю это напрасным запугиванием, которого не должно быть у монахов в их отношениях с мирянами, ведь нам положено приводить их в мирное устройство, почему мы и возглашаем на каждом богослужении: «Мир всем».

Последнее невинное дитя Афона

Чтобы описывать жизнь святого мужа, необходимо самому идти его путём; только так можно будет проследить всю его жизнь: дело для меня совершенно невыполнимое. К тому же, внутренняя жизнь настоящего монаха не видна другим, она скрыта и будет явлена только в Царстве Небесном. Монах, как говорят богословы, есть пророк, своей жизнью говорящий о последних днях. Поэтому и на погребении монаха его лицо закрыто покровом, а всё тело — великой схимой, подобно тому, как флагом страны накрывают тела солдат, служивших ей и сражавшихся за неё до смерти. Мы, дети отца Евдокима, познакомились с

ним на закате его дней. Мы вместе подвизались, вместе ели на монашеской трапезе, вместе пели в храме. Но кто изгнал его, священника, из алтаря за высокий иконостас? (Я не имею в виду сослужащих, которые, бывает, создают друг для друга проблемы.) Кто слышал немые стоны его души во время искушений? Кто может описать мученичество его совести, как называет монашеский подвиг Афанасий Великий в житии Антония Великого?

Я познакомился с этим преподобным мужем в первые годы моей жизни на Святой Горе. Возможно, он был первым настоящим святогорцем, которого я повстречал: незлобивый, бесхитростный, бескорыстный, не желавший примыкать ни к одной из партий, с прямым характером, необычайно простой. Он был родом из селения Пасалимани на берегу Мраморного моря. Родителями его были Константин и Анастасия Бицью. Он родился в 1914 году, а на Святую Гору попал, когда ему исполнилось четырнадцать лет, так как его семья поселилась по соседству в городке Уранополис. Хотя все монастырские уставы категорически запрещают пребывание в обители юношей, у которых ещё не выросла борода, очевидно, что из этого правила всегда делались исключения, в том числе и на Святой Горе, куда с давних времён запрещён вход женщинам. Отступления от этого

правила бывали главным образом в тех кельях, где у этих юношей были родственники.

В скиту святого Димитрия, который относился к Ватопедскому монастырю, в келье святого Пантелеимона, у отца Евдокима были родственники. Маленький Елевферий (так его звали в миру) услышал, что в этой келье монахи делают замечательный лукум, или «скрипучки», как его называли жители Анатолии. Мальчик убежал из Уранополиса (а от него до Святой Горы путь тогда был гораздо длиннее, чем теперь, его проделывали на вёсельных лодках) и оказался в скиту, чтобы полакомиться лукумом. Видимо, этот лукум был таким вкусным, что смог навсегда удержать маленького ребёнка в монашеской келье, особенно в начале юности, когда дьявол показывает нам все царства мира²⁶⁰. Я думаю, что этот лукум был только своеобразной приманкой, привлёкшей его к пустыне. На самом деле в сердце у маленького Елевферия и без него было желание посвятить свою жизнь Христу. Он отдавал Ему себя целиком от нежного отрочества и до того дня, когда его тело вернулось к своей матери — земле. Беспечной сельской жизни он предпочёл суровость скита. В те годы в скиту святого Димитрия запрещалось

²⁶⁰ Ср. Мф. 4:8.

перевозить грузы на вьючных животных. От пристани в монастырь поднимались пешком с тюками на плечах, на это послушание обычно ставили молодых монахов.

В запущенный Дохиар наше монашеское братство, состоявшее тогда из двенадцати человек, вселилось в июле 1980 года. А теперь позвольте мне говорить без прикрас обо всём, чему я стал свидетелем. Для живших в этом монастыре мы были пока ещё никакими. Тогда все другие братства, приходившие туда со стороны, имели какую-нибудь особенность: одно состояло из членов братства «Зои», другое вышло из какой-нибудь иной организации. А у нас ещё не было никаких характерных черт, и от этого нам ещё труднее было сблизиться с жившими в обители старыми монахами. Мы, пришедшие на Афон с гор Эвритании, а начавшие монашескую жизнь вообще на Патмосе, приводили их в растерянность. Представители двух групп, названия которых начинались с буквы «з» — члены братства «Зои» и зилоты, — не могли ужиться со сдержанными святогорцами: первых они побаивались, а вторых выгоняли без разговоров. Отец Евдоким был выше всего этого. Он торжественно принимал нас в своей келье, от всей души, не смущаясь нашей молодостью и тем, что мы пришли со стороны, не шарахаясь от «замоленных», которые явились на

Афон исправлять его недостатки. То, что все мы были тогда молоды, было еще одной причиной, мешавшей нам переносить трудности с лёгким сердцем. Старец, не хвалясь перед нами своими подвигами и долгой жизнью на Афоне, приветливо принимал нас вместе со своим послушником, которого тогда звали Германом, а потом, в великой схиме, Игнатием. С радостью на лице, с душевным спокойствием и безупречной вежливостью он нас встречал и провожал, как стыдливая служанка, говоря при этом: «Дай Бог нам снова когда-нибудь увидеться».

Он никогда не выставлял себя перед нами, тогда ещё детьми, старым святогорским монахом и многоопытным старцем. Он всегда принимал нас со смирением, уважительно, а главное, с любовью, с истинной любовью. В этом человеке не было ничего наигранного. Его улыбка была искренней, а не притворной, она выражала сердечную радость. Он не был таким, кто в лицо говорит одно, а за глаза другое. Когда мы бывали у него, нам приходилось быть свидетелями многих замечательных сцен. Всякий раз, когда мы приходили к нему в каливу, он накрывал на стол. Желая поесть вместе с нами, он часто откладывал время своей обычной трапезы. Его обычной пищей были сушёные кальмары, свежий лук и укроп.

Однажды я позвонил ему по телефону, хотя я и не в ладах с этим аппаратом.

— Как поживаешь, отец Евдоким?

— Смирю себя, чтобы приобрести брата моего.

Вот что мы должны постоянно хранить в своём сердце: «Смирю себя, чтобы приобрести брата моего».

Отец Евдоким и монах Игнатий в действительности не были старцем и послушником, так как второй был пострижен в другой келье. Когда умерли его старцы, он ушёл в келью к отцу Евдокиму, чтобы не оставаться одному. У отца

Евдокима и монаха Игнатия были разные привычки, разные нравы. Совместная жизнь неважно где, в семье или в монастыре, есть настоящее мученичество. Первое, что требуется преодолеть, — это собственное своеобразие, то, что у монахов называется самостью. Мы должны постоянно себя смирять, ежечасно «грызть землю», как будто нам нужно ужиться с дикими зверями, и тогда мы будем жить с другими в мире, какими бы они ни были. Это мученичество, а одновременно и таинство совместной жизни людей, происходящих из разных мест и получивших разное воспитание, я за свою жизнь видел много раз, и всё больше убеждаюсь в правоте этого утверждения. Отцу Евдокиму было непросто с монахом Игнатием, уроженцем Фасоса²⁶¹, но он жил с ним в мире, повторяя себе это изречение: «Смирю себя, чтобы приобрести брата моего». Он говорил это без вздохов, всегда с приятной улыбкой на лице.

Он никогда никого не осуждал и не смущал наших мыслей сплетнями о каком-нибудь нерадивом монахе. В то время, когда его монастырь, Ватопед, ещё не был киновией, мы все поливали его грязью, а наш дедушка Евдоким — никогда. Он лишь коротко говорил: «Сейчас нам

²⁶¹ Остров в северной части Эгейского моря.

трудно, но Бог поможет».

Он предпочитал говорить о хороших сторонах того или иного человека, делая это несколько высокопарно и с пафосом, как настоящий уроженец Анатолии, чтобы подчеркнуть их значение. О плохом он просто молчал. Он его как бы не замечал, и только лицо у него становилось печальным. Многословие монахов вызывало у него недовольство, сам он не любил разговаривать. С болтливым монахом он старался не общаться: «Он хороший, только много говорит». Но когда кто-то заходил к нему в келью, то он не давал гостю понять, что разговоры его утомляют, и сам предлагал: «Вот хорошо, что ты зашёл, давай поговорим». Выразительными были не только его слова, но и присутствие, и само его бытие. Чаше он говорил одним своим видом, а не словами. Как-то он пришел в наш монастырь в Субботу Акафиста. Первую часть Акафиста читал нараспев один священник, который постоянно менял гласы: то первый, то пятый... Он успел перебрать почти все гласы, пока не закончил. Я заметил, что стоявшему рядом со мной отцу Евдокиму это совсем не нравится. Его лицо выражало недовольство. Потом начал читать другой священник, тоже с прекрасным голосом и слухом. Когда он закончил, на лице у старца было написано удовольствие: священник читал просто, не меняя гласов. Старец тогда сказал:

«Так читали и мы. Так нас научили, так мы и держим».

Отец Евдоким всегда был необычайно кротким. Часто говорят, что мы, безбрачные, люди очень нервные, вспыльчивые, строгие, что мы не умеем контролировать свой гнев. У отца Евдокима ничего этого не было. Он служил тихо и кротко, какой бы диакон с ним ни служил и кто бы ни пел на клиросе. В общении он тоже был очень кротким. С каким настроением он служил в алтаре, с таким же общался с людьми. Он не был двуличным человеком, который в алтаре благоговейно молится, а брату своему хамит. Ко всем он относился с уважением.

Однажды я спросил у него, не нервничал ли он когда-нибудь, на что он ответил: «Не помню».

Когда из его скита кто-то украл котлы, я услышал, как он сказал: «Вот какой хороший человек: оставил и нам кое-что, чтобы мы могли приготовить угощение на праздник. А остальное разве нам было нужно?»

Во время исповеди он всегда был серьёзен, как врач, исследующий больного и чувствующий свою ответственность. После совершения таинства воцарялось полное молчание. Иногда он говорил: «Современный человек, как и древний, тоже борется, но влияние зла на него такое сильное, что он не может с ним справиться. Если Бог лишит нас

Своей помощи, то мы все утонем».

Он любил свой монастырь и очень за него переживал. Он любил его больше, чем отчий дом. Слово монастыря было для него словом Божиим, которое нужно было исполнить, чего бы это ни стоило. Всех отцов монастыря он считал серьёзными и достойными уважения. Он ни о ком не судачил, но в каждом старался находить что-то хорошее и хвалил за это. Никого не считал он настолько плохим, чтобы выгнать из монастыря.

Приходя в свой монастырь, где он часто служил седмичным священником, отец Евдоким был неизменно вежлив и учтив, но ему совсем не нравились вопросы, особенно от монахов, о том или ином брате.

«Брат, — говорил он мне, — кто поставил меня отделять плевелы от пшеницы?»

Когда в его монастырь пришло новое братство, то он поначалу пребывал в нерешительности. Он говорил мне:

— Если они будут не очень, то я перейду в твой монастырь. С вами я чувствую себя свободнее.

— Нет, отче, поживи пока на прежнем месте и хорошенько присмотришься к новым людям, а потом уже решай.

Впоследствии он успокоился, увидев, что новое братство растёт, что они, как подобает монахам, любят богослужение и послушание. При

каждой нашей встрече он с большим воодушевлением рассказывал мне о том, с каким почтением относится к нему новая братия, об уважении к нему игумена, о замечательном церковном пении. Всё это он считал чудом Богородицы: «Раньше у нас, брат, некому было петь на клиросе, а сегодня храм содрогается от молодых голосов. Разве это не чудо Алтарницы²⁶²?»

За неделю до его смерти я навестил его в монастыре, где он лежал в келье для больных и где за ним ухаживали. Братья спросили у него, узнаёт ли он меня.

— Да, это игумен Дохиара.

Взгляд его оставался чистым, живым и пронизательным. Чистота его взгляда была удивительной. Лицо у него сияло. Если бы кто-то внимательно посмотрел тогда ему в глаза, то увидел бы в них всё, весь подвижнический путь преподобных. Венгерский писатель Шандор Тот, написавший о молодёжи несколько известных книг («Чистое детство», «Десять заповедей» и др.), в одной из них назвал три наиболее прекрасных творения Божия: звёздное небо, спокойные воды озера (у него, наверное, не было перед глазами

²⁶² Одна из чудотворных икон Богородицы в Ватопедском монастыре.

моря) и чистые глаза младенца. Я, если позволите, добавлю к этому чистые глаза отца Евдокима, да и всякого другого преподобного в его последний час.

Он действительно оказался Евдокимом²⁶³, так как самым важным для себя считал неопустительное совершение служб суточного круга, но превыше всего, как учит авва Исаак Сирин, он любил молчание и немногословие. Его общение с другими было очень трезвенным: он ни в ком не возбуждал дурных мыслей. Это прекрасное украшение души досталось ему не от матери, которую он совсем не знал, и не от отца, на лице которого постоянно было несчастное выражение беженца, не уверенного в своём будущем. Оно было результатом духовной брани, которую он вёл семьдесят шесть лет на месте, где Бог назначил ему жить. Я уверен, что он найдёт милость в Его очах и будет молиться о нас.

Отец Евдоким был наставляем Самим Богом. Он был внимательным монахом: не изрекал пророчеств, не выказывал прозорливости, не совершал чудес, в общем, ни в чём не хотел выделяться. Он оставался смиренным, скрывая от всех свою жизнь во Христе. По этой причине у него не было ни послушников, ни приверженных ему

263 По-гречески — «имеющий добрую славу».

духовных чад, ни скоропреходящей славы святого. Он всегда оставался забытым, живя за своей горой Криовуно. При каждой встрече с ним казалось, будто он говорит: «Ты говори, а раб твой будет слушать».

Этот старец всегда представлял для меня загадку, о которой я часто беседую с моими монахами: есть монахи, святые мужи, у которых в послушании нет даже кота. А есть монахи-ничтожества, вроде меня, к которым идут послушники и с которыми происходят бесчисленные чудеса. Как так получается, я понять не в силах.

Как я уже сказал, у отца Евдокима с его глубоким смирением не было и намёка на чудеса, пророчества и прозорливость, не было ничего из того, чем славятся «великие». Он жил подобно многим святым: смиренно, без лишнего шума, в безмолвии и совершенной безвестности. Поэтому он и жил всегда один, без послушников. Компанию ему составляли лишь отец Игнатий, сменивший почивших ранее отцов, и братья скита святого Димитрия.

О святая безвестность, как много плодов ты приносишь на монашеской ниве!

Зрелище запустения скита было для него великой скорбью, которая не проходила с годами. Он до своих последних дней с болью смотрел, как

кельи закрываются и одна за другой превращаются в груды камней. Он считал это наказанием Божиим за наши грехи. Он любил свои стены, любил свою келью, из которой ему не хотелось выходить. Он научился этому у своих строгих наставников, которые не разрешали ему шататься по округе, заходить к соседям, слушать и переносить новости. Они соблюдали правило Пахомия Великого: «Не переноси слов из одного поля в другое». Лишь несколько раз он выезжал со Святой Горы. Перед каждым отъездом он служил молебен о путешествующих, так как для этого «пережитка старых времён» выезжать с Горы было делом непривычным.

Ещё раз скажу: он любил свои стены, любил свою келью. Когда её случайно сожгли какие-то захожие монахи, то это сильно ранило его душу. Один раз я предложил ему:

— Пойдёшь со мной в скит?

— И что я там увижу? Мою сгоревшую келью?

Отец Евдоким хорошо знал, какую пользу приносит монаху пребывание в келье, и поэтому любил свой угол. Как он говорил, келья знает, чем занимать монаха все двадцать четыре часа.

У своих старцев он научился рукоделиям: иконописи и золочению иконостасов. В его келье висела картина, изображавшая железную дорогу.

— Что это, отче?

— Память о моём детстве. Это железная дорога, идущая из Патр, как она была видна мне с горы Эгион, на которой мы впервые осели после того, как стали беженцами.

Его сад всегда был ухоженным и приносил плоды свои во время своё²⁶⁴: на его винограднике и плодовых деревьях почивало благословение Божие. Чтобы удобрить почву, старцы носили из леса опавшую листву. Даже тропинки, которые вели от келий к скитскому храму, выдавали присутствие трудолюбивого хозяина с хорошим вкусом. Несмотря на старость, он не жалел трудов, чтобы приводить их в порядок. Труды монахов просты и не рассеивают ум, они — хорошее средство для уравнивания душевных и телесных сил.

Когда он умер, мы с большой скорбью хоронили одного из последних детей Святой Горы. (Таким ребёнком был и отец Дионисий Фирфирис, который пришёл на Афон, когда ему было семь лет. Может, и сейчас есть такие дети, не знаю.) То, что он умер в девяносто лет, не умаляло нашей скорби. И действительно, где нам теперь найти афонских детей? Детей, которые с самого начала учатся

²⁶⁴ Ср. Пс. 1:3.

только у своего старца? И не таких, которые закончили бы сначала все мирские школы, а потом уже поступили в монашескую школу Афона (это тоже неплохо, но в этом случае на глазах души у них всегда будут оставаться бельма), а таких, которые пришли бы на Святую Гору детьми, любили бы своё место, не покидали бы своей кельи, любили бы старцев, любили бы подвиг, любили бы монашескую жизнь, заботились бы о месте, в котором живут, для которых была бы дорога даже его пыль ²⁶⁵, которые бы всю свою жизнь посвящали Господу?

Да пребудет с нами его благословение, а жизнь его да будет примером для всех. Аминь.

Глубоко пустившая корни вековая ель

Говорят, что монахи постоянно куда-то переезжают. Как только человек становится монахом, то одновременно становится и сороконожкой, и начинает переходить с места на место. В этом есть своя правда, хотя и не вся, так как найти спокойное место — задача не из лёгких. С одной стороны, это зависит от внешних обстоятельств: войн, государственных нестроений,

²⁶⁵ Ср. Пс. 101:15.

а с другой стороны, от духовной скудости того или иного времени, хотя не следует исключать и неусидчивость как свойства характера. Монах постоянно ищет чего-то лучшего, но оно обычно бывает быстрокрылой птичкой, которую никак не догнать. Впрочем, встречаются и такие монахи, которые остаются на одном месте, как скалы на берегу моря, неподвижные во время любого шторма. Они также подобны высокой ели, увидев которую ранней осенью, не сомневаешься, что и весной она будет стоять так же прямо, стойко перенеся зимние ливни и снегопады.

Одним из таких монахов был отец Григорий из кельи Святых апостолов, которая относилась к Благовещенскому скиту. Его родиной был «весьма чудный» остров Крит, как он называется в одном церковном песнопении. Там он окончил неполную среднюю школу, в которой, как я слышал от многих стариков, очень хорошо учили грамматике, особенно греческой. В то время учителей было мало, и на их места зачастую назначались выпускники самих этих школ. Поэтому и отец Григорий, едва окончив школу, получил такое назначение.

Когда он ещё учился, ему встретился земляк — один хороший монах, пребывавший в постоянных разъездах. Поиски духовного покоя заводили его даже в знаменитый понтийский

монастырь Сумела²⁶⁶. Проходил он и через мой родной Парос, на котором оставил по себе хорошие воспоминания. Даже теперь добрые жители этого острова пользуются его советами. Этот отец Авимелех, одна аскетичная внешность которого уже вызывала уважение, рассказал Григорию о монашестве. Он не только устно изложил ему монашеское учение, но и оставил ему несколько доступных в то время духовных книг: «Спасение грешных», «Апостолькую сеть», «Сокровище» монаха Дамаскина и другие.

В юноше вскоре разгорелось пламенное желание стать монахом. Он чуть ли не тайно ушёл от родителей под предлогом продолжения учёбы, чтобы стать хорошим учителем. В Афинах он встретился с отцом Авимелехом. Их поселил в своём доме Мораитидис²⁶⁷. Молиться они ходили в храм пророка Елисея на холме Ликавиттос. Ему очень живо запомнилось, как в холодные дни Мораитидис кутался в толстое шерстяное одеяло и в этом наряде шёл петть в церковь. Для Григория

²⁶⁶ Монастырь в честь Богородицы, находившийся в горах Понта — области на южном берегу Чёрного моря.

²⁶⁷ Александр Мораитидис (1850–1929) — греческий писатель и филолог.

знакомство с людьми старого поколения, из которого вышли такие писатели, стало одним из лучших воспоминаний. На корабле они добрались до Дафни. Шёл 1909-й год. В то время Афон ещё находился под властью турок. В то время между Турцией и Критом развязалась война, поэтому для уроженца Крита остаться на Афоне было очень трудно. Но Богородица помогла ему, и таможенник, турок родом с Крита, разрешил ему остаться. По совету отца Авимелеха он пешком пошёл из Дафни в Катунаки, к братству Данилеев. Там его не смогли оставить из-за нехватки места и порекомендовали ему пойти в келью Святых апостолов, что в скиту Благовещения, к старцам Григорию и Илариону.

Это были суровые монахи, строго соблюдавшие монашеский устав. Уступки и поблажки были им неведомы. Их также совершенно не заботило, останутся ли с ними их послушники или уйдут. Они не собирались подстраивать свой образ жизни под вкусы и предпочтения послушников. Несмотря на это, молодой и болезненный юноша остался с ними. Он много раз плакал, но трудности его не сломили. Это было его первым подвигом в духовной борьбе. Вторым подвигом отца Григория было практически неотлучное пребывание в этой келье с 1909 по 1990 год. За все эти годы ему пришлось выезжать со Святой Горы только два-три раза, да и то по

поручению отцов скита. Это было его третьим подвигом. Но и на Святой Горе он мало где бывал. На мой вопрос, заходил ли он когда-нибудь в Дохиар, находящийся в полутора часах ходьбы от его скита, он ответил: «Два или три раза». На жизнь он зарабатывал садоводством и сбором плодов лаврового дерева, из которых он делал масло и продавал его русским монахам, применявшим его для приготовления лекарств. Как-то он поведал нам: «Много раз, когда я бродил по лесу в поисках плодов лаврового дерева, мне встречались русские подвижники, молившиеся в пещерах».

Обычной пищей старца был рис с томатами. Речь его была живой и образной. Когда он рассказывал о годах турецкого владычества, то так и хотелось выглянуть в окно и посмотреть, нет ли поблизости турок. Он был человеком серьёзным и мужественным. Шутить он не любил, новостями не интересовался и никого не осуждал. О делах Святой Горы и Церкви у него были очень точные суждения.

Он любил богослужения; на них он никогда не садился. Громкое пение ему очень не нравилось, он говорил: «От него пропадает тонкое веяние благодати Божией: она как будто сердится и уходит».

Он был высоким, стройным и худым, с лицом, загоревшим на солнце. Когда он проходил мимо, то казался скорее тенью, чем человеком. Его фигура, одетая в старую рясу, напоминала чёрную заупокойную свечу, но лицо было светлым, излучающим пасхальную радость. Он учил других своей жизнью, а не напыщенными словами или рассказами о чудесах и откровениях.

Он почил, когда ему было сто лет и шесть месяцев. Перед смертью он не болел. Когда он сидел на своей кровати, то просто откинулся назад и без предсмертных хрипов и агонии предал свой дух Христу, своему Творцу и Спасителю.

Пустынная горлица на скалах Колицы

Если южная сторона Святой Горы хвалится подвижниками, которые сдерживают бесов, нападающих на монахов с моря (один старец рассказывал нам: «Когда в нашей каливе звонили колокола, я увидел огромный рой бесов, поднимающихся к нам с берега»), то и на северной её стороне, разбиваемой волнами и не такой живописной, не было недостатка в преподобных мужах и замечательных подвижниках, осуществлявших идеалы монашеской жизни, молитвы которых были щитом, защищающим монахов от бесов с тыла. Старец Амфилохий с Патмоса говорил нам: «Даже если вы будете жить в пустыне, звоните в колокол перед службами, чтобы лукавый, услышав звон, убежал».

Но на Святой Горе мы узнали, что колокольный звон его скорее привлекает: он стремится испортить своими кознями богослужebное собрание. Бог, знающий о его сетях, да избавит нас от них.

С отцом Дионисием я познакомился в Ватопеде на празднике святого пояса Богородицы 268 . Закончилась литургия. На

268 Святыня, хранящаяся в этом монастыре.

монастырском дворе раздавались поздравления и приветствия, иногда, может быть, с прикрытой лезью. Лишь один монах с приятным лицом сидел, скрестив руки, в углу, как человек из другого мира. Мало кто из проходящих кланялся ему и совсем немногие здоровались с ним, целуя руку. Я подошёл к нему. Ещё до начала разговора его улыбающиеся глаза и мозолистые руки ясно сказали мне о том, о чём говорит молчание каждого обитателя монастыря: «Я настоящий монах». Я поцеловал его руку с благоговением, как будто это была рука моего приснопамятного старца, и спросил:

— Кто Вы?

Он ответил мне с печалью чужестранца, который хорошо понимает, что у него нет никаких прав, хотя бы он всю свою жизнь провёл на Афоне:

— Я румынский монах, живу в Колице.

Я и не слыхал о таком монашеском пристанище. Так как в то время я уже был игуменом, то мне было стыдно спрашивать, где оно находится. Я спросил, нельзя ли мне будет с ним встретиться в его келье.

— Когда только пожелаете. Я всегда там. Буду Вас ждать.

Одним воскресным вечером мы обогнули гору Криовуно и пришли в скит Колица. Там дул такой сильный северный ветер и так бушевало море, что

мне стало страшно за обитателей скита. Все они были румынами, с которыми жил один грек-зилот. Все они открывали перед нами двери с большой радостью, как будто к ним в гости приехали долгожданные любимые внуки.

Первым, кого мы встретили, был отец Иоанн, очень сутулый от тяжёлых трудов и подвигов. Возможно, у него был повреждён позвоночник. Он стал расхваливать нам своего старца, как это обычно делает каждый хороший ребёнок, говоря о своём отце: «Мне трудно описать вам, как он любил богослужение, каким он был любвеобильным. Мне никогда не достичь его меры. Но то, в чём он превосходил всех, было его личное молитвенное правило: он всю ночь клал поклоны и молился, каким бы уставшим ни был после трудов, продолжавшихся целый день. Умирая, он сказал нам: «У меня нет денег, которые я мог бы вам оставить, но есть три тысячи правил, которые я исполнил сверх положенного, и если кто-то из моих послушников не будет успевать совершить своё правило, пусть берёт из моего излишка». Мы жили в трудное и полное опасностей время, и для того, чтобы прокормиться, нам нужно было трудиться и днём и ночью. Для живущих на Святой Горе монахов-чужестранцев есть только одно утешение: лопата, мотыга и какое-нибудь рукоделие».

Он показал нам свою каливу святого Георгия,

и мы пошли по тропинке к духовнику скита — отцу Дионисию. Солнце начало заходить, и тень от старой полуразрушенной башни накрыла весь скит. Эта высокая постройка говорила о его древности²⁶⁹. И действительно, это место было весьма подходящим для гнёзд божественных орлов — пустынников. Как в старину охотники говорили: «Это место богато зайцем», — так и любители уединённой жизни знали толк в выборе места, подходящего для заселения монахами.

Спустя какое-то время мы добрались до места, наводившего на мысль о том, что здесь живёт Адам, который ухаживает за ним и бережёт его²⁷⁰. Там не было ни одного запущенного дерева: ветви у всех были подрезаны и очищены от диких вьющихся растений. Было видно, что живущие здесь двое старичков любят своё место: несмотря на то что этот райский сад был расположен на склоне горы и в нем не было и пяди ровной земли, он был образцово ухожен. Меня пугала дикость окружающей природы, но радостная тишина сада,

²⁶⁹ Сторожевые башни в монастырях Афона строили несколько веков назад, когда существовала реальная угроза нападения с моря пиратов: венецианцев, генуэзцев или турок.

²⁷⁰ Ср. Быт. 2:15.

созданного человеческим трудолюбием, глубоко тронула моё сердце. Я спросил у оливкового дерева:

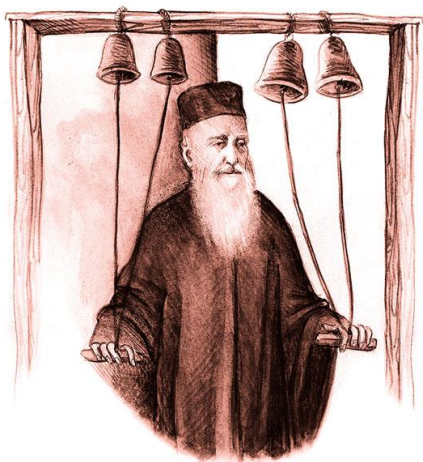
— Госпожа моя, сколько лет ты уже стоишь на этом склоне? Нет ли у тебя каких-нибудь жалоб на отца Дионисия?

Оно с любовью мне ответило:

— Я дочь отца Дионисия, и боюсь суда Божия, если стану на него жаловаться.

Между тем холодный северный ветер донёс до моих ушей звон сладкозвучных колоколов каливы. Будто играя на прекрасном музыкальном инструменте, звонил в них старец, чтобы достойно встретить игумена. У входа в келью показался отец Дионисий, одетый в рясу и кукуль²⁷¹. У этого румынского монаха было подлинное благородство, научившее его воздавать гостям должную честь.

²⁷¹ Так на Афоне монахи одеваются лишь идя в церковь или встречая епископа или игумена.

Как-то потом я посетил его летом. Была страшная жара, мы пришли к вечерне. Маленькая церковка скита казалась раскалённой печью. Старец, к тому времени уже ослепший, стоял со снятым кукулем и слегка закатав рукава своего дырявого подрясника. Как только послушник сказал ему: «К нам пришёл игумен», — он тут же откатил рукава, хотя они были почти не закатаны, и надел кукуль, чтобы предстать перед игуменом в подобающем виде. Благородству нельзя научить, его не опишешь, его можно только являть собственным примером. Ему и в голову не пришло бы оправдывать себя неподготовленностью, он не сказал бы: «Ничего, ведь он пришёл без предупреждения, как мы могли его ожидать?»»

В этот раз он отслужил благодарственный молебен в храме святого Георгия и в маленькой скитской трапезе предложил нам обычное монашеское угощение: ракию, лукум и кофе. Сам он взял себе стакан воды, зажав его, по своему обычаю, в ладонях, чтобы за столом составить нам компанию. Мы спросили у него о том, что подвигло его к монашеству, о том, что привело его в келью святого Георгия. Он с детской простотой начал рассказывать нам свою историю, постоянно извиняясь за свой плохой греческий, которым он владел лучше нас. Я сказал своим монахам: «Вот увидите, этот скромный источник даст нам воду чище, чем в горных родниках. Послушаем его внимательно».

Отец Дионисий с большой радостью рассказал нам о своей жизни, особенно о первых годах своего монашества. По его радостному лицу было видно, что он с большим удовольствием вспоминал о прошлом, о своём старце и родном брате Гимнасии, которому был обязан всем. Непохоже, что между братьями, как это бывает во многих подобных случаях, бывали какие-то размолвки.

Он родился в Молдавии в одной благословенной семье, состоявшей из восьми человек. Старший и младший из сыновей стали монахами в Магурском ските. Младший, Димитрий, когда ему было всего четырнадцать лет, ушёл к

своему брату Георгию. На обоих братьях почивала особенная благодать Божия. Георгия довольно скоро постригли, дав ему имя Гимнасий, а позднее рукоположили в диакона, а Димитрий, из-за своей молодости, был зачислен в братство лишь после того, как два года проучился в школе.

1923-й год оказался для православия зловещим: переход на новый стиль вызвал в Церкви раскол, и её члены разделились на враждующие партии. В Румынии наступили тяжёлые времена для христиан, особенно для монахов. Отцу Гимнасию совсем не нравилось то, как идут церковные дела. Он от кого-то услышал, что Святая Гора, о которой в тех местах тогда мало кто знал, осталась на старом стиле и что монахи там испытывают нужду даже в насущном хлебе, в то время как Румыния жила в достатке. Его подвижнический дух направил его стопы на Афон — место монашеских преданий и трудной жизни. Впоследствии оказалось, что слухи о нужде афонских монахов были преувеличены: хлеб и вправду был дорог, но он был.

На Святую Гору они прибыли в 1929 году накануне Рождества Богородицы. Всенощное бдение в келье святого Георгия в скиту Капсалы, на которое попал отец Дионисий, стало для него опытом приобщения к Небу, и воспоминание о нём, несмотря на прошедшие годы, радовало его сердце. Этот опыт очень скоро заставил его забыть о

полном трудностей плавании из Пирея на Афон на старой гнилой посудине. Всё это время для отца Дионисия его брат Гимнасий был «древом благосеннолиственным»²⁷², под тенью которого он всегда обретал покой и уверенность. Эти двое братьев были прекрасной иллюстрацией к стиху из книги Притчей: «Брат, которому помогает брат, подобен укрепленному городу»²⁷³. Вместе с ними из Румынии на Афон приехали и другие монахи, предводителем которых был Гимнасий.

Из рассказов отца Дионисия следует, что накануне каждого большого праздника совершалось всенощное бдение, которому предшествовал пост, чтобы братия могла причаститься. Сегодня в афонских монастырях по праздникам всё по-другому: накануне праздника предлагается роскошная трапеза, как и в сам день праздника, из-за чего почти никто из братии в праздник не причащается. Как таким образом можно почтить память того или иного святого, я до сих пор понять не могу.

Отец Гимнасий, желая, чтобы его брат не был

²⁷² Выражение из Акафиста Богородице, означающее дерево с роскошной кроной, дающей хорошую тень.

²⁷³ Прит. 18:19 (по переводу LXX).

лишён странничества, этой одной из основных монашеских добродетелей, послал его жить к одному старцу-чужестранцу, с которым он должен был провести время своего испытания. Действительно, как бы он упражнялся в странничестве, живя вместе со старшим братом, с которым всегда мог бы свободно говорить?

Оба брата всегда стремились к строгой монашеской жизни. Об этой строгости отец Дионисий говорил до последних дней своей жизни. Он рассказывал нам, как один брат, у которого было послушание стучать в било перед богослужением, не брал на это благословения у своего старца и даже стучась в дверь его кельи, не говорил обычной молитвы: «Молитвами святых отец наших...». Так вот, один раз искунитель, приняв образ этого монаха, пришёл к его слепому старцу, чтобы причинить ему зло. Старец говорит ему:

— Почему ты перед тем, как войти, не произносишь молитвы?

— А зачем вам, монахам, её говорить?

Догадавшись, кто перед ним, старец воскликнул:

— Иди вон, сатана!

И лукавый тут же исчез.

Старцы предвидели, что Святая Гора, особенно в окрестностях Кареи, утратит своё безмолвие, которое является великим даром

Богородицы этому месту, и что в этом будут виноваты сами монахи. По этой причине они в 1937 году ушли из Кареи, этого центра Афона, в далёкий скит Колицы. При этом они совсем не думали об ожидающих их трудах, лишениях, унижениях, презрении, о том, что им придётся наниматься на подённую работу за два килограмма хлеба в день, и всё из-за того, что они ушли из келий Капсалы в свою любимую пустыню, которую обещала им суровая и уединённая Колица. Не с чем сравнить труды по восстановлению почти полностью разрушенной кельи святого Георгия этих трёх монахов — Гедсона, Гимнасия и Дионисия. Отец Гедсон изготовил специальные кожаные рюкзаки, в которых они на своих плечах переносили камни с протекающего внизу ручья. Когда наступили годы Второй мировой войны, их дела пошли ещё хуже. Отец Гедсон поехал в Румынию для сбора пожертвований (в то время это было обычным делом), чтобы добыть денег для окончания восстановления кельи. Это задержало его там до начала 60-х годов.

В течение следующих двадцати лет умерли старшие из братии, и начальство над кельей перешло к отцу Дионисию. Он никогда не называл её просто кельей, но всегда «священной кельей», а старца кельи он называл игуменом. Всякое место, где совершалась молитва и служилась Литургия, он

считал святым и достойным уважения. От этого учителя никогда нельзя было услышать напыщенных фраз, например: «Кавсокаливы — алтарь Святой Горы». (А для других такой алтарь — скит святой Анны, как будто другие места на Афоне не идут с ними ни в какое сравнение!) Отец Дионисий больше всего любил три вещи: совершать богослужение; работать в келье святого Георгия — его святой обители, для которой он трудился, не жалея сил; и помогать кающемуся человеку. Он часто говорил: «Братья, у нас ничего нет, кроме Бога, Богородицы и монастыря. Монастырь для нас — второе прибежище после Бога».

Его учение было евангельским, святоотеческим, церковным. Из моих знакомых отцов он был единственным, кто говорил: «Следуйте советам Православной Церкви. Единственный истинный путь спасения — в Православной Церкви. Она учит нас, в чём воля Божия, и тому, как нам в этой ложной жизни приготовить себя к жизни вечной и истинной».

Свои слова он соразмерял с немощью слушателей. Он не употреблял преувеличений («Мы с Христом заключаем друг друга в объятия» или «Здесь мы беседуем с Богом»), чтобы показать перед несчастным мирянином свою высоту и его низость.

— Как Вы себя чувствуете, отец Дионисий?

— Я чувствую себя большим грешником, но при этом не теряю надежды на спасение. Все свои немощи я предаю великой милости Божией.

Он не говорил о большой разнице между монахами и мирянами, чтобы последних не смешивать с грязью. Он находил слово утешения и для стоящего, и для падшего.

«Разница между людьми, — говорил он, — станет очевидной только во время второго пришествия Господня. А в этой жизни далеко не всегда ясно, кто свят, а кто грешен».

Его слово было понятно каждому. Во время своих бесед он лишь два или три раза упоминал о неожиданных Божиих посещениях или явлениях бесов. Первые несколько лет он отказывался кого-либо учить и очень стеснялся, когда ему приходилось отвечать на вопросы. Когда он видел бессмысленность какого-то вопроса, то говорил, что плохо понимает по-гречески. О плотских страстях он не говорил вовсе, полагая, что в этом он не разбирается, как не разбирался он, например, в современном кинематографе (в этом он был полной противоположностью современным старцам, мнящим себя большими специалистами в этой области). Позднее, возможно, побуждаемый теми, кто относился к нему с уважением, он стал учить несколько больше. О всех спорных предметах у него были твёрдые суждения, поэтому, сколько бы

раз он о них ни говорил, в его словах не было противоречий. Ещё раз скажу, что речь его была не газетной, а евангельской, святоотеческой, церковной. Этот старец умел прекрасно говорить о нашей матери — Церкви: «Церковь, эта великая святая, даёт нам советы только о том, что касается спасения мира, и ни о чём другом. Её слова не призваны удовлетворять наше праздное любопытство, они — только о спасении. Она не энциклопедия, она — всегда раскрытая книга жизни, которую может читать только тот, кто ищет своего спасения».

Старец был источником, на котором не было крана: достаточно было одного прикосновения, чтобы из него полилась чистая и свежая горная вода.

Слово его было тёплым, как парное молоко, которое мы пили в раннем детстве: «У нас есть только одна дверь, через которую входит милость Божия, все остальные — даже не щель в стене. И открывают эту дверь лишь молитва и смирение».

О молитве Иисусовой он говорил, что она самая короткая, но и самая великая; самая лёгкая, но и самая трудная из молитв. «Когда ты говоришь её постоянно, то она становится такой же лёгкой, как твоё дыхание. А если в её конце добавить «помилуй мя, грешнаго», то она становится ещё более сильным оружием против сатаны. У дьявола

самое мощное оружие — эгоизм, а у христианина — «Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Большую пользу душе доставляет также славословие Бога, поэтому помимо молитвы Иисусовой говори также: «Слава Тебе, Боже!» В прежнее время из уст монахов можно было постоянно слышать: «...помилуй мя... слава Тебе, Боже». Братья мои, давайте просить у Бога одного лишь спасения, а всё другое Он Сам нам даст, как говорится в святом Евангелии²⁷⁴».

Ещё этот преподобный муж считал очень важными богослужения суточного круга. Один авва говорил: «Монах, который не молится на службах суточного круга, должен быть изгнан со Святой Горы».

Устав жизни в его келье был таким же, как в древних киновиях: службы суточного круга совершались каждая в своё время, монахи в кельях исполняли своё правило, трапеза и послушания были общими.

В конце жизни его постигли два испытания. Первым была полная слепота. Он печалился из-за

²⁷⁴ «Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или: что пить? или: во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6:31–32).

этого только потому, что она мешала ему помогать братии на послушаниях. А вторым и самым печальным испытанием для старца было то, что в свои последние дни он уже не мог ходить в храм на службы и литургию. Он говорил: «Перед Божественной литургией я всегда созерцаю величие любви и милосердия Божия, и от этого ум мой приходит в восхищение».

Но то, в чём старец сиял подобно солнцу, было его учение о смирении. О чём бы он ни говорил, его святые уста всегда говорили о смирении и о мерзкой гордости. Из Священного Писания он узнал, что Бог от человека не требует ничего, кроме смирения. Он на разные лады хвалил эту божественную добродетель: «В объятиях смиренномудрия ты найдёшь Христа, а в объятиях эгоизма — дьявола. Эгоист постоянно сбивается с пути. Какое бы положение в обществе он ни занимал, низкое ли, высокое ли, у него получается делать одно лишь зло, от него исходит смерть. Смиренномудрие связывает между собой все добродетели, а эгоизм их разрушает и убивает. Эгоизм необычайно способствует исчезновению и потере всех святых добродетелей».

К этому отец Дионисий добавлял: «Со смиренномудрием мы становимся неуязвимыми для сатаны, а для Бога — любимыми детьми, которых Он хранит Своей благодатью. Смирение сохраняет

прочие добродетели, оно — необходимое основание для восхождения человека на небеса, самое надёжное подъёмное устройство для души, конечно, при условии, что человек заботится о преуспейнии и в других добродетелях. Эта великая добродетель приобретается тогда, когда человек все свои успехи приписывает просвещению от Бога, а не собственным стараниям. В противном случае он начинает казаться себе всесильным сверхчеловеком и доходит до отречения от Бога. Пример тому — то, как с развитием техники в мире распространилось безбожие, которое вскоре стало воинствующим. Эгоист постоянно находится вдали от Бога, а в конце своего пути он становится подобным сатане. Когда он открывает свои уста, то ими говорит уже не он, а живущий в нём сатана».

Поэтому старец хотел, чтобы и в браке, и в монашестве были послушание, отсечение своей воли и смиренномудрие. Он часто советовал: «Если мы не доверимся смирению, то не получим милости от Бога. Нужно всегда верить в величие милости Божией, но проси о ней, сознавая свою греховность и недостойность, и тогда Благой Бог дарует тебе всё. Смирение помогает нам считать других святыми и никого не осуждать. Оно привлекает к нашей душе Божественную благодать, с которой мы можем исполнять и другие святые добродетели. Духовная жизнь начинается со смирения и

отсечения страстей (так считал и святитель Григорий Палама). Сознание своего несовершенства удерживает нас возле Бога, вселяет Господа в наши сердца и делает нас Его постоянным жилищем».

Для монахов он также находил прекрасные и назидательные слова и говорил с ними как любящий отец с любимыми детьми: «Детки, есть два пути, установленных Богом и нашей Святой Церковью: монашество и брак. Каким бы из этих путей ни шёл человек, он должен всегда стремиться к миру. Оба пути требуют самопожертвования, любви и большого терпения. Вступление в монашество — таинство, и доброе намерение приходящего к нему видно из того, что после пострига он сразу спрашивает у своего старца: «Что я должен делать, чтобы стать хорошим монахом?» Обязанности монаха и его делание установлены не людьми, но Самим Богом, как говорят нам святые отцы. Ты, брат мой, стал монахом в Уделе Богородицы? Не ищи ни богатства, ни славы, ни чести, чтобы тебе не погибнуть и чтобы Богородица не перестала помогать тебе спасаться. Брат мой, как бы тебе ни было тяжело на Святой Горе, не жалея о том, что оставил свое прекрасное отечество и родственников. Не жалея об этом, ибо это ропот против Бога, призвавшего тебя к монашеству. Кто бы ни делал наставления монаху, тот должен

относиться к говорящему как к устам Божиим, особенно к своему старцу. Слова «буди благословенно»²⁷⁵, произносимые со смирением, приносят нашей душе нетленные плоды, о которых говорится в Евангелии²⁷⁶. Но если мы их произносим через силу и с эгоизмом, то привлекаем на себя проклятие, роковое для нашей вечной жизни».

Старец-пустынник давал ещё такие советы: «Для монашеской жизни есть только один путь, заключающийся в участии в богослужении, исполнении келейного правила и работе на послушаниях. Другого пути нет. Тебе не нужно искать перекрёстков, чтобы достичь своей цели другим путём. Выберите себе и держитесь одного хорошего духовного отца и открывайте ему все ваши помыслы. Так вы будете легко и правильно идти путём Господним. Основанием для жизни монаха должны быть послушание, отсечение своей воли и смиренномудрие. Только с их помощью можно вести успешную войну против нечистых

²⁷⁵ Такими словами на Афоне принято выражать свою готовность исполнить повеление старца.

²⁷⁶ «Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную» (Ин. 4:36).

духов».

Старец, имея большой опыт, брал эти три добродетели и разделял их, хотя, по сути, все они означают одно и то же. Как учитель, который учит детей читать по слогам, он подробно разбирал их, чтобы мы, неграмотные, научились чтению и письму духовной жизни. «Отсечение своей воли производит в нас смирение, а смирение — молитву и богословие. Знай, брат, что святое послушание делает и самые тяжёлые работы лёгкими и необременительными. Конечно, послушание для человека всегда сопряжено с самоотвержением и поэтому оно очень трудно (один современный монах пел «буди благословенно» на первый глас, если послушание было лёгким, и на седьмой глас, если оно было тяжёлым ²⁷⁷). Чтобы быть святогорским монахом, тебе нужно с благоговением следовать афонским преданиям, определениям и изречениям старцев».

Подвизающегося монаха он называл воином, как называли его и в монастыре Лонговарда.

Мирян он принимал с большой любовью и относился к их немощам с безграничным

²⁷⁷ В византийской музыке первый глас один из самых простых, а седьмой, который называется словом («тяжёлый, низкий»), — самый трудный для исполнения.

снисхождением. Он всегда спрашивал у них об имени, происхождении, работе и семье. После этого он, согласно древнему аскетическому преданию, спрашивал: «Что привело тебя к нам, грешным?»

Когда он слышал слова: «Мы греки», — то радовался больше, чем когда слышал: «Мы румыны». Он утверждал с особой силой: «Греки удивительный народ. Они дали миру свет. Но сегодня, из-за уступок современной культуре, от них распространяется тьма».

После этого старец вспоминал великого индийского писателя Рабиндраната Тагора, который после посещения Европы и Греции сказал следующее: «Европа лишилась своей души. Если её потеряет и Греция, то у мира не будет больше смысла жить».

Ещё он говорил: «Мы, христиане, — свет мира²⁷⁸. То, что мы теперь перестали быть светом, а стали густой, осязаемой тьмой²⁷⁹, — знамение последних времён. Братья, Господь от нас требует лёгкого, а лукавый, который получает власть над нашей душой благодаря нашему служению страстям, представляет нам это трудным и

²⁷⁸ Мф. 5:14.

²⁷⁹ Ср. описание одной из казней египетских в Исх. 10:21.

неисполнимым. Наш Создатель дал нам свободу самим избирать свой путь. При этом Он, по Своей всегдашней любви к нам, путь нашего спасения осветил Евангелием. Наша надежда на спасение в соблюдении того, что велит нам Церковь и святые отцы. Пути к спасению для нас открыты, если мы поступаем по заповедям Церкви».

Для старца слова «Господь» и «Православная Церковь» были равнозначными.

«Препятствиями для нашего спасения являются наши немощи и искушитель. Поэтому нам необходимо постоянное усердие. Постоянное усердие станет для нас лестницей, ведущей на небо», — учил отец Дионисий.

Старец, как и всякий другой подвижник, очень любил слово «усердие» и произносил его, выделяя. Также, когда он говорил «святые отцы», «Православная Церковь», казалось, что из его уст текут молоко и мёд. Он был уверен и громко говорил о том, что мы — любимые дети святых отцов, и хотел, чтобы мы были живыми, верными членами Святой Церкви.

Он был человеком, живущим церковными Таинствами. Он часто повторял: «Страсти искореняются благодаря постоянной исповеди. Сколько раз ты упадёшь, столько раз иди к духовнику».

Он хотел, чтобы наш духовник жил от нас

поблизости: так у нас не будет оправдания в дальности пути. Авва Колицы повторял учение аввы Пимена Великого: «Ты пал, чадо моё? Встань».

И он считал, что «главное дело Церкви — не социальное служение, а прощение грехов».

Он был твёрдо уверен: «Мы будем наказаны не за то, что грешили, а за то, что не каялись. Бог дал нам исповедь, зная о нашей слабости. Без исповеди никто не спасается».

Ещё старец говорил: «Христианин тот, кто живёт Таинствами Церкви: исповедуется, часто причащается, участвует в церковной молитве. Если этого нет, то он не может называть себя христианином. Без исповеди нет спасения. Пусть не обманывает тебя ложный помысел: «Я рассказал об этом перед иконой Христа, рассказал Богородице, рассказал моему другу. Бог простил меня». Для исповеди нужен священник и епитрахиль, так нам завещала Церковь. Следование наставлениям Церкви даёт нам великую надежду. Никогда не будем забывать, что святые Таинства — маяки Православия. Будьте внимательны. Брак разрушается из-за подозрений, эгоизма и дурных мыслей. Духовник даёт супругам советы как третье лицо, у которого нет предпочтений и лицепрятия. Любовь между людьми — самое прекрасное, что есть на земле, именно она хранит семью. Любовь

приобретается благодаря соблюдению заповедей, изложенных в Священном Писании и церковных постановлениях. А осуждение потрясает основы семьи и всего общества, и поэтому ни Бог, ни Церковь не дают нам права осуждать, так как, с одной стороны, это удаляет нас от благодати Божией, а с другой, мы берём на себя грехи других, в то время как сами не можем понести собственных».

Говоря о добродетелях, он подчёркивал, насколько важно прививать их в детстве: «Детские годы имеют значение для всей последующей жизни. Сатана начинает искушать человека уже с первых лет его жизни, и если тот оскверняется, глядя на нечистые картины в телевизоре, то впоследствии брань со страстями будет у него намного сильнее».

Тема телевизора жгла сердце старца, как огонь. Он говорил: «Употребление этого аппарата требует большой мудрости. Если он показывает что-то хорошее, то это помогает людям. Но обычно он показывает плохое, и от этого у них возникают плохие помыслы (а ведь известно, что грех совершается сначала в помысле, а потом уже на деле). Лучше, чтобы в домах у христиан его вовсе не было. Телевидение и нечистые духи стали союзниками в войне против человека, поэтому между собой они находятся в мире. По этой

причине стоящие у власти несут чудовищную ответственность, какой бы страной они ни управляли, особенно же ответственны православные правители. Сегодня три вещи делают трудным воспитание детей: удаление народа от Православия, дурные компании и телевидение. Всё это всевает волчцы и тернии в детское образование, и чем дальше, тем хуже обстоят дела. Скоро в Церкви некого будет рукополагать в священники из-за того, что не будет больше девственников, и некого будет венчать, так как не останется молодых людей, сохранивших девственность до брака. Поэтому святые отцы советовали девушкам выходить замуж в шестнадцать лет, а юношам жениться в восемнадцать, пока они не успели осквернить себя плотскими грехами. У тех родителей, которые вступили в брак девственниками, дети, по общему мнению, бывают красивыми, здоровыми, умными, послушными, и их легко воспитывать. Конечно, всё это бывает тогда, когда супруги живут церковной жизнью».

Ему было жалко родителей, которые сегодня занимаются воспитанием детей. Он считал, что святые иконы имеют огромное влияние на формирование детской психики.

«Очень правильно делают те, кто распространяет Священное Писание с картинками для детей, но это одно что может сделать против

бесчисленных бесстыдных изображений, распространяемых безбожниками и врагами Христа? Впрочем, нам не стоит отчаиваться и этим доставлять радость бесам. Не будем оставлять своих усилий, но будем стараться вкладывать в сердца детей учение Евангелия».

О последних временах он говорил кратко, не назначая сроков конца мира, потому что в Церкви об этих временах и сроках судят иначе: «Единственное, что мы можем сделать касательно этого, руководствуясь святым Евангелием, — приготовиться. Судя по тем признакам, что сейчас видны, не возникает никакого сомнения, что мы быстрым шагом приближаемся к кончине мира».

Среди других признаков последних времён он указывал на бесстыдство людей: «Одним из косвенных признаков того, что мы вошли в восьмой век, является то, что зло распространилось по всей земле, добродетель оскудела, а её делатели, как и все прочие, ожидают наступления царства антихриста. Но пока Православие сохраняет истинное учение, то ни царство антихриста не наступит, ни он сам не сможет поставить нас на колени. То, что сейчас последние времена, видно и по той войне, которая ведётся с Православием. Первой открытой и незаживающей раной, которая была ему нанесена, был переход на новый стиль, а второй — упразднение в паспортах графы

«вероисповедание»²⁸⁰. Ещё одним признаком последних времён будет то, что монахи станут, как миряне, а миряне — как бесы. Начнётся страшная мировая война, и лишь один Господь знает, кто в ней выживет. Антихрист ещё не пришёл, но в мире уже есть много антихристов. Они его предтечи, готовящие его приход. Их тактика не такая, какая была у язычников, когда-то гнавших христиан: теперь они воюют с нами дипломатическими способами. Нам, христианам, нужно иметь внимание, молитву и терпение мучеников. Православная Церковь есть Церковь мучеников, и такой она должна оставаться до второго пришествия нашего Господа. Те, кто управляет Церковью, должны быть очень внимательными. Если они вычеркнут из писаний святых отцов даже самое малое, то это причинит вред христианам и соблазнит немощных в вере. Вопрос календаря — не вопрос веры, как утверждают старостильники. Но переход на новый стиль разделил Церковь на части, вызвал раскол, и она перестала быть целой.

²⁸⁰ Эта графа в греческих паспортах была упразднена в 2000 г. под давлением Евросоюза. Греческое правительство пошло на это, несмотря на протесты населения и на то, что в истории современной Греции были даже мученики, пострадавшие за возможность исповедовать себя православными посредством подобных документов.

Любовь покинула православных, а вместо нее у них появились противостояния и споры. У старого стиля могут быть недостатки: неточность, потеря нескольких секунд в год, но по нему жили святые отцы. Я когда-то спросил у своего старца: «Отче, твоя книга Нового Завета стала совсем ветхой. Тебе принести новую?» — «Не надо, сынок, ведь она принадлежала моему отцу». Церковь не занимается исчислением времён и сроков. Она живёт по собственному времени. Моей душе очень больно из-за этого разделения в Церкви. Утрачено единство, о котором так много молился Христос ²⁸¹. Я боюсь, как бы какое-нибудь очередное нововведение не сделало в Восточной Церкви ещё одного раскола».

У отца Дионисия были слова и фразы, которые он особенно любил, а также те, что были ему отвратительны. Выражение «не обращай внимания» он считал разрушительным и для этой жизни, и для вечной, и всегда высказывал своё отвращение к нему. Также частое у мирских людей выражение «здесь и рай, здесь и ад» он считал отрицанием православного учения (согласно которому «здесь мы готовимся к вечной жизни»), девизом безбожия и неверия у современного

²⁸¹ См. Ин. 17:20–23.

человека.

Были и любимые слова у этого святого пустынноика. Одно из них — «душенька». Святой Андрей Критский обращается к своей душе: «Душе моя, душе моя»²⁸², — чтобы её разбудить, а старец говорил человеку «душенька моя», чтобы его успокоить, чтобы он стал бодрым и никогда не уступал в духовной войне. Другое любимое выражение старца — «вечная жизнь», которую он отличал от жизни ложной. Эти слова он произносил с особым ударением. Они разрушали стену, отделяющую эту жизнь от той, и первая замечательным образом переходила во вторую.

Из того, чему учил этот подвижник, было видно, что он прекрасно знал Священное Писание. Должно быть, он изучал его с большим вниманием. Говоря об испытаниях, постигших праведного Иова, он очень верно разъяснял, что Бог после искушения ему удвоил всё, кроме детей. На самом деле он и их дал ему вдвойне, так как первые десять к тому времени были у Него на небе. Иов их не потерял, они были у Бога. «Здесь, детки, — говорил он, — начинает светиться тайна воскресения, поэтому этот отрывок и читается в Великую

²⁸² Начало кондака Великого покаянного канона: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши?...»

Пятницу».

Постоянное изучение Писания и творений святых отцов, а также святая подвижническая жизнь придали его учению много замечательного. Он говорил: «Чем человек грешнее, тем лучшим он кажется самому себе. И наоборот, чем больше он познаёт Бога, тем худшим видит самого себя».

Он учил и многому другому, о чём молодые, наверное, помнят лучше.

Колицкий старец на всё смотрел с точки зрения вечности: «Бог ввёл меня в эту жизнь, чтобы я здесь приготовился к жизни вечной. Моё монашество также вызвано стремлением к вечности».

Когда он учил других, то делал это, чтобы помочь им достичь вечной жизни. Он ежедневно служил литургию, чтобы открыть им путь к вечности.

«Мы совершаем подвиги и днём и ночью, чтобы они стали нашим хорошим багажом при переходе в вечность. Всё существует для славы Божией: и видимый мир, и невидимый, и жизнь, и смерть. Святое подвижничество ведёт нас к вечной жизни. Оно очень много значит и для этой жизни, придавая ей смысл и наполняя содержанием. К вечной жизни должны вести и брак, и воспитание детей».

У него была одна мечта — стать гражданином

небес и членом Церкви первородных, имена которых записаны в книге жизни. Прожив на Святой Горе семьдесят один год, достигнув глубокой старости, в дни, когда Церковь поёт «Христос воскресе», это высокое дерево Колицы не упало, не наклонилось, но спокойно легло на свою постель, чтобы немного отдохнуть перед великим путешествием в вечность. Бог исполнил то, чего он желал всю свою жизнь: умереть на Афоне и быть погребённым вместе со своими отцами.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytskyy
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедійное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедійным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете ознакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедійное издательство Стрельбицкого»**